

**Англо-бурская война
1899–1902 годов
глазами российских подданных**

Том 8

Англо-бурская война

1899–1902 годов

глазами российских подданных

том 8

Memories

Москва

Издатель И. Б. Белый

2012

ББК 63.3 (6)
A64

Авторы-составители:

К.и.н. Шубин Геннадий Владимирович
(Dr Gennady Shubin)

(вступление, заключение, комментарии, сноски, подбор фотографий и рисунков, составление).

К.и.н. Воропаева Нина Георгиевна
(Dr Nina Voropaeva)

(вступление, заключение, составление).

К.и.н. Вяткина Руфина Рудольфовна
(Dr Rufina Vyatkina)

(вступление, заключение, составление).

Хритинин Владимир Юльевич
(Vladimir Khritim) (составление).

Д-р Ян Либенберг
(Dr Ian Liebenberg) (составление).

Ответственный редактор
к.т.н. полковник Панкратов Владимир Николаевич

Редактор
Субботина Елена Васильевна

Компьютерная вёрстка и обложка
Рудакова Елена Евгеньевна

A64   **Англо-бурнская война 1899–1902 годов глазами российских подданных.** В 13 томах. Т. 8. — Москва: Издатель И. Б. Белый, 2012. — 478 с. с илл.

ISBN 978-5-904935-26-9 (T.8)

ББК 63.3 (6)

© Институт Африки РАН, 2012

© Шубин Г. В., составление и др., 2012

© Воропаева Н. Г., составление и др., 2012

© Вяткина Р. Р., составление и др., 2012

© Хритинин В. Ю., составление, 2012

© Liebenberg I., составление, 2012

© «Memories», оформление, 2012

ISBN 978-5-904935-18-4

ISBN 978-5-904935-26-9 (T.8)

© Издатель И. Б. Белый, 2012

Русский отряд Ганецкого

О действиях Русского отряда, остались и краткие свидетельства **Владимира Рубанова**, говорившего в своих воспоминаниях и об ошибках африканеров по отношению к иностранным волонтёрам. Так Трансваальцы и жители Оранжевого Свободного Государства с самого начала сделали крупную ошибку, не рассредоточив иностранцев по бурским отрядам, о чём совершенно справедливо сетовал он:

Каждый иностранец, кто бы он ни был, должен был вооружиться и отправится в лагерь в качестве простого солдата. Бурские генералы, впрочем, выслушивали кое-какие советы иностранцев, но никогда им не следовали. Для того, чтобы волонтёры приносили пользу, нужно было разместить их по два, по три в отряды буров и заставить делать то, что делают последние, между тем из них организовали особые отряды – пользы из этого никакой не вышло.

Правительство хотело соединить всех волонтёров под командой **Вильбоа (де Марейля)**, но самолюбивые начальники отрядов не желали стать под одно командование – каждый хотел быть независимым. В нашем отряде за всё время перебывало 25 человек¹, причём большинство наших волонтёров принадлежало офицерскому сословию. Кроме того, в отряде были ещё русские крестьяне, которые задолго до войны поселились в Южной Африке и служили на золотых приисках в роли смотрителей или занимались каким-нибудь ремеслом, дающим здесь

очень хороший заработка. Я очень удивился увидев в Трансваале русских мужиков, и моё удивление ещё возросло, когда я узнал причину их появления в этой далёкой стране. Дело в том, что по западной России постоянно разъезжает множество агентов, которые занимаются вербовкой пассажиров для больших океанских пароходов. Русские мужички, литовцы, легко поддаются на удачу ловких агентов, которые сулят им за морем золотые горы. Наши крестьяне объясняются в Трансваале на английском и на голландском языках и зарабатывают не меньше 16–18 фунтов в месяц².

О местных нравах по отношению к чёрному населению в столице Трансваала, **Рубанов**, находившийся там приблизительно в одно время с формированием Русского отряда оставил следующие строчки:

Говоря об отношениях разных групп населения, кстати упомянуть и об отношениях буров к неграм. Захватывая в свои руки страну чёрных, буры, как я уже говорил раньше, избегали ненужных жестокостей. В настоящее время не замечается открытой враждебности или презрительного отношения к неграм, тем не менее буры очень энергично стараются поддерживать перед ними свой престиж, – престиж белой расы. Ввиду этого, например, за одно и то же преступление негру угрожает более строгое наказание, чем другим жителям. Смертная казнь очень часто применяется к чёрным; при нас за короткое время в Претории было казнено шесть негров, причём один – за изнасилование белой женщины.

Встречаются также унизительные ограничения в правах чёрных; так, неграм запрещено ходить по тротуарам, и самые богатые чёрные, часто в роскошном костюме, ходят по середине улицы. Всё это не мешает бурам пользоваться услугами этой низшей братии и оказывать ей доверие. Негры считаются образцовой прислугой; мужчины-негры зачастую исполняют обязанности няньек. В этой роли негр получает право ходить и по тротуару рядом с белыми. Матери не могут нахвалиться

этими няньками. Непривычно видеть хорошенъского беленького ребенка прильнувшего к чёрной груди африканца³.

Любопытно, что оставивший после себя небезынтересные записки этот русский доброволец немало времени потратил на изучение достопримечательностей и повседневной жизни столицы Южно-Африканской Республики, вместо того, чтобы сразу после приезда туда поспешить на фронт, чтобы воевать за правое (по его мнению) дело буров:

Пробыв в Претории около месяца, я отправился в образовавшийся тогда русский отряд капитана (подпоручика гвардии) (ротмистра (капитана) запаса) **Ганецкого**, который стоял под Блумфонтейном. Пришлось сделать 90 вёрст верхом, что для меня было не совсем легко. Но третий день вечером мы прибыли в лагерь. Ещё издали мы услышали монотонное пение, которое, по мере нашего приближения, становилось явственнее, – это буры молились Богу.

На другой день для нас началась обычная лагерная жизнь⁴.

Лишь на передовой люди узнают – какова на самом деле военная служба в боевых условиях, о чём откровенно говорил **Владимир Рубанов**:

Лагерная жизнь оказалась не особенно приятной. Только побывав на военном поле, начинаешь понимать всю тяжесть этой обстановки. Тысячи людей, оторванных от своих семейств и обычного труда, проводят целые месяца без дела и коротают время в забавах, еде и сне⁵.

Российский доброволец писал и о других своеобразных особенностях тамошнего театра военных действий:

Впрочем была и работа, для непривычных довольно тяжёлая, – приходилось всё делать собственноручно; носить дрова, воду, варить пищу, ходить за лошадью и прочее (за буров это делали чёрные – *Прим. авт.-сост.*) Кроме того, страшно изнуряет убийственный климат; днём нестерпимая жара, а ночью температура падает до нуля, и приходится, не раздеваясь, кутаться в три одеяла, чтобы согреться и заснуть. Тут блестяще выказалась замечательная выносливость русского человека; тогда как иностранцы сильно заболевали – между русскими за всё время не было ни одного больного и, к счастью, за всё время пребывания русских волонтёров в Трансваале (многие были довольно долго) был только один убитый⁶. Остальные благополучно возвратились на родину⁷.

В боевом лагере было тоскливо и о развлечениях, времяпрепровождении и некоторых занятиях в лагере буров отряда **Ганецкого**, служивший у него российский волонтёр заметил следующее:

Единственным нашим развлечением в лагере было пение; у нас составился недурной хор с довольно большим репертуаром. Буры, по вечерам, после молитвы, толпами приходили к нашим палаткам слушать непонятные им песни. Вообще во время нашего пребывания в лагере, буры относились к нам с большим уважением⁸. Иногда они приносили огромную воловью кожу и на ней качали желающих (это качание служит выражением почтения). днём часто заходили в палатку два-три бура и задавали несколько, иногда очень наивных вопросов. Сколько у русского царя войска? Много ли земли? Почему русский царь не пришлет им на подмогу несколько десятков тысяч войска? и тому подобное. Скажу кстати, что на первом месте по скромности поведения и нравственным качествам среди волонтёров всех национальностей нужно поставить русских. Между нами не было ни одного приехавшего на театр войны с целью наживы; все приехали сюда исключительно для того, чтобы принести посильную помощь⁹.

Владимир Рубанов судя по его воспоминаниям так и не участвовал в ближнем огневом соприкосновении с неприятелем и в рукопашных схватках, а только в перестрелках с англичанами. И в этом смысле его краткие мемуары не столь интересны, как безжалостные в своей откровенности и хроникально достоверные воспоминания **Евгения Августуса**. Тем не менее живые описания рядового образованного бойца показывали военные действия так как они выглядели изнутри:

В первый же вечер нашего приезда в лагерь нам объявили, что англичане не сегодня-завтра собираются наступать. Это наступление, впрочем, продолжалось все три недели моего пребывания в лагере буров и за всё это время была лишь одна перестрелка.

Место, где мы стояли, была передовая линия буров.

Накануне генерал **Бота** получил приказание выступать на англичан, чтобы отвлечь их внимание на движение генерала **Девета**, которого они старались окружить. Утром, в 10 часов, 400 человек буров и почти весь русский отряд направились к позициям неприятеля, который стоял в 6–7 верстах от нас, за двумя довольно высокими хребтами гор. Часа через два послышались залпы, а в ответ – одиночная пальба. Залпами по команде стреляют англичане; тогда как буры действуют порознь. После 3-х часовой перестрелки все благополучно вернулись домой. Одного только бура легко ранили в ногу¹⁰.

Абсолютно все без исключения добровольцы отмечали полнейшее отсутствие порядка и подчинённости у потомков голландскоязычных поселенцев:

Нужно сознаться, что беспорядок в войсках буров поразительный; никто не знает о местопребывании того или другого отряда, и очень часто бывает, что буры стреляют по своим. То же случилось однажды и с русскими. Дело в том, что недале-

ко от нас стоял другой русский отряд полковника **Максимова** (остатки отряда **Вильбоа**). Не признав своих те начали перестрелку, с нашей стороны им ответили. Англичане, видя это и зная, что их войск в этом месте быть не может, начинают обстреливать и тех и других, точно желая разнять дерущихся. Английские пули заставили, наконец, обоих русских «полководцев» опомниться и обратить свой огонь на настоящего врага¹¹.

Подобное приводило зачастую к печальным последствиям:

Вот вам образец существующих беспорядков и их печальных последствий. Нередко бывало, что буры убивали своих, в особенности во время ночной вахты. Должен, однако, заметить, что буры, благодаря острому зрению, удивительные стрелки. Пользуясь этим, они стреляют из своих великолепных **маузеровских** винтовок на расстоянии 2 500 шагов¹².

Тем не менее подобный бардак так и остался неискореним, по крайней мере до перехода войны в партизанскую, хотя следует помнить, что радиосвязь (беспроволочный телеграф) стала применяться несколькими годами позже:

На третий день после нашего приезда предстоял переход на другую, за две вёрсты, предпринятый просто с санитарной целью. Передвижение это кончилось тем, что отряд разделился на две половины и одна половина тщетно искал другую. Наш отряд в конце концов просто заблудился и остановился ночевать у какой-то фермы. Здесь мне в первый раз пришлось испытать негостеприимное отношение буров, о котором я раньше так много слышал и читал. Не имея ничего с собой, мы поступали в дом, чтобы попросить молока и хлеба. Нам отперли; в дом вошли из нас семь человек; остальные остались ждать. За весьма приличную плату нас накормили и, ознакомившись,

кто мы, выразили неудовольствие, что какие-то русские офицеры так поздно стучатся в дом; между тем было всего 8.1/2 часов вечера.

На другой день мы отыскали, при помощи проводника, место нового лагеря и принялись за обычные занятия, не предвидя конца неприятностям лагерной жизни.

Указывая на беспорядки, господствовавшие в лагере буров, я должен заметить, что подвоз продуктов в лагерь был организован превосходно, впрочем лишь до падения Претории. Кроме всякого рода консервов, то есть сардинок, корк-бифа, свинины и прочего, каждый день привозили живого барана, муку, консервированное масло, чай, кофе, сахар, дрожжи¹³.

Рубанов отмечал недружелюбие семей бурских фермеров, отчасти объясняемое тогдашними страшными поражениями союзных войск и повседневным ужасом войны:

Когда пришлось возвращаться из лагеря, я поехал с обозом совершенно другим путём, чтобы посмотреть другие места, запасть новыми впечатлениями. По пути попадалось множество ферм; но каждая наша попытка найти в них приют встречала резкий ответ, – очевидно ужасы войны озлобили население. И действительно, следы производили крайне грустное впечатление страшного разорения, причиненного войной. Фермы, покинутые почти всеми мужчинами, стоят запущенные, полуразрушенные; голодный, брошенный скот печально бродит за изгородями; дорога усеяна отвратительными, разлагающимися трупами лошадей, которые заражают воздух.

Товарищ, приехавший раньше нас и побывавший под Коллензо, рисовал мне ещё более печальные картины, которые ему приходилось видеть на поле битвы. Ужасные, изуродованные трупы павших англичан сваливались в кучу и еле-еле прикрывались землёй, так как не хватало ни времени, ни людей, чтобы хоронить убитых как следует. Сплошь и рядом из почвы, упитанной человеческой кровью, высовывались части иска-

жённых трупов, приводя в содрогание непривычных к такому зрелищу волонтёров¹⁴.

Итак, как уже было сказано, в марте 1900 г. **Августус** и упомянутые выше **Шульженко** и **Дрейер**, вместе с **Семёновым**, **Рубановым**, **фон Бушем**, и болгарскими офицерами – **Бузуковым** и **Коларовским** служили короткое время в Русском отряде **Ганецкого** но через несколько недель разочаровались в своём разухабистом, хотя и храбром командире, и в большинстве своём покинули его и воевали снова в рядах африканеров, в частности, в отряде знаменитого партизанского командира **Терона**. В Русском отряде, насчитывавшем до шестидесяти человек сражались люди разных национальностей – немцы, греки, итальянцы, португальцы, французы, евреи, литовцы¹⁵.

Софья Изъединова в своих воспоминаниях крайне нелестно отзывалась о подпоручике **Ганецком**. Впрочем его поведение не сильно отличалось от буйств и пьянства большинства не только начальников, но и рядовых бойцов из числа иностранных добровольцев. Хотя не исключено, что она сделала это, чтобы по сравнению с ним выгодно отличался подполковник **Максимов**, которого она, вероятно излишне, превозносила:

Он (**Ганецкий**), с разрешения правительства собрал отряд человек в 30, который имел смелость назвать русским отрядом, хотя русских в него попало меньше трети (6–8) человек, и то по недоразумению и незнанию, с каким начальником они связываются, всё же остальное был невообразимый сброд, выкинутый из других команд и придававший этому отряду совершен но нежелательный отпечаток.

И, действительно, за время командования **Ганецкого**, отряд прославился больше бесчинствами в городах и лагерях,

чем подвигами на поле брани, хотя, по необходимости, раза два выезжал к фронту. В Натале он, в этой печальной необходимости выбрал себе место для лагеря не на боевой линии, а между двух полевых лазаретов Красного Креста (1 Голландского и Русского), откуда ему было, наконец, заявлено, что шум его кутежей мешает как больным, так и докторам, и на этот счёт будут вынуждены сделать официальное заявление. Вскоре он был отослан из Наталя, по распоряжению генерала **Луи Бота**, в Кронstadt, где в то время пытались соединить всех приезжих добровольцев в один общий Европейский легион.

Мера эта, имевшая отчасти целью обуздять беспорядки худших элементов между иностранцами, не могла, как мы увидим ниже, быть проведена вполне последовательно по вине именно этих беспокойных типов, не желавших подчиняться самым элементарным требованиям дисциплины и широко пользовавшихся негласно признанным у буров правом перехода от одного начальника к другому.

Это право, стоявшее в связи со всем военным строем буров, между европейцами, воспитанными в совершенно иных понятиях о военной дисциплине, служило по большей части не выражением разумной оценки начальствующих лиц, а предлогом для самых печальных между ними типов, не подчиняясь никому и никаким требованиям, бродит между отрядами в сравнительно безопасных условиях, своим частным поведением возмущая всех приходивших с ними в соприкосновение. Не желая оставаться в составе Европейского легиона, так как принадлежность к нему предполагала дисциплину и возможность значительной опасности, не имея в тоже время возможность, вследствие некоторых мероприятий правительства, оставаться в совершенно безопасных центральных городах, **Ганецкий** вывел было свой отряд к фронту в армию генерала **Филиппа Бота** (брата **Л. Бота**), но там не проявил никакой боевой деятельности, беспорядки же и дрязги его подчинённых, с которыми он не умел справляться, скоро так надоели **Ф. Бота**, что он предложил **Ганецкому** удалиться из лагеря куда угодно, хотя бы внутрь страны, что противоречило распоряжениям прави-

тельства, не выдававшего довольствия отрядам, удалявшимся с боевой линии без распоряжения начальства.

После этого заявления **Ганецкому** в двадцатых числах апреля 1900 г. то есть как раз накануне решительных сражений на южном театре войны, где он в это время находился, увёл свой отряд на север, под предлогом перехода на западный фронт; но тут у немногих порядочных людей, до сих пор пытавшихся, ради чести русского имени, поддержать репутацию столь неудачно названного отряда, терпение лопнуло, **Ганецкий** был оставлен подчинёнными, рассеявшимися по другим командам, сам же очутился каким-то образом в Кронштадте в самый день боя под этим городом, в котором, скажу только он далеко не отличился, и тем закончил свою военную карьеру в Трансваале¹⁶.

Однако зарубежные средства массовой информации несколько по-другому сообщали о действиях Русского отряда:

Капитан **Ганецкий** и его русская сотня, как телеграфируют английским газетам из Лоренсу-Маркеша, производят успешные поиски в местности Сендэ-ривер, где русские про никли за линию расположения британских сторожевых постов и захватили повозку с боевыми припасами и десять мулов¹⁷.

При этом газетчики, как обычно, безбожно привирали:

В иностранные газеты пишут с театра войны, что волонтёры, известные под именем русского отряда, состоящего из 40 человек и находящегося под командой молодого русского офицера **Ганецкого**, в сражении у Гнеко проявили истинные чудеса храбрости. Отряд этот несёт исключительно разведочную службу. Кроме русских тут находятся греки и итальянцы. Особенно отличаются среди этого отряда своей беззаветной отвагой полковник **Гуро** (**Гурко** – полная ложа – *Прим. авт.-сост.*),

сын нашего знаменитого фельдмаршала и полковник **Максимов** (опять бред, он не Русским, а Голландским отрядом командовал – *Прим. авт.-сост.*) Популярность этих офицеров среди буров очень велика¹⁸.

Приблизительно в то же время московские газеты напечатали заметку о том, что:

«Новое Время» сообщает, что на днях отправляется на театр военных действий в Южную Африку из Москвы бывший член городской управы, избранный затем в почётные мировые судьи города Москвы господин (**Александр**) **Гучков**, брат которого уже побывал в Южной Африке¹⁹.

Сообщение о мнимой гибели **Ганецкого** в бурских республиках наделало немало шума в российских газетах, поскольку личностью в Москве он был весьма небезызвестной, бывшим супругом очень богатой купчихи:

Московские отголоски.

Агентство «Рейтер» сообщает, что капитан **Ганецкий** из Москвы убит во время рекогносцировки.

Где? Вероятно в Южной Африке, на театре военных действий, в которых **Ганецкий** принимал такое энергичное участие. А может быть, в ином месте? А может быть, и это вернее, – **Ганецкий** и вовсе не умирал?

Затем, видите ли, что уж больно запутан текст телеграммы.

С одной стороны, человек и действительно как будто бы убит, а с другой... кто его знает?

Я знаю **Ганецкого** давно. Это – такой человек, который из одного упрямства не даст себя убить.

Военные наклонности стали в нём обнаруживаться очень рано. По крайней мере, ещё в гимназии, где мы с ним вместе учились, он щедро награждал тумаками и правого и виновато-

го. Меня он особенно любил и, поэтому не проходило дня, чтобы я не являлся домой без фонарей под глазами.

Предварительно – же я поднимал такой рёв и визг, что предупредительное начальство спешило оградить меня от дальнейших атак **Ганецкого**. И нас разлучили. По теории **Толстого** гласящей, что во всякой войне виноваты обе стороны, я попадал в нижний карцер, а **Ганецкий** – в верхний.

Если же случалось, что один из карцеров был занят, то для нас, его немедленно освобождали.

В этом отношении мы пользовались привилегией.

На следующий день повторялась та же история, так что, в конце концов, инспектор **Семён Фёдорович** хотел сажать нас куда-нибудь, где похуже.

– Карцер, – говорит он, – для хороших мальчиков, а не для таких головорезов, как вы.

Зачем мы расстались. Что делал **Ганецкий**, я не знал, и лишь сожалел, что Америка уже открыта.

В противном случае, эта честь выпала бы на долю **Ганецкого**.

Впрочем не только **Кодумб** помешал карьере **Ганецкого**.

И **Бертолд Шварц** со своим порохом, и **Кортец** и **Пизарро**, завоевавшие Мексику и Перу, – все эти господа порядком мешали **Ганецкому** привести в исполнение его грандиозные планы.

А последних у него было столько, сколько дней в. до високосного включительно.

Но как бы там ни было, гений **Ганецкого** восторжествовал.

Приехав в начале 1896 г. в Москву, я узнал, что **Ганецкому** таки удалось открыть... Сандуновские бани.

Всякому своё, – подумал я и отправился в баню, предварительно уплатив полтинник.

Как видите, я не злопамятен. За все тумаки **Ганецкого** я отплатил ему звонкой монетой.

– Хорошие бани и царь хороший! – сказал я ему при первой же встрече.

– Ещё бы, ответил он, – меня от этих бань и в лютый мороз и в жар бросает.

– Что так?

– А то, что на эти деньги можно было бы два университета построить да народный театр.

Недавно **Ганецкий**, собрав отряд волонтёров, отправился воевать с англичанами.

Сколько он их там перебил, я не знаю, но я уверен, что он сражался отчаянно и самоотверженно.

Такая уж натура: либо всё, либо ничего.

Сомневаюсь только, что он действительно убит шальной английской пулей.

Слишком много было в нём этой жизненной эмульсии.

Если же агентство «Рейтера», вопреки своему обыкновению, на этот раз сообщило правду, тем лучше для **Ганецкого**.

Такая смерть стоит несколько десятков других жизней.

Лучше умереть за свободу буров, чем дурно пользоваться своей свободой.

Фаланга²⁰.

О жизненном пути **Ганецкого** до поездки на Юг Африки сообщалось:

Капитан **Алексей Николаевич Ганецкий**.

Вчерашие телеграммы принесли известие о смерти капитана **Ганецкого**. Будем надеяться, что это известие не подтвердится и наш соотечественник, лихой и способный офицер и партизан жив здравствует и поныне. Если же печальное известие окажется верным, то вечная память ему за други своя живот на браны положившему.

Есть люди, к которым весьма применимы слова а он мятежный ищет (просит) бури, как будто в бурях есть покой, к числу таких людей принадлежал и **Алексей Николаевич Ганецкий**, наш русско-бурский партизан.

Алексей Николаевич родился в 1868 г. и происходил из старинной дворянской фамилии **Ганецких**. **Алексей Никола-**

евич вступил в военную службу в 1886 г. юнкером в Николаевское кавалерийское училище. Это был юноша характера пылкого, беспокойного, горячего. Ему не сиделось за книгами, его влекла открывавшаяся перед ним жизнь в 1889 г. он был выпущен корнетом в 4-й Псковский Драгунский полк, где прослужил всего несколько месяцев. Из псковского полка **А.Н. Ганецкий** был прикомандирован к Лейб-гвардии Драгунскому полку, где и прослужил около двух лет. Верховая езда, скачки, дальние поездки, словом кавалерийское поле были сферой молодого офицера. Он скакал в Царском и Красном селе на гнедом жеребце «Хаскел» завода Дорожинского, впрочем, без особенного успеха. В 1891 г. корнет **Ганецкий** переводится на Кавказ в 45-й Драгунский Северский полк, и, пробыв около года там, бросает военную службу и определяется сверхштатным чиновником особых поручений при военном министре.

Около этого времени господин **Ганецкий** женился на московской уроженке, госпоже **Фирсановой**. Жизнь его была вечное странствование из Москвы в Петербург, из Петербурга в Париж, потом ещё куда-нибудь. Будничная жизнь с её серенькими заботами его не удовлетворяла, ему нужно было подвигов, чего-нибудь необыкновенного. И вот он узнал, что в Трансваале возгорелась война, что обиженные англичанами буры малочисленны, что им нужны люди для боя.

А.Н. Ганецкий человек свободный, богатый, предпримчивый. Судьба щедро наградила его здоровьем. Высокого роста, красивый, статный, кумир женщин, он решает действовать там, куда влечёт его призвание. Он едет в Трансвааль. Там собирает он маленький интернациональный отряд; деньги и звание русского офицера дают ему авторитет среди разноязыких солдат и он готовится помочь бурам. Конечно, лихо, отчаянно, по-русски. Он рыщет перед английскими аванпостами, дерзко проникает до самого британского лагеря и снабжает буров наиточными известиями. Его партизанский отряд становится известным, слух о нём, имя **Ганецкого** раньше других добровольцев попадает на страницы газет... Но смелость его погубила. Пуля сразила его насмерть во время разведки.

Счастливец! Он умер как солдат на поле сражения, умер, защищая людям самое дорогое для них: – их имя, их семью, их независимость... Мир праху этого доблестного, храброго офицера, погибшего так далеко от своей родины и сражавшегося за чужую родину!²¹

Одна из русских газет в конце мая 1900 г. с удовольствием сообщала о чудесном воскрешении похороненного было **Ганецкого**:

Капитан **Ганецкий** жив.

Несколько времени назад у нас и в других газетах было помещено заимствованное из английских газет сообщение, что уехавший в Юную Африку волонтёром капитан **Ганецкий** убит в одной из схваток буров с англичанами. Спешим сообщить, что известие это оказалось ложным. Капитан **Ганецкий**, оплаченный в газетных некрологах жив. Вчера только одним из его московских друзей, **В.А. Гиляровским**, получено из Претории от мнимого покойника письмо, помеченное 2-м мая, в котором господин **Ганецкий** рассказывает, что явились эти слухи, вероятно, оттого, пишет он, что я довольно долго не возвращался из моего последнего рейда в Оранжевой Республики, под Блумфонтейном. Теперь я отправляюсь с моим отрядом в Фортинспруйт, где, вероятно, пробуду довольно долго, мы будем отстаивать эту границу Трансвааля до последней возможности. в моём отряде, численностью в 60 человек; по-прежнему состоит 6 русских офицеров.

Капитан **Ганецкий** заканчивает своё письмо просьбой огласить в России, что он жив, что мы с радостью и исполняем²².

Немного позднее, в начале августа (нового стиля) другая газета с радостью сообщала:

Возвращение из Трансвааля господина **Ганецкого**.

Сражавшийся волонтёром поручик **Ганецкий** 20 июля вер-

нулся из Трансваала в Петербург. Поручик **Ганецкий** командовал там разведочным отрядом. Не раз газеты писали о смерти и пленении господина **Ганецкого**, но оказывается, что он даже не разу не ранен, только африканское солнце наложило печать свою на его лицо, которое от загара кажется бронзовым.

В настоящее время **Ганецкий** хлопочет о зачислении его в один из отрядов, действующих в Китае²³.

И другая краткая заметка на эту тему:

Из Южной Африки 20 июля приехал в Петербург на короткое время похороненный недавно газетами капитан **Ганецкий**.

Ганецкий, по поручению **Крюгера**, заезжал на один день в Париж для свидания с посланником Трансваальских Республик²⁴.

Небезынтересно и одно из интервью, данных **Ганецким** по возвращении с театра военных действий:

А.Н. Ганецкий о бурах.

Сотруднику «Петербургских Новостей» удалось побеседовать с москвичом нашим, капитаном **А.Н. Ганецким**, находящимся теперь в Петербурге, куда он приехал из Трансваала. Вопреки всем уверениям из английских источников, оказывается, что буры далеко ещё не сложили оружие.

– Я рад теперь, – сказал господин **Ганецкий**, – что имею случай, как очевидец, опровергнуть господствующее в обществе мнение, распространённое, конечно, английскими известиями, о том, будто песенка буров уж спета... Это – чистейший вздор, повторяю вам. Буры пропели только маленькую прелюдию, а песенку они ещё запоют, – они споют торжественный, потрясающий гимн, который, как благодарственная песнь Творцу, не оставляющему этот маленький добный народ, вознесётся над распространёнными по Трансваальской земле трупами сынов Альбиона!...

К английским телеграммам о победах надо относится больше, чем недоверчиво. По словам господина **Ганецкого**, когда англичанам случалось взять в плен десять буров, они телеграфировали о том, что взята их сотня, когда же попадались в плен два десятка буров, то англичанами возвещалось уже о взятии двух сотен их. А между тем положение буров во все не так плохо, как кажется. **Крюгер** как-то сказал, что война ещё только начинается. И это правда, это вовсе не пустой звук. Теперь только начинается, по мнению господина **Ганецкого**, страшная, губительная для англичан партизанская война, которая покажет им, с каким народом имеют они дело и как может драться народ, который не охвачен никакими меркантильными соображениями, который защищает только свою страну, свою свободу... Ведь взятие Претории – это буквально тоже самое, что взятие Москвы в двенадцатом (1812) году. И тогда Москва была взята, но не была взята Россия; точно так же здесь – взята Претория, но далеко ещё не взят Трансвааль. Если останется всего 6000 буров, то англичанам, при исключительных условиях этой страны, при том энтузиазме, которым охвачены буры, при их исключительной способности к войне, а главным то образом, – способности переносить какие угодно, даже самые невероятные невзгоды и лишения войны, – при всех этих условиях англичанам на 6000 буров нужно держать в Трансваале армию в 150 000 человек; это – *minitum*.

Это делается особенно ясным из сравнения обеих воюющих сторон. Буры отличные стрелки, великолепные кавалеристы, они могут по 24 часа не сходить с седла, а лошади у них прекрасные. Совсем иначе обстоит дело у англичан. Войск для борьбы с бурами у них мало, а армия их ленива и распущена; они совершенно неспособны переносить всех военных тягостей, а маленький недостаток, в провианте; то есть не в таком провианте, каким довольствуются бур, а в таком, к какому привыкли эти избалованные солдаты у себя на родине, порождает среди них недовольство. А главное – их мало, и измучены они уже до последней степени. Ведь известно, что английское правительство просило **Робертса** часть его войск отправить в

Китай, но **Робертс** не мог этого сделать, так как он сам, вероятно, был бы очень не прочь увидеть при себе какие-нибудь новые английские резервы...

Очень интересны сведения, сообщаемые господином **Ганецким** о деятельности в Трансваале русских добровольцев и Красного Креста. – Я должен вам засвидетельствовать, – сказал господин **Ганецкий**, что из всех добровольцев, находившихся в моём отряде, русские более всех других достойны похвалы. Уверяю вас, что я говорю это без всякого лицеприятия²⁵ к своим соотечественникам. Оставаясь объективным, я должен засвидетельствовать вам, что среди русских добровольцев (в моём отряде их было 20 человек), не было ни одного, который не доказал бы своим геройством, что на войну привлекла его только высокая идея помочь крошечному народу в борьбе с непосильно большим врагом. В особенность приятно отметить замечательные подвиги двух русских офицеров – сапёрного штабс-капитана **А.Н. Шульженко** и лейтенанта **Б. Строльмана. Жубер, Бота, Рейц, Девет** и другие генералы нередко высказывали мне самые лестные отзывы об этих двух офицерах. Что же касается нашего отряда Красного Креста, то об его деятельности представляю вам судить по тому факту, что буры предпочитают пользоваться лечением в русских лазаретах, несмотря на то, что и другие отряды Красного Креста обставлены вообще очень удовлетворительно.

Наконец, отметим ещё, что о событиях в Китае буры теперь осведомлены и надеются, что это в их руках – лишний козырь в борьбе с англичанами²⁶

Приведём и другую беседу с **Ганецким**, в которой уточняются некоторые детали:

У капитана **А.Н. Ганецкого**

В Петербурге находился капитан **А.Н. Ганецкий**, получивший довольно широкую известность вследствие участия его в англо-трансваальской войне в качестве волонтёра.

Он даже считался некоторое время убитым и известие о его смерти облетело все газеты.

А.Н. оказался, однако, здравым и невредимым.

Я посетил его вчера в Европейской гостинице, где он остановился, застав его в читальном зале гостиницы.

Объяснив ему цель своего визита, я был любезно приглашён им в занимаемый им номер.

– Многое и серьёзного я сказать вам теперь не могу, – заявил он мне ещё тогда, когда мы поднимались по лестнице, вышедши из читального зала, – эти сообщения я считаю преждевременными и могущими повредить бурам, на стороне которых все мои симпатии, ещё более укрепившиеся за время моего пребывания среди этого доблестного народа.

Мы вошли в номер и уселись около небольшого письменного стола.

– Я, прежде всего, счастлив сообщить вам, – начал **А.Н.** – для предания самой широкой гласности о той почётной роли, которую играли и играют на театре южноафриканской войны русские добровольцы. в моём отряде их было двадцать человек и всё это, безусловно, честные люди, беззаветной храбости, прекрасно дисциплинированные, пришедшие биться в рядах буров из-за идей, а не из каких-нибудь материальных расчётов и низших побуждений. Среди них особенно выделялись высокими качествами воинов сапёрный штабс-капитан **А.Н. Шульженко** и лейтенант **Б. Строльман**. Они всегда появлялись в самых опасных местах, и спокойно, бодро и весело переносили все лишения походной жизни, тяжёлые условия которой вы не можете даже себе представить. Я несколько раз слышал восторженные похвалы русским добровольцам из уст генералов **Бота, Жубера** и самого президента **Крюгера** и получал за тех, которые находились в моём отряде, горячую благодарность.

– Велик ли был ваш отряд?

Число людей колебалось между 60 и 70 человек... Я был начальником разведочного отряда и в конце своего пребывания на театре войны соединился с таким же отрядом капитана **Терона**.

– Давно вы покинули Трансвааль?

С месяц тому назад; из Лоренсу-Маркеша я выехал на португальском военном судне и через двадцать дней был в Париже, где пробыл всего один день.

– Какого вы мнения об исходе англо-бурской войны?

– По этому то вопросу я, извините, уклонюсь вдаваться в подробности и серьёзные выводы, я вёл дневник своего пребывания на театре южно-африканской войны и заметки, но оглашение их, повторяю, считаю несвоевременным и могущим повредить моим друзьям – бурам...

– Скажу одно, что все известия с театра войны, идущие из английского источника, более чем преувеличены... Если они отдали Преторию, то сделали тоже самое, что мы, отдавши в 1812 г. Москву французам... Я могу вам повторить слова президента **Крюгера**, сказанные им мне всего какой-нибудь месяц тому назад при прощании: Война только начинается!

– Значит, вы полагаете, что англичанам в Трансваале придётся, в конце концов, плохо? – спросил я.

– Я убеждён в этом – отвечал **А.Н.** – в России китайские события, как я успел заметить, отодвинули интерес к событиям в Южной Африке на второй план, и это очень жаль, так как ослабление могущества Англии, в каковом ослаблении, несомненно, заинтересована и Россия и Франция, происходит именно в Трансваале. Он в недалёком будущем станет могилой английского политического престижа. Вот всё, что я могу сообщить вам...

Н. Г-е.²⁷.

Интересно и то обстоятельство, что сообщения о действиях отряда **Ганецкого** побудили нескольких русских офицеров (чьи имена и фамилии так до сих пор, к сожалению и не выяснены) поехать к бурам:

В Трансвааль!

В Москву прибыли из Петербурга несколько добровольцев, по большей части офицеры запаса, направляющиеся в Транс-

вааль на помошь бурам. Пример капитана **Ганецкого**, ныне, быть может, покойного, и его русской сотни, очевидно, произвёл своё действие. Но несколько странно то, что сборным местом явился Орёл; Петербург выслал добровольцев, но относительно предоставления удобств им остался глух.

Но расскажу всё по порядку.

В гостинице «Европа» добровольцы занимают два небольших номера. Глава их, поручик **К.**, сегодня же уезжает в Орёл, чтобы лично узнать о положении дел в тамошнем комитете по сбору пособий для добровольцев.

Милые, сердечные молодые люди радушно приняли меня – первого из представителей московской прессы, к ним заглянувшего. Мне была показана святая икона, данная им отцом **Иоанном Кронштадтским** с собственноручной надписью и благословением на подвиг и за правду.

Мы вовсе не противники Англии, – говорил мне поручик **Б-ч.** Но мы идём за правое дело; мы прольём нашу кровь и пожертвуем жизнью, помогая слабейшей стороне. Таков наш простой и искренний ответ на вопрос: почему мы едем в Африку?

Я пожал руку благородным молодым людям и согласился с ними, что спешить на помошь слабому и за правду, – всегдаший девиз русских людей.

Разговор коснулся деталей предприятия.

Оказывается в Орле дал средства на поездку купец Ротиков, а один офицер принял на себя инициативу сформирования отряда.

И много охотников ехать? – спросил я.

О много! В Петербурге записалось до сотни. Но дело в том, что все наши средства не превышают 12000 рублей, а на эти деньги больше двадцати человек не перевезти до Лоренсу-Маркеша.

Один из добровольцев заявил, что некоторое время мечтали составить московскую сотню.

И что же? Как дела с московской сотней? – спрашиваю.

Молчит Москва – отвечают. И по опечаленным лицам мож-

но заметить, как больно трогает благородную молодёжь молчание Москвы.

Толи было в Москве в сербскую войну, – заявил кто-то.

Я поспешил заступиться за Москву... Москва – это сердце России, а мы знаем: сердце это всегда бьётся за правое дело, за слабейших и против насилия.

Поручик **Б.** сказал мне: сюда, в гостиницу уже являлся охотник жертвовать из купечества, но мы не можем принимать сборов и направляем их в Орёл. Это значительно охлаждает жертвователей...

Святая икона, дарованная отцом **Иоанном Сергеевым**, изображает архистратига Михаила. На ней рукой уважаемого пастыря сделана следующая надпись: Призываю благословение Божие на ваши головы, желаю вам благополучно доехать, встать на защиту глубоко-несчастных и угнетённых собратьев-буров и вернуться невредимо на родину. Вручаю вам образ архангела Михаила. Да охранит вас святой архистратиг в часы опасности.

В числе добровольцев есть бывший питомец Московского университета, ныне кандидат на судебные должности.

Часть партии остаётся в Москве, пока поручик **К.** и его товарищи съездят в Орёл. Добровольцы намерены ехать через Одессу, на Порт-Саид, не останавливаясь в этом городе по его неблагополучию от чумы, а затем в Аден. Дальнейший маршрут выяснится впоследствии.

Прощаясь, мы ещё раз пожалели, что Петербург и Москва дали себя опередить Орлу, а орловский купец **Ротиков** – явился первым отозвавшимся на помочь слабым и за правое дело.

С.С. Орлицкий²⁸.

О новых русских добровольцах отечественные газеты писали (отрывок из Статьи «Отец Иоанн Сергеев» и Трансваальские добровольцы):

Оригинальный пример энергичного стремления помочь будрам с оружием в руках проявили жители города Орла. По слу-

хам, проникшим в газеты, в Орле собрана сумма денег около 12 000 рублей для оплаты проезда на театр военных действий партии добровольцев²⁹.

Среди приехавших из-за границы русских подданных попадались и сказочники, выдававшие себя за добровольцев:

Ю.И. Елец о бурах.

Подполковник **Ю.И. Елец** (**Ю.Л. Елец**)³⁰ 28 июля вернулся из Трансваля в Россию. Одному из Петербургских журналистов удалось побеседовать с **Ю.И. Ельцем**.

В настоящее время, – говорил **Ю.И. Елец**, – в Трансваале зима, но зима скверная, тропическая. Представьте себе, что в течение целого дня льёт дождь, канавы от массы воды превратились в реки, а реки в озёра. Почва сырая и болотистая, а когда-то роскошная трава на ней вся сгнила и превратилась в слизь. Когда вы ночью, промокший и продрогший, ложитесь спать на сырое или мокрое ложе, вас охватывает холод и озноб, так как температура ночью понижается до 2 градусов выше нуля. Испытавшему массу невзгод европейцу такая погода причиняет, в конце концов, изнурительную лихорадку, а изнеженному и избалованному английскому солдату смерть. Тропическая зима – вот грозная и могущественная союзница буров. Заметьте, однако, что такая погода продолжится до половины ноября... Вы сами можете рассчитать через сколько времени от английской армии не останется и следа тем более, что подкреплений Англии послать неоткуда. В бытность мою в Трансваале я часто говорил с бурскими военачальниками и от всех слышал один ответ: Дайте нам только дождаться зимы и мы выкуриим из наших земель проклятых англичан, как москитов. И они сдержат своё слово³¹.

Несколько печатных изданий проявили интерес к этому человеку:

Русский в рядах буров

(беседа с **Ю.Л. Ельцом**)

(От нашего парижского корреспондента)

Известие о смерти **Ю.Л. Ельца**, появившееся в английских газетах, оказалось, к счастью, неверным.

Вчера я видел нашего храброго соотечественника, беседовал с ним и могу удостоверить, что он жив, вполне здоров и полон своей обычной жизнерадостности и энергии.

Ю.Л. Елец известен и в литературных кружках, как автор нескольких беллетристических произведений; он написал, кроме того, историю Лейб-гвардии Гродненского полка и недавно закончил редакцию восьми томов сочинений **Всеволода Крестовского**³² и биографию его, встреченную нашей критикой очень сочувственно.

Узнав о приезде **Ю.Л. Ельца** в Париж, я посетил его, чтобы услышать от очевидца о положении воюющих сторон в Трансваале, о причинах неуспеха цивилизованных варваров, уничтожающих буров разрывными пулями, о впечатлениях, вынесенных с поля сражения.

В первую минуту я не узнал **Ю.Л. Ельца** в скромном штатском одеянии: только лишь орденский значок выдавал в нём военного человека – Газеты давно меня похоронили, – встретил он меня улыбаясь... Ох уж эти газеты...

– Вы, конечно, сообщите мне, сказал я, много интересного о Трансваале, бурах и сражениях, в которых вы принимали участие?

– Что касается первого, то я могу удовлетворить вас и сообщить очень много любопытного; я полон пережитых впечатлений, вынесенных из разыгрывающейся в Трансваале трагедии, в отношении же своего личного участия в сражениях, я пока ничего не могу вам сказать по особым причинам.

В непродолжительном времени, впрочем, я напишу для Петербургской газеты подробно свою одиссею, но теперь я не желал бы говорить о самом себе.

– Какие сражения происходили в бытность вашу в Трансваале?

Я был неоднократно очевидцем поражений англичан. На моих глазах во время боя у Тугелы буры взяли штурмом три английские батареи. Отвага их вне конкурса, они дерутся как львы и помимо этого они все от мала до велика замечательные виртуозные стрелки.

– Вы полагаете, что кампания затянется ещё на долгое время?

– Англичане до сих пор ничего не могут поделать с решимостью буров, несмотря на превосходство своей артиллерии (не столько, впрочем, качественной, сколько количественной) и сил. Благодаря обилию орудий они могут буквально засыпать снарядами всякую позицию буров и нет такого укрепления, которое могло бы выдержать адский огонь английской артиллерии, выпускающей сразу ужасающее количество снарядов.

Как только позиция буров обнаружена, англичане благодаря своей артиллерии могут в самое непродолжительное время разрушить её, снести с лица земли.

– И несмотря на такое громадное превосходство буры всё-таки одерживают победы!

– Буры умеют очень удачно выбирать свои позиции, чему способствует сплошь скалистая местность.

Англичане не могут никак обнаружить врага: лучшие бинокли не помогают, позиции замаскированы колючими растениями, которые притом ются обыкновенно по непролазным обрывам, доступным только горным жителям, а не англичанам.

Сражение представляет любопытную трагикомическую картину: отовсюду раздаются выстрелы, идёт пальба, но англичане не видят, откуда их обстреливают, так как благодаря бездымному пороху местонахождение стрелков не видно.

В прежние компании цепь стрелков всегда можно было обнаружить по белым клубам дыма...

Очень страдают от метких бурских пуль английские лошади, они погибают в огромном количестве, так как представляют собой для стрелков отличную мишень.

Стоит только английскому орудию выехать на позицию и сняться с передка и лошади, наверное, тотчас же будут перестреляны.

Я был постоянно очевидцем такого убийства лошадей.

– Вы снова отправляетесь в Трансвааль?

– Нет, я принимаю участие в экспедиции в Центральную Африку для исследования озера Рудольфа вместе с **Леонтьевым**; он везёт туда транспорт оружия, снаряды и так далее.

Пока же я занят литературной работой, а именно: пишу биографию **Башкирцевой**³³ на основании новых данных, собранных мной о нашей знаменитой соотечественнице от многих французских писателей, близко знавших эту даровитую русскую девушку.

На днях я видел в Ницце её мать, она просила меня взять на себя этот труд.

– Вы видели в Трансваале другого русского туриста господина **Ганецкого**, сражающегося в рядах буров?

– Нет, я его не встречал, хотя слышал, что он в Трансваале.

Паспарту³⁴.

Другая отечественная газета ядовито высмеяла интервью с этим бывшим военнослужащим:

В погоне за сенсационными известиями некоторые периодические издания печатают иногда совершенно вымысленные сообщения, особенно часто в форме интервью с той или иной личностью, интересующей в данный момент читателей...

На днях в «Петербургской Газете» (№ 101) под заголовком «Русский в рядах буров», напечатано интервью в Париже сотрудника этой газеты года **Паспарту** с господином **Ельцем**, причём последний будто бы заявил ему, что он полон пережитых впечатлений из разыгрывающей в Трансваале трагедии, что в отношении своего личного участия в сражениях, он пока

не может ничего сказать по особым причинам, что он был неоднократно очевидцем поражения англичан, что на его глазах во время боя у Тугелы буры взяли штурмом три английские батареи и так далее и так далее.

Если сопоставить с эти интервью сообщения из частных источников, удостоверяющие, что господин **Елец** в Трансвааль не ездил, а жил всю зиму в Вилланфранке близ Ниццы, то остается заключить, что всё это интервью – плод разыгравшейся фантазии господина **Паспарту**³⁵. (Нам трудно судить – участвовал ли бывший офицер **Елец** в англо-бурской войне или нет? – *Прим. авт.-сост.*)

Приведём и другие сведения об этом отставном офицере:

Послужной список ротмистра Лейб-Гвардии Гродненского гусарского полка **Елец**, составлен 1 января 1895 г.

Ротмистр **Юлиан Лукьянович Елец**

Командир 4 эскадрона.

Награды имеет: кавалерский крест 2 класса Саксонского Ордена Эрнестинского; Черногорский орден князя Даниила I Зея степени. Персидский орден льва и солнца 3 степени. Австрийский орден железной короны 3 степени. Кавалерийский крест 1 класса Саксен Альтенбургского ордена Эрнестинского дома и серебряную медаль с надписью: «За спасение погибавших».

Родился 24 июня 1862 г.

Из дворян Гродненской губернии, сын генерал-майора.

Вероисповедания православного, где воспитывался: В Николаевском кавалерийском училище и выпущен из оного офицером по 1 разряду и в Николаевской академии Генерального штаба по 2 разряду.

Получаемое на службе содержание

жалования в год 531 рубль

столовых 666 рублей и

фурожных на одну верховую лошадь по положению.

С 7 августа 1882 г. – корнет лейб-гвардии Гродненского гусарского полка.

В 1885 г. поступил в Николаевскую академию генерального штаба.

С 30 августа 1886 г. – поручик.

С 24 апреля 1888 г. – штабс-ротмистр.

В мае 1888 г. окончил курс Николаевской академии Генерального штаба по 2 разряду.

В 1896 г. прикомандирован к Военно-ученому комитету Главного штаба для окончательной разработки II тома истории полка на время с 1 ноября 1890 по 1 мая 1801 г.

В 1892–1893 – временно командовал 2 и 3 эскадроном. С апреля 1893 г. – командир 4 эскадрона.

За поднесение Государыне Императрице брошюры под заглавием «Дочь Кенсгольского полка», объявлена благодарность Её Императорского Величества.

С апреля 1894 г. – ротмистр.

С мая 1894 г. – ротный командир (член суда общества офицеров и член распорядительного комитета офицерского собрания). Библиотекарь офицерского собрания.

Всемилостивейших рескриптов и Высочайших благоповелений не получал.

В бессрочном отпуске для пользования ран в плену и в отставке не был.

В 1883 г. обучался сапёрному делу в 8 сапёрном батальоне (в течение месяца).

В 1880 г. по поручению начальства составил историю своего полка.

В 1892 г. в ноябре был командирован в составе депутатии от полка в Витебскую губернию для открытия памятника в церкви села Ильзенберг бывшему шефу Гродненского гусарского полка генерала **П.П.Кульневу³⁶**.

В 1894 г. командирован в Санкт-Петербург для издания Памятки для нижних чинов полка³⁷.

По другим сведениям:

Елец³⁸ Юлий Луканович – писатель, отставной полковник. Родился в 1862 г., закончил Николаевскую академию Генерального штаба. В 1900 г. участвовал в подавлении боксёрского восстания будучи офицером для поручений при командующем войсками Квантунской области, отличился, в частности, при защите католической миссии при деревне Сунн-Шу-Цви-Дзе (Восточная Монголия) отрядом в 100 человек от 10 000 вооружённых боксёров, был трижды ранен, потерял свыше 30% личного состава отряда убитыми и ранеными, но спас от растерзания одного епископа, 23 священника и 3 тысячи китайских христиан, за что был награждён позднее золотым оружием с надписью «За Храбрость», а Папой римским **Львом XIII** – буллой (особой именной грамотой с печатью) и орденом Святого Сильвестра «За особые военные заслуги католической церкви» и орденами за боевые отличия Францией, Бельгией и Голландией, чьими подданными были спасённые им миссионеры [но **Елец** был вскоре изгнан из Генерального штаба в стревые войска за сатирические стихи на русских генералов командовавших подавлением восстания боксёров]. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. принимал участие добровольцем в защите Порт-Артура, состоял военным корреспондентом «Нового Времени» на Маньчжурском театре военных действий. В 1908 г. **Елец** был уволен в отставку в чине гвардейского полковника с мундиром и пенсиею. Отдельно напечатал «Русская эскадра во Франции в октябре 1893 года» (Варшава 1893), «Грум: [Недавняя быль]» (Варшава 1895), «История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка» (СПб., 1898); «Император Менелик и война его с Италией» (СПб., 1892) «Наша силы» (описание подвигов офицеров и нижних чинов в войну 1900–1901 гг.», «Смерть идёт», «С трупами», «В осаде», «Надо знать своего врага (заметки о японской армии)», «Жёлтое наше-ствие», «Император Александр II и лейб-гвардии уланский его Величества полк», «Генерал Я.П. Кульев», «Военная энциклопедия (Сытина) Том 9. Двинский 91-й пехотный полк. СПб. 1912» и др. Беллетристические произведения: «Болезнь века» (девять изданий), «Из жизни», «Из моих скитаний (очерки)», «О женщи-

ны»! (рассказы – пять изданий), «Повальное безумие (К свержению ига моды)» (где размышляет о пагубном влиянии моды на женщин) (пять изданий по 1914 г.), редактор полного собрания сочинений и биограф военного писателя **В.В. Крестовского** и др. Скончался полковник **Елец** в 1932 г.³⁹.

Евгений Августус позднее, по возвращении на родину, написал ещё несколько статей где описал общее положение дел в Бурский Республиках, попутно вкратце рассказав и о своей службе в их рядах после распада русского отряда **Ганецкого**:

Briton or Boer (Британия или буры).
О положении дел в Южной Африке

События на Дальнем Востоке несколько отвлекли внимание русского общества от той кровавой драмы, которая разыгрывается в Южной Африке, где буры, напрягая последние усилия, всё ещё продолжают борьбу, вызывавшее удивление и сочувствие всей Европы. Много было и в России людей, которые, не ограничиваясь одним платоническим сочувствием, поспешили на помочь доблестным бойцам и изредка появлялись на столбцах наших газет известия о русских добровольцах, кровью запечатлевших свою готовность принести посильную помощь правому делу. Уложила английская пуля лейтенанта флота **Строльмана**, тяжело ранен бывший член московской городской управы почётный мировой судья⁴⁰ **Александр Иванович Гучков**, без вести погиб молодой восемнадцатилетний **Кравченко**, бросивший родных и гимназию, чтобы найти предвечернюю смерть в диких горах Трансваала. А борьба всё ещё продолжается, всё ещё продолжается беспощадное избиение людей и не предвидится конца этой войне, которая из девятнадцатого столетия, в. утонченной цивилизации и высокой культуры, переносит нас в эпоху мрачных средних веков, когда господствовало кулачное право и кровожадные инстинкты людей не обуздывались ещё идеями гуманизма или Трактата-

Александр Гучков примерно во времена англо-бурской войны

ми Женевской конвенции. Нельзя судить о настоящем положении вещей по телеграммам и отчётом лондонской War Office (Военного министерства), возвещающим о непрерывных победах и об успешном усмирении края. Английские войска оттеснили полчища буров на север Трансваля в неприступные горы Лейденбурга; вся же остальная часть страны, Freestat (теперь Оранжевая колония) и Наталь во власти англичан, если верить официальным отчётом, а между тем в Европу проникают глухие, но тревожные вести о том, что занятые англичанами города, как Ледибранд, Фиксбург и другие снова во власти буров.

Из Наталя пишет мне **Йолшин** следующее: Я в английском отряде на бивуаке под Ньюкаслом. Я каждый день провожу или на передовых постах или на рекогносцировках. Партизанская война в полном разгаре и буры мотаются кругом как волки (!?) днём сидят в горах по берлогам, а ночью идут на добычу.

И это теперь, когда английское правительство отзывает маршала **Робертса**, считая, что он выполнил свою миссию, что заветная мечта этих современных флибустьеров От Капа до Нила близка к осуществлению.

Не скоро ещё конец войне. Целый народ, готовый до последней капли крови, до последнего человека защищать свою свободу, свою самостоятельность, не так легкостереть с лица земли, и борьба, утихая по временам, снова возгорится с большим озлоблением, с большей жестокостью.

Трансвааль, по примеру Оранжевой Республики, присоединён к владениям английской короны прокламацией **Робертса**; форты вокруг Претории и Йоханнесбурга вооружены орудиями большого калибра, вся линия железной дороги, по которой я ехал из Претории до границы Капской колонии, представляет непрерывный ряд стрелковых траншей, чередующихся с орудийными окопами для скорострелок и пушек, но фактически англичане владеют только тем пространством, которое обстреливается лиддитными снарядами и защищается штыками их солдат. Знают ли в Европе о том, что английские эмиссары подняли против буров туземное население? **Матабеле и свази**, опьяняющие виски, подкупленные английским золотом⁴¹, воо-

ружёные английскими ружьями **Ли-Метфорд** совершают насилия над беззащитными женщинами и детьми тех буров, которые, поверив лживым прокламациям властей, сдали оружие и теперь томятся на острове Святой Елены или на Цейлоне.

Знают ли в Европе о последних прокламациях английских provost-marshall'ов, которые грозят мирным жителям разграблением их имущества и разрушением домов, вблизи их ферм или в случае укрывательства и себя вооружённых бургеров. Можно ли требовать более беспощадной, в более грубой форме забвения священных правил гостеприимства? Но и буры, до сих пор отпускающие на свободу английских пленных не взорвавшие даже мин изуважения к чуждой собственности, теперь доведены до отчаяния. Я знаю факт, что когда английский отряд попал под перекрёстный огонь буров, засевших за скалы и начальник отряда, видя безвыходное своё положение, вывесил белый флаг, ему буры ответили: Нет больше белого флага, нет больше пощады и огонь возобновили, пока последний солдат не был перебит метким огнём буров.

Я жил семь месяцев среди буров, делил с ними и холод и голод и все лишения походной и боевой жизни и научился ценить и любить этих людей, суровых и необщительных с виду, но задушевных и бескорыстных в высшей степени. Их мужество, спокойствие и выдержка в минуту опасности, равнодущие, доходящее до фатализма, с которыми они глядят в глаза смерти, вызывало невольное удивление, и только раз за всю войну. Я был свидетелем, что беспредельное отчаяние исказило бесстрастное лицо бура.

Это было 27 февраля (1900). После бешеных усилий, после адской бомбардировки и целого ряда беспрерывных атак, **Буллеру** удалось перейти Тугелу и сбить нас с Pieters Hill. В тёмную неприглядную ночь, под проливным дождём мы отступили с позиций и пришли в лагерь. Из 78 бургеров Крюгерсдорпского отряда, отразивший накануне штурм целой бригады **Hart'a**, нас вернулось всего 15, в том числе я и **Никитин**.

Где мой сын, мой **Piet?** – встретил нас (вопросом) в лагере, при свете бивачных костров, старик с седой, как лунь бородой.

Вернувшись с боя, измученные, окровавленные, угрюмо молчали. Твой сын там остался, с другими – кто-то ему ответил.

Старик понял.

Как подкошенный он упал на землю, стал рвать на себе волосы.

Мой сын, мой **Piet!** – вопил несчастный отец⁴². – Пятерых уже я схоронил. Вот и последний убит! Зачем я их пережил! О, Боже мой, зачем ты взял у меня последнего!

Я видел мальчиков 10–12 лет, как они спокойно, без суеты точно старые канониры, устанавливали дистанционную трубку⁴³ шрапнели и наводили орудие на жалтеющие вдали цели английской пехоты.

Я видел бурских женщин, которые, не обращая внимания на град соколов, на жужжание пуль, приносили нам в траншее баклажи холодной родниковой воды, мяса, сухарей.

Много мне приходилось слышать неблагоприятных отзывов о бурах, о том, что большинство уже потеряло мужество, что они к иностранным волонтёрам относились презрительно и с недоверием. Из случайных фактор нельзя выводить общего заключения. Когда меня, грязного и оборванного, голодного, под конвоем английских штыков, перевели из госпиталя, как военнопленного в тюрьму, я встречал на улицах знакомых буров, оставшихся после оккупации в Претории англичанами в городе и уже принявших присягу на верноподданство королеве **Виктории**. Они меня не узнавали, отворачивались и не кланялись. Но отношение ко мне этих малодушных не могло поколебать моих симпатий к народу, с которым я успел сжиться в траншеях под Тугелой, под Блумфонтейном и на полях Вольмарштата. Выбрав меня капралом, а затем и лейтенантом, они ко мне относились всегда предупредительно, охотно выслушивали моё мнение, делились последним глотком воды, последним куском протухшего бильтонга.

В тёмные ночи, когда высоко над нами в небе мерцало яркое созвездие Южного Креста, мы сидим, бывало, вокруг тлеющего костра и вполголоса ведём нескончаемые беседы.

– Есть ли в России коровы, овцы?

- Есть.
- Много ли у вас железных дорог, городов?
- Много.

Сколько духовной моци, какое непоколебимое сознание в правоте своего дела, какая глубокая вера, что Не в силе Бог, а в правде должна быть у вождей этого народа, который, вот уж скоро год, ведёт борьбу не на жизнь, а на смерть с грозной владычицей морей. Ни смерть, ни бегство **Крюгера**, ни пленение генералов не прекратят войны, найдутся другие предводители, поредевшие ряды борцов снова пополнятся теми бурами, которые сдали оружие англичанам и успели принять присягу верноподданства. А возрастают они потому, что война принимает всё более и более зловещий характер расовой борьбы. Briton or Boer – вот лозунг англичан и они не останавливаются ни перед какими мерами, чтобы сломить сопротивление народа. Сопротивление это грозит затянуться на неопределённое время, и вот, что придумало английское правительство: во всех полках составляются списки нижних чинов, желающих поселиться во вновь присоединённых колониях. Организован комитет, на обязанности которого лежит размежевание земли и раздача будущим колонистам ферм, скота и инвентаря, конфискованных у буров, нарушивших *vath of neutrality* (Клятва о соблюдении нейтралитета; присяга о нейтралитете).

Самый конечно рациональный способ замирения края, создать класс колонистов – солдат победоносной армии **Буллера и Робертса**.

Очутиться вдруг хозяином богатой цветущей фермы, владельцем нескольких сот рогатого скота, лошадей, фургонов, это заманчивая картина для **Tommy Atkins'a**, который поступил в ряды армии не из патриотизма, не из жажды воинских подвигов, а потому, что ему бедному фабричному рабочему дома голодная смерть угрожала⁴⁴. И вот его нарядили в Khaki, насконочи обучили семи ружейным приёмам, прицелке, маршировке и послали в South Africa. По обеим сторонам железной дороги от Претории до Кольсберга насланы многочисленные могилы.

В городах все госпитали переполнены больными и умирающими и ещё потребуются гекатомбы жертв и миллиарды звонких фунтов, пока Union Jack будет развеваться по всему Трансваалю.

Легче было англичанам справиться в начале войны с тысячными полчищами буров, лишённых правильной организации и умелого руководства, чем теперь с рассеянными по всей стране летучими отрядами в 10–15 человек, то нападающими на транспортные, то портящими железнодорожные дороги и телеграфы. Операции в массе с применением тактики и стратегии европейских армий немыслимы для народа, который прошёл боевую школу в борьбе с **готтентотами** и **зулусами**. Не нам, европейским волонтёрам, было учить буров, а мы должны были учиться у них партизанской войне, стрелковому и кавалерийскому делу.

В Европе оценили по достоинству истинный характер английских официальных депеш и рапортов; ни одно из известий о блестящих победах или громких делах не заслуживает доверия.

Какая же это, в самом деле, победа, когда против горы, занятой десятком – других буров, развертываются полки, бригады, совершаются фланговые охваты и движение. Против 1–2 бурских орудий выкатываются батареи⁴⁵.

А читатели ещё удивляются, что дело редко доходит до штыкового удара, что развитый противник куда-то бесследно исчезает, чтобы затем появиться в другом месте.

Нет в Европе армии, которая стала бы гордиться победой в роде той, которую одержал фельдмаршал **Робертс** во главе пятидесяти тысячного войска над четырёхтысячной армией **Кронье**.

Августус⁴⁶.

Среди газетных статей встретилось и небезынтересное интервью с **Фёдором Ивановичем Гучковым**⁴⁷.

Москвич среди буров.

В пятницу 2-го июня, возвратился в Москву из Южной Африки **Фёдор Иванович Гучков**, отставной сотник Кубанского казачьего войска.

Ф.И. Гучков пробыл шесть месяцев в Трансваале, в качестве простого волонтёра в рядах геройской бурской армии.

Ф.И. Гучкову от роду теперь около сорока лет. Он окончил в 1881 г. курс Александровского военного училища; свою карьеру **Ф.И. Гучков** начал в 1-м лейб-Гренадёрском Екатериннославском Его Императорского Величества полку. **Ф.И. Гучков** ещё с юных лет почувствовал большое стремление к путешествиям. Влекомый в дальние края **Ф.И. Гучков** был счастлив, когда получил приказ оставить «погибельный» Кавказ, для того, чтобы уехать на новую службу – в Манчжурию, где **Ф.И. Гучков** поступил в кадр охранной стражи железнодорожных линий. В Манчжурии **Ф.И. Гучков** прослужил почти два года, то есть до октября месяца 1899 г.

Вернулся из Азии домой в Москву **Ф.И. Гучков** как раз в то время, когда стали сильно писать и говорить о подвигах бурских патриотов. Подав в отставку, **Ф.И. Гучков** в конце ноября поспешил выехать в Преторию. **Ф.И. Гучков** отправился из Москвы в Одессу, а оттуда в Константинополь, где сел на французский пароход «Наталь», который делает рейсы via (через) Порт-Саид и Адена – прямо в Лоренсу-Маркеш. Сюда **Ф.И. Гучков** прибыл 23 января текущего года.

По пути из Адена, бравый офицер и один из первых московских волонтёров среди буров потерпел много невзгод на море, которое тогда особенно бушевало.

Уезжая из Белокаменной, **Ф.И. Гучков**, страдая сердцем, вернее же – неврастенией, решил взять с собой верного слугу **Павла Куманцева**, 40 лет, крестьянина Тульской губернии. Бравый туляк – слуга возвратился из Африки невредимым, как и его барин в Москву.

Из Лоренсу-Маркеша **Ф.И. Гучков** и его верный слуга отправились прямо по железной дороге в Преторию. **Ф.И. Гучков** с большим неудовольствием вспоминает португальцев, ко-

торые в Лоренсу-Маркеше делали всё возможное, чтобы насытить волонтёрам, в особенности русским. Несмотря на все каверзы и интриги португальскихластей в Лоренсу-Маркеше, **Ф.И. Гучкову** и его слуге **Павлу** в конце концов удалось – таки добраться до Претории. Португальские чиновники в Лоренсу-Маркеше – отъявленные взяточники, и открыто берут дань со всех лиц, которые стремятся почему-то в Трансвааль и Оранжевую Республику.

– Это настоящие клевреты⁴⁸ и лакеи⁴⁹ Англии – пояснил **Ф.И. Гучков**.

По прибытии в Преторию, **Ф.И. Гучков** сделал визит президенту **Павлу Крюгеру** и статс-секретарю преторийского правительства **Рейцу**; оба сановника весьма любезно приняли русского офицера – казака, который сообщил президенту, что он приехал с целью поступить простым волонтёром в ряды доблестных бурских патриотов. **Ф.И. Гучков** попал в лагерь при Моддерспрюйте и был назначен в Laager или роту Крюгер-сдорп; ротой этой командовал комендант **Подшттер**, вскоре убитый; затем наш москвич поступил под команду фельдкорнета **Ван-Вийка** 2

Все оружие было привезено **Ф.И. Гучковым** из России. При вступлении в ряды трансваальской армии **Ф.И. Гучкову** был вручен бурский казённый карабин системы **Маузера**, который бьёт на 1400 шагов. Багаж **Ф.И. Гучкова** находится ещё в дороге, а потому нельзя было показать то оружие, с которым господин **Ф.И. Гучков** доблестно сражался против англичан.

В кабинете **Фёдора Ивановича** красуется его бурская серая широкополая шляпа из простого фетра⁵⁰ с загнутым a la mousqetair (по мушкетёрски) бортом (слева направо); борт украшен большой шёлковой кокардой, составленной из голландских цветов: синего, белого, красного; к этим полоскам кокарды добавлены главные цвета Трансваальской и Оранжевой Республик, а именно зелёные полоски.

Ф.И. Гучкову пришлось участвовать во многих битвах и стычках, в дни 18, 19, 23, 24 и 25 февраля текущего года, както на левом фланге коменданта Мидльбурга, а затем с 19 фев-

раля, – при четырёх делах во время попыток англичан перевариться через Тугелу.

Отзыв **Ф.И. Гучкова** о бурах самый лестный: буры – это настоящие герои и заслуживают глубочайшего уважения. С большой похвалой **Ф.И. Гучков** отзывается о генералах, в особенности о **Луи Бота**, который был и будет среди всех вождей самым популярным, даже больше, чем покойный **Жубер**; последний – увы! – не пользовался полным доверием своих граждан.

Луи Бота очень симпатичный человек, хорошо воспитан (редкость среди простых бюргеров), хорошо знает военное дело.

Бота чуть не боготворим своими соратниками.

О президенте **Крюгерे Ф.И. Гучков** отзывался весьма тепло: это человек большого ума, но весьма сухой, почти что неприступный и крайне скончен на слова. **Крюгер** – это типичный спартанец нашего времени. **Ф.И. Гучкову** пришлось так же встречаться с **Лукой Мейером**, **Христианом Деветом** и другими витязями.

Буры вообще относились ко всем русским с большим вниманием, хотя в начале при наплыве космополитического сбrosa недолюбливали и русских, ставя их на одну линию с европейскими авантюристами... обманывавшими буров на каждом шагу.

Ф.И. Гучков сообщил нам, что всех русских волонтёров среди буров насчитывается около 30 человек, включая следующих отставных офицеров разных родов оружия и полков: **Крафт**, **Никитин**, **Августус**, **Дрейер**, **Арнольдов**, **Шульженко** и князь **Багратион-Мухранский**.

Среди статских русских волонтёров выделяется: киевский адвокат года **Николаев**, богатый человек, который привёз из Джибути в Абиссинии, с собой и на свой полный счёт десять черногорцев, это молодцы – сущие герои и поражают своим гигантским ростом. Господин **Николаев** платит своим черногорским кунакам по 10 шиллингов (около 5-ти рублей!) в сутки жалования, притом господин **Николаев** потратил много денег

на вооружение черногорцев первоклассными ружьями лучших английских систем. Этими британскими рифлами (искажённое английское rifle – винтовка, ружьё – *Прим. авт.-сост.*) черногорцы ухлопали много **Томми Аткинсов!**

Князь **Багратион-Мухранский**, находится теперь в плену у англичан. Господин **Арнольдов** был опасно ранен в живот двумя пулями... ныне лежит в госпитале и, слава Богу, заметно поправляется.

С полковником **Максимовым** и капитаном **Ганецким** гостеприимный Гучков встретился единственный раз в Остпрайте, в Оранжевой Республике. Эти два русских героя известны всем бурам своей храбростью и преданностью святому делу свободы, за которое дерутся как львы! буры стреляют замечательно метко, почти без промаха на расстоянии 1000 шагов.

Партизанская ожесточённая война будет вестись бурами до тех пор, пока они живы.

Надо полагать, что буры справляются с англичанами, несмотря на свои слабые понятия о настоящей воинской дисциплине.

В настоящее время у буров заготовлено много провианта, хороших лошадей и громадные суммы денег, буры могут и должны будут вести партизанскую войну с несомненным успехом.

В конце нашей беседы **Ф.И. Гучков** сообщил, что его младший брат, **Александр Иванович Гучков**, так же отправился волонтёром в Южную Африку В Лоренсу-Маркеш **А.И. Гучков** приехал тремя днями позже, чем выехал оттуда в Европу **Ф.И. Гучков**, который и не знал, что его брат отправился к бурам.

Ф.И. Гучков ни разу не был ранен или контужен и вытерпел все невзгоды военного человека с чисто русской выносливостью. Он выехал из Москвы без шума и возвратился так же скромно и незаметно, когда им двигало чисто христианское чувство: желание вступиться за Други своя.

Пожелаем же, чтобы и другие наши волонтёры возвратились на родину, в дорогую Россию, так же счастливо и невредимо, как симпатичный и скромный **Ф.И. Гучков**.

А. д-п.⁵¹

О грузинском князе **Нико Багратиони** была напечатана следующая заметка:

Князь **Багратион-Мухранский** на острове Святой Елены.

1 сентября в редакции «Нового обозрения» было получено следующее письмо с острова Святой Елены от князя **Н.Г. Багратион-Мухранского** (письмо от 2 (14) августа):

5 апреля 1900 г. После страшной битвы под Бозовом (Босгофом), где генерал **Вильбоа де Марейль** был убит, мы были взяты в плен, и вот мне не разрешено писать и я не уверен, что эта карточка (открытое письмо с видами острова Святой Елены) дойдёт до вас; когда разрешат мне писать – опишу все подробности.

Князь **Н.Г. Багратион-Мухранский**, землевладелец душетского уезда Тифлисской губернии (братья покойного душетского уездного предводителя дворянства) в начале этого года выехал в Трансвааль волонтёром, после чего вскоре стало известно, что он попал в плен к англичанам⁵².

Приблизительно в это же время газеты сообщали, что:

Брат раненого в Трансваале **А.Н. Гучкова** получил вчера из Гамбурга от доктора лечившего последнего о раны; телеграмму, в которой говорится, что жизнь **А.И. Гучкова** теперь в безопасности⁵³.

Александру Ивановичу Гучкову посвящена была и следующая заметка:

Бывший член городской управы **А.И. Гучков**, отправившийся в Трансвааль в качестве добровольца, возвращается теперь в Европу. По странной случайности **А.И. Гучков** едет в Лондон на одном пароходе с генералом **Буллером**, против войск которого он сражался в рядах буров. **А.И. Гучков** ранен, как известно, в бедро. Для встречи его в Лондоне выезжает его брат⁵⁴.

Пресса нещадно ругала просвещённых мореплавателей за варварское отношение к пленным добровольцам:

Господин **Янчевецкий** в «Новом Времени» со слов вернувшегося из Трансвааля доктора **Садовского**, рассказывает возмутительный вещи об обращении англичан с русскими пленными. Когда была взята Претория: английские власти стали производить расследование, кто из местных жителей и из оставшихся в Претории иностранцев принимали участие в военных действиях против англичан. Все они были рассортированы по группам, соответственно их виновности, с точки зрения англичан. Англичане, конечно, знали приблизительный имена иностранцев, сражавшихся против них, и по своим спискам, и на основании дознаний посадили иностранцев, в том числе и русских в тюрьму. Русский военный агент, полковник **Стахович**, хлопотал за заключённых и просил, чтобы они были выданы ему для отправки на родину. Очень немногие были отпущены на свободу под честное слово, что не будут более действовать против англичан и уедут из Трансвааля. Обо всех же остальных нет более никаких известий. После взятия Претории всё военные агенты уехали из английской армии, последним уехал полковник **Стахович**, заботившийся о русских военнопленных. Их материальное положение было очень печально, так что бывшие на свободе русские послали им одежду, денег и прочего.

Следует вспомнить, как гуманно слишком двадцать лет назад в Росси относились к пленным туркам, и сравнить с ними положение пленных у англичан, которые обращаются со своими отважными противниками, жертвовавшими своей жизнью, как с арестантами, сажая их в тюрьму, где они терпят лишения и отрезаны от всякого сообщения со своими близкими и всем миром. Вместе с бурами и русские добровольцы по манию руки генерал **Робертса** из воюющей стороны превратились в мятежников и арестантов. Несомненно их права нарушены и требуют защиты.

Будем надеяться, что наше Министерство иностранных дел окажет им эту защиту со всей энергией и непреклонностью, которых требует честь и достоинство русского имени⁵⁵.

Крайне любопытная обзорная статья о положении дел на Юге Африки и об участии наших добровольцев в боевых действиях на стороне африканеров:

Фельетон.

Из военной жизни.

Правда о бурах.

Как вы думаете, добьётся чего-нибудь в Европе **Крюгер**? Выгонят буры англичан? Где же тогда правда на белом свете? – вот вопросы, которые нам непременно задают почти везде, куда вы ни приходите и вот что неизменно интересует публику и особенно дам и барышень. И должно интересовать, потому что им жалко буров. Жалко всегда обиженных. Если бы буры побеждали англичан и изгоняли бы их из Капландии, мы, сторонние в этом деле, жалели бы англичан. Говорили бы, как это ужасно, что в конце XIX в. и вдруг торжество грубой силы, успехи малокультурной нации! Так устроено на свете. Мы жалеем мазурика, которого тащит городовой, хотя, если бы мазурик не был пойман, мы громко вопили бы о плохой полиции, о безопасности наших кошельков и о прочем. Таковы мы, потому что нами прежде всего управляет сердце и нам во первых – жаль, а там уж идёт во вторых и в третьих.

Буров жаль. Китайцев, так некстати втесавшихся в мировую хронику, тоже жаль, а потому нам и интересно, что же дальше будет? Хочется заглянуть хотя бы в щелочку будущего и узнать, чего нам ждать?

Мы давно не писали про буров. Писать по английским телеграммам это значило вдаваться в такие дебри лжи, из которых потом и не выбраться. Английские известия были таковы, что всё в Трансваале All Right (Всё прекрасно), без сомнения, значит, будьте, а на деле, ещё недавно целый полк англичан

был взят в плен и с октября месяца буры появились и здесь и там.

Что же это такое? Чтобы объяснить себе эту причину, мы старались собрать возможно более сведений о бурах у людей, возвращавшихся из Трансваала, и суммируя их рассказы, вывести уже лично своё мнение.

Прежде всего бур не солдат в том смысле, как понимаем это слово мы. У нас солдат казённый человек, который ушёл из дома, отрёкся от семьи и своих дел и посвятил себя на служение Государю и Родине. Бурский защитник родины от своих дел не отказывается ни на минуту. Он идёт сражаться тогда, когда у него на это есть время, как в другое, мирное время он пошёл бы на охоту. В марте, апреле и мае, когда было время полевых работ, буры разошлись по домам, притянувшись к своим **маузеровским** винтовкам, выдали старые негодные ружья, притворились мирными и занялись жатвой. На позициях осталось ничтожное число буров и началось победоносное шествие **Робертса**. Пал Йоханнесбург, пала Претория, затем пошли дожди и жары тропического лета и все притаились по своим фермам, ничего не предпринимая. Но вот настала осень. Жатва собрана, земля просохла, чудные африканские дни настали, и сейчас же, как мыши из нор, полезли из всех ферм и краалей буры. Бур неприхотлив на пищу, в этом отношении он настоящий дикарь. Несколько тонко нарезанных ломотков мяса, вяленного на солнце, немного муки, наболтанной с водой, вот походный обед бура. Его лошади служат ему не для атаки, а лишь для быстрого передвижения с места на место. С октября месяца начали бурские отряды летать от Кейптауна до Родезии, наводить тревогу в английском стане и прорывать длинную линию английских сообщений. Начались победы буров. Мы опять восхищаемся ими, как восхищались в славные дни Тугелы и Ледисмита. Теперь их положение лучше. Задор новизны прошёл в английских войсках, война стала менее популярна, солдаты неохотно идут в бой, они истощились в непривычном климате, стосковались по родине.

Сэр **Робертс** оказался неглупым человеком. Пожав лавры своего похода в разгар полевых работ, он в дни дождей объявил Трансвааль и Оранжевую Республику покорёнными и удалось в Лондон почивать на лаврах, предоставив **Китченеру**, с которым он был не в особенно хороших отношениях, расхлебывать результаты чересчур быстрого покорения Трансвааля. Мы наперед можем сказать, что до февраля приблизительно будут продолжаться победы буров. Насколько велик будет результат этих побед, предрешить трудно, потому что буры всё-таки сапожники в военном деле. Они не пользуются плодами своих побед, не наводят ужас на неприятеля, не повторяют удар за ударом. Ведя партизанскую войну, наподобие наших казаков, они не усвоили главного принципа наших казаков, они не усвоили гласного принципа казачьей тактики, – на войне всё возможно. Можно вдвоём кинутся на роту, можно с полком забрать дивизию. Для этого лишь нужно лишить эти роту и дивизию их обозов и довести до отчаяния.

И согласия мало между бурами. В них нет святой идеи защиты родины, как чего-то целого, важного для всех. Они дерутся каждый на свой страх, мало доверяя друг другу. Когда престарелый **Жубер**, теперь уже покойный, уезжал в Преторию, и перед отходом поезда собрал вокруг себя фельдкорнетов и увещевал их постоять за отчество, они ругались, обзываю его трусом, старой лисицей и отказывались идти в бой.

Бур не признаёт суровой воинской дисциплины. Не говоря уже про то, что внешнего чинопочтания среди буров нет, он покидает позицию и свой отряд, как только ему надоест воевать. Ни один бурский генерал не может рассчитывать впереди своих шагов. Собралось к нему достаточно буров и он предпринял поиск. Разошлись буры по домам, и он сидит, прячась в ущелье, ожидая новой вспышки охотничьего энтузиазма. Англичанин для бура – это дичь. Правда мясо этой дичи несъедобно, но шкура иногда содержит довольно ценные вещи, которыми бур не брезгует. Кроме того англичанин для бура вредный зверь, нечто среднее между волком и сусликом. Он поедает и

топчет его поля, он жжёт его краали, убивает его братьев, он должен быть уничтожен.

Война эта кончится не скоро. Но уже теперь можно думать, что она может кончиться и в пользу англичан. Сила и деньги сильнее права и правды. Двадцать, а может быть и более лет и более лет осенью будут вспыхивать среди занятого англичанами края мятежи. Буры будут вырезать английские гарнизоны, наводит тревогу на линии английских форпостов, но на место вырезанных будут являться новые наёмники **Сесиля Родса** и других компанейцев и мятеж будет стихать. Богатые фермеры смирятся. Бедные будут разорены, дома их отобраны в казну и отданы англичанам и вместо грубой первобытной культуры **кафрского** хозяйства, которое практиковали буры, пойдёт национальное английское хозяйство – et viola-tout (вот и всё).

У буров нет больше добровольцев. Добровольческий пыл остыл в Европе, как и предсказывал в прошлом году господин **Николаев** в нашей газете – добровольцы в Трансваале успеха не имели. Бур смотрит на дело практически. – Ты пришёл сражаться к нам – сражайся. Жалования мы тебе платить не будем. Получай винтовку **Маузера**, 250 штук патронов, патронташ и одежду и ступай. Лошадь давали весьма плохую, продовольствия в виде галет или консервов не отпускали, а давали кусок сырого мяса и немного муки, как и другим людям отряда.

Буры это мясо резали тоненькими ломтиками, вялили на солнце и имели продовольствия на целую неделю. Но европеец не мог есть такую пищу и голодал. Жизненные припасы в Трансваале очень дороги, а между тем даром ничего не давали, приходилось тратить свои деньги.

Большинство добровольцев оказались люди без средств, крайне непрактичные и мало понимающие в военном деле. Когда нужда придавливала их посильнее, они продавали лошадей и оружие фактору еврею и проедали вырученные деньги, а потом снова или записывались в добровольцы, чтобы получить ещё раз лошадь, ружьё и одежду и иметь минимальный ресурс для жизни. Товарищи буры обращались с добровольца-

ми в большинстве случаев грубо и не ласково, и это оскорбляло добровольцев и лишало их энергии, нужной для боя.

Всё это расходило добровольцев, которые ожидали совершенно иного к себе отношения. Вот почему добровольческое движение в Европе и приостановилось.

Не ласково на первых порах относились буры и к европейским отрядам Красного Креста. Дело в том, что немцы прислали с отрядом Красного Креста на испытание свой военно-полевой госпиталь и, как только кончилось испытание, удалились из Трансваала в самый разгар войны, русскоголландский госпиталь вскоре попал в плен, а русский Красный Крест на первых порах был принят населением недружелюбно. Дело в том, что буры под словом русский разумеют тех русских, которые прибыли к ним из Бердичева, Шклова, Одессы и других контрабандных городов и которые ничего общего с христианским православием не имеют. Когда началась война в Трансваале, трансваальское правительство предложило всем долго живущим в Трансваале людям, то есть своим уитландерам взять трансваальские паспорта, стать полноправными гражданами Трансваала и сражаться за отечество; остальным взять паспорта у своих консулов. Немцы, голландцы и французы, не задумываясь стали на защиту Трансваала. Но бердичевские русские испугались не на шутку. На их счастье ни в Йоханнесбурге, ни в Лоренсу-Маркеше русских консулов нет, а обязанности их выполняют иностранцы, которым, конечно, решительно всё равно, как будут смотреть на русских. Заплатив 10 долларов, каждый иерусалимский дворянин запасся русским паспортом и занялся гешефтом на полях сражений. Вот эти – то люди и скупали у голодающих добровольцев их лошадей и оружие. Понятно, что такая деятельность тёмных личностей с русскими паспортами не могла внушить бурам уважения, и к прибытию русского Красного Креста буры отнеслись холодно. Однако в скором времени они убедились в своей ошибке, а когда русский Красный Крест остался единственным у буров не плененным и счастливо и смело ускользавшим от англичан, буры прониклись громадными симпатиями к русскому наро-

ду. С этого времени и русские добровольцы стали пользоваться большим вниманием. Но тем не менее, буры в общем не изменили своего мнения о добровольцах и продолжали смотреть на них не столько как на помощников, сколько как на лишние рты.

Большая ошибка буров отпускать пленных англичан. Этим пополняются вновь ряды притеснителей, которые начинают сильно редеть. Куда их девать? Их нечем кормить, некому смотреть за ними? пусть буры в этом отношении возьмут пример у просвещённой нации – Англии и Германии и применяют к англичанам тот способ, который англичане находят прекрасным для пленных китайцев (имеется в виду отрубание головы – Прим. авт.-сост.) Всё равно – буры уже всё поставили на карту.

А в общем бурское дело далеко не так безоговорочно проиграно, как то объявляют англичане.

П.Петров⁵⁶.

Об иностранных добровольцах, захваченных в плен англичанами сохранилась и следующая заметка:

В одном из последних заседаний Палаты Общин, военный министр сообщил число взятых в плен в Южной Африке иностранцев; тех, которые утверждают, что они не бюргеры: 40 французов, 150 немцев, 29 русских и 23 американца; утверждающих напротив, что они бюргеры: 5 французов, 123 немца, 13 русских и 13 американцев⁵⁷.

При этом мольбы отпустить добровольцев из плена, как правило оказывались тщетными:

Англо-Трансваальская война.

Вашингтон, 24 мая (6 июня). (Рейтер). На запросы родственников тех американцев, которые сражались на стороне буров и попали в плен к англичанам, американский генеральный консул в Капштадте, уведомил статс-секретаря **Гея**, что они находятся в Симонстауне, Дурбане и на острове Святой

Елены, что о них хорошо заботятся и что их положение в настоящее время гораздо лучше, чем английских солдат⁵⁸.

Евгений Августус то же писал о попытке буров добиться заступничества у руководителей крупнейших держав:

Но тем не менее буры ещё не оставили окончательно надежды если не на вооружённое вмешательство, то, по меньшей мере, на посредничество европейских великих держав.

На совещании между президентами **Крюгером** и **Стейном**, причём в числе немногих избранных лиц присутствовал и полковник **Максимов**, было решено сделать новую попытку в этом направлении. Представитель интересов Трансваальской республики в Европе доктор **Лейдс** до сих пор не мог добиться положительных результатов; вся его деятельность сводилась к бесплодным путешествиям по европейским столицам и к беседам с журналистами. Очевидно, что нужно было изыскать другой способ, чтобы обратить внимание иностранных держав на критическое положение Южно-Африканских Республик.

Тогда выступил полковник **Максимов** со своим планом, состоящим в том, чтобы отправить в Европу особое посольство, снабжённое самыми широкими полномочиями. Благодаря красноречию и энергии **Максимова**, план его удостоился общего одобрения. Вожди бурского народа знали, что геройская шестимесячная борьба за свободу и независимость близится к неизбежному концу, что не хватит больше сил противиться врагу, наводнившему уже Фрейштат своими войсками. Они не могли, не хотели мириться с мыслью, что высококультурные, гуманные народы Европы не отзовутся на вопли истекающей кровью жертвы, что повелители этих народов, располагающих миллионами штыков и пушек, не приостановят наконец одним лишь словом это беспощадное избиение одного народа другим.

Выбор президентов пал на **Фишера**, **Вольморанса** и **Весельмана** – людей, хорошо известных во всём Трансваале...

умные, горячие патриоты, занимавшие до войны видные общественные должности, они сняли с себя патронташи и винтовки, распостились с родиной и пустились в кругосветное путешествие, искать защиты и правосудия у сильных мира сего.

Члены миссии были конечно обеспечены презренным металлом. При всей своей наивностью буры отлично понимали, что даже пускаясь искать по свету, где оскорблённому есть чувство уголок (Грибоедов «Горе от ума»)⁵⁹ прежде всего нужен тут набитый бумажник.

Делегация, напутствуемая всеобщими пожеланиями благополучного возвращения, выехала в Лоренсу-Маркеш в начале марта 1900 г. Результаты её поездки известны конечно читателям из газет.

Но буры, как неисправимые идеалисты, не сомневались тогда, что результатом поездки делегации будет veto⁶⁰ одной или нескольких европейских держав, и что veto затормозить дальнейшее наступление англичан и заставит их заключить мир на почётных условиях. Даже телеграммы Императора **Вильгельма** теперь уже не казались им такой знаменательной. Наше дело правое перед Богом и людьми; не оставят нас теперь, когда мы умоляем о помощи.

Бедные буры! Они и не подозревали, что европейское общество, всецело погружённое в грубый материализм, равнодушно предоставит их своей судьбе. Дальше того, что оно выслало им на помощь сотню другую шалых голов, что во время концертов и спектаклей устраивались сборы пожертвований в пользу буров, что на страницах карикатурных журналов всячески поносили **Чемберлена** и **Джон Буля**, оно не могло идти.

И в самом деле, что могло бы какую-нибудь из континентальных держав заставить вмешаться в домашний спор Англии с Южно-Африканскими Республиками? Политика не должна руководствоваться сентиментальными порывами. Прошло то сказочное время, когда христианские короли собирали войска и шли в неведомые страны на освобождение гроба Господня. Ещё менее чем на дипломатию, которая быть может при иных

условиях и охотно воспользовалась бы стеснённым положением Великобритании и тем оказала бы хоть косвенную пользу Трансваалю, буры должны были рассчитывать на сочувствие народных масс, которое само по себе ни в каком случае не могло дать положительных результатов.

Чем в сущности вызваны симпатии среднего культурного человека к бурам? Сознаться – так не потому только, что у него заклокотало чувство негодования перед насилием, не потому только, что он сознаёт и наслаждается эстетикой борьбы за свободу и независимость, а скорее потому, что перед ним развернулось захватывающее дух зрелище войны, щекочущее нервы, точно бой быков и на кого-нибудь да нужно поставить свою ставку. А разыгравшееся на его глазах зрелище кровопролитной войны так мучительно и вместе с тем так приятно – он волнуется, трепещет, сам переживает ощущения борьбы. Англо-бурская война внесла приятное разнообразие в газетную литературу после надоевшей всем аферы **Дрейфуса**.

Гете, кажется, в Фаусте, указал на это свойство человеческой природы, рисуя благодушного филистера⁶¹, занимающего для пользы пищеварения чтением газет:

Wenn hinten weit in der Turkei (Когда там, далеко в Турции)

Die Volker aufeinanderschlagen! (Бьются народы)

У буров в руках было более действительное средство, чем всё воззвания, дипломатические ноты и вопли о помощи, что бы заставить Европу относиться более внимательно к исходу воины – это, в случаях вторжения англичан в пределы Трансваала, взорвать все мины [шахты] Витватерсранда. Самый могучий рычаг политики экономические соображения, а главная часть капиталов, похищенных в акциях Южно-Африканских золотых рудников, составила собственность не англичан, а французов, немцев и американцев. Одной угрозы было бы достаточно, чтобы вызвать интервенцию держав. Буры знали об этом, но рассуждали таким образом; если разрушить минные поля, оборудование которых обошлось иностранным капиталистам в миллионы, то этим будет вызван финансовый кризис во всей

Европе; делегация встретит холодный приём и принуждена будет ни с чем вернуться обратно. Страх перед тем что скажет Европа играл не последнюю роль в мероприятиях бурского правительства.

Вообще буры даже в самые критические минуты войны не только по отношению к имуществу частных лиц, но и к врагу проявляли чисто рыцарское благородство, иногда граничащее с непростительной наивностью.

С какой гуманностью относилось например правительство к английским пленным, содержавшимся, в числе 3000, в Вандерфонтейне, к северу от Претории. Пленные были просторно размещены в палатках и частью в досчатых бараках; продукты (мясо, свежее или в консервах, два килограмма пшеничного хлеба, варенье jam, чай, сахар и кофе) опускались в изобилии; выдачей продуктов заведовали буры-комиссары, а между пленными они уже распределялись выборными артельщиками из числа самих англичан. Весь лагерь был обнесён колючей проволокой и охранялся небольшим отрядом Преторийской полиции.

Пленные офицеры, число которых во время моего пребывания в Претории не превышало 70 человек, содержались в самом городе, в здании Model School. Они, конечно, пользовались гораздо большими удобствами и комфортом, чем нижние чины. Обеды a la carte (с меню), журналы, музыкальные инструменты – всё было им великодушно предоставлено правительством, между тем как сами бурские команды часто терпели недостаток в самом необходимом.

Состояние духа пленных было прекрасное; отдавшись от всех лишений и неудобств походной жизни, они чувствовали себя отлично под охраной полисменов в белых касках и сознанием исполненного долга беззаботно проводили целые дни за излюбленным lawn-tennis'ом, предоставляя другим, более счастливым свои соратникам, трудную задачу справиться с ... презренными бурами и освободить их из плена.

За всё время нахождения пленных в Претории был всего один случай побега – и то не нижних чинов, которые откре-

щивались при одной мысли променять сытую созерцательную жизнь в Вандерфонтейне на треволнения войны – а двух офицеров из плохо окарауливаемого помещения Model School⁶².

Но вернёмся вновь к несчастливым для буров событиям марта-апреля 1900 г. Об африканерах и о последствиях отступления войск бурских республик сестра милосердия **Ольга фон Баумгартен** писала:

Буры не любят, когда их зовут бурами, Воег значит крестьянин, а мы не мужики, говорят они, а фермеры – трансваальцы.

8 марта к нам приехали два русских волонтёра. От них мы узнали о событиях последнего времени.

Буры заметно падают духом, – говорили они. Да и причины к тому довольно веские. Англичане стали сражаться удачнее и против буров возбуждают **кафров**, а это – не шутка. Нелюбовь к бурам у чёрных существовала всегда, её вызывали жестокое обращение трансваальцев и их надменность. Этим и начинают пользоваться англичане⁶³.

Положение дел при многократном численном пре восходстве англичан и панике среди буров после понесённых ими ряда чувствительных поражений уже невозможно было поправить, хотя местные власти всеми силами и пытались сделать это:

12 марта мы узнали о последних полученных от трансваального правительства прокламациях. Буров приглашают сражаться до последней капли крови, чтобы не сделаться рабами англичан.

13 марта Ньюкасл небывало оживился. На улицах толкотня, сутолока, все спешат в открывшиеся магазины. Это лавки, принадлежавшие прежде, до взятия города, англичанам. За гроши можно здесь купить груды ценных, брошенных прежними хозяевами, материалов. Волонтёрам предоставляется всё

захватывать даром; это носит даже особое название – «Коммандер».

15 марта облетела город весть о скоропостижной кончине **Жубера**. После взятия Ледисмита, главнокомандующий уехал в Преторию, где заболел и вскоре скончался.

Как всегда в подобных случаях были самые разнообразные толки, но всего упорнее циркулировал один слух, будто бы поражение буров так на него подействовало, что он пошёл даже на самоубийство.

У нас довольно оживлённо почти все эти дни, постоянно гости русские волонтёры, а их много. Вот и сегодня после грустных рассказов о кончине **Жубера** слышали мы забавный эпизод из событий последних дней, от одного из наших соотечественников. Стояли мы против английского лагеря. Поздно, темно, только видим, что-то движется, словно человек, по направлению к нам. Шпион, решили мы. Выстрел и вслед за ним падение тела. Подкрались, видим труп, начинаем всматриваться, что за диковинка, словно и на человек не похоже. А кто бы вы думали это был? Страус, да ещё домашний, местного фермера. Пришлось ему за птицу 7 фунтов заплатить⁶⁴.

Очень точно в воспоминаниях передается отчаяние руководителей африканеров и окружающих их простых людей в переломной обстановке, когда у многих остаётся лишь последняя надежда – уповать на Всевышнего:

Вечером того же дня (12 апреля 1900 г.), было получено страшное известие о катастрофе, произшедшей в Йоханнесбурге. Неизвестные злоумышленники взорвали оружейный завод, причём пострадали и соседние дома частных лиц. Упорно по городу ходила молва, что это было дело рук англичан.

15 апреля днём навестить одного из моих больных приехал его знакомый волонтёр, только что присутствовавший на торжественном погребении тела бурского героя **Жубера**.

– Никто бы не подумал, – говорил он, что Претория, подавленная горем, в подобную минуту, когда смерть парит над

головой каждого и война наложила на всю свою неизгладимую печать, могла бы уделить столько забот и приложить столько старания, чтобы отдать по заслугам последний долг и торжественно почтить память своего национального героя.

Толпы народа, представители войска, **Крюгер**, в парадной президентской золотой карете, команданты и, наконец, даже пленные англичане, в полной парадной форме, принимали участие в печальной процессии.

18 апреля узнали мы, что буры выжили последних англичан из Йоханнесбурга и Претории. Дня через три приехал к нам оттуда один из членов нашего отряда, который видел **Крюгера** и был свидетелем, как держал он речь к народу перед сражением у Брандфорта. Это было ранним утром. **Крюгер** сильно взволнованный обратился к народу; Дети, молитесь всем сердцем Господу Богу. На всё его святая воля. Уповайте на милость творца! Если Брандфорт будет взят ненавистным неприятелем, это будет символом того, что Господь покинул наш народ.

В 2 часа пополудни пришло известие о взятии Брандфорта англичанами⁶⁵.

В приведённых выше отрывках из воспоминаний говорится о тяжёлом для населения африканерских республик времени, когда бурские ополченцы отступали после целого ряда поражений и когда скоро-постижно скончался главнокомандующий войсками **Жубер**, то на его должность назначили генерала **Деларея**, который лишь спустя некоторое время смог до определённой степени выправить положение и продолжить боевые действия.

Софья Изъединова так описывала этот почти всеобщий упадок духа:

Хорошо было известно, что почти все фрейштатцы разошлись по своим фермам и то же явление больше и больше распространяется среди трансваальских войск; даже вокруг таких вождей, как **Деларей** и **Бота**, осталось только небольшое

зерно верных защитников родины, совершенно недостаточное для задержки наступления английских войск.

Последующие события достаточно показали, что деморализация, хотя она, действительно, имела свой момент, могла быть только явлением случайным, не имевших начала в основных свойствах характера буров и нисколько не подорвала их действительную способность к упорному геройскому сопротивлению.

Я могу только повторить, что отсутствие дисциплины и настоящей военной выдержки сделало буров особенно доступными временному упадку духа, когда постоянные успехи первых месяцев войны внезапно, и для большинства непонятно, сменились полосой столь же последовательных неудач.

Бур, несмотря на прекрасные военные качества, высказанные им в этой войне, по характеру вовсе не солдат, считающий делом долга и чести держаться даже в невыгодном положении ради отвлечённого *point d'honneur*'а (символа чести). Он также и не политик и до войны весьма поверхностно интересовался вопросами политики и управления. Бур прежде всего семьянин и человек привычный к самой широкой личной независимости. Всякое нарушение этих привычек независимости, от кого бы оно ни исходило, а тем более оскорбление и разрушение родного очага, вызывают буров на упорную неуклонную борьбу гораздо более, чем соображения общеполитического или даже общенационального характера.

Поэтому люди, хорошо понимавшие характер буров и действие, которое должно было оказать даже на самых миролюбивых из них владычество англичан в покорённых областях, ещё тогда, в самые, казалось, безнадёжные минуты, пророчили новый подъём народного духа и борьбу на жизнь и на смерть, даже в по-видимому замирённых местностях. Этот взгляд, так блестательно оправдавшийся впоследствии, принадлежал, конечно, лицам энергичным и дальновидным, позднейшим гла-варям борьбы; но большинство, масса, переживала в то время тяжёлые минуты непонимания уже свершившихся фактов и смутного, но гнетущего страха перед их неизбежными последствиями.

Рейц (стас-секретарь) на мой прямой вопрос сказал мне: Рано или поздно нам придётся уйти в горы вокруг Лейденбурга и оттуда стараться изнурить англичан партизанской войной. Когда вы вернётесь в Европу, говорите там сколько можете о правоте нашего дела, и что хотя бы не нашлось правительства, чтобы заступиться за нас во имя справедливости, мы будем бороться буквально до последней капли крови. Буры по своёму характеру неспособны подчиниться насилию⁶⁶.

При отступлении буров российский доброволец **Владимир Рубанов** отметил характерные особенности некоторых тамошних чёрных народностей (по-видимому **зулусов**):

Обратное путешествие продолжалось два дня, так как здесь ездят довольно медленно на мулах. Наша троль, или, по-просту, телега была запряжена пятью парами мулов; впереди всё время бежал погонщик-негр. Выносливость негров приводила меня в изумление; наш погонщик пробегал 40–50 вёрст, почти не отдыхая в продолжение всего дня; да и в лагере отдых для них лишь относительный; здесь неграм палаток не полагается и они, хранимые небом спят обыкновенно на открытом воздухе даже в непогоду.⁶⁷

Приведём и другие любопытные воспоминания **Владимира Рубанова**:

Волонтёры в Трансваале.

Инженер **В.И. Рубанов**, возвратившийся из Трансваала, где был волонтёром бурской армии в составе русского отряда, поделился вчера в обществе архитекторов интересными впечатлениями и сведениями о событиях, которых был очевидцем.

Буры встречали добровольцев весьма гостеприимно. В Претории давалось волонтёрам 15 дней отдыха, во время которых они должны были запастись всем необходимым. Хлопоты по

снаряжению не представляли никаких затруднений, благодаря очень простой и практической организации дела. Все операции, нужные для волонтёров, совершались в помещении парламента. Это здание очень простой конструкции, всё разделено на комнаты с номерами, что представляло большое удобство. Волонтёрам указывали определённый номер, куда им следовало направиться. Здесь их не спрашивали, зачем они пришли, и прямо делали дело и направляли затем в другой номер, где так же не задавали никаких вопросов, продолжая своё дело и так далее. Волонтёры получали бесплатно решительно всё, начиная с рубашки и кончая лошадью, которую каждый выбирал по своему усмотрению. Провожая своих на театр войны совершил спокойно, без слез буры как бы жалели волонтёров, смотря на них как на попавших в тяжёлые условия, в неподходящую обстановку. Докладчик с русским отрядом капитана **Ганецкого** отправился к Блумфонтейну. Прибыли они на место когда уже Блумфонтейн был занят англичанами и наступило продолжительное затишье в военных действиях. Вблизи стоял отряд **Девета**, русский отряд, состоявший из 57 человек, обращал на себя всеобщее внимание – публика в его составе собралась интеллигентная, порядочная, в то время как в большинстве волонтёров других иностранных отрядов прибыли скорее за наживой, а не для помощи. Собственно русских в нём было до 20-ти человек, а остальные – итальянцы, португальцы и немцы. Русский отряд был первым пионером музыки в Трансваале, составив из своей среды оркестр и хор песенников: бурам очень нравились русские песни и в особенности русский народный гимн⁶⁸, который они неоднократно заставляли повторять. В знак особого уважения и почёта к русским буры нередко приходили по вечерам в лагерь отряда и качали русских на воловых кожах. При резких климатических переменах в Трансваале (днём 40–50) жары, а ночью ужасный холод, так что приходилось спать под тремя одеялами одетым и обутым), между прочим можно было убедиться в особой выносливости русских. Иностранцы болели, а среди русских не было ни одного больного. В течение целого месяца отряду лишь один

раз пришлось участвовать в перестрелке с англичанами, в которой был убит русский офицер **Строльман** (по другим сведениям лейтенант **Борис Андреевич Строльман** погиб в составе отряда генерала **Девета** – Прим. авт.-сост.), прибывший самым последним в отряд. Собственно буры и не ждали никакой помощи от иностранных волонтёров и последние не принесли той пользы, которую могли бы. Причин этого несколько. Во-первых буры свысока смотрели на иностранцев в отношении организации военных действий и свой способ ведения войны считали выше, говоря, что иностранцы приходят к ним учиться. Никаких советов поэтому они не слушали. К тому же иностранные волонтёры считали почему-то главнейшей своей задачей производство разведок между тем как буры сами лучше (знали) обо всем, что сообщали им иностранцы.

Во-вторых и среди самих иностранцев не было европейской дисциплины. Каждый отряд действовал самостоятельно, и когда один раз бурский парламент хотел всех соединить под начальством полковника **Вильбоа-де-Марейля**, то начальники отрядов не согласились на это. Из наблюдений над бурами бросалась в глаза особая черта их характера. Несмотря на частные войны у них не выработалось спокойствия духа при виде раненых. Как только среди них появлялись раненые, хотя бы и не много, так сейчас же они падали духом и спешили отступать.

Неумение их во многом проявлялось. Динамика, например, у них было в изобилии, но когда они взрывали мосты, то ограничивались лишь порчей одного быка и англичанам вследствие этого, ничего не стоило в 2–3 дня возобновить мост. Этим между прочим и объясняется скорое шествие англичан вперёд. При осаде Ледисмита они хотели затопить его, но плотину, сооружавшуюся под руководством какого-то французского инженера, прорвало и дело кончилось неудачей.

Война вызвала необыкновенный подъём цен на все. Поставщиками буров являются евреи, переполняющие Преторию, в руках которых сосредоточена почти вся торговля, и эксплуатация достигла громадных размеров. За обыкновенное седло например, которое к тому же нередко через не-

сколько дней оказывалось никуда не годным, правительство платило по 50-ти рублей (5 фунтов). Большинство евреев англоманы и ненавидят буров, не предоставляющих им прав гражданства. Вместе с евреями сильно эксплуатируют буров и другие иностранцы, живущие здесь в большом числе и занимающие места чиновников, техников и прочее. Шпионство около буров развито было очень сильно, так как вся телеграфная служба находится в руках иностранцев, то все новости узнавались врагами буров через английских чиновников и евреев раньше, чем они появились в правительственные органах цензором, просматривавшим всю корреспонденцию, отправляющуюся в Европу, был так же еврей, знавший все языки. Вообще англичане принимали все меры к тому, чтобы быть в курсе бурских дел и вместе с тем препятствовать всякой помощи, которая могла явиться для буров. особенно это сказывалось на волонтёрах со вступлением в бухту Делагоа. Здесь, в португальских колониях, хозяинчают в сущности англичане. Хлопоты, чтобы проникнуть сюда, в Трансвааль, сопровождавшиеся большими препятствиями, нередко стоили очень дорого и бывали случаи, что волонтёры, благодаря грабежу португальцев, должны были застревать в Лоренсу-Маркеш.

Докладчик, иллюстрировавший своё сообщение множеством фотографических снимков, награждён был шумными аплодисментами многочисленной публики⁶⁹.

Правы те исследователи прошлого, которые полагают, что любые записи свидетеля тех или иных событий полезны для последующих поколений, поскольку часто в нескольких предложениях разъясняют целые явления общественной жизни. В этом смысле хорошо показывает и подтверждает общепринятое положение дел с грабежами бесхозного имущества добровольцами, сражавшихся в войсках буров следующий отрывок:

30 марта нам поступил больной немец, инженер; в качестве волонтёра он прожил в лагере у буров четыре месяца. Он удивлялся религиозности трансваальцев, они долго перед сражением молятся и поют псалмы и затем только отправляются в дело. Как волонтёр он содержания от бурского правительства не получал. Оно представляет волонтёрам содержание из неприятельской добычи, то же делают и англичане⁷⁰.

При обратной дороге домой через Португальский Мозамбик иностранным добровольцам снова приходилось терпеть многочисленные препоны португальских властей, откровенно плясавших под дудку англичан, хотя и они и считались нейтральными, о чём с возмущением заметил **Владимир Рубанов**:

Из Йоханнесбурга я отправился опять в Преторию и, получив у местного фельдкорнета паспорт, уехал в Лоренцо, чтобы отплыть в Европу. К моему крайнему негодованию, здесь снова пришлось испытать большие неприятности от английских властей. Их дерзость дошла до того, что английский консул запретил частному африканскому банку выдавать кому бы то ни было без его разрешения деньги. Когда я предъявил свой чек, директор банка, извиняясь, послал меня к английскому консулу получить разрешение на выдачу мне денег. Со мной отправился хлопотать по такому же делу русский офицер **Ф.И. Гучков**, который за меня объяснялся по-английски. Узнав, что мы едем из Трансваала, консул категорически отказался выдать нам разрешение. Возмущённые таким произволом, мы бросились искать защиты у русского консула, который, казалось нам, обязан был заботиться об интересах своих соотечественников, попавших в чужие края. Однако мы заблуждались; наш консул ничего для нас не сделал и попросту заявил, что он не вмешивается в частные дела.

Положение наше становилось критическим, так как у нас не хватало денег даже для покупки билетов на пароход, который должен был через два дня отправиться в Европу. Остава-

лось прибегнуть к услугам земляка – еврея, который согласился уже купить с большой уступкой наши чеки. К счастью директор банка, видя неосновательность требований английского консула и наше безвыходное положение, решился выдать нам на свой страх деньги, с условием, чтобы мы достали от русского консула удостоверение в том, что мы, действительно едем в Европу. За два часа до отплытия парохода мы получили деньги и еле-еле успели запастись билетами и всем необходимым для продолжительного путешествия⁷¹.

В запальчивости **Владимир Рубанов** написал следующие жёсткие, но во многом справедливые и по сей день слова:

В самой Англии раздавались и раздаются голоса культурных людей, которые всеми силами противодействовали настоящей войне. Даже министр колоний **Чемберлен** в одной из своих речей, как бы повинуясь голосу совести, сказал, что воевать с бурами, чтобы истогнуть у них требуемые реформы, неразумно и безнравственно. Да, буры борются за свою свободу и независимость, борются против водворившегося в их отечестве капитализма и монополии. Культура, цивилизация, борьба за существование, вот слова, в значении которых кажется не совсем разобрался XIX-й век. Цивилизованная нация из-за благородного металла посыпает своих сынов разорять целые страны и убивать десятки тысяч людей; в то же время другие – хладнокровно глядят на эту бойню, не сделав ни одной попытки к её прекращению. Неужели для цивилизации и культуры нет другого пути; и для их наследования потребовались сотни тысяч солдат, из которых 20 процентов остаётся в госпиталях, а остальные едва передвижая ноги, бродят под африканским зноем, исполняя затеи шайки капиталистов. Прав был **Мольтке**, предсказывая, что биржа будет играть важную роль, как причина и повесть к будущим войнам⁷².

Ему вторил в своих записках и **Евгений Августус**, особо подчёркивавший экономические причины для начала столь продолжительных боевых действий:

Не прошло и года после торжественного освящения международных принципов, направленных к ограничению кровопролитий и бедствий войны, как весь мир, ещё находившийся под впечатлением Гаагской конференции, был поражён ярким заревом вновь вспыхнувшей войны.

Разыгравшиеся на наших глазах, на заре XX столетия, жестокие до бессмысленности войны англо-бурская и китайская служат доказательством, что как в отдельном человеке, так и в массе под внешним лоском современной цивилизации дремлют инстинкты насилия и кровожадности, что далеко ещё то время, когда взаимные отношения народов и Государств будут основаны, если не на высоких заветах христианского учения, то по крайней мере на началах гуманности и справедливости.

И в наши дни столкновение экономических интересов и дипломатические осложнения, вызванные ростом и соперничеством отдельных народов, могут привести к таким же катастрофам и кровопролитным беспощадным войнам, как в былое времена религиозный фанатизм или слепая бессознательная вражда рас.

Надолго ещё единственным залогом целости и преуспеяния Государства будет служить вооружённая сила, и лишь армия во всеоружии новейшей техники и знания является защитницей высших жизненных интересов народа и Государства.

С этой точки зрения южно-африканская война представляет поучительный пример того, что ни Республикаанские ополчения, ни наёмные войска не могут заменить постоянной регулярной армии. Мы видим, что высокие нравственные и физические качества отдельного борца-гражданина не могли искупить присущего бурам нежелания подчиниться строгой дисциплине и ввести правильную военную организацию, одушевленную волей высшего начальника.

С другой стороны и английская армия, покорное орудие в

руках биржевых воротил, далеко не оказалась на высоте своего призыва. Капиталистический строй Государства отразился на способе комплектования армии, и чувство долга и патриотизм развиты лишь в слабой степени у английского **Tommy Atkins'a**, связанного с правительством лишь срочным контрактом.

Южно-Африканская война отличается от европейских войн, во-первых, резкой разницей между организацией воюющих сторон и организацией большинства европейских армий, во-вторых, своеобразным характером местности и теми затруднениями, с которыми приходится считаться при устройстве операционных базисов и снабжением войск продовольствием.

Но основные принципы тактики всегда останутся неизменными и высокий интерес представляет эта война – по крайней мере в первом периоде её, когда действия англичан и буров носили характер более крупных, планомерных операций – именно в том отношении, что здесь впервые выясняются важные данные будущей европейской войны: сила современного ружейного огня, действие новейшей артиллерии, влияние кавалерии, или скорее конной пехоты, на ход военных операций и применение последних усовершенствований в области военной техники.

А тот способ ведения войны, который применяется англичанами теперь, после разгрома нестройных бурских армий, и заключается в опустошении бурских ферм и в истреблении рассеянных по всей стране немногочисленных партизанских отрядов, не представляет ничего поучительного в чисто военном отношении и по своёму жестокому до бессмыслиности характеру напоминает подвиги башибузуков⁷³.

Бурские республики стёрты с лица земли: восторжествовала традиционная английская политика безграничного эгоизма, коварства и насилия над слабым и беззащитным. Одной кровью страницей больше в летописях звёрств и жестокостей, совершаемых людьми над своими близкими.

На земле весь род людской

Чтит один кумир священный
Тот кумир телец златой... (**Гёте** Фауст)⁷⁴

И это преклонение перед золотым тельцом перешло у английского народа вдикую вакханалию⁷⁵, заглушило в нём голос совести и рассудка и вовлекло его в войну с мирными бурами, общее число которых, считая женщин и детей, еле равняется цифре населения какого-нибудь квартала Лондона. Куда девалась духовная мощь, высокие идеалы народа, породившего великих светочей человеческого ума и мысли, **Шекспира, Мильтона⁷⁶, Байрона, Спенсера⁷⁷, Рескина⁷⁸**?

Ещё в 1881 г. вся Англия, без различия партий и направлений, преклонилась перед желанием великого старца **Гладстона** прекратить несправедливую войну с молодой Трансваальской Республикой⁷⁹.

Но вот прошло всего десять лет и известие о богатстве вновь открытых золотых рудников взбудоражило английских капиталистов. Золотая горячка и биржевые спекуляции привлекли в Трансвааль тысячи авантюристов. Страна совершенно преобразилась: на горах Витватерсранда, где прежде по скалам, заросшим колючими мимозами и кактусами, носились стада пугливых антилоп, теперь повсюду чернеют дымовые трубы и здания рудников и ярко горят на солнце горы перемытого золотоносного кварца. Добыча золота стала считаться сотнями миллионов в год. Лихорадочная деятельность закипела в городах Барбертоне, Крюгерсдорпе и главным образом в Йоханнесбурге, где, точно муравейник, кишело стотысячное пришлое население, подонки всех стран и народов⁸⁰.

Подпоручик **Августус** так оценивал позднее те кровавые события с философской точки зрения:

Кровавая, беспощадная война эта ещё раз доказала всю несостоятельность теорий и учений философов и моралистов, мечтавших о возможности наступления такого времени, когда войны, вызванные враждой и ненавистью народов, отойдут в область преданий и на земле настанет мир⁸¹.

Случалось, что газеты целенаправленно распространяли неверные слухи о добровольцах:

(«Daily Mail») Двенадцать русских офицеров воздухоплавательного парка, вышедших перед тем в отставку, намерены перебраться к бурам на двух воздушных шарах. Они плывут на французском судне⁸².

Уже на пути зарубежных добровольцев возвращавшихся домой в Европу на пассажирском судне вдоль берегов Португальского Мозамбика чувствовалась близость театра военных действий – англичане в то время проводили операцию по освобождению через Мозамбик и Южную Родезию (Зимбабве) находившегося в многомесячной осаде города Мафекинга:

На нашем пароходе ехало человек сорок английских офицеров и солдат, которые направлялись обходным путём помочь освобождению Мафекинга. Они высадились в Бейре, где мы сделали первую остановку.

Город Бейра принадлежит Португалии, но настоящими хозяевами и здесь являются англичане. Гавань наполнена английскими судами, которые перевозят войска; всюду английские магазины, английские товары, везде господствует английский строй жизни.

Мы хотели осмотреть очень интересный вокзал железной дороги, но нас туда не пустили, заявив, что для этого требуется особое разрешение английского консула. Очевидно, английское правительства скрывало количество отправляемых войск. Бейра – очень скучное место, потонувшее в песке настолько, что в городе нет экипажей; по главным улицам проложены рельсы, и негры, имеющие собственные вагонетки, исполняют роль извозчиков⁸³.

К июню 1900 г. союзные силы обеих африканерских Республик, казалось, терпели окончательное пора-

жение и большинство иностранцев-добровольцев, сражавшихся на стороне буров или медработников, оказывавших им медицинскую помощь покидали Южную Африку. Сестра милосердия русско-ландского санитарного отряда **Софья Изъединова** с грустью написала об этом так:

Много уезжало иностранцев (большинство считало, что война окончена и предстоит только мало интересное детальное замирение) Нельзя не пожалеть о поголовном непонимании страны и народа, заставивших столько хороших и энергичных людей принять за конец то, что было только кризисом народного характера⁸⁴.

Сохранилось и встревоженное письмо родственников одного из российских добровольцев:

Телеграмма. П.Б.Д. Москвы. 14 марта 1900 г.

Его Сиятельству графу **Муравьёву**
министру иностранных дел.

Ввиду носящихся слухов о неблагополучии Красного Креста в Трансваале умоляю ради успокоения целой семьи уведомить жив ли брат мой **Фёдор Гучков** находящийся при отряде.

Старая Басманская. Дом Рожнова. **Александр Гучков**.
Приписан ответ (от руки чернилами)
Москва. Старая Басманская, Дом Рожнова. **Александру Гучкову**.

В отряде русского Красного Креста в Трансваале всё благополучно. В списках отряда **Фёдора Гучкова** не значится.
(отправлена 18 марта 1900 г.)

Тот же ответ за подписью Директора второго департамента **Могилевского**⁸⁵.

Александр Иванович Гучков, направивший эту телеграмму, – тот самый Гучков, который воевал чуть

позднее за буров, был ранен и остался хромым на всю жизнь, а позднее стал известным российским политическим деятелем.

К середине 1900 г. когда иностранные добровольцы покидали африканерские Республики, полагая, что боевые действия заканчиваются, хотя война продолжалась. Жизнь тем временем не стояла на месте и некоторым российским добровольцам приходили из дома горестные известия:

30 мая 1900 г.

Подпоручик Измайлова полка **Тумковский** ходатайствует об отправлении телеграммы в Преторию для сообщения гражданскому инженеру **Владимиру Николаевичу Семёнову**, отправившемуся в Трансвааль в марте с целью поступления в ряды буров, что его отец умер и мать просит вернуться в Россию.

От господина **Семёнова** было получено письмо из Лоренсу-Маркеша, в котором он сообщал, что намеревается, пробыв в Лоренсу-Маркеше несколько дней отправиться в Преторию⁸⁶.

Примерно через месяц пришёл ответ, который совсем не удивителен, поскольку названный инженер к тому времени, вероятно уже покинул пределы бурских республик:

Телеграмма из Претории от 26.06.1900 г.

Ламздорфу

Ingenieur **Semenoff** inconnu (Инженер **Семёнов**⁸⁷ неизвестен) – Consul France (подпись) Французский консул)⁸⁸.

Среди архивных данных встретились и два не совсем обычных документа. Первый – о судьбе одного из добровольцев, исчезнувших на Юге Африки:

Записка (без обращения и подписи)

Покорнейше просят справится – остался ли в живых князь
Борис Владимирович Четвертинский, сражавшийся в
 Трансваале в отрядах буров.

22 апреля 1901 г.⁸⁹.

И немного забавный (по содержанию) ответ:

(Без обращения и подписи)

Запрошенный министерством иностранных дел 24 апреля 1901 г. по телеграфу об участии князя **Бориса Владимировича Четвертинского** французский консул в Претории ответил 30 апреля Left end 1899 for hunting expedition Central Africa (выбыл в конце 1899 г. с охотничьей экспедицией в Центральную Африку)⁹⁰.

Некоторые иностранные добровольцы под натиском англичан отступали с войсками буров до границ Португальского Мозамбика, где и были интернированы, как военнопленные, в том числе и неоднократно упоминавшийся выше гимназист **Николай Кравченко**:

Императорская российская миссия в Лиссабоне

7/20 ноября 1900 г. № 195

Во 2-ой Департамент

Управляющий вице-консульством в Лоренсу-Маркеше обратился ко мне несколько времени тому назад с просьбой о разрешении ему водворить на родину русскоподданных находящихся в бедственном положении.

В своё время я разрешил господину **Мак-Авой** обеспечить возвращение в Россию русскоподданного **Николая Кравченко**, лишённого всяких средств. Паспорт **Кравченко** имел при себе в полной исправности.

Ныне я получил новое письмо господина **Мак-Авой**, в копии у сего прилагаемое, в коем наш консульский агент в Лоренсу-

Маркеш испрашивает инструкций касательно прибывших с театра военных действий в Трансвааль русских, с коими местные власти поступают как с военнопленными. Некоторые из этих лиц утеряли за время войны свои паспорта.

Предварительно ответа нашему вице-консульству в Лоренсу-Маркеш я бы желал знать мнение Императорского министерства по сему предмету и был бы крайне благодарен за извещение по телеграфу находит ли Императорское министерство возможным произвести в данном случае расход.

К сему считаю долгом присовокупить, что здешнее министерство иностранных дел не могло мне дать никаких указаний (по поводу) содержащихся под стражей русскоподданных и не приняло ещё никакого решения относительно дальнейшей их судьбы.

На сколько мне известно, Голландское Правительство озабочилось уже обеспечить возвращение на родину Голландских подданных каковых в Лоренсу-Маркеш оказалось в подробном же положении значительное количество.

Посланник (подпись)⁹¹.

О российских подданных финского происхождения попавших в английский плен, сообщалось:

По словам финляндских газет, на острове Святой Елены находятся в числе бурских пленных 16 уроженцев Выборгской губернии⁹².

Среди архивных документов встречались и просьбы помочь содержащимся в концлагерях некоторым военнопленным из числа российских подданных:

Императорское российское генеральное консульство в Лондоне, 4/17 февраля 1902 г. № 330.

Во второй департамент.

Когда началась в Южной Африке война, несовершеннолетний **Василий Рюкерт (Рукерт)**, сын главного счётовода на

железнодорожной станции в Вильно, убежал из Политехнического училища в Риге и поступил в ряды буров. Он был ранен и взят в плен и ныне уже скоро два года, находится военнопленным на острове Цейлон. Из плена он пробовал бежать, но был пойман и наказан.

От несчастного отца, равно как и от зятя (директора коммерческого банка в Риге) поступили убедительные ходатайства об облегчении участия молодого человека. Я счёл долгом, частным образом, обратиться в военное министерство, с просьбой о помиловании **Рукерта**, – о чём, конечно, немедленно довёл до сведения господина поверенного в делах, тотчас мне ответившего заявлением полного согласия.

Через неделю я, однако, получил уведомление, что статс-секретарь по военным делам не считает возможным, в данном случае, отступить от общего правила.

Донося о вышеизложенном, имею честь приложить копию, как с моего письма к помощнику статс-секретаря, так и с полученного третьего дня ответа.

Генеральный Консул
Барон **Унгерн-Штернберг**⁹³.

Прошения от родственников российских военнопленных продолжали поступать в МИД:

Его Высокопревосходительству
Господину министру иностранных дел.
Просит курляндский уроженец – крестьянин **Яков Яковлевич Преде**, живущий при имении Вельжи поневежского уезда Ковенской губернии.

Для поправления своих обстоятельств я, вместе со своим неполномочным⁹⁴ сыном **Яковом Яковлевичем Преде** в 1897 г. по губернаторскому заграничному паспорту поехал в Африку, в Трансваальскую Республику. В 1899 г. я оттуда вернулся обратно, а мой неполномочный сын **Яков Яковлевич Преде** остался в Африке в городе Йоханнесбурге.

В настоящем. во время столкновения между бурами и ан-

гличанами означенный мой неполномочный сын **Яков Яковлевич Преде** попался в плен к англичанам и сослан ими на остров Святой Елены.

Ввиду того, что сын мой **Яков Яковлевич Преде** как неполномочный – ему всего 19 лет – не мог дать себе отчёта в своих действиях и по своей доброй непринуждённой воле участвовал в этом столкновении – а равно ввиду того, что ему необходимо вернуться в Россию для отбывания воинской повинности. Я (осмеливаюсь) основательнейше просить Ваше Высокопревосходительство: 1. соблаговолить учинить зависящее распоряжение о сношении с подлежащими английскими властями об освобождении моего неполномочного сына **Якова Яковлевича Преде** из английского плена и о возвращении его с острова Святой Елены в Россию для отбывания воинской повинности.

2. О последствиях сего прошения соизволите почтить меня уведомлением через Поневежское (Ковенской губернии) уездное полицейское управление.

Город Поневежск (Ковенской губернии).

1901 г. августа 22 дня

Яков Преде⁹⁵.

Приведём и небольшую повесть некоей **Марии З.** «Как я была добровольцем в Трансваале», вышедшей в Киеве в 1901 г. Повесть во многом является автобиографичной. Женщина, переодетая в мужской костюм, поехала за отправившимся на англо-бурскую войну мужем, принимала участие в боях на стороне буров и, работая врачом в английском тылу, вызвала супруга из британского плена. Кто скрывался под псевдонимом **Мария З.**, точно не установлено. Во всяком случае воспоминания, по крайней мере в части описания морского путешествия, боевых действий, лагерного быта добровольцев и африканеров, плачевного состояния английских госпиталей, соответствуют действительности и позволяют думать,

что перед нами записки женщины – непосредственной участницы той войны.

Мария З.

Как я была добровольцем в Трансваале

Итак, я уже в Марселе. Все приготовления к дороге заняли не более трёх дней. Костюм, шляпа, бельё и оружие приобретены, волосы обрезаны; оставалось только сесть на корабль – и в дорогу.

К сожалению, корабль в Южную Африку отходил только через пять дней. Пришлось поневоле в течение нескольких дней заняться ознакомлением с этим колossalным центром, который своей демократической внешностью представляет столь разительный контраст с нарядной Ниццией. Насколько в Ницце бросается в глаза роскошь, богатство и полное отсутствие чего-либо, говорящего о величии ума и сердца (за исключением разве кладбища, где похоронены **Герцен** и **Гамбетта**⁹⁶), настолько Марсель олицетворяет труд, труд и труд. Невольно отдыхает сердце при виде этой ежеминутной борьбы человека за жизнь; есть тут чему поучиться и не в продолжение пяти дней.

Но корабль был уже готов, и я отправилась в дальний путь.

Первые дни новизна положения меня стесняла. Моя полнота приводила меня в отчаянье, и я ежеминутно боялась быть узнанной. Между тем мы миновали Порт-Саид, Суэц; и на корабле оставались только пассажиры на Мадагаскар и в Трансвааль.

Прибыв в Диего-Суарец на Мадагаскаре, мы пересели на корабль «**Жиронда**» и пошли в Трансвааль и Наталь.

Таким образом на «**Жиронде**» остались лишь «свои», то есть пассажиры до Трансвааля; так как «**Жиронда**» доходила до Дурбана, то к нам ещё в Адене подсели несколько англичан, которые ехали добровольцами в английскую армию. Это не были английские шпионы, это были будущие честные сол-

даты, не скрывавшие своих намерений. Сначала одни как-то сторонились других, англичане садились за отдельными столами и посматривали недружелюбно на нас, но затем вспыхнувший на корабле бунт сблизил всех нас.

Как-то раз на экваторе был необычайно жаркий и душный день. Все измучились; не было сил выносить нестерпимую жару. В воздухе была тишина необыкновенная – ни малейшего дыхания ветра. Несмотря на это, к вечеру был дан приказ убрать паруса и тент – барометр предвещал бурю. Действительно, часам к восьми разразилась экваториальная гроза с проливным дождём и бурей. Она так освежила воздух, что все без всякой причины оживились, стали пить вино и брататься. Уже была глубокая полночь, а шумливая компания и не думала уходить с палубы первого класса. Явился комиссар и попросил пассажиров разойтись по каютам. Его тон был дерзок и суров, публика была весела и игрива, и он получил отпор. Вышел капитан, жалкий старикишка, с каким-то птичьим визгом схватил за руку одного из наиболее веселых и приказал матросам запереть его в каюту; другого же пассажира, пьяного бельгийца, который притворился спящим, вместе со стулом распорядился отнести в арестантскую каморку. Это явное нарушение человеческих прав многих возмутило. Сторонники капитана по этому поводу направились для совета в первый класс; защитники же корабельной свободы бросились во второй класс, забрали из буфета вино, коньяк и пиво, уселись за столами и решили стоять до конца. Тут впервые обнаружился необузданый характер одного американского офицера, который до тех пор ловко драпировался в тогу английского шпиона.

– Господа, – обратился он ко всем, – мы разных наций, но все мы джентльмены, мы должны освободить наших товарищей и нагнать страху на капитана.

Охмелевшие от вина и расхрабрившиеся не по разуму, добровольцы забрали из кают свои револьверы и под предводительством американца бросились на палубу. Не прошло и пяти минут, как там послышалась его громкая команда. Выстроив свой отряд, он разгуливал с ними по палубе, а капитан и со-

бравшиеся в первом классе пассажиры пришли в ужас при виде револьверов, заткнутых за поясаочных кальсон. Минут 15 продолжалась беспрепятственная прогулка вооружённого отряда. Никто не смел остановить отчаянных бунтовщиков. Они освободили товарищей и продолжали угрожающе маршировать по палубе. Капитан растерялся, упрекал за беспорядки комиссара, а последний сваливал вину на пассажиров. Вдруг из-за угла каюты капитана четким маршем выступила боевая колонна. Все с капитаном во главе отпрянули в курительную комнату. Прижимаясь к стене, дрожащий капитан старался спрятаться за спины других. Но наши революционеры вовсе не были якобинцами, они несли своим врагам почётный мир. Их предводитель торжественно заявил, что военные действия прекращаются, и отряд отправляется спать. В последний раз раздалась команда и бунтовщики разошлись по каютам, но их подстерегала коварная измена. Капитан собрал матросов и приказал возмущившихся пассажиров обезоружить, а самого предводителя арестовать. Бунтари в тревоге выскочили в коридоры и нашли своего предводителя уже запертым в одной из кают первого класса. Кто-то из стороживших американца матросов произнес: или «coucher vous», или «cochon»⁹⁷. Тот рассвирепел, и не прошло минуты как, разбив дверь куском железа от кровати, он предстал перед собравшимися. Насилу его успокоили, но после этого он был уже окончательно арестован и посажен в настоящую корабельную тюрьму. Только неделю спустя удалось уладить историю с помощью компромисса: пассажиры обещали не жаловаться на капитана, а капитан возвратил свободу американцу. Вот это-то обстоятельство и послужило поводом к сближению между нами и англичанами.

Ничего я не помню в своей жизни трогательнее, как наше прощание в Лоренсу-Маркеше. Вечером человек сорок сошлись в одном ресторане. Перед братоубийственнойвойной трансваальские добровольцы прощаались с английскими. Мы ещё не были окрещены кровью, поэтому у нас не было жажды мести и нам было грустно расставаться с дорожными друзьями, чтобы через несколько дней, быть может, стать

их убийцами. Стараясь заглушить голос сердца вином и музыкой, мы пели национальные гимны Трансваала и Великобритании, затем других представленных здесь наций, неизменно оказывая каждому уважение, вставая и снимая шапки. Несмотря на опьянение, я уверена, никто из нас никогда так не чувствовал безумие войны, как в ту минуту. Но жизнь оставалась жизнью. В полночь все расстались. Англичане уехали в Дурбан, а мы в Преторию.

Теперь, пока поезд мчит меня в Преторию, я воспользуюсь временем и в нескольких словах расскажу о причине, побудившей меня так спешно отправиться в Трансвааль. А эта причина вот какая. Мой муж уже второй месяц находился в Трансваале, и я ехала его разыскивать. ещё три месяца назад ни я, ни он и не помышляли об этой далекой поездке – её вызвал один из тех случаев, которые принято называть роковыми.

Я вышла замуж года три назад. Мы с мужем жили очень дружно, но однажды во время его отлучки принесли адресованный мне большой заказной пакет. Я вскрыла его и нашла следующее письмо, отпечатанное на пишущей машинке.

«Милостивая государыня!

Я очень уважаю и жалею Вас, поэтому настоящее письмо Вы получите только теперь. По сути дела, оно могло бы быть написано и полгода назад. Надо же вам знать, наконец, правду. Скрепя сердце я сообщу Вам обстоятельства несомненные и точные, которые может подтвердить Ваш муж, если и на этот раз он пожелает остаться таким же правдивым и прямодушным, как всегда. Я не стану утомлять Вас рассказами о квартире, где живёт его секретарь. Каждый день в 5 часов она превращается в какой-то притон. Кокотки, шансонетки и другие отверженные обществом женщины являются туда как в клуб и проводят вечер в кутежах с песнями и танцами. К ним присоединяются шалопаи – студенты и офицеры, так что под утро это место превращается в Содом и Гоморру. Но этого, по-видимому, показалось недостаточным Вашему супругу, и он стал устраивать кутежи в местных кафе-шантанах. Подобрав себе подходящую кампанию, он предается им так же за-

душевно, как и всякому делу, за которое принимается. В езде с ним неразлучна наша звезда – венгерка **Каллай**. Она изучает русский язык, забросила своё ремесло и почти всегда с сопровождает Вашего мужа. Поведение её ужасно: во-первых, она неразлучна со своей подругой, а во-вторых, в угоду Вашему супругу она недавно совершенно нагая исполнила восточный танец перед целой компанией его собутыльников и только этой ценой купила его первую благосклонность. Под утро он увез её к себе, все остальные с ума сходили от зависти, потому что, как говорят, она действительно обольстительна, привлекая чудным, девственным телом и, хотя неприличной, но прекрасной грацией. Её сохранившиеся формы как бы смеются над честной жизнью других».

Письмо было без подписи.

И теперь я не могу без ужаса вспомнить это письмо. Куда делись все мои теории о свободе любви, о том, что всякое чувство законно и нравственно само по себе, вне условий и обстановки. Конечно, в разговорах не раз я отстаивала больше других свободу привязанности, доказывала позор любви по принуждению. Но, получив это письмо, я негодовала, я плакала, я ревновала. Одна мысль о том, что Николай ласкает другую, заставляла меня горячо желать смерти себе и ему. Только на третий день я немного успокоилась и стала надеяться, что всё это клевета.

Приехал **Николай**. Как всегда, радостный и весёлый, он поздоровался со мной. Моё безраздельное доверие к нему моментально вернулось.

– Правда, **Николай**, это клевета на тебя? – я протянула ему письмо...

Взглянув на начало, он понял всё и положил мне руку на плечо.

– Да, дорогая, это всё правда, но правда и то, что тебя я люблю больше жизни, а свободу ещё больше, чем тебя. Мне не в чём оправдываться перед тобой. То, что я делал, я действительно делал. Не говорил тебе, потому что не хотел причинять тебе горя. Вот и всё.

Как от змеи, я отскочила от него.

– Николай, я не могу с тобой оставаться более ни одной минуты.

– **Маруся**, было бы некрасиво и бесполезно удерживать и упрашивать тебя. Но знай одно, что ты для меня останешься лучшим другом и самой дорогой возлюбленной.

– Да, ты это доказал! И тут же я принялась за сборы.

За три года между нами никогда не было никакой размолвки. Вместе мы всегда чему-то радовались и веселились. Теперь же всё пропало. Я молча собиралась, он молча наблюдал за мной. Как я терзаясь, как ревновала его! Вечером я уехала в другой город, а через неделю за границу. Но ни в каком развлечении не было успокоения. Через 4 недели я вернулась обратно в Россию, чтобы найти хоть какое-то забвение в работе, и решила поселиться в бедном захолустье, где во мне больше бы нуждались.

Проездом мне пришлось остановиться в том городе, в котором я испытала столько горя. Проходя по улице, я встретила одного из товарищей **Николая**. Как-то преувеличенно радостно он бросился ко мне навстречу.

– Как я рад, как я рад, что вас встретил! После вашего несчастья я вас искал, чтобы выразить вам своё сочувствие. Но вы были уже за границей, а где именно я не знал. Как же вы проживали за границей?

Мне неприятен был этот человек, неприятны были и его расспросы.

– Да, да! – продолжал он, не получив ответа на свой вопрос.

– А **Николай** выбрал Трансвааль для уединения со своей прелестницей. Месяц назад он накоротко собрался и уехал туда. Вот видите, так-то лучше: прошло шесть недель, и вы уже немного успокоились, а через месяц скажете спасибо тому, кто открыл вам глаза на окружающую ложь.

Но я не слушала его. Известие, что **Николай** в Трансваале, как-то сразу разбудило меня. Как молния пронзила меня мысль, что, конечно, он уехал туда не для того, чтобы укрыться от людей со своей возлюбленной. Для этого велика и Европа.

Очевидно, его погнала туда тоска, и он теперь в горе и в опасности, а меня нет возле него. Мне сразу как-то особенно омерзительна сделалась слашавая речь моего спутника, который с любопытством заглядывал мне в лицо. Я обратилась к нему и коротко спросила:

– Это вы мне написали о **Николае**?

– Я долго не хотел этого делать, но ведь нельзя же было вас оставлять в неведении.

– А разве вы не знали, что доносчиков и авторов анонимных писем считают самыми низкими негодяями? – Это всё, что я хотела вам сказать.

И я круто повернулась. **Николай** в Трансваале, так далеко от меня! И только тогда я поняла, что есть нечто выше ревности, выше верности, выше обыкновенной любви. Теперь мне было всё равно, один ли **Николай** или со своими новыми увлечениями. Я знала только, что предана ему всем сердцем до конца, и немедленно отправилась в дальний путь.

Простота и естественность отношения к нам со стороны трансваальского правительства были поразительны. Добровольцам выдавалось всё необходимое для войны и после этого оставалось на их совести выбирать место и образ действий. Но не все добровольцы были удовлетворены этим и многие сильно разочаровались. Офицеры ждали, что их прикомандируют к штабам и обеспечат им командование. Больше других выражали недовольство корреспонденты. Их совершенно не ценили и не придавали их роли того значения, которое они приписывали себе сами. И надо отдать должное бурским генералам: ни один из них не имел в своём отряде корреспондента без оружия. Напротив, некоторые команданты добровольческих отрядов возили с собой, поили и кормили корреспондентов местных газет, а те в благодарность приписывали им различные подвиги. Кто не имел власти или не имел средств, тот сам старался себя рекламировать в газетах.

Много можно было бы говорить о безобразиях, пьянстве, драках, мародёрстве и трусости этих людей. Буры, увидев всё это, ограничились тем, что выделили почти всех добровольцев

из своих рядов и предложили им сражаться отдельно. Не таких добровольцев ждал Трансвааль, и не такие могли найти нравственное удовлетворение в борьбе рука об руку со свободолюбивым народом. Но мир, не понимая Трансвааля и тех принципов, за которые он боролся, прислали ему в помощь не борцов, а преимущественно жадных авантюристов и искателей незаслуженных почестей и выгодных приключений.

Из Претории я отправилась разыскивать **Николая**. Трудно было принять какое-либо определённое направление, ведь было много разных лагерей. Я направилась сначала к Ледисмиту. Буры стояли ещё на Тугеле, а Ледисмит был обложен. Явилась я к **Жуберу**, он предложил мне выбрать команду. Я выбрала самую западную, находившуюся в 20 километрах от Ледисмита, в надежде, что по дороге смогу расспросить о Николае. Ничего не узнав, я только поздно вечером явилась в лагерь к своему будущему команданту. Он очень радушно принял меня, поблагодарив за намерение прийти им на помощь. Впервые увидела я бивуачную жизнь. В палатке, прямо на траве лежал комендант, а вокруг него человек десять буров с трубками в зубах. По-видимому, они обсуждали план военных действий на завтра.

Узнав, что я из России, они засыпали меня вопросами: любят ли русские англичан, захотят ли с ними повоевать, достаточно ли в России сил, чтобы победить Англию. Я им сообщила, что Россия постоянно держит почти миллион солдат под ружьём.

Я спросила о положении в их отряде. Командант вкратце изложил мне суть дела. Позиции их находились на окрестных холмах, куда ежедневно отправлялись только треть людей, не больше; остальные оставались в лагере.

Первый мой визит был в отряд, расположившийся в 60 шагах от амбуланса Красного Креста. Командир этого отряда начал с того, что потребовал у правительства провиант, амуницию, сёдла и другое необходимое на 80 человек. В числе других запасов в палатке комandanта был коньяк и сладости. Чтобы окончательно устроить команду, этот офицер при помощи

привезённых из Претории **кафров** разбил двенадцать палаток, хотя пока под своей командой имел только двух добровольцев, перешедших к нему с тайным желанием пользоваться абсолютной свободой и равными с офицерами привилегиями. Таким образом, в отряде были провиант, амуниция, командир и штаб, не было только солдат.

Один грек и один йоханнесбургский еврей помогли комandanту разыскивать солдат. Они разъезжали по всем бурским и добровольческим командам и, встречая добровольцев, заманивали их обилием пищевых запасов, коньяка, возможностью воспользоваться неклеймеными лошадьми, одеждой и амуницией. В течение двух недель набрался отряд в 40 человек всех национальностей. Хотя все они получили в Претории оружие и одежду, но требовали всё это повторно. В отряде действовал устав, обещавший много хорошего. В нём было записано, что отряд должен исполнять службу на передовой и в случае необходимости, оказывать бурским войскам самую энергичную поддержку. Абсолютная власть принадлежала командиру, но в случае его смерти или выбытия из строя, другого команда-ра они выбирают себе сами. Все пушки, отнятые у англичан, должны передаваться в руки правительства Трансвааля. Вся остальная добыча должна быть разделена между участниками отряда по соответствующие распоряжению командира. Военная честь должна быть святой для членов отряда.

Не прошло и трёх недель, как все запасы были расхищены, а командиру пришлось обратиться с жалобой к главнокомандующему на разнозданность собственных подчинённых. Между палатками отряда и палатками Красного Креста находилась палатка не то комиссара, не то какого-то особого агента, приставленного правительством к амбулансу. Не имея определённых занятий и считая себя более военным, чем врачом, он объединял вокруг себя добровольцев и служащих Красного Креста, и вскоре все они занялись в его палатке пьянством, карточной игрой и самыми гнусными интригами.

Идя на войну, я решилась примириться с мужскими разговорами, но цинизм этой смешанной компании врачей и воен-

ных был совершенно невыносим. Они стали для меня омерзительными из-за того наглого старания, с которым они, предполагая во мне малоопытного юношу, рисовали заманчивые картины различных мерзостей.

В отряде, куда я явилась, было нечто необычное для военного времени. Вечером того же дня был сервирован обед из восьми блюд, предложенный командиром нашего отряда своим собратьям из других отрядов. Надо правду сказать, что эти пирушки создавали большой соблазн для буров. Добровольцев редко замечали в военных трудах, но зато очень часто в пьяном виде.

Но среди сквернословия, трусости и лени, среди отрядов, составленных из самого отъявленного сброва, по своей низости сравнимого разве только с английскими солдатами, был единственный отряд, не имевший никакого названия, не имевший никакого командира, ежедневно менявший свой состав и всё-таки просуществовавший до взятия Претории. Десятка два интеллигентных людей всех национальностей сгруппировались и всегда держались поближе к бурским отрядам и подальше от европейцев.

Странный порядок установился в их среде. Они отказались от услуг **кафров** и не стесняли ничьей свободы. Но все их военные труды и заботы о поддержании собственного существования обратились в сотрудничество, в высшей степени дружное и весёлое. Каждый делал что хотел, а в результате выходило и хорошо и скоро. Предупредительность и деликатность царили в их взаимных отношениях. Походная жизнь их сблизила настолько, что и в сражениях они действовали совместно. Не прошло и месяца существования этого отряда, как бурские команды очень полюбили его, назвав «свободным отрядом».

Когда, по собственным соображениям, они меняли свои позиции, новые соседи встречали их с необычайным доброжелательством и даже торжественностью. Среди этих людей я и провела несколько приятных вечеров. Там я снова очутилась среди буров и лишний раз подивилась той порядочности, какая царила в их взаимных отношениях. Я уже не говорю, что

никогда не видела между ними ни ссор, ни драк, ни ругани, даже простые несогласия у них были очень редки.

Молодежь была особенно расположена к веселью, свободное время она проводила в двух играх. Одна состояла в бросании кольца на большом расстоянии на свайку. Другая, более занятная для буров, заключалась в следующем: один бур по-тихоньку подходил к другому и ударял его по спине хлопушкой. Получивший удар должен был поймать его и повалить на землю. Игра считалась законченной тогда, когда ему удавалось за ноги дотащить своего противника до входа в какую-нибудь палатку.

В это время стоявшие против нас англичане совершенно затихли.

Мне дали молока, сущёного мяса и уложили спать на большой повозке. Наутро я отправилась на позиции.

Перед нами, не стеснённая крутыми берегами, по широкой долине извивалась река Тугела. До неё от нашего лагеря было версты четыре. В верстах двух находилась небольшая возвышенность, открытая для обходных движений со стороны неприятеля. С левой стороны наши позиции по горному хребту соприкасались с линией расположения передовых ледисмитских ложементов, а с правой – хребет переходил в плоскогорье, трудно проходимое для конницы и артиллерии. На южном выступе этого плоскогорья расположился небольшой сторожевой отряд в 60 человек.

На второй день моего пребывания, около 10 часов утра из этого отряда к нам прискакали два бура. Они сообщили нашему команданту, что на их отряд наткнулся английский патруль, который перед тем осмотрел лежащую перед ними возвышенность. Оставив после перестрелки несколько убитых и раненых, около 70 англичан ускакали. Это известие, вместе с донесениями утренних разъездов, заставило нашего команданта прийти к заключению, что англичане намереваются попытаться вновь прорвать нашу боевую линию. Не теряя ни минуты, он приказал сотне добровольцев из своего отряда со всякими предосторожностями тремя колоннами занять только что

осмотренную англичанами возвышенность; мне, как новичку, предложили следовать за этим отрядом. Уже через полчаса мы осторожно привязывали своих лошадей у подножья возвышенности. К полудню всекрытые места на протяжении полутора вёрст были заняты нашими людьми. Одновременно англичане стали бомбардировать возвышенность, у которой их патруль встретил отпор. Расстояние было невелико и пристреляться было нетрудно. Весь скат возвышенности был взрыт снаряда-ми, и несколько буров демонстративно ускакали по боковым склонам. С наших позиций был отчётливо виден английский лагерь за Тугелой. Там было большое оживление. Часам к двум дня мы заметили движение войск к реке.

При переправе им никто не препятствовал. Ширина реки позволила натальским добровольцам на лошадях без труда перебраться на другой берег. Отряд английской конницы до двух тысяч человек понёсся вперёд, желая выиграть время. Они поравнялись с нашей возвышенностью не более чем на 500 шагов, но нам было приказано не стрелять.

Не подозревая засады, англичане спешились у нас на гла-зах; лошади были сданы коноводам, а люди бросились в атаку. В первый раз я видела войну, в первый раз я видела сражение, в первый раз до моего уха донеслись резкие команды, выкрикиваемые десятками голосов. Спешившийся отряд браво шёл вперёд. Мы все замерли. Соседи мои говорили, что англичане достигли уже мёртвого расстояния; мне же казалось, что все буры с возвышенности ушли, и враг сейчас отрежет нас от нашего главного отряда.

Не более 200 шагов отделяло английский отряд от бурских ложементов, когда раздался первый залп. Отряд сразу остановился и передние его ряды поредели. Для нас этот залп послужил сигналом. Мы держали под прицелом лошадей и коново-дов.

Минут 20 продолжалось это побоище почти без всякой опасности для буров, хорошо прикрытых камнями и высокой травой. Английские офицеры напрасно старались ободрить своим примером солдат; напрасно десятки из них, подняв саб-

ли с криком бросились вперёд. Расстроенные ряды солдат не следовали за ними; офицеры поворачивались к ним, стыдили и проклинали их, но ничего не помогало. Больше всего смущил солдат боковой огонь с нашей позиции. Много коноводов было убито, а раненые и взбесившиеся лошади со ржанием разбежались по долине. И полчаса не прошло от начала атаки, как весь отряд с какой-то безумной поспешностью побежал назад, под градом бурских пуль. В панике бежали солдаты, но офицеры удалялись за бегущими медленным шагом.

Более всего меня поразил следующий случай. Один из английских офицеров, обезумевший от позора, лишившийся лошади, шёл прямо на бурские позиции; он был так близко, что уже слышались крики со всех сторон: «Не убивайте офицера, возьмём его живым». Не более 50 шагов оставалось между этим обезумевшим героем и бурами, когда шальная пуля сразила его.

Буры, вскочив на ноги, преследовали убегающего врага, многие, обогнув гору, бросились к лошадям. Но вообще буры не умеют преследовать противника, они всегда бывают более заняты ловлей лошадей и «конфискацией» военных принадлежностей у сдавшихся в плен. Так случилось и на этот раз: человек 80 рассыпалась по долине, стреляя в бегущих и забирая в плен отставших. Более 100 англичан были взяты в плен, более 50 лошадей было изловлено на равнине. Велика была радость буров в этой леденящей сердце обстановке смерти и страданий. Но нужно отдать справедливость великодушию буров: не прошло и полчаса, как священник и с ним человек 20 буров занялись ранеными; как братьям они делали им первоначальную перевязку и отправляли в свой лагерь. Когда я подошла к месту, где лежали убитые, то была поражена тем, что десятка два англичан лежали в почти правильном ряду. При ближайшем осмотре у многих оказались простреленными головы, так как на близком расстоянии буры всегда старались целиться не в грудь, а в голову.

Пробыв недели три на Трельских позициях, я решила продолжить розыски мужа. Но в самый день моего отправления

началось знаменитое отступление от Тугелы и из-под Ледисмита. Обозы, команды и пушки – всё смешалось, длинная вереница двигалась без перерыва целые сутки. К счастью, англичане вначале ничего этого не заметили и продолжали бомбардировать опустевшие позиции. И только на следующий день к по-лудню, убедившись, что там никого нет, решились их занять.

В момент отступления буры совершенно перерождаются: с фанатическим ожесточением и с удивительной быстротой взрывают они мосты и жгут станции. Не обошлось и без грабежей в оставляемом крае. Только отступив на 50 км, буры, следя своему чутью, заняли очень сильные позиции в окрестностях Гленко. Уже на второй день к вечеру после военного совета наши войска растянулись на высотах километров на 20 в ширину. Произошла полная перетасовка отрядов, и я надеялась, что теперь мне удастся где-нибудь разыскать **Николая**.

В один из длинных томительных дней я вышла из лагеря и направилась на соседние высоты. Тишина стояла в воздухе по-разительная. С запада неслышно охватывала небо громадная чёрная туча. Но в насыщенном влагой воздухе чувствовалась тревога.

Я поднялась на вершину горы. Тоска томила сердце, и я уже готова была разрыдаться с бессильным отчаянием. Больше всего меня тяготило моё собственное одиночество. Вдруг снизу из палаток до меня донеслось пение буров. Сотни голосов подхватили грустный напев псалма. Могучим потоком пронеслась по окрестным горам эта мелодия. Казалось, буры пели похоронный марш по своей свободе.

Гроза надвигалась. В горах становилось жутко. Наступила темнота, и вдруг страшный раскат грома потряс окрестности, небо разразилось настоящим потопом. В течение часа ливень и буря, гром и молнии обновляли природу. Я отдыхала душой, стоя на вершине горы среди порывов ветра, среди облаков, среди сверкающих молний. Было невыносимое наслаждение в непосредственном соприкосновении с могучей стихией, благодетельной и смертоносной. Разгул бурной природы странно гармонировал с внутренней бурей, клокотавшей в моём сердце.

Неожиданно всё стихло. Небо стало проясняться. Воздух посвежел. Мелкие ручейки с журчанием сбегали с гор. Мне жаль было грозы, так скоро миновавшей. Я не хотела расставаться с природой, столь близкой мне в это мгновение. Боясь, чтобы моё уединение не было нарушено, тихо стала спускаться по склонам холмов в долину, вольно раскинувшуюся между нашими и английскими позициями. Жители, опасаясь боёв и обстрелов, поспешили оставить её, фермы были пустынны как после чумы, поражали воображение следы недавней жизни в полном довольстве. Теперь же здесь было тихо как в пустыне.

Минуя наши последние сторожевые пункты, я шла по рельсам разрушенной железной дороги. Ни останавливаться, ни возвращаться мне не хотелось. Освеженная природа возвратила мне силы и надежды. На сердце было тревожно, но легко. Мечты, полные нежности к **Николаю**, беспорядочно толпились в уме: «Нет, наверно он не убит! Завтра же я перееду в другой лагерь; быть может, он там».

Обогнув небольшой холмик, я с удивлением заметила огонь в окнах оставленной обитателями фермы. Было воскресенье, когда буры патрулей не посыпали. Значит это могли быть только англичане или **кафры**. Мне захотелось во что бы то ни стало увидеть, что там делается. Пробираясь в тени апельсиновых и гранатовых деревьев, я незаметно подошла к дому. Окна были открыты; я притаилась и стала ждать.

Странно, не слышно никаких голосов. Я хотела уже заглянуть в окно, как вдруг послышались нежные, тихие звуки музыки. Я замерла. Эти звуки вырывались из окон и плавно таяли в ночном воздухе, улетая ввысь как мечта. Я поднялась на цыпочки и увидала за пианино бура, так великолепно импровизировавшего. Его шляпа, перевитая лентой, лежала тут же на инструменте. Его большой **«Маузер»** был прислонен сбоку, а спина перекрецивалась парой прекрасных патронташей – таких, о каких я сама могла лишь мечтать. Голова его обросла длинной шевелюрой, а лицо было обрамлено большой бородой. Вдруг он запел под собственный аккомпанемент.

С тех пор, как существует мир, наверное, не было песни нежней, не было музыки мелодичней. Ведь певший голос был так мил и знаком мне. Всем дорогим клянусь, что за миг такого счастья, я не задумалась отдать бы жизнь. Я трепетала, я умидала от радости и вместе с тем боялась громко вздохнуть, чтобы не испугать певца. Игра прекратилась и в окне я увидела моего дорогого Николая.

– Не бойся, не бойся! Это я, твоя **Маруся!**

Николай протянул ко мне руки...

С восходом солнца мы оставили приветливую ферму и отправились в лагерь.

Наш лагерь был в тревоге. Генерал получил известие от утренних разъездов, что не менее 8 тысяч англичан обходят нас с фланга. Желая выиграть время, генерал приказал срочно седлать лошадей. Через полчаса мы были в сборе и поспешили выступили из лагеря, чтобы верстах в десяти от него занять хорошие позиции. Часам к одиннадцати мы достигли цели нашего передвижения и растянулись на высотах вёрст на пять; нас было не более 700 человек.

Часа в три из-за ближайшего холма показалась колонна неприятельских войск. Сражение развернулось по всем ужасным правилам классического боя. Пехота и конница пошли в атаку. Стоны раненых, визг и ржанье бесящихся и раненых коней, свист пуль, гром пушек, треск **«Максимов»**, шипение шрапнели, грохот бомб и над всем этим пыль и удущивший с отвратительным запахом дым лиддита – всё это ожесточало сердца и вызывало жажду мести и смерти врага. В начале я тревожилась за **Николая**, но затем как-то мелькнула мысль, что если его убьют, то сейчас же брошусь на верную смерть, и я успокоилась. Мысль о том, что он может быть ранен совсем не приходила. О себе же в такие минуты не думаешь.

Англичане на этот раз не оправдали своей репутации трусов и дрались храбро. Их офицеры, вопреки прямому распоряжению начальников не выходить из рядов, толкали солдат на невозможное. Те шаг за шагом приближались к нашим позициям. Их потери были ужасны. Наших тоже падало

немало. Недалеко от нас сражался болгарский доброволец, македонский революционер⁹⁸. Послышалась команда «аспай» («берегись») и в 15 шагах от болгарины упала бомба; из пыли и дыма разрыва он поднял руки и закричал «Да здравствует свобода!», но судьба его пощадила. Шагах в сорока осколок бомбы раздробил череп другому бойцу, его же только ранило. Англичане были уже не далее 300 шагов; то и дело их колонны останавливались и производили залпы по нашим рядам. Мы все сражались, не думая об отступлении. Позиции были очень хороши.

Враг устипал свой путь трупами. Для стрельбы по нему приходилось приподниматься. **Николай** приподнялся и после выстрела грохнулся навзничь. Я бросилась к нему. Он рукой схватился за левое плечо. Я разрезала тужурку, жилет и рубаху. На груди возле плеча была сравнительно небольшая рана, но на спине зияла страшная рана от вышедшей пули «дум-дум»; ведь этим людоедам англичанам мало было вывести человек из строя, им необходимо было устроить ему пытку, разорвав его тело.

Я принялась за перевязку. (Конечно, ни санитарной повозки, ни врача поблизости не оказалось, они ведь всегда находятся где-нибудь подальше, где они не нужны.)

Не прошло и пяти минут как, подняв голову, я увидела двух английских солдат, бежавших прямо на нас со штыками на перевес. Между нами оставалось не более пяти шагов, как второй закричал: «Коли их!». Выхватив револьвер, я убила первого, а второго ранила. На холме показались еще солдаты с офицером. Я бросила револьвер и выбросила белый платок.

Буры поспешило отступали. Уже через несколько минут мы с мужем были в плена. Все повозки амбуланса были переполнены ранеными. **Николая** кой-как тоже приютили. Грубо запретив следовать за ним, меня отправили с двумя конвойными в лагерь. Я поняла, что мне нельзя будет видеть **Николая**, и поэтому проклинала англичан за их жестокость. Ведь если бы такая же рана была от обычновенной пули, он через три-четыре недели совершенно оправился бы. Теперь же меня больше все-

го мучила мысль, что он невыносимо страдает от раны (лопатка, по-видимому, была раздроблена).

Вечерело. Мои конвоиры решили не идти ночью в лагерь, а переночевать в **кафской** деревушке, которая должна была встретиться по пути.

Действительно, часов около девяти, я заметила огонек среди маисового поля. Несколько круглых **кафских** хижин являлись единственным напоминанием о том, что этот край недавно ещё был их владением.

Мы вошли в хижину. Кровать, сделанная из нескольких досок и поленьев, была занята солдатами. Я устроилась на земле. Перед палаткой танцевали пьяные **кафры**, у которых был какой-то праздник. Свою пляску они сопровождали неизменным припевом: «Теперь я иду, теперь я иду убить белого». Мои конвоиры куда-то послали **кафра**, и через полчаса он привёл им молодую **кафрянку**. Не стесняясь присутствия **кафской** семьи, они занялись удовлетворением своих инстинктов, ведь **кафры** для них не были людьми.

Солдаты несколько раз обращались ко мне со своими шутками, и я должна была отвечать в их духе, чтобы не навлечь на себя подозрения. Ещё по дороге я заметила в чертах лица одного из конвоиров нечто еврейское. Когда наступил его черёд не спать, я спросила, не говорит ли он по-русски; оказалось, что он русский еврей и сражается в армии как доброволец. Когда мы разговорились, он стал жаловаться на строгость армейской дисциплины. Я, будто бы шутя, предложила 100 золотых в случае если он убежит со мной. Еврей, когда увидал золото, подумал и согласился; я отдала ему весь задаток, что имела и обещала вдвое больше в Претории за полную безопасность. Когда все уснули, мы тихонько ушли. Нам удалось миновать поле сражения и на следующий день достигнуть лагеря буров. С пропуском от нашего генерала я прибыла в Преторию, расплатилась с евреем и отправила его в Лоренцо, а на следующий день указала туда и сама с новым планом в голове.

Пробыв два дня в Лоренцо, я разобрала свои вещи, разложила мужские и дамские по разным чемоданам. Чемодан с

мужскими вещами попросила временно оставить в гостинице, а чемодан с дамским платьем отправила на корабль.

На рассвете третьего дня переодевшись в женское платье с густой вуалью на лице я, никем не замеченная, вышла из гостиницы. Теперь я была спокойна, так как стала сама собой.

Часов в девять я отправилась к английскому консулу и предъявила свои документы. В них было прописано, что я врач и это мне очень облегчило дальнейшие действия. Английское консульство в Лоренцо по количеству агентов, которыми оно располагало, было похоже на настоящее посольство. Большая часть сведений о Трансваале во время войны попадало к англичанам именно через это консульство. Там находили себе заработок множество шпионов, почти ежедневно под видом добровольцев отправлявшихся в Трансвааль и возвращавшихся обратно. Все писцы пароходных компаний состояли на жаловании в консульстве. Чиновники португальского паспортного отделения – от старшего до младшего – были английскими агентами.

Русский паспорт, недавно выданный и не имевший никаких отметок из Трансваала, успокоил консула, который дал мне разрешение ехать в Дурбан.

Через два дня я была в Дурбане и немедленно явилась к коменданту. Первое впечатление, которое на меня произвёл ликующий Дурбан, было очень сильным. А ликовение там было по поводу взятия накануне англичанами Блумфонтейна. Разряженная толпа, призывающе открытые магазины, вызывающие надписи на окнах, пьяные солдаты и английские колонисты – всё это представляло удивительный контраст с победным торжеством буров.

Приехав к коменданту, я попросила у него разрешения съездить к главнокомандующему, объяснив что мой брат-офицер уже два месяца находится в английской армии, но где именно, я не знаю и хочу его разыскать. Комендант был очень удивлён, но любезно дал мне разрешение.

Квартира главнокомандующего (lorda **Робертса**), находилась под Блумфонтейном. Только через неделю мне удалось

туда попасть.

Я решила сначала повидать нашего военного атташе, чтобы посоветоваться с ним. Но в каком же жалком положении застала я всех атташе! О, это не то, что в Трансваале, где их носили на руках. Здесь все атташе были собраны в одном доме и поставлены под надзор английского полковника. Никто не мог явиться с визитом к кому-нибудь из атташе без того, чтобы не представиться этому полковнику. Результатов особенных от нашего с ним свидания не получилось.

Я обратилась в бюро печати, надеясь там найти кого-нибудь из соотечественников, но тут встретила нечто ещё более жалкое. Всё бюро делилось очень строго на две категории: на корреспондентов, вхожих к **Робертсу** (злые языки говорили что и оплачиваются они английским правительством), и на небольшую группу, которая, по-видимому, стремилась посыпать в свои газеты правдивые сведения. Но их так притесняли, так урезывали их телеграммы, наконец, так издевались над ними, упрекая в отсутствии «патриотизма», что они в конце концов один за другим перекочевали в Лоренцо-Маркеш, чтобы хоть почтой отправлять на родину возможно более точные сведения. Не только соотечественника, но вообще не англичанина между всеми корреспондентами, я не нашла.

На следующий день я явилась к **Робертсу** и в двух словах изложила свою просьбу. Во-первых, просила навести справки относительно вымышленного брата во всех отрядах, а во вторых, разрешить мне поработать на передовой в одном из госпиталей. Усталый, измощдённый старик приказал написать мне бумагу и предложил самой выбрать ближайший пункт деятельности. Я выбрала место к северу от Блумфонтейна, там недавно были большие стычки; генерал одобрил мой выбор.

Наутро в двухколёсной повозке я уже катила вперёд.

Нечто ужасное пришлось мне увидеть в первый же день моего приезда на место. В отряде было несколько тысяч человек, передовой госпиталь имел только двух врачей-англичан, третьим был иностранец, взятый в плен вместе с его амбулантом. Он, по приказанию главнокомандующего не был отпу-

щен, как этого требует Женевская конвенция⁹⁹, а был временно оставлен, чтобы помогать английским раненым. В первый же день к ним привезли 64 раненых. Палатки амбуланса были переполнены ещё до этого больными и ранеными.

Вновь прибывших раненых пришлось положить на земле вокруг палаток. Такую картину невыносимых страданий увидела я в первый раз в жизни. Мы принялись за работу. Англичане взялись за четырёх офицеров, мы с пленным врачом начали перевязывать солдат. Я была поражена в первый же момент: почти все раны были от пуль «дум-дум». Я запомнила хорошо внешний вид этих ран, он всегда один и тот же: небольшое входное отверстие, громадное выходное отверстие, часто с разорванными мышцами. Ужасны были поражения внутренних органов и костей. Я обратилась за разъяснением к раненым. Оказалось, что они в этот день сражались с оранжистами, которые наряду с пленными англичанами захватили много ружей «Ли-Метфорда»¹⁰⁰ и пуль «дум-дум».

Да если бы английская военная пресса могла честно поведать своему народу, отчего более всего гибнут дети его и что причинило им самые невыносимые страдания, то обезумевшая от шовинизма английская нация перестала бы негодовать на буров, а обратила бы свой справедливый гнев против своих собственных палачей и убийц, которые заседают в их собственном парламенте. Но обманутый народ лишь потакает их гнусным намерениям. Они же, служа золотому тельцу, терзают своих и чужих граждан. Странно, куда же во время войны деваются все великие идеи этого свободнейшего из свободных народов!

Словом, пробыла я дней 15 в английском госпитале. Больных и раненых было так много, а врачей так мало, что бывали дни, когда нам приходилось работать подряд 15 – 16 часов. И всё-таки эта работа была небрежная, так как не было возможности за всеми тщательно ухаживать. И теперь представляются мне лица несчастных солдат. Когда подходишь к ним, чтобы наскоро сделать перевязку, они с надеждой и мольбой обращают свой взор к тебе, ждут от твоего труда исцеления,

облегчения страданий; а ты, наскоро закончив перевязку, торопишься к другому; с каким-то ужасом и недоумением провожают тебя глазами те, кого ты только что оставила – ведь их страдания не утихли.

Стоны, грязь, отсутствие врачей, недостаток инструментов, лекарств, наглость и цинизм здоровых офицеров и солдат, беспомощное уныние больных поселили в сердце настоящий ад. Да, в этот госпиталь дамы не приносили конфеток и букетов раненым, как в Дурбане и Капштадте. Здесь не было охотниц облегчить страдания своим братьям. Сюда, где грязно и страшно, их великолепные не доходило.

Проработав две недели, я под предлогом получить ответ о мнении брате возвратилась в Блумфонтейн. Желая поскорей увидеть **Николая**, я попросилась на натальский театр войны. От Блумфонтейна я направилась на восток, взяв с собой только **кафра**, лошадь и двухколёсную повозочку. Сначала мы километров 150 ехали по равнине, оставленной жителями. За целый день в опустошённой стране мы не встретили ни души. Английские позиции были за 100 км. к северу. Кругом лишь безгранична степь, истоптаные нивы, редкие разграбленные фермы, а над всем – молчание смерти.

И днём, и ночью в этой обстановке душа как будто отделялась от тела, и сама действительность начинала казаться ужасным сном. Только на третий день к вечеру я приблизилась к горам Наталя и у подножия их как признак жизни увидала дым.

В живописном ограждении из плакучих ив белел небольшой домик. По долине извивался ручеек, образуя громадный пруд у сада. На ферме я нашла человек шесть женщин и около 20 детей. Эти женщины собирались сюда со всей окрестности, чтобы вместе пережить страх. Их мужья были далеко от них за английскими позициями. Бедные, как они обрадовались моему приезду. У них уже не было муки, но сейчас же появились на столе молоко, сыр и жареная кукуруза. От природы молчаливые, теперь они наперерыв жаловались на свою судьбу. Англичане не церемонятся с их имуществом – забирают на фермах

всё, что им нужно, и только иногда выдают карандашные расписки с произвольными ценами.

— Они нас заставляют написать мужьям, чтобы возвращались; иначе в течение двух месяцев все наши дома будут разрушены. И они меня допрашивали. Неужели они сделают это на самом деле?

Никогда не забуду строгих лиц детей, которые молча смотрели на меня изо всех уголков комнаты.

Сутки пробыла я на этой ферме. Подлечила, как могла, больных детей и отправилась далее.

Наконец я прибыла в Гленко. Это именно та местность, которая в течение войны трижды меняла своих владельцев. Сначала через Гленко прошли английские войска, направляясь к Маюбе и к границе Трансвааля; английские владельцы ферм и угольных копей, а также жители небольших городков с восторгом присоединялись к войскам, чтобы помочь им поскорее овладеть Трансваалем. Но ликование было непродолжительным: прошла неделя, а они, гонимые бурами, бросив всё добро и захватив только семьи, перебрались за Тугелу.

Восемь месяцев владели буры этим краем и только три недели назад, взрывая мосты, разрушая рельсы, сжигая станции, они оставили этот край, опасаясь обхода со стороны Ньюкасла. На пепелище снова появились англичане. Недалеко от прежнего бурского лагеря они теперь раскинули свой. Я разыскала командира и представила ему свои бумаги. Мне указали на ферму возле Гленко, где расположился главный походный госпиталь. Я собрала все силы и направилась туда. Терпения не хватало, но необходимо было соблюсти все формальности.

Переговорив с начальником госпиталя, я наконец получила возможность осмотреть его. Три комнаты фермы, два сарая и шесть палаток были заполнены ранеными. В одном из помещений я нашла раненых буров и между ними **Николая**. Несмотря на своё атлетическое здоровье, он с трудом переносил проклятую рану. Ужасно, когда дорогому человеку ты можешь окказать лишь самую малую помощь как последнему среди всех.

Я не могла заняться пленными, чтобы не обратить на себя внимание, а они, бедные, так в этом нуждались. Там и для своих не хватало рук, а о чужих совсем забыли. Как больно мне при воспоминании об этой бессмысленной, глупой жестокости. Всё-таки мне удалось во время сна других поговорить и уговориться с **Николаем**. Дело в том, что о побеге из натальского госпиталя нельзя было и думать, но к счастью для нас и к великому прискорбию для буров, через месяц несколько сот пленных отправляли на остров Цейлон, в город Коломбо. **Николай** был в списке этих изгнанников, и я решила сама побывать в Индии, откуда легче было уйти из плена.

Я убедилась, как велика разница в отношении французов, португальцев, немцев и англичан к коренным обитателям других стран. Гуманные и общительные французы очень скоро после завоевания приобретают симпатии дикарей, им редко приходится прибегать к суровым мерам. Совсем другое дело португальцы и англичане – они исторические рабовладельцы. Прикрываясь лозунгами о свободе, представители этих наций на самом деле презирают туземцев, но вместе с тем эксплуатируют их труд и всеми правдами и неправдами отбирают у них последние средства к существованию. Но об англичанах и португальцах известно достаточно, важнее сказать несколько слов о немцах, ещё новичках в колониальных делах. Надо отдать им справедливость, эти новички превзошли жестокостью своих учителей – англичан. Вот что мне пришлось увидеть в их колониях. Мы пристали к городку Квелиманэ, расположенному в живописной бухте, окружённой пальмовыми лесами. Я очень обрадовалась возможности осмотреть этот уголок и с нетерпением ожидала, когда корабль наш бросит якорь, тем более, что мы должны были там простоять четыре дня.

Но как я была возмущена и разочарована, выйдя на берег! Не прошло и десяти минут, как, проходя по европейскому кварталу, я услыхала раздающийся с ближайшей площади заунывный стон и звон цепей и поспешила посмотреть, в чём дело. Более сотни чёрных пленников, скованных по десяти за-

руки и шеи, тащили тысячепудовую машину для укатывания дорог.

Я обратилась к встретившейся мне по пути даме с вопросом, в чём заключаются преступления этих людей. Оказалось, что их преступление состояло в том, что они не хотели примириться со своим унизительным положением и храбро защищали до последнего независимость своей бедной родины. Но это был ещё сравнительно гуманный способ обуздать патриотизм и геройство туземцев. Пробираясь в глубь страны, километрах в сорока от Квелиманэ я проходила через значительный туземный городок. При виде сопровождавшего меня немецкого матроса жители поспешно отворачивались и уходили в свои жалкие хижины. Необычайно живописен вид туземного поселения в тени густого леса кокосовых пальм. Любаясь забавными играми туземных детей, совершенно нагих, резко выделявшихся на фоне ярко-зелёной травы, я незаметно дошла да середины городка. Страшное зловоние заставило меня осмотреться кругом, и я увидела меж пальмами холм, на котором находилось несколько десятков виселиц с повешенными туземцами. Уже более 20 дней они висели под палящим тропическим солнцем на страх и в предостережение всему населению, и эти люди были не более, чем военнопленные. Такова система немецкого управления в колониях. Зверство и дикость царят во всех их отношениях с туземцами. Не военными репрессиями, а преследованием мирных людей держат они в повиновении этот край. Как тяжело среди такой чарующей природы видеть столько человеческого зла и несправедливости.

Я возвратилась на немецкий корабль, а через неделю уже пересекала экватор на английском корабле.

Вот и Бомбей. До прихода корабля с пленными в Коломбо оставалось ещё восемь дней. Он прибывал 4 августа, а я появилась в Бомбее 26 июля. Прежде всего я отправилась осмотреть чумные бараки. В чистом и просторном отделении для европейцев не было больных. Но какое ужасное впечатление производили бараки для индусов! Удивительное дело, человек привыкает ко всему, и индусы больше не впадают в тот безотчёт-

ный трепет, о каком рассказывают первые очевидцы. Они переносят свою болезнь как всякую другую. В начале эпидемии заботы англичан о больных были серьёзнее, да и со стороны Европы был некоторый контроль в виде европейских экспедиций; теперь же, с исчезновением всякого контроля, английские врачи предпочитают веселиться в горах по летним станциям, оставив свои обязанности на помощников, местных фельдшеров. Грубость и грязь царили в этих бараках не меньше, чем в тех шалаших на другом конце города, где размещаются семьи заражённых. Постороннему трудно проникнуть в чумную больницу. Но войдя, ещё труднее выйти без самой тщательной дезинфекции.

Теперь Бомбей как бы самой природой обречен на гибель. Здесь существуют рядом чума, холера и голод. Полуголодная, полунасущая беднота, скученная в туземных кварталах, не находя более работы в затихшем порту, не имея заработка на лишённой влаги земле, никакой помощи со стороны правительства и возможности переселиться в другие, более благополучные места, тысячами падает от болезней и голода. Только счастливцы получают работу за 3–4 рубля в месяц. Какой иронией этой злой судьбы являются колоссальные, безвкусные дворцы правителей и богачей; каким диссонансом выглядят среди грязи, голода и смерти феерические балы, скачки на выхоленных лошадях, блестящие экипажи чиновников, из которых самый дрянной и не нужный получает 30–40 тысяч рублей в год. Край, который мог бы прокормить население несравненно большее, во многих местах превратился в пустыню.

Владыки Индии, по видимому, чувствуя всю непрочность своего положения, предпочитают тратить индийские деньги на укрепления и даже голодающих редко заставляют устраивать новый оросительные каналы. Несколько выше их стояли в этом отношении магометанские завоеватели, знаменитые «цари царей». Эти безумные деспоты иногда подумывали и о благосостоянии народа.

Осмотрев ещё две «башни молчания», учреждения огнепоклонников, возбуждающие ужас и отвращение, увидев там на-

сытившихся человеческими трупами и насилиу двигающихся коршунов; взглянув на следующий день на ужасную печь, где сожигают трупы, я закончила обзор Бомбея и уехала в Пуну, чтобы вновь увидеть голодавших крестьян.

Пуна находится высоко над уровнем моря и служит летней станцией Бомбея. Десятки тысяч несчастных бедняков сошлись сюда со всей окрестности, ища спасения от голодной смерти. Никакими словами нельзя передать того, что я там увидела. Мужчины и женщины, тела которых редко прикрыты у пояса единственной тряпкой, настолько исхудали, что ноги по всей длине имеют одинаковую толщину – кожа и кости; эти страдальцы громадными толпами окружают город, собираются на городских землях и на частных плантациях. Некоторые из них успели получить работу. Правительство ассигнует б копеек на человека в день за работу. Промышленники не кормят бедняков, а каждый из них на заработанные деньги вечером получает за четверть цены порцию риса в частных лавках, владельцы которых наживаются, пользуясь голодом. Но это только счастливцы могут получить в день свои 6 копеек, большинство же должно отказываться в пользу кассира и плательщика от половины своего заработка, то есть от 3 копеек за право получить работу. Есть агенты правительства, евреи иmetis, получающие 100 рупий (75 рублей) в месяц и в течение года составляющие десятки тысяч сбережений из крох, предназначенных умирающим от голода беднякам. Но самое вопиющее, самое гнусное, что только есть в организации этой «помощи» голодающему населению, это так называемая «гигиеническая пища». Отощавшему человеку, который в течение 5–6 дней не видел кусочка хлеба, закон велит дать один раз напиться молоком. Что это за молоко, что это за отрава, если выработалась практика поить его в той самой загородке, где сжигаются трупы! Добрая треть принявших такую «гигиеническую пищу» через полчаса падает замертво.

Я бы хотела изложить ещё несколько деталей, но больше нет сил рисовать эту картину. С тех пор прошло уже четыре месяца, а не проходит часа, чтобы передо мной не вставал

печальный образ земли, где отощавшие животные напрасно ищут свежей травки, где из-за отсутствия влаги засохли пальмы, только кое-где на верхушках отдельные листья продолжают зеленеть как печальная эмблема индийского народа, истомлённого угнетением, но всё-таки хранящего в тайниках своего сознания незримую искру, которая когда-нибудь вспыхнет ярким заревом счастья и свободы¹⁰¹.

На каждой станции голодные люди из-за решётки молча протягивают иссохшие руки; нагие женщины, мужчины и дети с воплем бегут за уходящим поездом и падают на путях; упитанные жандармы отгоняют их от рельсов, а владыки страны, сидят в вагонах первого класса, охраняемые жандармами с плетями, чтобы их не беспокоили просыпающие, – всё это вместе вновь и вновь воскресает в моём воображении и в тысячный раз с моих губ срывается проклятие.

Я направилась на Цейлон. Поезд проносится по мостам через русла рек, часто в версту шириной, которые даже в период дождей демонстрировали песчаное дно. Как нетрудно было при миллионах безработных запрудить эти реки в момент их полноводия! Но сильные мира сего не заботятся об этом, а слабые не имеют силы. Никогда я не забуду мелькающие среди этой пустыни отдельные маленькие хозяйства, в ложбинках колодцы, обложенные глиной для сохранения воды. Вот индус, по-видимому, потерявший весь свой скот, разрыхляет засохшую почву маленькой нивы с комнату величиной, а вся его семья носит из ложбины непромокаемые корзины с водой на головах. Какая ужасная борьба с голодом отражается в этих измождённых фигурках! Но это ещё относительно богатые хозяйства, а у бедных нет колодцев ни близко, ни далеко, и пашня их засохла, превратившись в камень.

Обилие дождей и плодородие почвы, несмотря на первобытность земледельческой культуры, когда крестьяне вместо плуга часто используют два связанных полена, служат причиной того, что природа всё-таки позволяет получать урожай, и народ здесь бодрее и веселее. За бесконечную зелень, пальмовые леса, лесистые горы этот остров получил справедливое название «второго

рая». Тут я стала ждать прихода корабля с пленными бурами, на котором должен был находиться и **Николай**.

Наконец, два дня спустя корабль пришёл. С горьким сочувствием туземцы рассматривали палубу приближающегося корабля и угрюмые лица буров, измученных жарой и непривычным путешествием. Их привезли в ссылку, как каких-то убийц, чтобы иметь возможность издеваться над беззащитными на чужбине. Две роты пехоты и сотня кавалеристов выстроились в полукруг для охраны пленников.

Как преступники проходили они под перекличку по сходням. И вот я увидала **Николая**. Какая невыносимая пытка стоять и не иметь возможности поздороваться с тем, с кем хочешь! Но я не выдала себя, а **Николай** радостно улыбнулся. Для меня это была награда за все неприятности. Надо было, не теряя времени, придумать, что-нибудь решительное, чтобы прекратить его глупый плен. Я успела заранее разузнать, что всех пленных увезут в Канди¹⁰², чудное место, дачное местопребывание цейлонского правительства в горах. Так как их увозили в ту же ночь, то о побеге из Коломбо не могло быть и речи.

На следующее утро я направилась в Канди, остановившись в «Гостинице королевы», и за табльдотом познакомилась с несколькими англичанами-путешественниками. Я им обстоятельно рассказала, что была в качестве врача в английской армии, а теперь еду через Индию в Китай, в русскую армию. Мне нужно было как-нибудь получить у губернатора разрешение повидать пленных буров, и я готовилась на следующее утро отправиться к нему с визитом.

Но как я была удивлена, когда за час до обеда явился ко мне в гостиницу солдат – туземец с письмом. Распечатав его, я ещё больше удивилась. Губернатор, объяснив в чрезвычайно изысканной форме, что узнал о моём приезде в английском госпитале, пригласил меня на следующий день к себе на воскресный бал. По-видимому, мои новые знакомые по гостинице уже успели передать ему то, что я им рассказала. Я была очень обрадована этим неожиданным приглашением – оно облегчило и упрощало мою задачу.

Одевшись как можно лучше, я вечером следующего дня направлялась к дворцу губернатора. В душе мне было не до бала — мне приходилось сильно бороться с собой, чтобы казаться весёлой. Губернатор с женой приняли меня с предупредительной любезностью, расспрашивали о войне и удивлялись моим симпатиям к англичанам. В первый раз в жизни мне пришлось видеть настоящее английское общество. Напыщенное и чопорное, молчаливое и бледное, оно своими манерами наводило тоску. Бал был в разгаре. Кружатся в вихре бесконечных вальсов серьезные, напыщенные пары. Внешне сохраняя спокойствие и гордую осанку, в глубине сердец все боятся результатов несправедливого, жестокого своего господства. Ведь в случае чего пощады им не будет. Китай свидетелем тому. Когда ты вместо мудрости и знания несешь в страну обман, опий¹⁰³ и грабеж, не желая думать о бедном народе, он отомстит тебе, как зверь, которому ты сам своим чванством и наглостью уподобляешься. В этом правда жизни. В этом вся логика причин и их последствий. В природе ведь ничто не пропадает. Пожнут когда-нибудь и англичане свой собственный посев.

Сначала я поддалась общему степенному настроению, а затем, так как в перерыве между танцами меня обступали и расспрашивали, я перестала танцевать и занялась исключительно разговорами. Офицеры меня спрашивали, нашла ли я достаточно рыцарским характер их товарищей в Южной Африке. К концу вечера все оживились, и мы заспорили по различным политическим вопросам. Из толпы выделялся не важностью, а своим достоинством губернатор. Почтенный старик с седыми бакенами, с благородным умным лицом, с мягкой улыбкой на губах сильно отличался от тех англичан, которых я видела на войне. Улучив минутку, я как бы в шутку обратилась к нему со следующими словами:

- В вашем krae, excellence, я вынуждена прибегнуть к Вашему покровительству.
- В чём же, миледи?
- Мне хочется повидать пленных буров. Среди них, наверно, есть такие, которых я раньше видела в натальском госпитале.

– И в этом-то и должно выразится моё покровительство? – сказал он, улыбаясь.

– Да, в этом заключается вся моя просьба.

– О, это вы можете сделать когда угодно. Завтра, наверно, туда отправится целое общество, чтобы на них посмотреть.

Но мне-то менее всего хотелось быть у буров вместе с обществом. Тем не менее я ответила благодарностью за несколько предложений со всех сторон.

Рано утром я пришла в канцелярию губернатора и взяла у секретаря разрешение на посещение.

В каком ужасном душевном состоянии находились буры среди этой чудной природы! За оградой стоял барак среди пальм, обильные плоды которых уже совершенно созрели. Вдали виднелось чудное озеро, окаймленное густой растительностью, а ниже озера – глубокая долина с живописными домиками в пышной зелени.

Но красота природы не утешала буров. Сосредоточенные и угрюмые, они молча сидели или ходили, безучастно глядя на окружающее. Я встретила несколько буров, которых видела раньше в натальском госпитале. Для лишённых свободы пространство уже перестало иметь значение, и они даже не удивились, увидев меня на Цейлоне.

Наконец я разыскала **Николая**. Если бы в эту минуту мы были не одни, то, наверно, наши лица выдали бы нас самому глупому солдату. Мы наскоро условились, как поступить. Необходимо было принести **Николаю** верёвку, так как досчатая ограда была очень высока и без верёвки её нельзя было преодолеть.

На следующий день в коробке с фруктами для знакомых буров я передала самодельную верёвочную лестницу. Так как почти все буры, в том числе **Николай**, имели только то, что было надето на них, необходимо было устроить дело ещё и с костюмом.

Я съездила в Коломбо и приобрела подходящие костюм и шляпу. Оставив свои вещи на станции, три дня подряд между 10 и 12 часами вечера я напрасно приносила этот костюм на

условное место возле ограды, а сама издали с берега озера следила, что из этого выйдет. И только в четвёртую полночь мы вместе с **Николаем** ушли в железнодорожную гостиницу. Вышло очень ловко. Явившись предварительно на вокзал и взяв мой багаж, мы вместе с каким-то комиссионером перешли через дорогу и направились в гостиницу. Для всех было ясно, что мы только что сошли с поезда, пришедшего из Коломбо. Необходимо было как можно скорее и как можно дальше уехать от Канди. наутро мы заказали лошадей в Парадению, где находился один из лучших в мире ботанических садов. Был дождливый период и можно было надеяться, что с утра мы не встретим там много людей.

Часов в шесть мы подъехали к Парадению, обошли весь сад, купили у привратника цветов и фруктов, направились к находящейся в нескольких шагах железнодорожной станции и взяли билеты в Бондаравелу. Таким образом нам снова приходилось проезжать через Канди. Но я не очень опасалась, что **Николай** будет узнан. Лицо и фигура его настолько изменились после снятия бороды и волос, после перемены костюма и шляпты, что в нём никак нельзя было признать вчерашнего «бура». Через 15 минут мы миновали Канди, направляясь по железной дороге на юго-восток, в глубь острова.

В Бондаравеле можно было спокойно отдохнуть и передать несколько дней первой тревоги. Осторожность требовала, чтобы мы расстались, но я на это не согласилась. Два дня спустя мы уж катили в почтовом экипаже из Бондаравелы в Маттуру. Никогда в жизни я не видела дороги великолепней. Все склоны гор покрыты густым лесом. Благодаря дождливому времени года по всем ложбинам сбегают ручьи и речки, покрывая водой маленькие квадратные нивы селян в горных долинах. На каждом перевале открываются новые красоты с очаровательным нежным колоритом. Всё теряется среди этой роскошной могучей растительности.

Четыре дня вёз нас оригинальный почтовый экипаж. Его тянули не лошади, а быки. Эти маленькие горбатые бычки оказались усерднее коней. Они дружно бежали и в гору, и под гору.

От Матуры в Коломбо дорога представляет нечто чудесное. На протяжении около 200 вёрст прекрасное шоссе над самым океаном представляло собой пальмовые аллеи. Между пальмами растут тёмно-зелёные смоковницы и бесчисленные кустарники тропического орешника. Чудные зонтичные пальмы, вырываясь из чащи, господствуют своими царственными верхушками над остальной зеленью. И всё это, перевитое лианами и ползущей пальмой, бамбуком и тростником, образовало над шоссе непроницаемый свод.

На десятки километров впереди не раз открывался прямой туннель из зелени, тенистый и благоухающий. Эта зелень местами разрывается и тогда справа показываются чудные склоны зеленеющих гор, над которыми господствует Адамов Пик¹⁰⁴, а слева – безграничный океан, переливающийся на солнце оттенками бирюзового цвета.

Оставалось преодолеть только одно затруднение – попасть на корабль.

Случай не хотел больше видеть наших кислых физиономий и на этот раз устроил всё скоро и удачно. Вот мы уже в полной безопасности на французском корабле. После шести месяцев пережитого, мы наслаждались нравственным покоем.

Корабль летел в Марсель, и в наших мыслях уже рисовался любимец всех народов – великий и очаровательный Париж¹⁰⁵.

Интересные документы об одном из российских офицеров – добровольцев, военном инженере, штабс-капитане **Шульженко**, воевавшего в партизанских отрядах буров, сохранились в РГВИА и АВПРИ:

Военнопленный в Ахмеднагарском лагере.

Бомбей. Индия. 29 мая 1901 г.

Русскому консулу в Коломбо, Цейлон

Милостивый Государь.

Почтительно уведомляю вас, что я, **Александр Николаевич Шульженко**, офицер Керченской минной роты, 25 октября 1899 г. получил от русских властей разрешение на 6-месячное

пребывание за границей, пользуясь которым я проехал в Южную Африку, в Южно-Африканскую Республику, где и оставался до 5 апреля 1901 г.

В этот день я добровольно и безо всякого к тому принуждения направился в английский лагерь в Пит-Ретифском округе, на границе Свазиленда.

Так как я просрочил свой отпуск приблизительно на год, то по русским военным законам, я подлежу исключению из службы и, в случае возвращения в Россию, – заключению в крепости сроком от 6 до 12 месяцев.

Поэтому я почтительнейше прошу вас уведомить русские военные власти, что я военнопленный и лишён в настоящее время возможности вернуться в Россию. Нет никаких доказательств того, чтобы я нарушил присягу нейтралитета, так как я не был взят на поле сражения, а добровольно явился к англичанам. Не откажите в любезности сообщить мне, – нет ли книг на английском языке о Трансваальской войне и какие их (неразборчиво). Можно ли достать в Коломбо книгу, озаглавленную После Претории: партизанская война?

Попрошу также не отказать прислать мне старые русские газеты, которые я вам возвращу по прочтении.

Так как наш цензор не знает русского языка, прошу ответ ваш составить на английском или голландском языке.

Заранее благодарю вас, остаюсь ваш покорнейший слуга.

Шульженко.

Н.В. Так как я не владею английским языком, вышеизложенное написано моим приятелем.

25 июля 1901 г. Генерального штаба подполковник

Платов¹⁰⁶.

К сожалению отечественным исследователям известно немного об этом храбром российском офицере. Так приведённый ниже в сокращении послужной список штабс-капитана **Шульженко** заканчивается 1888 годом:

Подпоручик **Александр Николаевич Шульженко**

Должность по службе: Субалтерн-офицера

Ордена: не имеет

Родился: 22 января 1869 г.

Из какого звания: Из дворян Бакинской губернии.

Православного вероисповедания.

Окончил курс в двухгодичном отделении военного училища при Московском пехотном юнкерском училище по I разряду.

В службу вступил рядовым на правах вольноопределяющихся I разряда в 84 пехотный Ширванский полк – 30 июля 1886. г.

Командирован в Тифлисское¹⁰⁷ пехотное юнкерское училище. Записать в старший класс – август 1886 г.

На основании приказа по военному ведомству 1886 г. и согласно предписанию Окружного штаба кавказского военного округа от 13 сентября 1886 г. перевести в Московское пехотное юнкерское училище – 20 сентября 1886 г.

Прибыл в училище и зачислен в двухгодичное отделение военно-училищного курса 28 сентября 1886 г.

Приказом по училищу произведён в унтер-офицеры – 12 августа 1887 г.

Высочайшим приказом, состоявшимся 20 сентября 1888 г. произведён в подпоручики в 6-й Понтонный батальон.

Отправился по назначению 29 сентября 1888 г.

Прибыл 30 октября 1888 г.

Холост.

Недвижимого имущества не имеет.

Наказаниям не подвергался.

В походах не был.

Особых поручений не имеет¹⁰⁸.

Последовало продолжение переписки военных властей России по столь необычному поводу, поскольку российских офицеров в английском плену было очень мало:

Доклад по Главному Инженерному управлению. 31 июля
1901 г.

Главный штаб при отзыве от 27 сего июля препроводил в Главное Инженерное управление отношение нашего вице-консула в Коломбо с приложением письма, находящегося ныне военнопленным английского правительства в Ахмеднагарском лагере в Бомбее, в Индии, в котором он заявляет следующее: (далее идёт пересказ письма **Шульженко**).

Из имеющейся в Главном Инженерном управлении переписки усматривается, что Керченской крепостной минной роты штабс-капитан **Шульженко** 27 января 1899 г. отправился в Высочайше разрешённый ему одиннадцатимесячный отпуск, сроком по 27 декабря того же 1899 г. но из отпуска не возвратился.

Из приложенного к представлению начальника инженеров Одесского военного округа об исключении названного офицера, как без вести пропавшего, из списков. Из газеты «Южное обозрение» в статье «Последний русский доброволец», видно, что штабс-капитан **Шульженко** принимал участие в англо-трансваальской войне в качестве добровольца, с самого начала войны, сперва в рядах бурской армии, а затем сошёлся с другими русскими добровольцами, образовав маленький отряд, всего в числе 11 человек, в котором, между прочим, находился и капитан **Ганецкий**. Отряд этот, по словам названной газеты, ограничивался несением разведочной службы. Докладывая о вышеизложенном Вашему Высокопревосходительству, имею честь испрашивать:

Благоугодно ли будет Вашему Высокопревосходительству изъявить согласие на сношение с министерством иностранных дел, с целью выяснить обстоятельства, при которых штабс-капитан **Шульженко** был взят в плен, когда он может быть освобождён и при каких условиях, а впредь до получения ответа приостановить делопроизводство об исключении штабс-капитана **Шульженко**, как без вести пропавшего, из списков.

(подпись) И.Д. Главного Начальника Инженеров.

Начальник отделения¹⁰⁹.

Приведём и саму вышеназванную (с большим трудом найдённую) статью:

Последний русский доброволец.

Мы получили известие о взятии в плен англичанами офицера русской службы, капитана **Александра Николаевича Шульженко**, почти с самого начала англо-трансаальской войны принимавшего участие в ней в качестве добровольца.

Капитан **Шульженко** – последний русский доброволец бурской войны. Согласно его собственному сообщению, полученному на днях в Москве доктором **Галактионовым**, который женат на сестре капитана **Шульженко**, последний взят в плен англичанами только 5 прошлого апреля, то есть 1.1/2 месяца тому назад.

Письмо это, писанное на немецком языке, очень кратко, свидетельствуя тем самым о цензурных условиях, применяемых англичанами на театре военных действий в Южной Африке.

Вот это письмо:

Я здоров. Кампанию свою я окончил 5 апреля. Нахожусь в пленау у англичан в лагере под Ледисмитом. Прошу сообщить сестрам и братьям; пишите по адресу: Южная Африка, Наталь, лагерь под Ледисмитом, русскому капитану **Александру Николаевичу Шульженко**, 11 (24) апреля 1901 г.

По словам доктора **Галактионова**, капитан **Шульженко** состоял на службе в русской армии, в минной роте, в Восточной Сибири, где принимал участие в работе по устройству мирных заграждений во Владивостоке и в Порт-Артуре. По отзыву своего родственника, капитан **Шульженко** – человек в высшей степени жизнерадостный и относящийся с горячим усердием к каждому делу, за которое возьмется.

Из Сибири капитан **Шульженко** перевёлся на юг России, в Крым, где служил в одной из крепостей. Но крепостная служба не могла удовлетворять его долго и вот он берёт отпуск на 11 месяцев и едет на Кавказ, где по поручению одной фирмы устраивает в разных городах электрическое освещение и неко-

торые другие электрические сооружения.

Время пребывания **Шульженко** на Кавказе совпало как раз с началом англо-бурской войны.

Горячий и отзывчивый **Шульженко** быстро снарядился в путь и уже в первые месяцы военных операций в Южной Африке стал принимать в них деятельное участие в качестве русского добровольца в рядах сражающихся за независимость буров.

Впоследствии он сошёлся с другими русскими добровольцами и они вместе образовали нечто вроде маленького русского отряда, состоявшего всего из 11 человек. В этот отряд входили кроме самого **Шульженко**, хорошо известные Москве капитан **Ганецкий**, **А.И. Гучков**, **Стессель**, двое русских рядовых, один итальянец и ещё несколько человек, примкнувших к отряду. Так как буры вообще относились недоверчиво к добровольцам, то отряд ограничивался несением разведочной службы, впрочем, довольно опасной, так как ему приходилось быть всегда вёрсты на две впереди бурского отряда и на таком же расстоянии, замыкать, в случае надобности, отступление.

Шульженко никогда ничего не брал у буров, кроме лошади, которую он прозвал «Васькой» и к которой очень привязался.

А.И. Гучков, взятый в плен много ранее, по возвращении в Москву, рассказал про **Шульженко** характерный эпизод. Дело было под Йоханнесбургом, ещё до сдачи этого города англичанам. На бурский отряд врасплох напали англичане. Произошла стычка, и **Гучков** был ранен в ногу, а лошадь под ним была убита. Буры бежали,бросив **Гучкова**, но, достигнув безопасного места сообщили прибывшему туда с другой экспедицией **Шульженко**, что видели **Гучкова** раненым. **Шульженко** немедленно, рискуя попасть по английские пули, отправился и, пробираясь ползком, добрался до раненого **Гучкова**. Тут произошёл между товарищами-добровольцами такой диалог:

- Идти не можешь?
- Нет, ранен в ногу.
- Полезай ко мне на плечи.

И с раненым товарищем на плечах **Шульженко** стал пробираться ползком к ближайшему бурскому лазарету, куда и доставил его, несмотря на то, что сам на этом трудном месте был ранен шальной пулей в локоть.

И вот судьба маленького русского отряда в Южной Африке: **Стессель** убит, **Гучков** ранен и взят в плен, **Ганецкий** сам ушёл, причём оба последние наслаждаются уже свободой на родине.

Теперь англичанами взят в плен последний из русских добровольцев, переживших и взятие Йоханнесбурга и взятие Претории, и участвовавший во всех последних битвах и стычках буров с англичанами, состоя в это время в отряде знамени того **Девета**.

Какова будет его дальнейшая судьба – неизвестно¹¹⁰.

Российские власти стали принимать меры к освобождению захваченных по разным причинам в плен соотечественникам:

Министерство иностранных дел, второй департамент,
5 июля 1901 г. № 7186

Его Высокопревосходительству барону **Е.Е. Стaalю**.

Милостивый Государь.

В дополнение моей от 4/17 сего июля, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что содержание письма вашего от 22 июня/5 июля сего года относительно водворения русских подданных, взятыми англичанами в плен во время Южно-Африканской войны, было сообщено министерству внутренних дел. Ныне статс-секретарь **Плеве**¹¹¹ известил меня о том, что он признаёт возможным принять на средства казны расходы на возвращение в Россию тех из упомянутых лиц, которые не имеют собственных средств. При этом министр выразил желание получить, в возможно непродолжительном времени, точные сведения, как о числе русских подданных, находящихся в упомянутых условиях, так и о размерах необходимых для водворения их на родину суммы.

Доводя о вышеизложенном до вашего сведения и пропровождая у сего список известных министерству иностранных дел русских подданных, находящихся у англичан в плену, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство войти в сношение с Великобританским правительством в видах передачи надлежащим российским консульским представителям всех русских, находящихся в числе военнопленных, и снабдить наших генеральных консулов в Лондоне и Бомбее, а равно вице-консула в Коломбо соответствующими по сему делу инструкциями. О последующем я буду ожидать вашего уведомления. Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моём почтении и преданности.

Граф **Ламздорф**¹¹².

Военный министр **Куропаткин** проявил заботу о содержавшемся в плену военнослужащем:

Выдержки из письма военного министра министру иностранных дел.

Военное министерство. Главное Инженерное управление.
9 августа 1901 г.

Просьба войти в сношение с английским правительством для выяснения обстоятельств, при которых взят в плен означенный офицер. Причём, принимая во внимание, что штабс-капитан **Шульженко** во всех отношениях прекрасный офицер и отличался всегда честным и добросовестным исполнением всех обязательств по долгу военной службы, я позволю себе особенно просить, не изволите ли Ваше Сиятельство, признать возможным оказать содействие к скорейшему возвращению его в Россию.

При этом считаю долгом присовокупить, что со стороны военного министерства будут приняты все меры, чтобы штабс-капитан **Шульженко** не принимал более никакого участия в англо-трансваальской войне.

Военный министр

Генерал от инfanterии **Куропаткин**¹¹³.

Довольно нескоро последовал и официальный ответ британских властей. Поскольку этот документ весьма важен, то приведём его на английском языке с переводом:

Memorandum

Captain **Chouljenko** (Captain 2nd Rate **Shulzhenko**) was captured on the Assegai River, in the Piet Retief district, on or about the 5 th April, 1901, and being armed with a **Mauser** rifle was made a prisoner of war. Colonel **Campbell**, Kings Royal Rifles, then commanding a column at Zandbank, near Piet Petief, reports that Captain **Chouljenko** stated that he was a Russian officer and that he had come out with five others to South Africa pour apprendre la guerre (for learning the war), adding that his Chief had been killed near Utrecht some time before (Captain **Pokrovsky**, mortally wounded during the Boer attack on Utrecht on the 25 th December 1900, was probably refered to) Captain **Chouljenko** admitted that he had served with the Boers in Natal during the siege of Ladysmith, and subsequently with the commandos in the Orange River Colony. Colonel **Campbell** reports that Captain **Chouljenko** made no claim whatever to be treated as having voluntarily surrendered, and this is confirmed by the Staff Officer of Prisoners of War at Ladysmith, to whom this prisoner acknowledged that he had violated his neutrality, and was being rightly dealt with.

Lieutenant **Fraiser** of the Cameron Highlanders States that on the 3rd August, 1900 he was travelling in a train, which was wrecked by a party of Boers under **Theron**, near Holfontein Siding Orange River Colony, and subsequently became a prisoner of war in the enemy's hands. He remembers **Alexander Chouljenko** among **Theron's** men, and remembers being told by him that he was an officer of the Russian Army on leave, and that he had been with the Boer forces which besieged Ladysmith; Captain **Chouljenko** was carring a rifle and certainly took an active part in the fighting.

Lieutenant **Fraiser** adds that while he was a prisoner of war with the Boers, Captain **Chouljenko** always treated him kindly.

Foreign Office,

December 20, 1901

(Лондон. 20 декабря 1901 г. № 1571 (Пер. с англ.)

Меморандум

Капитан **Шульженко** был захвачен в плен на реке Ас-сегай в районе Пит Ретифа, приблизительно 5 апреля 1901; он был вооружён стрелковым **маузером** самодельного производства. Полковник **Кэмбелл**, командовавший в то время королевской стрелковой ротой недалеко от района Пит Ретифа, сообщает, что капитан **Шульженко** заявил, что он русский офицер и что он вместе с пятью товарищами прибыл в Южную Африку, чтобы поучаствовать в (поучиться) войне, а также заявил, что его командир был недавно убит в районе Уtrechta (капитан **Покровский**, на которого он, вероятно, ссылается, был смертельно ранен во время атаки буров в районе Уtrechta 25 декабря 1900 г.). Капитан **Шульженко** признался, что служил у буров в Натале, во время осады Ледисмита, позже в диверсионно-десантном отряде в районе колонии реки Оранжевой¹¹⁴. Полковник **Кэмбелл** сообщил, что капитан **Шульженко** не жаловался на то, как с ним обращались, поскольку он добровольно сдался в плен, что подтверждено офицерским штабом военнопленных в Ледисмите, по его (**Шульженко**) признанию, он нарушил нейтралитет и с ним поступили справедливо.

Фрейзер, лейтенант шотландского полка заявляет, что 3 августа 1900 г. он ехал в поезде, который был захвачен отрядом буров под командованием **Терона** около Холфонтейна Сидинга, колония Оранжевой реки, и был захвачен бурами в плен. Он помнит, что среди людей **Терона** был **А. Шульженко** и ему сказали, что **Шульженко** русский офицер, находящийся в увольнении, а теперь воюющий на стороне буров, которые осадили Ледисмит; у капитана **Шульженко** было стрелковое оружие, конечно, он принимал активное участие в сражении.

Лейтенант **Фрейзер** добавил, что в то время как он (**Фрейзер**) находился в плена у буров, капитан **Шульженко** всегда обращался с ним доброжелательно.

Министерство иностранных дел.
Декабрь 1901 г.¹¹⁵.

Находясь в плену, названный выше российский штабс-капитан писал письма российскому консулу, а так же своим родственникам и знакомым, оспаривая, в частности, мнение английского военного командования о своём нарушении нейтралитета:

Приложение I к № 46 Бомбей 1901 г.

Копия с частного письма штабс-капитана **Шульженко** к статскому советнику **фон-Клемму**¹¹⁶, от 1 октября нового стиля 1901 г.

Не откажите в вашем совете по некоторым вопросам. Я, штабс-капитан Керченской крепостной минной роты **Александр Шульженко** в октябре 1899 г. получил заграничный отпуск и поехал в Южную Африку для изучения войны на свой собственный страх риск и страх. Здесь я пробыл 15 месяцев при командах буров и наконец решил вернуться в Россию. Так как всё выходы были заняты англичанами, то я направился добровольно в английский лагерь при городе Пит-Ретиве. Дорогой через **кафскую** страну, я подвергся нападению **кафров**, которые захватили меня и представили в лагерь ланкаширского полка 6 апреля. Со мной была винтовка (к сожалению, не успел пустить её в ход по этим негодиям), которую имел для обороны от **кафров**, разбойничавших в этой местности. Участия моего в войне и нарушения нейтралитета англичане доказать не могут. Так как эта война затянется ещё на несколько лет, то не могу ли я через вас ходатайствовать о назначении суда и следствия для доказания нарушения мною нейтралитета? Пока участие моё в войне не доказано, я имею право пользоваться покровительством русских законов.

Кроме этого, не могу ли я ходатайствовать через вас о предоставлении мне, как русскому офицеру, некоторой свободы на слово, хотя бы только ежедневно прогуливаться по окрестностям Ахмеднагара? Мы здесь сидим в форте, как разбойни-

ки, и только два раза в неделю имеем часовую прогулку, под сильным конвоем. За злоупотребление мной свободой англичане могут назначить какие угодно наказания, до расстреляния включительно. Или, может быть, в обеспечение своего слова, я могу представить некоторую сумму денег.

Мой заграничный отпуск давно просочен и, по возвращении в Россию, меня ожидает, вероятно, высидка в крепости¹¹⁷.

Есть вероятность, что в газетных, в том числе и зарубежных, публикациях или архивных материалах тех лет имеются и дополнительные сведения об этом военнослужащем, но даже содержащиеся в его частных посланиях личные замечания довольно интересны:

Приложение II к № 26 Бомбей 1901 г.

Выписка из частного письма штабс-капитана

Шульженко к коллежскому ассессору **Козакову** от 1 октября нового стиля 1901 г.

Не откажите сообщить, могу ли я через консульство отправить в военное министерство мой отчёт о войне в Южной Африке, так как я думаю, что придётся пробыть в плена несколько лет. Желательно, чтобы он не попал в руки англичан, и я могу его переслать к вам с верным (верность обеспечивается более или менее солидной суммой денег) индусом.

Чёрт подери англичан: больших дураков в военном деле я ещё не видел. Будь у буров хоть немного более порядка и сведений, они давно выкинули бы их из Африки.

А ещё эти господа думают сражаться с нашей матушкой-Россией. На этой войне английские войска не только не приобрели опыта, но в конец испортились. Буры ещё способны сопротивляться несколько лет.

В плenу я с 6 апреля сего года. Жизнь наша течет здесь скучно и однообразно, но время проходит быстро. Англичане нас стерегут, как самых опасных преступников, и даже офице-

рам не дают свободы на слово. На личный персонал англичан, наблюдающих за нами, пожаловаться нельзя: все они довольно порядочные люди¹¹⁸.

Сохранилась и сопроводительная бумага от российского консула в Бомбее о вышеназванном штабс-капитане:

Секретное донесение Статского Советника **фон Клемма**.

Бомбей, 22 сентября 1901 г. № 46.

Содержащийся в Ахмед-Нагарском лагере пленных буров штабс-капитан Керченской крепостной минной роты **Александр Шульженко** на днях обратился ко мне и к секретарю генерального консульства **Казакову** с письмами, которые вопреки установленным для военнопленным правилам, были посланы им из Ахмед-Нагара помимо заведующего лагерем или цензора. Копии с обоих этих писем имею честь при сём представить.

Во избежание дальнейших попыток со стороны господина **Шульженко** сноситься с вверенным мне генеральным консульством таким незаконным путём, – попыток, которые, в случае неудачи, не преминули бы навлечь на нас справедливое подозрение и неудовольствие англичан, я оставил оба письма без ответа, из чего, надеюсь, он поймёт, что подобный способ сношений нам нежелателен.

Не думаю, чтобы стоило возбуждать вопрос о неправильном взятии плен этого русского офицера. Он сам говорит, что был захвачен с оружием в руках, а в одном из последних номеров «Нового Времени» имеется описание его боевых подвигов в рядах буров. Всё, что можно было пока сделать для облегчения его участия, исполнено: он получает письма от родных, снабжается русскими газетами и недавно заведующего лагерем пленных внесены, для его надобностей, 472 рупии, присланые, по Высочайшему повелению, из Главного штаба, и 182 рупии, присланные, вероятно, его родными.

За неимением в Ахмед-Нагаре переводчика русского языка и для избавления вверенного мне генерального консульства

от необходимости переводить на английский язык все письма, которые получаются на имя **Шульженко**, завывающий лагерем майор **Дикинсон** разрешил ему получать письма без предварительной цензуры, под честное слово, что в них не будет содержаться ничего противного правилам, установленным для военнопленных. Со временем, быть может, мне удастся выхлопотать ещё некоторые льготы для нашего пленного соотечественника, но это должно быть сделано очень осторожно и не иначе, как путём личных, словесных сношений с английскими военными властями.

Супруга командующего войсками бомбейского округа леди¹¹⁹ **Уестмакотт**, посетившая недавно, вместе со своим мужем, Ахмед-Нагарский лагерь, приняла большое участие в господина **Шульженко**: она вызвала его, беседовала с ним, хотя и не без труда, так как офицер этот говорит только по-французски, да и то чрезвычайно плохо и, наконец, велела снять с него фотографию, которую она хочет через меня послать его родным.

Леди **Уестмакотт** рассказывала мне о впечатлении, которое произвели на неё пленные буры. Она глубоко возмущается тем, что среди них такое множество детей 12–16 летнего возраста. Она вызвала младшего из них и спросила, не тяготится ли он пленом. Напротив, отвечал мальчик, чем дольше мой плен будет продолжаться, тем лучше, ибо это служит мне доказательством, что там, на родине, борьба за свободу отечества ещё продолжается.

На вопрос генерала **Уестмакотта**, что бы он сделал, если бы его отпустили, мальчик ответил просто Я стал бы опять воевать против вас. Этот маленький герой был, по словам майора **Дикинсона**, дважды захвачен с оружием в руках: первый раз его высекли и отпустили, а второй раз решили удержать военнопленным. Отец его пал на войне, а мать и младшие братья и сёстры томятся в английском лагере в Южной Африке.

На днях в Бомбее прибыла новая партия военнопленных, среди коих многие оказались больных корью, почему партия и содержитя пока в карантине.

Примите и прочее¹²⁰.

Об освобождении офицера ходатайствовала и его сестра:

Письмо

Его Высокопревосходительству
Господину Министру иностранных дел.
Ваше Высокопревосходительство!

Осмеливаюсь обратиться к вам с нижайшей просьбой о содействии с вашей стороны к освобождению из плена моего брата **Александра Николаевича Шульженко**, офицера русского войска.

Мой брат, в начале войны буров с англичанами, взявиши отпуск, отправился в качестве добровольца со стороны буров. Отпуск его давно кончился. Единственное средство возвратиться в Россию, к сроку окончания отпуска было сдастся в плен к англичанам. Но он, не желая уронить достоинство русского солдата, продолжал сражаться в рядах буров до последней крайности. И вот 5 мая (апреля) сего года их отряд был взят в плен под Ледисмитом. Его, как военнопленного, отправили в Индию, где он до сих пор находится, претерпевая все мытарства пленных.

Доношу обо всем Вашему Высокопревосходительству, имею большую надежду, что вы примите участие для облегчения участия русского воина и возвращение его в дорогое, и столь далекое от него теперь, отчество.

Жена надворного советника

Мария Николаевна Галактионова
урождённая **Шульженко**.

29 VIII 1901 г.

Жительство: Москва. Б. Молчановка дом 25¹²¹.

Родовитые дворяне из высших кругов петербургской аристократии так же старались помочь содер- жавшемуся в концлагере офицеру:

Копия с частного письма Великого Князя **Александра Михайловича**

к генеральному консулу в Бомбее **В.О. Клемму**
от 4 января 1902 г.

Вильям Оскарович.

Родственники капитана **Шульженко**, находящегося в плену у англичан, усиленно просят о его освобождении. Он находится в одном из лагерей недалеко от Бомбея.

Принимая и моё живое участие в судьбе капитана **Шульженко**, прошу вас войти в сношение с Вице-Королём Индии и от моего имени просить освобождения этого офицера из плена. Моя просьба совершенно частная, а не официальная, так что я прошу вас оказать мне личную услугу. Дипломатия здесь ни причём. Если по каким-либо соображениям моя просьба поставит вас в затруднительное положение, тогда не надо хлопотать.

Тем не менее я надеюсь, что вам удастся добиться освобождения офицера, именно по моей личной просьбе, доведя о сём до сведения Вице-Короля.

Искренне вас уважающий

Великий князь **Александр Михайлович**¹²².

О результате прошу мне телеграфировать¹²³.

Российский консул жаловался на трудность стоящей перед ним задачи – не только освобождения пленного, но и выполнения трудноисполнимых просьб по этому поводу:

2-ая газетная экспедиция (1885–1900 гг.)

Выписка из частного письма Генерального Консула в Бомбее (Индия) **В.О. Клемма** к **Н.Г. Гартвигу** (директору Азиатского Департамента МИД России) от 27 января 1902 г.

С последней английской почтой, в субботу 26 января, я получил письмо от Великого Князя **Александра Михайловича**, в коем Его Высочество поручает мне от его имени войти в сношение с Вице-Королём Индии об освобождении из плена известного Вашему Превосходительству по моим донесениям штабс-капитана **Шульженко**...

Из прилагаемой при сём копии с письма моего к великому князю Ваше Превосходительство изволите усмотреть, что мои доводы в общем сводились к следующим пунктам: 1. Освобождение военнопленного зависит не от Вице-Короля Индии, а от Британского Правительства. 2. Американское правительство, пытавшееся добиться освобождения своих граждан, получило решительный отказ. 3. Отношения лорда **Керзона**¹²⁴ к министрам метрополии таково, что и при желании исполнить просьбу Великого Князя ему едва ли удалось бы добиться чего-либо в Лондоне. 4. Я лично ещё вовсе не знаком с Вице-Королём и 5. Подобные дела выходят, по моему мнению, из предела моих полномочий.

К этому я должен добавить следующее соображение, которое я не мог, разумеется, высказать великому князю: такой мелочно самолюбивый человек, как **Керзон**, несомненно счёл бы себя обиженным тем, что Его Высочество обращается к нему не лично, а через меня. Не подлежит сомнению, что я получил бы самый решительный отказ через какого-нибудь секретаря Генерал-губернаторской канцелярии и, может быть, даже в не совсем деликатной форме. Подобный ответ, который прошёл бы через руки туземных писцов, и не держался бы отнюдь в секрете, был бы тем неприятнее, что к делу было бы примешано имя Великого Князя.

Из письма Великого Князя усматривается, что Его Высочество желал придать ему совершенно частный характер и фразу Дипломатия здесь не причём я понимаю так, что Его Высочество не желал, чтобы я доводил о его поручении до сведения министерства или посольства в Лондоне¹²⁵.

Различные источники по-своему описывали обстоятельства пленения этого несомненно очень храброго российского офицера:

Частное (письмо) Бомбей 12/25 февраля 1902 г.
Милостивый Государь
Барон **Георгий Александрович**.

В числе военнопленных буров содержащихся в Ахмед-Нагарском лагере бомбейского президентства, имеется один русский офицер Керченской крепостной минной роты штабс-капитан **Шульженко**. Узнав случайно об этом прошлым летом, я частным образом, выхлопотал себе право сноситься с этим офицером, пересыпать ему письма его родственников, газеты, книги и деньги.

Ввиду крайней щекотливости вопроса о военнопленных я не счёл себя вправе предпринять какие-либо официальные шаги в пользу господина **Шульженко** или ходатайствовать, хотя бы даже частным образом, об его освобождении, тем более, что это даже не зависело от здешних властей. Я ограничился поэтому тем, что представил дело на умозрение Императорского Величества.

С сентября месяца стали поступать ко мне из Главного штаба отдельные суммы, ассигнованные этому офицеру по Высочайшему повелению, а отзывом от 18 декабря № 477 Военно-учёный комитет уведомил меня, что Государю Императору благоугодно было повелеть уплачивать штабс-капитану **Шульженко** получаемое им на службе содержание, впредь до его освобождения из плена и переводить ему эти деньги, через моё посредство, под видом пособий от его родственников. Одновременно с этим я получил частное письмо от Великого Князя **Александра Михайловича**, в коем Его Высочество просит меня войти от его имени в сношение с Вице-Королём об освобождении господина **Шульженко** из плена. Отклонив от себя в очень осторожных выражениях это поручение, я счёл себя однако вынужденным испросить себе разрешение на свидание с пленным соотечественником, чтобы сообщить ему о состоявшемся Высочайшем повелении.

Подробности этого свидания изложены при сём в копии моего донесения господину директору 1 департамента от 1/25 февраля за № 9. Я должен лишь добавить, что заведывающий лагерем пленных, майор **Дикинсон** и некоторые другие офицеры самым положительным образом уверяли меня, что господин **Шульженко** легко может быть (освобожден) совершенно

из плена, если б только Императорское посольство пожелало похлопотать об этом в военном министерстве в Лондоне.

Ввиду этого я решил обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой доложить об этом деле гospодину послу, на случай если б его Высокопревосходительство признал возможным предпринять что-либо в пользу нашего соотечественника.

Прилагая при этом, для сведения, копии с письма ко мне Великого Князя и моего ответного письма Его Высочеству, а равно с моего частного письма **Н.Г. Гартвичу**, я должен повторить просьбу, высказанную последнему, чтобы переписка моя с великим князем была сохранена в тайне.

В заключении я должен пояснить, что в разговорах со здешними властями я рассказываю им историю пленения **Шульженко** в следующей версии, почерпнутой мною из писем и рассказа этого офицера.

Отправился он в Южную Африку из любопытства, чтобы посмотреть на современную войну, чтобы получить доступ в бурские командо, ему пришлось записаться бургером и взять бурский паспорт; после одного сражения, когда буры бежали он отстал от них, так как имел плохую лошадь, и должен был пробираться один; несколько раз подвергался нападениям **кафров** и, наконец, в одну ночь, когда он спал в покинутой ферме, несколько этих дикарей набросились на него, связали и на следующее утро доставили его в английский лагерь, что им в вознаграждение выдано было четыре вола: при обыске его в лагере найден был его русский паспорт и хотя последний тут же был переведён кем-то, знавшим русский язык, тем не менее его зачислили военнопленным на правах простого бургера. Я добавляю при этом, из осторожности, что доказать всего этого **Шульженко**, разумеется не может, но что у него не было никакого основания врать мне.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном моём уважении и преданности.

Ваш покорный слуга

В. Клемм¹²⁶.

Даже после окончания боевых действий военно-пленные были освобождены далеко не сразу, и российскому консулу приходилось прибегать к помощи общественного мнения:

Секретное донесение статского советника **Клемма**.

Бомбей, 15 июля 1902 г. № 38.

Не взирая на заключение мира в Южной Африке, англичане до сего времени продолжают держать в Индии с неизменной строгостью не только пленных буров, но и иностранцев, захваченных на театре войны. Мои неоднократные попытки добиться частным образом освобождения штабс-капитана **Шульженко** не увенчались успехом и, весьма вероятно, нашему соотечественнику пришлось бы ещё довольно долго просидеть в пленау, если бы я не обратился к помощи местной английской прессы.

По моей просьбе, редактор «The Times of India», господин **Фрезер**, с которым со времени посещения Бомбая великим князем **Борисом Владимировичем**, у меня установились весьма хорошие отношения, поместил в своей газете довольно резкую статью по адресу англо-индийских военных властей и их отношений к военнопленным иностранцам. В статье этой, в виде примера, приведено было отношение этих властей к штабс-капитану **Шульженко**, которому, без всякого видимого основания, отказано было даже в просьбе поселиться у меня впредь до полного освобождения из плена. Господин **Фрезер** напомнил, между прочим, своим соотечественникам, что не мало предприимчивых бриттов сражалось против русских в последнюю русско-турецкую войну. Статья эта имела магическое действие. Дня через два после её появления я стал получать со всех сторон телеграммы и бумаги с запросами, желаю ли я взять на поруки господина **Шульженко** и берусь ли я отправить его на родину на собственный счет.

Фрезер рассказывал мне, что заведывающий лагерями пленных буров в Индии выразил ему неудовольствие по поводу означенной статьи и он ему тотчас же ответил, что он поместит ещё гораздо более резкую отповедь по его адресу, если **Шуль-**

женко не будет тотчас же разрешено переехать из Сатары на жительство в русское консульство.

На прошлой неделе штабс-капитан **Шульженко** был освобождён и прибыл ко мне, а в четверг 18 июля я отправляю его отсюда на французском пароходе в Порт-Саид, для дальнейшего следования в Одессу¹²⁷.

Сохранился и документ о возвращении вышеназванного офицера на военную службу:

17 декабря 1902 г.

Доклад по главному Инженерному Управлению

Высочайшим приказом 20 ноября 1899 г. Керченской крепостной минной роты штабс-капитан **Шульженко** был уволен в отпуск на 11 месяцев в Россию и за границу, и в этот отпуск он отправился 27 января 1899 г. но в срок не возвратился, а потому подлежал исключению из службы.

Между тем, из сообщения нашего вице-консула в Коломбо, полученного в июле минувшего 1901 г. выяснилось, что ранее истечения срока разрешённого ему отпуска штабс-капитан **Шульженко** отправился в Южную Африку.

О вышеизложенном было доведено до сведения Вашего Высокопревосходительства, причём вам угодно было приказать: снести с министерством иностранных дел об освобождении штабс-капитана **Шульженко** из плена и назначить ему пособие в размере 300 рублей, до получения же ответа от министерства иностранных дел приостановить делопроизводство об исключении его из списков, как без вести пропавшего но ответа на это от министерства иностранных дел до настоящего времени не последовало.

Ныне же Начальник Инженеров Одесского военного округа доносит, что штабс-капитан **Шульженко** прибыл к месту служения 16 августа текущего года.

Хотя просрочка отпуска штабс-капитана **Шульженко** и весьма значительна (2 года 7 месяцев и 19 дней), но имея в виду, что она произошла по исключительным обстоятель-

ствам, объясненным выше, я полагаю бы справедливым признать причину этой просрочки уважительной и оставить его по прежнему продолжать службу.

Главный начальник инженеров¹²⁸.

Штабс-капитан тем не менее не только не получил нагоняй за столь долгое отсутствие, а даже по повелению царя всё время пребывания за рубежом было включено ему в действительную военную службу:

Керченская крепостная минная рота, 1 февраля 1903 г.

Начальнику инженеров Керченской крепости

Рапорт

Главное инженерное управление предписанием на имя Начальника Инженеров Одесского военного округа от 10 января сего года уведомило, что по Всеподданнейшему докладу его Высокопревосходительства военного министра Государю Императору в 5 день того же января благоугодно было Высочайше повелеть: не налагать на штабс-капитана Керченской Крепостной минной роты **Шульженко** никаких взысканий за просрочку им отпуска и зачесть ему всё время отсутствия из части в действительную службу по всем правам и преимуществом с восстановлением ему старшинства в чине по сравнению со свёрстниками.

(В мае 1903 г. последовало распоряжение о том, что за время долгого отпуска денег **Шульженко** не полагается, денег ему выдано быть не может)¹²⁹.

Об упомянутом ранее российском военнопленном из числа гражданских лиц **Василии Рукерте (Руккерт)** вскользь говорится в следующем документе:

Императорское российское генеральное консульство в Лондоне

29 июня / 5 июля 1902 г. № 1625.

Во второй департамент.

Ссылаясь на моё донесение, от 8/21 июня сего года за № 1452 по делу о военнопленном на острове Цейлоне, русском подданном **Рукерте**, имею честь донести, что **Рукерт** теперь освобождён из плена и уже на пути в Одессу на пароходе добровольного флота «**Тамбов**». Расходы по водворении, уплачены отцом **Рукерта**.

Как департаменту известно, Великобританское правительство решило освобождать и отправлять военнопленных вообще по следующей очереди:

1. Буров присягнувших на новое подданство;
2. Буров не присягнувших и
3. Иностранцев, служивших в рядах буров.

При этом те из иностранцев, которые в состоянии путешествовать на собственные средства, немедленно отпускаются.

Узнав из газет, что германским и нидерландским консулам поручено уплатить расходы по водворению своих соотечественников, я обратился за инструкциями в Императорское посольство, но никакого предписания по этому ещё не получил.

О числе русских военнопленных на Бермудских островах (сведения о которых раньше не сообщались, мне будет известно послезавтра, относительно же числа военнопленных на острове Святой Елены я имею честь донести 25 июля/7 августа 1900 г. за № 1349 (Если не ошибаюсь, князь **Н. Багратион-Мухранский** уже давно освобождён, а 11 финляндцев всё ещё в плену). К сожалению, наш вице-консул на острове Святой Елены, вследствие тяжёлой болезни, недавно окончательно выехал оттуда, прислав мне прошение об отставке. В случае департаменту благоугодно будет потребовать от меня дополнительные сведения о наших военнопленных на острове Святой Елены, то я полагал бы обратиться к услугам тамошнего французского консула.

Генеральный консул
барон **Унгерн-Штернберг**¹³⁰.

Остановимся более подробно на судьбе грузинского князя **Николая Георгиевича Багратион-Мухранского**, (**Нико Багратиони**), (1868–1932)

– потомка старинного грузинского царского рода, который был одним из первых иностранных добровольцев, прибывших в Трансвааль.

Будучи богатым дворянином, он поехал в Восточную Африку через Санкт-Петербург и Париж для участия в редкой по тем временам охоте на диких животных (восточно-африканское сафари) (по другим данным – участвовать в скачках на лошадях на Всемирной выставке в Париже), но, едва успев доехать до египетского порта Александрия, услышал новость, что началась англо-бурская война. Он отправился воевать за буров, хотя прежде ничего не слышал об этом народе.

Прибытие живого князя произвело сильное впечатление на африканеров, равно как и его национальный грузинский костюм в котором его принимали за казака, а его слугу **Сапаррова (Санджакова)** – за телохранителя. Он сражался сначала в бурском отряде а потом в составе французского отряда, которым до назначения фехтгенералом командовал полковник **Виллебау де Марейль**. Восхищаясь бурами он, тем не менее, не мог понять – почему те готовы жертвовать жизнью на войне, но на выходные дни покидают позиции чтобы побывать на своих фермах. Отмечал, что буры терпимы ко всем национальностям, но нетерпимы к чернокожим и справедливо отмечал, что негры платят им той же монетой.

Сначала князь присоединился к бурскому отряду, но, поскольку не говорил по голландски, что затрудняло общение, то затем перешёл во французский корпус, которым командовал граф **Вилльбуа-Де-Марейль**.

Нико Багратиони участвовал в нескольких (двух) боях – сначала в составе бурского отряда, потом в составе французского корпуса. Не будучи военным, князь тем не менее был прекрасным стрелком и выделялся высоким ростом и весом (130 кг). Он подружился с французским графом **Пьером де Бреда**. Князя заслуженно уважали за силу и храбрость, в том числе и полковник (будущий бурский фехтгенерал) граф **Виллебау де Марейль**.

Багратиона уважали и соотечественники. Единственный, пожалуй, кто крайне нелестно отзывался о князе **Багратион-Мухранском** из бывших на Юге Африки русских подданных, был подполковник, (так же будущий бурский фехтгенерал) **Евгений Яковлевич Максимов**, (он называл князя за грузинский национальный костюм (куладжу) и черкеску «клоуном» и нелестно отзывался о нём и о сопровождавшем его слуге (который позднее тоже попал в плен) «Вот два кавказца в национальных костюмах гарцуя на отличных конях и удивляют публику костюмами и ездой. Эти два кавказца (из которых один князь **Багратион-Мухранский**) попали сюда случайно: они приехали в Париж, чтобы показывать кавказскую джигитовку в цирке на Выставке (Всемирной выставке в Париже), да узнали, что какой-то комитет в Париже посыпает волонтёров. Кавказцы к ним пристроились и, в ожидании открытия выставки, очутились здесь. По некоторым данным я не ожидаю от них никакого толка»¹³¹. Вероятно для **Евгения Максимова** князь **Нико Багратиони** являлся ещё одним бесполезным богатым аристократом, которому принадлежал весь мир из-за богатства и высокого происхождения. Другие не разделяли явно пристрастного мнения **Евгения Яковlevича Максимова**.

Князь **Багратиони** участвовал в формировании Иностранного легиона. А в конце марта принял участие в неудачной попытке **Вильбоа-Марейля** напасть на пути сообщения в тылу британской армии южнее Кимберлея, но в бою у Бозгофа прошедшем 5 апреля 1900 г. против почти 800 англичан, использовавших к тому же и полевую артиллерию, командир и 12 (8) его подчинённых были убиты, а 70 остальных включая князя **Багратиона** сдались в плен. Содержался на острове Святой Елены и только в ноябре 1901 г. был перевезён в Лондон а оттуда отпущен в Париж.

По возвращении в Петербург был взят под стражу по приказу военного министра **Куропаткина** по ошибке решившего что князь **Багратиони (Багратион)** он – военнослужащий, присоединившийся к бурам без надлежащего разрешения. Но через неде-

Князь Багратион (Нико Багратиони) с женой и дочерью

лю содержания на гауптвахте был отпущен. После окончания войны англичане даже прислали ему оружие с которым он воевал.

После 1917 г. князь отправил детей (двух дочерей – **Ирину** и **Наталью**) во Францию, где о них позаботился его друг по Иностранному легиону и товарищ по заключению на острове Святой Елены граф **Пьер Де Бреда** вырастиивший их истинными парижанками, но сам **Нико Багратиони** решил вместе с супругой **Анной Александровной** не покидать родной Грузии. После конфискации имущества в 1924 г. он жил в абсолютной нищете (его можно было видеть на рынках столицы Грузии облачённого в княжеский костюм и торгующим сигаретами с лотка – это был открытый вызов властям – дескать смотрите все – до чего грузинские большевики довели родившегося князя). **Нико-буру**, как называли его друзья, крупно повезло – его не арестовали и не расстреляли и он скончался своей смертью в Тбилиси в 1932 г. в возрасте 63 лет. Мемуары князя **Багратиона** (точнее сказать напечатанные домочадцами на пишущей машинке на русском языке после его смерти устные на рассказы) об этих событиях, были выпущены в Грузии в 1951 и 1990 гг. в несколько сокращённом переводе на грузинском языке и известный нам под названием «Нико Бур. Воспоминания»¹³².

Но их изначальный вариант, переданный отечественным исследователям проживавшей в Париже его дочерью (ныне покойной) **Натальей Николаевной Багратион-Туранжен** в 1982 г.¹³³, к большому сожалению, до сих пор так и не был опубликован. Этот пробел и постарались заполнить авторы, с любезного разрешения владельца единственной в России ксерокопии данных воспоминаний, доктора исторических наук, профессора **Аполлона Борисовича Давидсона**:

НИКО БАГРАТИОН У БУРОВ

Давным-давно задумал я
Взглянуть на пышные поля,
Узнать прекрасна ли земля,

Узнать для воли иль тюрьмы
На этот свет родились мы.
(Лермонтов)

МОЁ ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО

Вопрос, как прекрасна земля, из чего она состоит, как она заселена, неотвязно занимал мой детский ум, благодаря сказкам моей старой няни **Тинатин**, выросшей в нашем доме и перенесшей все тяготы крепостной жизни.

Она росла с моими тёtkами и, прислушиваясь к их занятиям, не хуже их, увлекаясь его героями, обсуждала вместе со своими юными хозяйками их подвиги, выражала свои симпатии, доходила даже до увлечения **Таризлом**¹³⁴ и потому умела с особенным чувством говорить и деви-духах¹³⁵, наполнявших леса.

Она говорила об этих страшилищах тихим, журчащим как ручеёк голосом, но с таким чувством, что я весь дрожал, переживая, не мог спать и рвался в неведомые края, которые расписывала няня, давая себе, слово со временем непременно побывать в них и, главным образом, воплотить чарующего **Таризэла**, но для этого всего я знал, что надо вырасти, набраться сил и долго и много учиться.

Следовательно, ждать долго, так как мне было пять лет и это был последний год, что я проводил около своей нежно любимой няни, у которой для меня всегда была готова сказка и сладкая чурчхела.

Она нежила меня, ограждала от бурных посягательств моих старших братьев, но была бессильна против воли моего отца, – меня и моего старшего брата **Левана** отдали суровым дядькам. Исчезли сказки, мечты, а с ними и чурчхелы. Взялись за наше мужское воспитание довольно строгого. Дядьки, грамотные, учили нас читать, писать, верховой езде, а главным образом – стрельбе.

Из меня выработался прекрасный стрелок. Я без промаха попадал в летящую птичку и этот род занятий мне был очень

по душе. Я налегал на него и своими успехами приводил в восторг моего дядьку **Захарку**.

Единственным развлечением в этой, для нас довольно однообразной, жизни были поездки на богомолье в Мцхета или в Цилкани.

Собирались со всеми домочадцами. Высылались арбы¹³⁶, нагруженные всевозможной провизией, живностью, как для подношения духовным лицам, так и для семьи

Все эти шумные приготовления нас; с братьями, очень оживляли. Всё нас интересовало, как в доме, так и в конюшне.

Мужчины все ехали верхом, также и мы, несмотря на наш юный возраст. **Леван**, изнеженный, избалованный, как-то не так реагировал на всю эту суэту, Я же наоборот, сильно волновался, до всего мне было дело, начиная от девичьей и, кончая конюшней, где чистили лошадей, приводили в порядок сёдла и оружие.

Наконец, управляющий, из дворян, докладывал отцу, что всё приведено в порядок и долгожданный день назначался обыкновенно в субботу, чтобы попасть к литургии¹³⁷.

О приезде оповещалось духовенство; на богомолье оставались не на один день. Для бабушки и матери выбиралась лучшая, – широкая арба и, чтобы не трясло, сидение переплетали верёвками, клали бесчисленное множество, тюфяков, подушек, всё покрывалось ковром, сверху делали навес – тоже покрывали ковром и, таким образом, запряжённая лучшими двумя парами буйволов, блестящими от чистки и мытья, имея во главе, в праздничных ярких одеждах, агалбashi (водителя арбы) со своим маленьким помощником, лет 8–10 мальчиком, подкатывала чуть ли не на рысях, карета царя **Ираклия**¹³⁸.

Тут начиналось бесконечное усаживание, охи и ахи женского персонала. Первая садилась моя красавица мать, затем, чуть ли не на руках, подымали бабушку приближённые мамки и сенные девушки¹³⁹ и, наконец, устроившись поудобнее, первая арба отъезжала от крыльца.

Остальная челядь¹⁴⁰, предназначенная сопровождать этот импровизированный поезд, спешила, уже самостоятельно, раз-

меститься подальше от крыльца и непосредственно следовать за передовой арбой, отставая на положенную дистанцию уважения и почтения.

Тем временем мы, с отцом во главе, стояли на крыльце, что называется, в полной амуниции: черкески¹⁴¹ национального малинового цвета, при кинжале, шашке и небольшом ружьё за плечами.

Начали подводить лошадей: отцу великолепного ворононго¹⁴² скакуна, который своими изящными ножками гордо выступал, пофыркивая, поводя глазами, как бы выискивая: кто же этот смельчак, который решится сесть на него. Два конюха¹⁴³ еле его сдерживали, но отец, не давая ему опомниться, легко вскочил в седло, крепко схватил поводья и этим крутым движением дал понять животному, что он его хозяин. Конюхи отпрянули, лошадь взвилась на дыбы, думая сбросить седока, но отец, укротив его лёгким движением, проехался по двору.

Седок и лошадь вызвали крик восторга и присутствующих дворян и крестьян, подвластных с давних времён крупному феодалу. Не считая наших дядек, было человек 20. Все они, прекрасно одетые, вооружённые, сопровождали отца и после него поспешили к своим коням, чтобы не отставать и составить красивую и вместе с тем грозную группу, импонирующую местности, где проезжали.

Наконец настала и наша очередь. Я весь дрожал от нетерпения, перед моим духовным взором проносился дивный образ **Тариэла**, мне казалось, что он уже воплотился во мне и я несусь подобно этому воспетому герою.

В этих мечтах, меня подхватил **Захарка**, посадил за собой, приказал держаться крепко за его пояс, хлестнул нагайкой коня и мы, вместе с братьями и их воспитателями, ринулись догонять отца, чтобы ехать непосредственно за ним.

В этой бешеной скачке, должен сознаться, что я дрожал не от волнения, а от страха быть сброшенным, тогда как **Захарка** ни разу не обернулся, чтобы узнать в каком я нахожусь положении.

Мне стыдно было, дорогой читатель, сказать ему, что я бо-

юсь, но войди в моё положение – мне было всего пять лет и я геройски перенёс эту скачку, ни единным звуком не выдав своего состояния.

Вот какими суровыми мерами вырабатывали в нас стойкость и выносливость во всех обстоятельствах.

Впоследствии, вступив на арену жизни, я не раз вспоминал и благодарил своего, всё же милого, **Захарку**, который внушил мне, что вообще мужчина, а в особенности батонисши-ли¹⁴⁴ сын князя должен обладать всеми, присущими этому титулу, качествами, как душевными, так и телесными, сам же он был косая сажень в плечах, бесстрашный, прекрасно фехтовал и вообще был очень ценным сподвижником отца, и в частые отлучки его, направляя всем домом.

Ехали мы рысью, отец, большой джентльмен, не находил возможным пылить в лицо дамам, в особенности когда это были мать, сёстры, жена и дети – мы эскортировали арбы и спустя три часа подъезжали к величественному собору Светис-Цховели, имеющему за собой 15 веков многострадальной истории грузинского народа и, своим несокрушимым видом, в критические минуты его жизни, поднимавшему его энергию.

Купол собора для окружающего его народа был солнцем, он олицетворял религию и отчество. В те времена народ твёрдо верил, что высота купола взывала к небесам в религиозном экстазе к покровительнице Грузии, пресвятой деве **Марии**, чьим наделом она и считалась, и грузинский народ считал, что, благодаря её заступничеству перед престолов Всевышнего, Грузия перенесла все вторжения варваров, начиная от финикиян, македонян, арабов и, даже гордых римлян и не потеряла своего значения, как Государство.

Грузия сумела иметь своё национальное искусство, освободившись совершенно от влияния Византии, а также и архитектуру, памятниками которой служат Мцхетский, Цилканский, Сионский и Анчисхатский соборы, все произведения 5 в. Это был знаменательный век, когда свет Христов проник в Грузию и своими живительными лучами озарил её, благодаря посланнице преподобной девы **Марии**, святой равноапостоль-

ной **Нини**, которая явилась в Грузию с крестом из виноградных лоз, обвитых волосами.

Мы подоспели к окончанию литургии и епископ со своим клиром¹⁴⁵, в полном облачении, приступил к панихиде в память моего деда **Николоза** (я, к сожалению, его не застал, он умер немного раньше моего рождения) и младшего брата моего отца, **Ираклия**, офицера Нижегородского полка, убитого из ревности офицером того же полка, князем **Церетели**.

Ираклий был обручен с княжной **Джорджадзе**. О своей помолвке он с радостью сообщил своему товарищу по оружию, не подозревая в нём соперника. Последний, не медля, в порыве ровности, выхватил револьвер и выстрелил ему в спину в то время, как он умывался и убил его наповал.

Преждевременная смерть 24-летнего красавца-сына привела тоже к преждевременной смерти 62-летнего старика, да ещё прибавилось полное разорение семьи, о чём я буду говорить позже.

Покончив с церковным обрядом и, напоследок, отслужив благодарственный молебен, мы вкупе двинулись навестить и получить благословение настоятельницы женского святой **Нини** монастыря. Самтавро, игумены¹⁴⁶ **Нини**, в мире княгини **Амилахвари**, родственницы по мужу моей матери, умной, образованной женщины, строгой аскетической жизни. Она прекрасно вела монастырь, пользовалась любовью и уважением, как монахинь, так и окружающих Мцхета селений.

При монастыре была, поставленная чисто на грузинских началах, школа, где, девушки, без различия рангов и состояния получая образование и воспитание, готовились поддержать честь и благосостояние той семьи, в которую капризная судьба направляла их после замужества.

Погостив у матери игумены три дня, попользовавшись её ласками и баловством, побывав во всех кольях монастыря, которые тоже оживились шумной детворой и где нас наперебой угостили всевозможными сладостями, чурчхелами, полуустаками и вкусными горячими назуками¹⁴⁷, но больше всего мы на-

слаждались вдали от зорких глаз и неумолимой строгости наших дядек.

Мужская свита отца не допускалась за стены святой обители и они раскинули шатёр и тоже не зевали, кутили-пировали вовсю достав, неизвестно каким путём национальную музыку, зурну¹⁴⁸. Звуки залихватской картули (танец картули) долетали до ушей строгой игумены и, видимо, коробили её, так как среди монахинь были очень юные христовы невесты и эти звуки заставляли их вновь переживать давно забытое, может быть дорогое прошлое, но она молчала, а отцу не хотелось запрещать традиционное веселье, в ми освящённое у стен святынь. И вот, блаженное время пролетело, как волшебное мгновенье. Надо было возвращаться к своим пенатам, и занятиям, так весело прерванным и, получив благословение как епископа, так и игумены **Нины**, мы поехали обратно тем же порядком, строго придерживаясь этикета. Последний строго соблюдался во всех его проявлениях. Этим поддерживался необходимый блеск больших именитых домов.

И вот мы дома, Возобновились занятия умственные и физические. Последние меня очень утомляли, по существу я был хилый ребенок, часто хворал и среди красивой семьи слыл уродом, вследствие чего не пользовался особым благоволением родных, что тяжёло отзывалось на моей впечатлительной душонке, ищущей ласки и тепла и поэтому я, при всяком удобном случае, бежал во всеобъемлющие объятия няни.

Она умела восстанавливать моё душевное равновесие, а то мне совсем не к кому было идти со своими горестями. Мать, занятая многочисленным потомством и ведением большого хозяйства с помощью старой, разбитой горем бабушки **Тамары**, еле-еле спспевала оказывать гостеприимство родственникам и друзьям отца, которые по старинному грузинскому гостеприимству наводняли обширные покой дома, она не только не занималась нами, но и редко видела нас.

По утрам, в сопровождении своих дядек, мы являлись к родным, прикладываясь к руке отца и матери, отвечали на стереотипные вопросы о здоровье и занятиях, чинно садились

в конце стала в ожидании чашки молока. Чай нам не полагался, это лакомство предоставлялось бабушке и более именитым гостям. Молодёжь получала, согласно времени, шашлыки, жареного поросенка, свежую рыбу – лососину, в избытке плавающую в широкой Ксани, в особенности весной, когда она метала икру в верховьях реки.

Отец мой, потомок стариной фамилии, отпрыск царского рода, ведущей свою линию от царя **Арчила**, окончившего свои дни в России при Императоре **Петре I**. Сын царя **Арчила**, **Александр**, родился в 1674 г. свёрстник по детским играм Преображенского полка **Петра I**, был первый фельдхмейстер¹⁴⁹ артиллерии, принимал участие; рядом с **Петром Великим** в Нарвском бою, был взят в плен, пробыл в Стокгольмской крепости десять лет и скончался по дороге в Петербург в 1711 г. Мой отец служил на военной службе, состоял адъютантом при генерале **Оглобжио**, вместе с ним провёл всю Кавказскую войну (1877–1878 гг.) и в чине поручика, по семейным обстоятельствам, принуждён был выйти в отставку.

Отец рассказывал, что при разгроме турецкой армии, турецкий Генеральный штаб, имея начальником штаба англичанина **Ульямса**, не пожелал пройти перед нашим главнокомандующим, как сдавшийся, и получил разрешение прямо отправиться в русский Генеральный штаб.

Подобное странное распоряжение огорчило не только войско, но и всю Россию.

Как ни странно, англичане с незапамятных времён домогались подорвать могущество России, то со стороны Турции, то со стороны Персии, так во времена **Шах-Надира** явился некий англичанин **Элтон**, который подстрекал **Надир-Шаха** к нападению на Россию, начал сооружать военные, суда, но к счастью, в Персии вспыхнул мятеж и **Надир-шах** был убит своим племянником **Али-Кули-Ханом**.

Последнему было не до России, ввиду шаткости в его руках шахской короны, В то же время в Петербурге английский посол **Уитворт**, танцуя с цесаревной **Екатериной**, впоследствии

Екатериной II, нашептывал ей выгоды англо-русского союза, но **Екатерина** не отозвалась на эти уговоры.

А при сдаче в Александрополе генералу **Оглобжио** Анатолийской армии, главнокомандующий турецкой армией **Зюли-паша** не пожелал сдавать своё оружие, как он выразился, изменнику (генерал **Оглобжио** был болгарин), а узнав кто мой отец, пожелал сдать ему, как достойнейшему. Это оружие – ружьё-палка – долгое время находилось в моём доме, а затем я передал его грузинскому музею.

Принимая от паши оружие, отец обратил внимание на молодого военного – видимо адъютанта, почтительно стоящего сзади. Это был, поистине, красавец, совершенно грузинского типа: тонкие черты лица, великолепные чёрные глаза, весь облик был мужественный.

На внимательный и удивлённый взор отца, паша представил адъютанта и разрешил ему поговорить с ним.

На вопрос каким образом он попал в Турцию, последний, на прекрасном грузинском языке, без акцента, сказал, что предки его карталинцы были проданы в Турции и, хотя насильственно омусульманены, они всё же сохранили язык и веру и он с братом мечтают попасть в объятья Грузии и если не они, то хотя бы дети их – таков завет предков, страдающих вдали от Родины.

Поразительно, что грузины никогда, ни при каких обстоятельствах не теряют своего национального облика благодаря внутренней выдержанке, гордости, ничему не поражаются, отдают всему и всем должную дань.

Отец был сильно огорчен, что никак не мог помочь бедняку, который с мольбой смотрел на него – это не был военно-пленный, он не подлежал обмену, к сожалению, он был раб, да, и паша дорожил им и на все просьбы отца уступить его, паша отвечал отказом.

Отец не мог даже узнать его грузинскую фамилию, а турецкую, многосложную не упомнил. Так страдала Грузия за своих сынов много веков и во многих странах, как например в Венеции.

Отцу тяжело было расставаться с военной службой, он был на отличном счёту, но тяжёлая политика обрусения, проводимая с момента добровольного присоединения Грузии к России, привела отца, его, крупного феодала того времени, к полному разорению: краем, после целого ряда генералов, по назначению Императора **Николая I**, правил князь **Михаил Семёнович Воронцов**.

Воронцов, благодаря своей матери, княжне **Дашковой**, получил образование в первоклассном колледже Итон, прекрасно воспринял английскую политику, применяемую ими в колониях, но его мягкое русское сердце не смогло провести её на таких суровых началах, как это делали англичане в подобных случаях. Князь полюбил этот солнечный край, его бесхитростный народ, находил, что **Николай I** был прав, называя Грузию лучшей жемчужиной в своей короне

Николай I всячески старался это доказать, так, при больших торжествах грузинский герб несли третьим, а при посещении Мцхетского собора назвал экзарха¹⁵⁰ дураком за то, что экзарх приказал выбелить стены собора и этим совершенно испортил старинные фрески.

Фресковая живопись в соборах, где встречаются монументальные портреты царей и вельмож, тех веков, сыграла важную роль для выявления полностью древнейшей истории Грузии, а фотография в Грузии появилась только в 1852 г. Первый фотограф в Тбилиси в 1853 г. был **Левитес**, а ранее были дагерротипы. Фотография была на Головинском проспекте.

Князь **Воронцов** подошёл к вопросу обрусения, – очень острому, осторожно, начал затевать всевозможные подряды, как, например постройка моста через Дон, к этим делам привлекать крупных помещиков, заставляя открывать кошельки, создал так называемый Приказ, где помещики могли закладывать свои поместья, платя, якобы, за незначительные проценты и вкладывать эти деньги в подряды, а для вящей правильности ведения дел, вызвал еврея **Хаскина**, как более умелого финансиста, который обкрутил доверчивых вкладчиков и собрав два миллионов рублей, скрылся в Америку, разорив одним ударом

князей **Меликова, Багратион-Мухранского** и многих других.

На долю деда пал долг в размере 600 000 рублей с процентами, сумма, которая вряд ли когда-либо укладывалась в его голове. Быстро наступили сроки платежа а так как платить было нечем, то пришлось вывести из дома семь арб серебра, начиная с ложек и кончая котлами.

Всё было закуплено ахалгорским армянином **Мзареуловым** и деньги внесены в Приказ. С этого времени началась страдная пора для семьи, на которую и так правительство смотрело косо за прадеда **Эдишера Ивановича**, который 22-х лет, совместно с князьями **Тархановым, Джаваховым** и другими, принимал в 1810 г. участие в крестьянском восстании при Палулучи и был сослан сначала во Владикавказ, а затем в Россию – куда – осталось тайной, без права переписки.

Так он исчез в 1810 г. бесследно, оставив вдову **Тамару** из дома князей **Мачабели** с 3-х летним сыном, Последняя, боясь каких-либо осложнений как со стороны правительства, так и со стороны родственников, которые всякими правдами и неправдами оттягивали земли, переехала с сыном в дом своих родных, откуда не раз направляла прошения генералу **Ермолову**, прося назначить генерал-майора **Константина Багратион-Мухранского** опекуном над малолетним,

Когда **Николозу** исполнилось 17 лет, появились крестьяне-крепостные и потребовали, чтобы их молодой князь вернулся на свою родину, выстроили ему две комнаты (старый дом был разрушен) и к доверишению всех благ, женили на 15 летней княжне **Тамаре Ивановне Джорджадзе**.

Свадьба по тем временам была пышная, в Светис-Цховели, благословляли Эристави-Арагвские и молодая чета зажила мирной патриархальной жизнью под руководством умных и знающих дело крестьян. От этого счастливого брака, родились 2 сына и 4 дочери.

Николоз служил в Горийской дружине и заслужил Георгиевский солдатский крест¹⁵¹.

Вообще, как мне передавала моя мать, **Николоз** был человек большой эрудиции, интересовался всем, что могло по-

влиять на культуру горячо любимой Грузии, детей, в особенностях сыновей, старался воспитать в строго-отечественном духе, привлекая лучшие умы тогдашнего времени. Бывал **Платон Иосселиани** и очень юный **Рафаэль Эристов** – весёлый – любитель танцев, он учил танцевать моих младших теток, увлекаясь довольно сильно, красавицей **Мартой**.

Часто гостил в его доме и **Николоз Бараташвили**, где с восторгом читали его стихи и пели под аккомпанемент тари¹⁵² Суло Борото¹⁵³. К глубокому сожалению, он не дожил до торжества Грузии – появления на её горизонте будущего корифея грузинской литературы – молодого поэта князя **Ильи Григорьевича Чавчавадзе**, назначенного в наш Душетский уезд мировым посредником с 1864 г. а затем мировым судьей, к великому удовольствию всего общества, которое очень чествовало князя **Илью**. Согласно тогдашнему этикету, **Чавчавадзе**, целая визиты, объезжал всех помещиков, вверенного ему уезда, но наш дом, как ближайший к Душету и полный молодёжью, составляющий весёлый и культурный кружок, наиболее привлекал юного поэта. Он, ввиду политики, знакомил с русской литературой, внедрял и русский язык, вступая в прения. Одним словом оживил дом, его приезды ожидались с большим нетерпением. Я родился в 1868 г. и в один из мимолетных приездов отца с фронта, меня крестили и, вот тут-то блеснул ярким красноречием и ораторским талантом юный **Чавчавадзе**, – обращаясь к моему отцу, на изысканно-грузинском языке, (так присуще ему), призывал отца воспитывать нас в строго-грузинском направлении – внушать любовь к родине, к народу, стараться вникать в его нужды, уметь подходить к его душе. К глубокому сожалению малых и больших он был отзван в Тифлис и окунулся в литературную и газетную работу.

Вот в это-то счастливое время постигло семью тяжёлое горе, о котором я уже писал: смерть **Ираклия, хаскинский** побег и к этому подоспело освобождение крестьян, от крепостного права – 1864 (1861) год, способствовавшее разорению помещиков. Эти удары подорвали здоровье старика деда, но он всё ещё крепился, держался на высоте.

В Грузии сведения о существовании крепостного права встречаются с XVII в., но принимают узаконенный характер при царе **Вахтанге VI** в XVIII веке. Царь **Вахтанг** был из дома деда **Николоза** и потому ружьё от его сына **Бакара** переходит к царю **Константину**, а затем непосредственно к **Эдишеру-Николозу**, о чём свидетельствует надпись на ружьё. Это ружьё хранилось, как реликвия в нашем доме, как доказательство старшинства нашей линии над другими. После долгих и тягостных колебаний, в 1925 г. я решил передать его в музей, уверенный, что этот предмет глубокой старины будет храниться, и будет говорить потомству о блестящих ратных подвигах предков.

Крепостным **Мухранских** владетелей жилось неплохо, они не ощущали на себе ярма рабства и угнетения, помещики старались поднять их понимание, не было случаев обмена на собак и разлуки членов семьи.

Князь **Воронцов**¹⁵⁴ с одной стороны вёл свою политику, супруга его, **Элизабет Ксаверьевна**, урождённая графиня **Браницкая**, родная племянница знаменитого князя **Потёмкина Таврического**, со своей стороны затевала роскошные балы, заставляя отцов и мужей привозить дочерей и жён, одетых по последней моде, для чего были выписаны французские портнихи, как, например первый дом **Руссель**, что стоило больших денег.

Под давлением этих нововведений, грузинки начали снимать свой национальный костюм, облекаться в европейские платья и изучать русский и французский языки, для чего был открыт первый французский пансион для девиц, под руководством мадам **Фавр**.

Княгиня **Воронцова** сама объезжала деревни – поместья юных помещиц, к великому негодованию отцов, которым приходилось вытаскивать из-под тюфяка не одну сотню или же обращаться к благодетельному Приказу.

Так было и с моим дедом **Николаем Эдишеровичем**. У него было 4 дочери, старшая **Саломея**, любимица отца, была замужем за князем **Арчилом Багратион-Мухранским**, самым

богатым из **Мухранских**, у него был роскошный дом-особняк с колоннами, работы ни **Гваренги**, ни **Растрелли**, но очень удачного архитектора-грузина; обстановка наполовину европейская, наполовину грузинская, находился он рядом с Анчисхатским собором.

Арчила, большой любитель всяких увеселений и цирка, умер бездетным 29-ти лет. Благодарные циркачи несли его гроб чуть ли не на руках до самого Мцхета. Он оставил жену на растерзание своих родственников и она под конец сильно нуждалась. Родная семья, тоже разорённая, не могла помочь ей.

Вторая дочь, 14-ти лет, красавица **Марта**, так понравилась **Воронцовой**, что вопреки воли отца, который косо смотрел на выезды дочерей и не желая никаких зятей, кроме грузин. **Марту** вывезли на бал. Приходилось подчиниться – сила солому ломит.

Марта произвела самое лучшее впечатление на балу, её выдающаяся красота привлекла взоры молодёжи, окружавшую **Воронцовых**. Но успех дочери привёл в ужас отца, он поторопился выдать её замуж за недавно овдовевшего князя **Реваза Эристави-Ксанского**, очень богатого, но, почти на 40 лет старше своей невесты и, вдобавок, страшно ревнивого.

Он запер свою молодую жену в своём, правда, роскошном, белом дворце, то с колоннами, на берегу Ксани, но совершенно отчуждённом от какого-либо жилья. Ильтози было родовое имение **Реваза Эристави**, женатого первым браком на **Екатерине Баратовой**, сестре поэта **Николоза**, который подолгу гостили у сестры и здесь, среди роскошной природы – густого, непроходимого, зелёного леса, окаймлявшего берега быстрой, кристально-чистой Ксани, куда на виду людей приходили на водопой стройные олени, слагал он свои лучшие стихи.

Его мелодичная лира не могла устоять, когда в предутренней заре из чащи густого лиственного леса неслась раскатистая соловьиная трель, которой вторит пастушечья свирель, а в отдалении далеко слышится переливчатая Урмули¹⁵⁵ – песнь дровосеков.

Чистые звуки бесхитростной песни, поющейся на несколько голосов, несутся в лазурную высоту и в утреннем воздухе

отголосок их достигает усадьбы, где всё постепенно начинает оживать. Первым выводит сам хозяин и в золоте утра, благодарным оком оглядывает великолепную панораму, его окружающую, невольно снимает шапку и крестится на тот восток, который дал Грузии величие и славу в лице христианства,

Это был рай земной с благоуханием как садовых, так и доловых цветов, которое широкой волной неслось по всей долине.

Что же может сравниться с этой идиллией, поднимающей лучшие сокровенные чувства человека? Вся залитая этими яркими солнечными лучами, усадьба казалась феерическим воздушным строением, и всё в этом роскошном поместье говорило о старинных привычках и изысканной вежливости, которой так славилось старая Грузия – этикет, как я уже говорил, был её основой, говорилось даже о некотором волокитстве наших предков, но всё это покрывалось лёгким флером и для постороннего глаза казалось непонятным.

И здесь, так близко к природе, **Бараташвили** переживая не раз огорчения, причинённые неудавшейся любовью.

Как поэта, его принимали с распростёртыми объятиями восторгались и воспевали его музу, но как только он являлся в качестве жениха, его холодно выпроваживали. Несчастный, как говорят, обладая пылким сердцем, но жалкой болезненной наружностью, а главное, безнадёжно пустым карманом.

Всё это, конечно, влияло на молодого человека, тем более, что предметом его страсти всегда являлись первые красавицы Грузии, как например дочь князя **Александра Чавчавадзе**, **Екатерина Мингрельская**, **Эристави Кетевана Шалловна**, жена **Элизбара Эристави**, которую он воспевал на берегу Лиахвы.

Несмотря на страстное желание, никому не показывать своё сокровище – жену, гордый феодал **Эристов**, не хочет отставать от соседей и на крестине первенца-сына устраивает пир, как говорится на весь мир, с охотой, но предупреждая, что охота только не на оленей, так как издревле существует легенда, что в лес был выброшен крошка из дома **Багратион** на

съедение кровожадных зверей, но волей судеб, он был спасён и выкормлен оленихой. С тех давних пор олень считается в роду священным и ни один член семьи **Багратион** не позволит себе нарушить этот завет.

Эристов приглашает весь двор князя **Воронцова**, во главе с молодым его адъютантом графом **Воронцовым-Дашковым**, которого и просит быть восприемником.

Молодёжь веселилась, кутила три дня, не забывая бросать восторженные взгляды на юную княгиню, блиставшую красотой, несмотря на грозные взгляды ревнивца.

Будучи позднее наместником, граф **Воронцов-Дашков**, по приезде в Тифлис, вспомнил свою юность, весело проведённое время в Ильтоби и пожелал увидеть кого-либо из, членов семьи **Эристовых**, но никого не оказалось, – старики были уже на том свете, а единственная дочь **Реваза** жила с мужем во Владикавказе,

После смерти деда **Николоза**, отец долго мучился в этом заколдованным кругу. Как выйти из этого безнадёжного положения? Кредиторы наступают, Приказ описывает имения, подвергая их аукционной продаже. Так был продан с торгов весь правый берег Куры от Мухранского моста, где был плот, который перевозил публику с Песок на Авлабар. Это передвижение давало порядочный доход, его мы лишились. Так катился шар разорения, отец был один, окружённый малыми детьми. Но правое дело всегда всплывает, и вот, после тягостных переживаний, отец решил ехать в Петербург и повергнуть к стопам царя-освободителя **Александра II** своё прошение сложить казённый долг в размере 600 000 рублей и процентов.

Сказало, сделано, ждать не приходилось – прошение тогдашним высоким слогом было написано новоиспечённым зятем, известным профессором-корреспондентом многих, по тому времени академий, **Платоном Игнатьевичем Иосселиани**.

В то время, уже наместником **Александра II** на Кавказе был его брат **Михаил Николаевич**. Он отличался высокогуманными отношениями ко всем слоям общества и национально-

ствам, но грузины шли в авангарде и его сыновья носили грузинские уменьшительные имена. Самого Великого Князя, свободно разгуливавшего по Солдатскому базару, смелые и шустрые на слова, кинто¹⁵⁶ называли чвени **Михако**¹⁵⁷. На ломанном русском языке вступали с ним в разговор, предлагая свои продукты, излагая свои нужды.

Супруга его – немка **Ольга Фёдоровна** была женщина строгих правил, шла сама и хотела вести всё общество по стезе добродетели, что было довольно скучно, после весёлых приёмов князя **Барятинского**¹⁵⁸. По её настоянию был сослан в Сибирь князь **Андроников**, вздумавший вспомнить старину – обычай мингрельцев и абхазцев¹⁵⁹ – похитил себе в жёны девушку, княжну **Абашидзе**.

Переселяя своих швабов, **Ольга Фёдоровна** образовала большую колонию, предоставив им весь левый берег Куры от Михайловского моста до Дидубе в их распоряжение, роскошные сады, живой инвентарь – коров и они стали снабжать весь Тифлис молочными продуктами, основывать в Борчалинском уезде прекрасные заводы сыроварения. Они пользовались услугами местных жителей, платя гроши, но ни в коем случае не допускали их до полного изучения этого производства, чем заслужили ненависть. Такова была семья **Кученбаха**.

При великом князе страшный Приказ стал постепенно терять свой облик.

Высоким званием профессора, вполне заслуженным, **Иосселиани**; благодаря многочисленным работам по археологии Грузии и местом, им занимаемым, как директор канцелярии Великого Князя **Михаила Николаевича**, прельстилась третья сестра моего отца – **Анна Николаевна**, очень образованная и начитанная девушка, но тоже почти на 30 лет моложе своего мужа и на этом основании она называла мужа не иначе, как батоно (господин).

Великий князь **Михаил Николаевич** очень благоволил к **Платону Иосселиани** и снисходительно относился к его не всегда корректным причудам, например, однажды в кабинет **Иосселиани** входит Великий князь и окликает его: Платон **Игр-**

натьевич – один раз, второй раз. **Иосселиани** продолжает писать. Чтобы замять эту неловкость, Великий князь говорит: Я забыл, что когда философ пишет, нельзя его отвлекать, – Так точно, Ваше Императорское Высочество, – отвечает **Платон**.

Разница лет, благодаря его джентльменскому отношению и глубокой интеллигентности, как-то, слаживалась, но при деде, несмотря на все эти плюсы – этой свадьбы не было бы, так он требовал всегда равных по рождению зятей, **Платон** очень уважал всех членов семьи своей жены, но всё же у него изредка проскальзывало по отношению ко всем **Мухранским** выражение: Пулис кнетиа (пожиратели денег). Сам он был невероятна скуп.

Итак, прошение о снятии **хаскинского** долга написано и, благословясь на святыни Мцхета, сдав дом и все дела **Захарке**, отец, как бывший военный, покатил на перекладных в далёкий, туманный Петербург.

Чем окончится это рискованное во всех отношениях путешествие, что даст оно несчастной обездоленной семье, где уже вместо свечи горела чуть ли не лучина? К счастью высокий дух царя внял мольбам отца и весь долг был скошен.

После трёхмесячного пребывания в столице, отец радостный, обновлённый, вернулся домой, где с таким трепетом ждала его семья.

Отдохнув с дороги и приняв дела, он занялся дальнейшим нашим образованием. Мне было уже 6 лет, до гимназии было ещё далеко, а французский язык всё больше входил в моду и в преподавании. Почти во всех аристократических домах были гувернеры и гувернантки. Мать моя воспитывалась в институте, следовательно говорила по-французски, но отец решил изъять нас с братом из домашней обстановки и отдать во французскую семью.

Такой культурной семьёй была семья парикмахера **Берлемон**. Он охотно пошёл навстречу желанию отца и в один из октябряских дней, по окончании виноделия, напутствуемые всевозможными пожеланиями, с наполненными всякой снедью для нас и для наших новых воспитателей, ящиками, всё

тот же неизменный **Захарка** водворил нас на наше новое место жительство, взяв предварительны ещё в дороге, с нас слово, что мы будем вести себя прилично и не будем срамить дома.

Леван всю дорогу плакал, я крепился, вспоминая **Тариэла**, представляя как бы он себя вёл при этих обстоятельствах, но когда прощаясь, **Захарка** нас обнял, я не выдержал, чувствуя, что разлука и для **Захарки**, тяжела. Он был бездетный и всё сокровенное чувство отца перенёс на нас.

Француженке, видимо, эти излияния были не по душе, она поторопилась их прекратить, выпроводив довольно бесцеремонно **Захарку**, и мы с братом остались как бы в неведомой стране, совершенно одинокими. Так началась новая страда нашей жизни, которой приходилось подчиняться.

Старик **Берлемон** был очень красивый, мягкий, простодушный человек, нежно гладил нас по головке, что-то лопоча на совершенно незнакомом нам языке, звуки которого не отдавались ни в мозгу, ни в сердце. Русский язык благодаря прислуге, был нам более понятен.

Ко всему можно было привыкнуть, кроме стола. Он был ужасен своим однообразием – зелень и картошка ежедневно в разных видах. Я, менее требовательный, ел всё, но **Леван** не терпел зелени, в, особенности морковь которую нас заставляли силком глотать по утрам, уверяя, что это необходимо для крови, но когда дело доходило до картошки, это был ад, ни просьбы, ни уговоры не действовали, **Леван** упирался. Тогда мегера¹⁶⁰ француженка придумала способ заставить бедного **Левана** если не есть, то подобно индюку глотать целую картофелину. Муж держал голову, надавливая на челюсти заставляя приоткрыть рот, а жена совала на вилке картофель ему в рот, держа его до тех пор, пока он не проглатывал её.

Такая пытка продолжалась изо дня в день в продолжение трёх лет, которые мы провели у **Берлемон**; они хвастались, что выдрессировали маленьких азиатов. Отчасти были правы, мы бегло говорили на прекрасном французском языке. **Берлемон** – были истые парижане и заставляли нас забыть наш родной язык. Когда приезжал отец приходилось иметь переводчика.

Отец радовался нашим успехам, благодарил нашу мучительницу, о поступках которой мы молчали, не желая навлечь худшее отношение.

Время мгновенно пролетало, вот и гимназия на носу. В младший класс раньше десяти лет не принимали. **Леван** – кандидат, он рад избавиться от **Берлемон**, хотя сам он, его сын и дочь были всегда милы и отзывчивы, мать и к ним также относились, как и к нам.

В долгие зимние вечера то сын, то дочь читали нам сказки **Андерсена**. Наплакавшись за день, **Леван**, как-то холодно к ним относился, но я с удовольствием слушал, конечно, не с таким трепетным восторгом, как о героических сказаниях родной Грузии, но это были сказки неведомых стран, которые меня влекли и интересовали. Я ещё больше хотел бы слушать путешествия **Майн-Рида**, **Жюль Верна**, но **Берлемонша** не разрешала, уверяя, что это волнует и так сумасбродные головы мальчишек и таким образом на эти книги было наложено строжайшее вето.

Прошло три года, кончился искус¹⁶¹ довольно сурового пребывания в учении и мы ежеминутно ждали **Захарку**. Я чутко прислушивался к малейшему шороху и вот, в один прекрасный день мая, когда длинная ослепительная солнечная полоса ворвалась в нашу полуутёмную комнату, ютящуюся за парикмахерской в доме купца **Сараджева** на Дворцовой улице, мы увидели **Захарку**.

Восторгу и радости не было конца, но мы сдерживались, не желая обидеть **Берлемон**. Быстро собрав наши аманатки¹⁶², сердечно попрощавшись с нашими хозяевами, мы последовали за **Захаркой**.

Но вот горе, да ещё какое, забыли за эти годы наш родной язык. Утешились тем, что звуки родного языка запечатлелись как в слуховом органе, так и в мозгу.

Путешествие от Тифлиса до **Мухрани** совершилось в полном безмолвии. При приближении к родному дому сердце билось сильней. Всё нам казалось радостным и обновлённым и мы переходили из одних объятий в другие от отца к матери, к

бабушкам, теткам и, наконец, к моей бесценной няне, которую я не видел столько лет.

Довольный нами и результатом нашего пребывания у французов, отец разрешил нам побегать, обойти все и вся, чем мы и воспользовались, что говорится досытая, были на скотном дворе, на конюшне, на башне, перецеловались со всей прислугой, которая чествовала нас – каждый по своему и, считая нас такими уже просвещёнными, не решались, как других детей, звать по имени, а батонас швили.

Гуляя по Мухрани, я, как большой любитель природы, дошёл до местности, которая считалась старой Мухранью, там густая тень могучих, тёмно-зелёных вековых дубов служила сенью для старинных полуразрушенных церквей во имя Святого Георгия, брата Святой Нины, тоже подвизавшегося в Грузии и всеми чтимый. Образ Святого Георгия был впервые написан итальянским художником **Микель-Анджело**.

Ежегодно 23 апреля сельчане целыми семьями отправлялись на ночёвку у священных и исторических стен, принося установленные жертвы, а на другой день после обедни происходила борьба. Выступали настоящие атлеты, которые по своим приёмам вряд ли уступали французской борьбе. Эти колоссы боролись при звуках зурны, которая как бы подбодряла их.

После обедни, отец со своей семьёй оставался среди своих крестьян, с удовольствием поднимая заздравный кубок любовался патриархальным зрелищем, восторгался силой, ловкостью борющихся, грациозностью юных сельчан, с увлечением отдающих дань танцам – лезгинке.

В то же время почтенные мамаши в национальных костюмах – тасакрави¹⁶³ и лечаки¹⁶⁴, которыми они украшали свои головы в высокоторжественные дни, имея около себя не менее почтенных соседок – свах, высматривали кто невест, кто женихов, смотря по тому, кто в ком нуждался, выслушивая их подробные доклады и положении и имущественном цензе молодёжи.

Я должен сказать, что половина крестьян были армяне, что было странным явлением в центре Грузии, но это произо-

шло от того, что **Мухранский**, получил в удел¹⁶⁵ Мухрань поехал в Карабах, закупил армян-рабов, наделив их землёй и они, будучи верными слугами, сохранили свой язык и армяно-григорианскую веру, о чём свидетельствует и поныне находящаяся церковь. Стارаясь не смешиваться с коренным грузинским населением, они в то же время пользовались всеми его правами. Таков характер этого народа.

При присоединении Грузии¹⁶⁶, ввиду довольно многочисленной царской семьи, русское правительство решило разделить членов семьи по степени родства и по уделам и, чтобы не платить пенсии снижали титулы. **Мухранских** из Светлейших сделали Сиятельными¹⁶⁷, записали их так по своему усмотрению в Герольдии и, конечно, поэтому без всякой пенсии.

Это сравнительно был пустяк с тем, что сделал генерал **Головин**. Он росчерком своего некультурного пера заявил, что в Грузии нет сословий, кроме крестьянского, – это в стране, изобилующей царями, феодалами, имеющей тысячелетнюю историю, традиции, искусство, зодчество, стране, которая строила Государство вместе с народом, переживала многочисленные кровавые войны и всегда оставалась на высоте своего достоинства.

Это заявление чуть не послужило всеобщим взрывом негодования, незадачливого дипломата поспешили убрать, назначив не его место генерала **Нейдгарта**, образованнейшего человека, от души желающего привести Грузию в её нормальное состояние, что было очень трудно среди сумбура, созданного **Головиным**.

И вот ничто несумняющееся, он призывает на помощь тогдашнего тифлисского губернатора князя **Николая Палавандишивили** и, при его просвещённом участии, производит словесный раздел. Появляется бархатная книга и записываются княжеские и дворянские роды по рангу местничества.

Начались полевые работы. Я принимал в них деятельное участие, разъезжая с раннего утра то с отцом, то с **Захаркой**, но уже не за его спиной, а на собственном коне.

Отец видя мою любовь к земледельческим работам и желал-

ние стать ближе к дому и крестьянству, к их нуждам, подарил мне выезженную лошадь с грузинским седлом. Удила были в серебре к великой зависти младших братьев.

Я с восторгом смотрел на необытно расстилающиеся, блестящие бархатной зеленью, луга, – испещрённые, подобно мозаике, полевыми цветами и их живительная пестрота оживляла меня. Я был на пашне, где, стоя у плуга всеми силами надавливал его, помогая переворачивать жирный чернозём и стараясь направлять покорных быков так, чтобы моя борозда была бы прямой. Я был в восторге, когда работающий со мной крестьянин хвалил меня, и, в минуты отдыха, с аппетитом ел предложенный кусок прекрасного пшеничного чурека¹⁶⁸ с сыром. Как заработанный, он был для меня вкусней и ценней.

Одновременно с посевом озимых злаков идёт жатва. Сотни хевсур¹⁶⁹, пшавов¹⁷⁰, спускались с гор на заработки. Этот сильный широкоплечий жнец с детской улыбкой на алых устах одним широким взмахом убирал почти половину своей половины, работа спорилась в его умелых руках. Он чувствует землю, сливается с ней, чувствует её запах и обновляется. Каждый мускул, каждый фибр¹⁷¹ дрожит новой жизнью в этом единении с землёй, он чувствует свою силу и, оторвавшись от работы, взором властелина обнимает вселенную.

Жать и косить мне не позволили. Как носа, так и серп были ещё слишком тяжелы для меня, но за то я вознаградил себя на сенокосе, собирая сено, которое ловким движением вил набрасывали на арбы,

В сумерки вереница арб, штук 50, двинулась на усадьбу, где по присмотром неизменного **Захарки**, должны были складывать стога.

Наступала роскошная южная ночь. Месяц, освещал путь, до отказа нагруженным арбам, величаво плыл в огромном куполе неба, испещрённом мириадами ярко мерцающих звезд.

Стоя на дворе, отец встречал весь этот рабочий люд. Кувшин с вином, залог весового веселья, был открыт и ждал утомлённых, но бодрых духом, потребителей, стоял, вкусно пахнувший котёл лобии¹⁷², у которой хлопотал старик – повар, слу-

живший ещё мальчиком в крепостное время и, который, получив свободу, не пожелал отойти от семьи. Он как бы прирос к ней и за преданность пользовался, как и наши няни, привилегиями членов семьи.

Когда проворные мальчишки, исполнявшие обязанности свинопасов или состоящие при арбах, обносили всех глиняными чашками с лобией, было разлито вино. Отец, высоко держа такую же чашу, почтительно поднесённую **Захаркой**, произнёс несколько тёплых благодарственных за работу слов, выпил свою чашу до дна и затянул Мравал-жамиер¹⁷³, подхваченный сотней голосов.

Стройный гул разливался по всей деревне и эхом отдавался; в тёмных рощах, окаймлявших деревню.

Посреди огромного двора, облитый лунным светом, отец казался мне небожителем, лучистоликим.

Мы, дети любили нашего дорогоого отца со всей нежностью наших юных сердец. Крестьяне были очень преданы и всей душой отстаивали наши права, даже вступили в бой с крестьянами соседей.

Быстро пролетело весёлое лето, деревья гнулись под тяжестью золотых плодов – яблок, груш, рассыпали для сушки грецкие орехи. Нежные персики с бархатистой кожицей торопились доспевать под горячими лучами солнца. Спешили к концу сентября собрать все фрукты, чтобы дать дорогу спевающему винограду,

Белые и чёрные кисти красиво поблескивали среди зелёных листьев, в воздухе стояло неумолчное жужжение пчел, они тоже торопились окончить свою кропотливую работу – принести должную дань царю природы – человеку.

В начале октября приступали к подготовке сбора винограда – священное действие в Грузии, – мыли огромные, в рост человека, кувшины, человек влезал туда и мыл их мочалкой, нередко пьянья от сильного запаха вина, чистили давильни, корзины. Одним словом всё приходило в движение, как в огромных подвалах, так и в домах – ожидался съезд всех близких и дальних родственников. Ни хозяину, ни хозяйке не хотелось ударить лицом в грязь.

В назначенный день вся прислуга с большими корзинами за спиной, гости по желанию, рассыпались по многочисленным садам, с раннего утра и до поздней ночи раздавались мелодичные грузинские песни, арбы нагружались и выгружались у, чёрного крыльца дома, где уже, по распоряжению хозяйки, часть шла на чамичи (сушёный виноград), а часть на хранение, кушали как хотели, сколько хотели – не считалось.

Вечером же подкатывали огромные бочки с ткбили (виноградный сок), часть вливалась до верху в кувшины, а часть в котлы для чурчхел. Содержимое котлов довольно долго кипятили и когда эта жидкость превращалась в кисель, то в него обмакивали разные сорта орехов, нанизанных на толстые нитки, продержав, пока эта масса плотно облипала орехи, их вынимали и вешали для просушки на некоторое время на солнце, а затем заворачивали в чистые полотняные куски и прятали на зиму – лучшее лакомство грузина.

Две недели сбора – сплошной праздник, азерпеша¹⁷⁴ весело обходила пирующих там же в садах, сердечное аллаверды¹⁷⁵ неслось в воздухе, вселяя своими пожеланиями лучшие надежды на наступающий год. У человека в самом безотрадном положении всегда является проблеск надежды, подобно солнечно-му лучу. Такова природа человека, – никогда не падать духом. Так и мой отец, умный, энергичный, несмотря на все пережитые ужасы как семейные, так и на войне представлял из себя цельный тип мужчины. Он умел соединять работу умственную с физической. Всегда весёлый, обходительный он был любимцем, как на службе, так и в обществе.

Летние работы кончились, годовой доход обеспечен. Отец опять вспомнил о нас и, так как по возрасту мы были малы для гимназии, на семейном совете было решено отправить нас для подготовки в Тифлис к зятю **Иосселиани**, на вид грозному, но по существу доброму и на удивление – отзывчивому старику.

Живя летом в своей небольшой усадьбе, с великолепным фруктовым садом, славящимся заграничными дюшесами, за которыми он сам присматривал в Душете, он являлся настоящим благодетелем для беднейшего населения, отзывааясь на

всякие их нужды, начиная с писания прошений и до денежных пособий, причём так, что правая рука не ведала, что делала левая.

Несмотря на то, что мы ехали к тетке, которая нас любила, всё же кошки скребли на сердце, уезжая из милой Мухрани, но мы были уже более или менее сознательными, знали, что без учения человек не человек. Об этом нам твердили ежечасно и во всех углах обширного дома.

Платон жил в собственном прекрасном доме на углу Ртищевской и Вознесенской, он, ввиду своего положения, жил открыто, всё, что было мало-мальски культурного, высоко стоящего в общественном и умственном отношениях, посещало его, встречая в лице тетки умную, гостеприимную хозяйку.

Как истый патриот, он с радостью принимал участие в малейшем проблеске культурно-национальной жизни страны. Так, когда в первый раз был поставлен в доме княгини **Мананы Орбелиани** Раздел **Эристова**, он был одним из главных исполнителей, к вящему удовольствию доморощенных актеров.

И правительство, в лице Великого Князя **Михаила Николаевича** было довольно. Платон дипломатически умел подходить к делам, не огорчая никого. Он продолжал свои археологические работы, обогащая Грузию своим глубоким знанием; знал иностранные языки, переписывался с большими учёными-археологами Европы, принимал их при их посещении Грузии. В 65 лет изучал итальянский язык. Одним словом старался воспользоваться всеми жизненными возможностями и в науке, и в жизни, что бы умирая сказать: Я жил.

Как редкий знаток археологии, по повелению Императора **Александра II**, он был послан в Грецию на Афон, где был прекрасно принят монашествующей братией грузинского Иверского монастыря и сумел вывезти грузинское евангелие. Свою же прекрасную библиотеку, содержащую не только древние богатейшие грузинские произведения, но и произведения Запада, он пожертвовал грузинскому обществу грамотности с тем, чтобы в последующем она была передана университету.

Вдова его, уложив всё в 12 больших ящиках, передала по назначению.

Он хорошо знал социализм, его догмы и, когда генерал-лейтенант, князь **Иван Константинович Багратион-Мухранский** не разрешил крестьянину проехать через свой парк на арбе, **Иосселиани**, который гостил у него, пророчески предупредил надменного помещика: Помни, ты не пропустил одну арбу, наступит время, когда их сотни проедут мимо твоих хором.

Князь **Иван Багратион-Мухранский** построил в Мухрани, помимо роскошной усадьбы с террасами, великолепные подвалы для вина, уже не вливающееся в кувшины, а в огромные бочки, выписал француза-винодела месье **Эмиль Жан** и начал ставить вина на французский лад, которые славились повсеместно, даже в Алжире. Он развёл обширные виноградники американской лозы. С террасы усадьбы открывался великолепный вид на Кавказский хребет со сторожевым Казбеком, облитый солнечным сиянием, грозно оберегающим естественные границы солнечной Грузии.

В его работе ему деятельно помогала супруга его княжна **Нина**, дочь мингрельского владетеля.

В 1895 г. княжна **Нина** скончалась. Бразды правления перешли в руки прекрасного человека – гуманного, смелого и храброго сына, князя **Котиа**. Сам **Иван Константинович**, внук царевны **Кетеваны**, дочери царя **Ираклия**, не был лишён душевных качеств. Он окончил Пажеский корпус¹⁷⁶, служил в гвардии, на виду у **Николая I**, который называл его Своим шалуном.

Желание жить в деревне у него проявилось только в отношении Мухрани. Смелый и храбрый вояка, состоя в авангарде русских войск, он защищал Мингрелию от вторжения турок, уговаривая прелестную княгиню **Екатерину** не склоняться на дипломатические заигрывания поляка **Омер-паши**, он же **Михаил Латош** – сын австрийского офицера, умершего в 1871 г. командующего крайним крылом турецких войск (выписано из Архива).

Кроме того на стипендии его имени воспитывалась грузинская молодёжь, как например **Николай Кецховели** и много других.

И вот мы уже в Тифлисе, на этот раз с отцом. Тетя **Анико**, обожавшая своего брата, заботливо устроила светлую, уютную комнату во флигеле. По выбору **Платона**, были приглашены преподаватели как русского, со всеми предметами, так и грузинского языка.

Под наблюдением тети, мы деятельно принялись за учение. Отчёт должны были отдавать **Платону**, но когда мы шалили, он приказывал, в виде наказания, к великой нашей радости, отправлять нас на чердак, изобилующий положенными на хранение прекрасными фруктами, висящими гроздьями золотистого винограда и сушеными фруктами.

Огорчённые на вид, мы ликовали в душе в ожидании лукullовского угощения, а, следовательно, прекрасно проведённой ночи.

По воскресениям, после обедни в Анчискатах, мы шли на поклон к старшей тетке **Саломее**, которая величественно сидела в высоком кресле, принимая гостей. Лакеи, в грузинских ливреях, но в белых перчатках на серебряных подносах обносили вновь вошедших чаем и сладостями; пятичасовой чай входил в моду.

Грузинская аристократия группировалась вокруг дворцов, например царицы **Марии**, посещая друг друга после обедни, большей частью в Анчискатах, где служба шла на грузинском языке. Почти все жили в особняках, стараясь, как везде, перешеголять друг друга и довольно таки часто заглядывая в злосчастный Приказ, который подобно тине затягивая их.

Призрак синеньких мундиров, с серебряными галунами и, пуговицами подгонял нас и мы чувствовали себя готовыми, В начале мая, в сопровождении отца, мы явились на экзамены. **Леван** выдержал первый в первый класс, я немного хуже, но только по летам я был принят в старший приготовительный.

Счастливые, довольные, в сопровождении сияющего отца, приехали мы домой. Наша дорогая тетя встретила нас с пре-

красно накрытым завтраком и денежными подарками – по 10 рублей

Мы считали себя крезами, мысленно покупали подарки всем членам нашей дорогой семьи, включая няню и **Захарку** и на другой день, под руководством тети в Караван-сарае закупили всё, что наши средства позволили. Не забыли и не обидели никого, всем доставили удовольствие, а себе радость душевного удовлетворения. Как много это значит в жизни.

Директором, учреждённой при князе **Воронцове** русской гимназии в наше время был **Лев Львович Марков**, очень любимый учениками. Образованный, мягкий по существу, аристократ, как по происхождению, так и душой, он не делал между воспитанниками разницы, высоко подняв значение гимназии как рассадника культуры.

Леван шёл всё время первым, я, по болезненному своему состоянию здоровья, полз. Перешёл в дворянский класс (так назывался 4-й класс – конечный пункт образовательного ценза детей помещиков, рассчитывающих на свои земли).

Со вступлением в гимназию, наша жизнь вошла в свою колею. Зимой – Тифлис, летом – Мухрани. Преследуя свою мечту – обследование мира, лелея её, я в прогулках по необъятным лесам и полям, невольно окунался мысленно в картины деревенского быта глубокой древности, но дошедшей до нашей эры в такой неувядаемой свежести, что при каждом моём шаге мне казалось, что древний мир со всеми его безыскусственными прелестями оживался ещё ярче, ярче при светлых лучах этого бесценного светила – солнца.

Мне самому казалось, что я вижу и наслаждаюсь всеми этими благами. Я замедлял шаги, боясь выйти из этой волшебной обстановки, но жизнь звала и приходилось подчиниться её безжалостным требованиям.

Представьте, в этот мир грёз меня постепенно тоже вводил наш дорогой ментор – **Платон**. Старый и малый сошлились. Не знал я, что этот старый мечтатель заглядывал в заоблачный мир, из которого он не хотел спускаться, чем приводил в отчаяние мою бедную тетю.

Тем временем отец стал прибаливать всё сильней и сильней. Все медицинские, знания, какими был богат Тифлис, применялись, но всё было напрасно. Привезли его к нам, болезнь быстро разрушала железный организм Доктора объявили состояние здоровья безнадёжным. Я не отходил от отца день и ночь. Свет померк, а с ним и мечты.

Зная, что близко стою к дому, к хозяйству, отец не отпускал меня, поучая как в дальнейшем вести дела, просил ограждать мать от неприятностей. В общем взваливал на мои семнадцатилетние плечи все тяготы большого дома. Единственный плюс был тот, что не было долгов, да все дела были в полном порядке. Но я не мыслил жизни без этого дорогого существа – отца, прелесть её исчезла. В долгие ночи, сидя у его изголовья я рыдал, но эти рыдания не облегчали мою наболевшую душу. Ведь отец умирал совершенно ещё молодым. Ему было 50 лет.

Чувствуя приближение смерти, отец просил перевезти его в Мухрани. Он выразил желание быть похороненным в церкви, воздвигнутой во имя успения пресвятой богородицы, дедом и пожертвованной деревне. В ней были прекрасные фрески, писанные грузинским художником (к сожалению имя не сохраниено), на которые обратил внимание очень образованный экзарх **Исидор**, впоследствии Петербургский митрополит, приехавший в Мухрань по приглашению деда на освещение очень уютной и прелестной церкви.

Воспользовавшись пребыванием художника, дед заставил его написать большой портрет всех членов семьи.

Ввиду того, что это громадное полотно, состоящее из одиннадцати человек, написано с фресковым подходом, оно очень не нравилось семье и было заброшено, но мне оно было дорого, я хранил его, а теперь оно красуется в музее Метехи, составляя чуть ли ни его гордость – так меняются времена и взгляды на вещи.

Вместе с отцом переехали и мы. Железная дорога уже функционировала. На станции Ксанка нас ждали наши крестьяне, пожелавшие лично на руках перенести больного, которому малейший толчок причинял адские муки, а расстояние было не маленькое – семь вёрст.

Отец до глубины души был тронут таким вниманием. Видели родных мест, дома, где протекла вся его жизнь, где жили родители, где рождались его дети, всё это, видимо, приятно повлияло и приободрило его настолько, что он пожелал сам переступить порог дома при общей нашей радости.

Пока человек дышит, надежда теплится в душе каждого близкого, но увы, ненадолго. Отец слег и в полном сознании, благословив нас и приняв святых тайн, скончался в июле 1884 года от водянки¹⁷⁷.

В безоблачном небе сияло солнце, посыпая горячие снопы лучей на землю, но у нас померкло солнце, погас светильник нашей жизни, мы остались без кормчего в свете. Как быть?

Смотря на дороге мёртвое лицо не отрываясь, я как бы чувствовал прилив энергии, веры в свои силы. Вот то восстал передо мной **Таризэл**. Я почувствовал себя мужчиной и бремя, возложенное на меня отцом, показалось мне лёгким.

На похороны опять съехались все родственники, весь душетский уезд, духовенство с экзархом во главе, но службу правил епископ **Григорий** (в миру красавец князь **Дадиани**).

Поминальные столы для крестьян стояли в два ряда на дворе, для духовенства, родных и знакомых – в громадном зале и столовой. Все мы стояли на ногах, наблюдая за порядком как на дворе, так и в доме, чтобы никто не ушёл неудовлетворенным. **Захарка** слёг с горя и тоже постепенно стал сдавать. Он не намного пережил отца. Вот миг – и нет волшебной сказки.

Дом, стоящий на таких крепких сваях, как бы рухнул, но где же мы, его гордость и надежда? Где?

Это было первое ужасное горе, которое, я думал, что не переживу, но молодость, молодость – эта платформа жизни всё превозмогает, а мозг в постоянной борьбе с обстоятельствами приходит на помощь и восстанавливает равновесие.

И я стал на работу – бессменным рабочим. **Леван** вернулся доканчивать гимназию, мальчиши все – по учебным заведениям. Жизнь закипела, крестьяне охотно подчинились моему главенству и день за день я стал входить в свою роль, старался елико возможно поднять доходность дома, открыл небольшой вино-

куренный¹⁷⁸ завод и довёл доход до 20 000 рублей, но тут **Леван** закончил гимназию и не пожелал для продолжения учения в университете покинуть пределы Грузии, а как старший по-желал взять в свои руки бразды правления и вести дела дома.

Он отменял установленные мною порядки, чем вносил разлад. Я молчал и молчал долго, уважая старшинство, но когда, благодаря распрям, доходность стала падать, я возмутился и ретировался, подробно изложив матери суть дела, но, как я раньше говорил, **Леван** был кумиром¹⁷⁹. Мать меня не поддержала и я с грустью покинул родительский дом, не желая выносить из избы сор и, вступив в жизнь, быстро ориентировался.

Не желая пользоваться домашней поддержкой, я взялся за дела. Как раз в Тифлис прибыл представитель английской фирмы по закупке шерсти, фирма, как говорят, делала большие обороты, закупая шерсть – повсеместно на Кавказе.

Меня представили, он охотно согласился принять меня своим представителем. Составил договор, он оставил мне 7000 рублей на задатки и назначил мне 300 рублей жалования в месяц.

Я воскрес. Деятельно принялся за дело, подготовил ему около 20 000 пудов немытой шерсти. Через год приехал мои доверитель, остался очень доволен ведением дела и в виде комплимента, который меня обозлил, сказал, что он не ожидал увидеть в грузине делового человека – каково?

Я ему ответил, что нельзя судить о людях по злой наслушке. Заметив, что я обиделся как за себя, так и за своих соотечественников, он стал извиняться, но я резко прекратил разговор. Не только я, но и природа Грузии была возмущена.

Пароход, который нёс его к туманным берегам его родины, погиб в Чёрном море и я больше об этой злополучной фирме ничего не слышал.

Затем я занялся подрядами Карской железной дороги, строителем которой был крупный и хорошо знающий своё дело инженер **Бурцель**.

Проработав два года, я уже составил себе небольшой капиталец, который вложил в банк и, как мономан, всё продолжал

думать о путешествиях, в то же время не забывал семью, дела которой шли уже довольно плохо. **Леван** был выбран предводителем дворянства Душетского уезда и вполне увлекался этим, в сущности разорительным, делом. На представительство¹⁸⁰ нужны были большие суммы и он спустя рукава смотрел на имение.

Наступил 1896 год. Приближалась коронация, Грузия, верноподданная, начала готовиться к торжеству. Вся Россия торопилась принести на алтарь самодержавия свои надежды, ввиду воцарения молодого венценосца, готовились речи, подарки, подбирались депутатии от всех сословий, лица безукоризненной репутации.

Попал и я в дворянскую депутатию, возглавляемую губернским предводителем дворянства, камергером двора Его Величества, всеми уважаемым князем **Константином Ивановичем Багратион-Мухранским**.

Для меня это было большое счастье. Это был уже сдвиг с границы Грузии в необъятную Россию, ступень в неведомый мир. Мечта превращалась в действительное. Счастье было так близко и так возможно, и я действительно стал готовиться к отъезду; бегал по портным, заказывая национальный костюм со всеми его принадлежностями, закупил роскошные приборы оружия: один с голубой эмалью, другой – серебро с кораллами. На кинжале и шашке редкая работа по композиции. Счастливый, довольный, я в числе делегации выехал 16 мая в златоглавую Москву. Мы торопились захватить номера. Ведь шутка сказать, почти вся Россия, также часть заграницы были в Москве. Шумно и людно, людской гомон стоял в воздухе.

Гостеприимство, яркое солнышко любовно посыпало свои лучи на этот калейдоскоп людей, различных национальностей и костюмов. И для меня – провинциала, это была захватывающая картина. Я поддался её очарованию, её притягательной силе.

Едва отдохнул и приведя себя в порядок, я вышел на улицу и людской вихрь закружил меня. Боясь потеряться в этом лабиринте, я взял лихача, чтобы познакомиться хоть с птичье-

го полёта с древнейшей столицей России, тоже перенесшей на своих плечах не мало нашествий и междоусобиц, но в это чудное, светлое, майское утро кресты её златоглавых куполов сияли, стремились к облакам и, рассекая их синеватую поверхность, призывали к созерцанию красоты небесной славы.

Народ валил со всех концов многонациональной России взглянуть на царя-батюшку, с тайной надеждой, что в манифесте, изданном в этот торжественный день и на их долю пепропадут крохи, говорящие о долгожданной земле – кормилице.

Может быть молодой царь и желал бы поддаться благородному движению души – ближе стать к народу, к его законному требованию, но суровое окружение не мыслит о таком сближении во вред их интересам. Пока, отгоняя чёрные мысли, народ веселится и всюду раздаются весёлые звуки любимой гармошки.

На другой день – 20 мая назначена коронация в Успенском Соборе. Грузинской депутации оставлено место внутри – это большая милость. Масса представителей царской семьи, все дипломатические корпуса имею вход сейчас же за царской семьёй.

Храм не особенно велик, но священное благородство и изящество внутренней отделки и её утвари поражают глаз. Благодаря моему росту я всё вижу, всем восхищаюсь, а при виде красавицы царицы, я готов пасть ниц. Она так молода, красива, величественна в этом сиянии, она сама сияние, но я невольно переношуся к царице **Тамаре** и, всё же, как грузин, ей, отдаю пальму – первенства.

Свет бесчисленных свечей, блестящее серебряное облачение духовенства, во главе с митрополитом¹⁸¹, шитые золотом мундиры придворных и иностранных принцев, дипломатов, роскошные придворные костюмы дам, их облитые драгоценными каменьями кокошники¹⁸², всё блестело на солнце, искрясь в них, слепило глаза.

Вечером бал, картина меняется за картиной. Старый Кремль оживает – властители всех времён вереницей проходят под его древними сводами, каждый вносил свою лепту добра и зла. Что же внесёт этот потомок?

Букет красавиц, одна лучше другой, одна соблазнительней другой, тоже ослепляет, волнует. Выделяется **Елена Черногорская**, впоследствии итальянская королева и, к радости Грузии, **Мария Михайловна Сумбатова**.

Двери широко раскрываются и под звуки Полонеза Глинки, мерно приседая, проходит блестящая вереница, во главе с царями, обойдя три раза обширный зал и меняя каждый раз дам. Затем начинаются танцы.

На балу я встретил старых друзей **Сашу и Грицко Витгенштейн**¹⁸³. Они считали себя грузинами, так как мать их была урождённая **Дадиани**.

Казалось, что беззаботное веселье вливалось в каждую щель, забыто горе, но оно сторожит, не хочет быть забытым и вот раздаётся ужас – Ходынка¹⁸⁴! Кровь леденеет при одном звуке.

Тысячи людей погибло в ту минуту, когда народ бежал с радостным криком приветствовать царя. Москва оделась в траур, но этикет и политика требовали продолжения коронационных торжеств.

Надо было не дать возможность плеяде¹⁸⁵ журналистов распространяться и комментировать, что в России ответственные места предоставляют безответственным лицам.

Втихомолку, по углам говорили, что молодая царица рыдала, предвидя в этом несчастье – плохое предзнаменование начиナющемуся царствованию.

Торжества продолжались, но уже с оттенком грусти. Эти развлечения я всё же использовал для знакомства с русской интеллигенцией, так высоко стоящей, обхватывающей все отрасли, двигающей цивилизацию в своей родной стране, в лице даровитых литераторов, поэтов, музыкантов и художников, прилагающих все силы, чтобы поднять крестьянство до их уровня.

Возвращаться с депутатией я не хотел. В Нижнем Новгороде была открыта выставка, которую мне хотелось повидать, а главное спуститься по Волге по этой всероссийской матери-кормилице. Полюбоваться было чем днём – широкой голубой

лентой змеилась река и её волны шумели и переливались, меняя их цвет; ночью луна плыла по звёздному небу, отражаясь в её как бы спящих водах, на каждом шагу было удивляться разнообразным красотам природы, так успокоительно действующим на мятущуюся душу человек

На моё счастье, ещё в Москве, я встретился с моим другом – большим любителем охоты князем **Николаем Вахтанговичем Орбелиани**. Я уговорил его проехаться со мной до Нижнего, на что он охотно согласился. Он был в радушном настроении, получив часть наследства княгини **Елизаветы Дмитриевны Барятинской**, урождённой **Орбелиани**, вторую половину получил **Евгений Давидович Кобулашвили**.

Вот тут, во время нашего путешествия по Волге, он мне предложил поехать с целой компанией, любителей природы и охоты, на львов.

Вот где восстал **Тариэл** во всём блеске мужества и отваги. Я уже мог быть его прототипом. Из болезненного хилого ребенка, я превратился в колосса, легко ломающего двадцатикопеечную монету.

При этом предложении, я подскочил от счастья. Я был близок к цели, к давно лелеянной в тайниках моей души, чуть ли не с кольбели.

Я нежно обнял друга и просил держать меня в курсе дела, сообщать все подготовки. В Нижнем мы расстались. Я доехал до Астрахани уже в другом настроении, как-то всё отошло и прошлое. Мне предстояла новая жизнь, мечты о ней захватили всего меня.

То, о чём я поделился с тобой, читатель, не есть сюжет какого-нибудь поэтического произведения, а бесхитростная передача первой половины моей жизни. Этим кончился первый этап моего детства и юности

Я вернулся домой к моему родному очагу с массой впечатлений, поделился с матерью и вновь принял ещё усерднее за работу. Хотелось обеспечить семью правильным ведением имения¹⁸⁶, находящегося в моё отсутствие в бесхозяйственном состоянии. Также обеспечить и средствами, чтобы возможная

неурядица не легла бы мне тяжёлым камнем на душу и стал ждать.

Ждать пришлось всё-таки не мало, но в один радостный день я получил из Петербурга от **Орбелиани** телеграмму, вызывающую меня. Я быстро собрался, но скрыл от матери, что покидаю не только пределы Грузии, но и Россию, так как боялся её слез и просьб не уезжать. Я бы пожалуй не выдержал – остался бы, а это равнялось моральной смерти.

В январе 1899 г. я выехал в Петербург, полный надежд близко познакомиться с этим неведомым миром, в мечтах так многое мне сулившим.

Мне хотелось бы, читатель, чтобы мои воспоминания, исторически обоснованные, оставляли бы благоухание и колорит прочитанных страниц не совсем глупо проведённой жизни, чтобы это были ли бы картины проходящие перед твоим духовным взором, как в кинематографе, оставляя след в твоем молодом и чистом воображении.

На вокзале Тифлиса провожали меня родные, товарищи, друзья с бесконечными пожеланиями, объятьями и поцелуями. Наконец раздался третий звонок. Я в вагоне, поезд тронулся, его мерный ход меня раздражал. Казалось он не шел, а полз. Бесконечные степи, покрытые снегом, низко спустившиеся серые облака как будто навевали грусть, но у меня в душе всё ликовало, мне не сиделось, всё клокотало во мне и, наконец, поезд с грохотом и шумом остановился у петербургского деревянного баркадера.

Едва сойдя, я очутился в объятиях друга. **Коля Орбелиани** повёз меня к себе, он жил на Малой Морской. От всего пережитого я чувствовал себя разбитым, но бодрым, я дорожил часами, минутами, чтобы пуститься в далекое плавание, друзья **Коли** смеялись над бедным азиатом, говоря, что одержим пневмонией. На удивлённый взгляд мой, они объяснили мне, что это страсть к странствованиям.

Я же в свою очередь объяснил им своё нетерпение желания познакомиться с внешним миром. Эта страсть к странствованию не означала нелюбовь к моему родному очагу, наоборот

— просто меня тянуло посмотреть мир, его красоты, побывать во всех его уголках и, обогащённым всем виденным и слышанным, вернуться в свою милую Грузию, где реки льются чище серебра, где всё цветёт, где жизнь бьёт ключом, где женщина проводит в жизнь все благие начинания мужчины, благодаря своей энергии и яркой любви к родине.

Грузинка вполне оправдывает слово **Фенелона** (мыслитель XVII в. при **Людовике XIV** — Мужчины, имеющие всю власть в обществе, не смогут провести своими постановлениями ничего благого в жизни, если женщина не поможет им. И женщина помогала и помогает.

И вот я в царской столице. Величавая Нева в гранитных берегах несёт свои переливчатые волны к Финскому заливу. На берегу роскошный Зимний Дворец, издали блестит шпиц¹⁸⁷ Петропавловской крепости.

Собор, вековая усыпальница царей со времени Великого Петра¹⁸⁸, роскошные дворцы, особняки, прямые, как стрела бесконечные улицы, торцовый Невский проспект, окаймленный с двух сторон великолепными, витринами магазинов, бесчисленные экипажи, ландо, кареты, лихачи и, наконец, несчастные **Ваньки**, всё летит, всё мчится, разбрасывая комья грязного снега, но это не заметно среди этого роскошного ка-лейдоскопа, освящённого по вечерам электрическим светом.

Это сказка, но сказка не из тысяча и одной ночи. Это не Восток, а настоящий Запад, перенесённый гением и любовью **Екатерины II** с европейских берегов и своим грандиозным видом услаждающий не только своего русского, но и капризного, требовательного европейца.

А Эрмитаж — эта сокровищница искусства всех веков и народностей. Трудно оторваться от этих магических полотен, так много говорящих не только глазу, но и сердцу, и уму. Где они, эти кудесники? Кто вложил в их чутьё и понимание это богатство красок, эту мягкость кисти. Я стоял очарованный, боясь отвести глаза, чтобы не потерять всей прелести. Можно ходить год и не насмотреться, каждый раз что-то новое бросается в глаза. Красота Казанского собора и Исакия не менее величе-

ственна, она призывает атеиста верить, верить в божественную силу, ворочающую миром.

А **Пётр Великий** – работы **Фальконета!** В этой энергичной фигуре, стремящейся ввысь, в этом полёте сосредоточены все сокровенные помыслы о благе родины, о счастье народа¹⁸⁹. В Петербурге вы чувствуете стремление русского народа всем своим существом слиться с европейской цивилизацией, поднять из глубоких недр все таящиеся в нём таланты и выявить их во всём блеске.

Две столицы Российской Империи – Москва, вся в прошлом, мягкая – сердобольная, Петербург – суровый, с чиновничим обликом, весь в будущем, какая разница в обстановке и как будто даже в людях!

Я остался весь январь, ждал **Колю**, но он, будучи юристом, должен был окончить дела в суде. Я воспользовался временем, обегал всё, что можно было видеть, побывал даже в Смольном институте на приёме у своих знакомых князей Грузинских, их альма-матер мне очень понравился.

Зимнее солнце лило свои бледные лучи в окна двухсветного зала с белыми колоннами, придавая нежность тем юным существам в белых пелериночках, которые с радостной улыбкой встречали дорогих для них лиц. При входе в вестибюль, старик-швейцар в придворной красной ливрее с пелериной, гербами и булавой как-то косо посмотрел, на меня, видимо мой вид не внушал ему доверия, но золотая монета быстро рассеяла его сомнения и он, с присущей ему угодливостью, бросился подавать мне шубу.

С большим трудом я достал билет в Мариинский театр. Я не пожалел своих трудов. Чарующий голос **Мравиной**¹⁹⁰ перенёс меня в Нирвану, но в антрактах краснел, когда замечал, направленные на меня лорнетки и бинокли.

Я был в национальном костюме – куладжа (верхнее платье) и этим привлёк, невольно, внимание прелестных дам, Я очень пожалел, что послушался **Колю** – меня это внимание лишило удовольствия самому полюбоваться разряженной петербургской публикой.

Наконец **Коля** готов, мы выезжаем с ним в Париж, где будем ждать остальных товарищев. Снег падает хлопьями, ложится белой пеленой на землю, мороз трещит, иней серебрит бороду и усы, а у меня на душе весна. Горячие пески Сахары манят меня, но сначала Париж и Варшавский поезд мчит нас к этому современному Вавилону – вожделённому пункту всех стран земного шара.

Мы проехали Шепетовку и уже у границы Польши. Некогда блестящая среди других Государств, несмотря на патриотизм её народа, выражавшийся даже в этом возгласе! Кабы Польша не сгинела, подверглась разделу, благодаря неумелому правлению своих королей, неудачным войнам при ставленнике **Екатерине II, Станиславе Понятовском** со стороны России, а также Германии, в лице **Фридриха II**. Сам же **Понятовский** окончил свои дни в Петербурге.

Дождливая, с примесью снега, погода встретила нас и в Париже, но это не мешало лихорадочному волнению, охватившему многомиллионный город. Он готовился к выставке, ждал дорогих гостей из самых отдалённых уголков света, желая предоставить им возможность показать свой народ их нравы, обычай и самим не ударить лицом в грязь, не дать поколебаться репутации Парижа, как передового города с незапамятных времен, памятуя о Версале¹⁹¹ и Фонтейнебло.

Весь трудящийся люд как верхи, так и низы копошились в этом болоте, раздавался стук молотка, лязг рельс, визг сирен, вокруг выставки проводили железную дорогу. Одним словом всё работало – ум, знание, сметливость, всё спорилось, всё спешило, и уже обозначались остовы некоторых построек, как например пагоды с Буддой, швейцарских домиков. Азиатских, стран – Индокитай и Дагомея¹⁹², подвластные суверенитету Франции, не развернули ещё свой оригиналный багаж – одним словом Парижу хотелось напомнить о том, что атмосфера роскошнейшего, горделивейшего королевства в Европе, в былое время, как Франция с изящным гостеприимством дворов Людовиков, не потеряла и теперь своего колорита, оставаясь рассадником цивилизации.

Не даром говорил **Герцен** – Выезжая из Парижа, выезжаешь из центра цивилизации и современности¹⁹³, а **Карл V** сказал, что Париж не город, а вселенная.

А вот и Эйфелева башня. С её вышки Париж казался мне безбрежным морем, людские волны перебрасывались с одного берега на другой, оно бурлило и волновалось.

Я жалел, что погода была плохая и я не мог насладиться чудным зрелищам и потолкаться в людской толчее.

Но оказывается не все парижане были довольны выставкой. Сидя вечером в одном из кабачков с **Колей**, мы разговорились с одним гражданином и за стаканчиком вина, он изливался в своих горечениях.

Он скептически относился ко всему современному, а тем более не французскому, говоря, что от этого космополитического топтания, Франция не выигрывает, а проигрывает даже в финансовом отношении из-за громадных затрат. Все эти мимолетные пришельцы крадут наши знания и, таким образом, Франция теряет свою индивидуальность и развивает зависимость у несостоятельных.

Благодаря такому наплыву, главным образом, богатых американцев, вздорожали и продукты питания и эта выставка, притающая иностранцев, гонит коренных жителей – парижан, к которым стремятся родственники-провинциалы, – сказал он.

Везде лампочки, даже на деревьях, весь этот свет обнимает берега Сены и притягивает гуляющих к тем весёлым кабачкам и балаганам, которые строятся по её берегам.

Строится и старый Париж с его узкими улочками. Везде блеск, роскошь, так присущие французам.

Остановились мы в номере 3 гостиницы Континенталь. Не сказал бы, чтобы она была очень хорошей, но все отели были переполнены и эти два номера мы получили благодаря предусмотрительности **Коли** – он заказал их телеграммой.

Осмотрев с птичьего полёта Париж, я хотел уже ехать дальше. Тут **Коля** заартачился, парижанки так вскружили ему голову, что он забыл всё, уверяя, что львы и тигры его подождут. Мне пришлось покориться, а товарищи не подъезжали.

Любуюсь в Эрмитаже великолепными гобеленами, выписанными **Екатериной II**, я решил непременно побывать в Лионе и на месте осмотреть фабрики – создание **Кольбера** – министра Финансов **Людовика XIV**, развивший это чудное производство для поднятия благосостояния страны. Своё решение я привёл в исполнение, был в Лионе, осмотрел подробно все мастерские, пользуясь любезностью директора. Последний, узнав, что я **Багратион**, в моём присутствии распорядился выткать на шелку чудесный портрет царицы **Тамары** чем очень обрадовал и удивил меня. Этот небольшой гобелен находится и в настоящее время у меня совершенно цел – пол века не наложило на него руку.

Подождав ещё немного, я заявил **Коле**, что уезжаю. В Париже деньги плыли и я решил пан или пропал ехать один, что меня очень огорчило, при том я боялся оставить **Коля** одного, но он меня уверял, что ему не грозит никакая опасность. Я взял билет в Марсель, откуда чуть ли не ежедневно отходил Пакебот или Ллойд во всех направлениях.

Я приехал в Марсель в субботу. Меня встретило сияющее солнце и отогрело, а то я уже начинал мерзнуть. В воскресение в 12 часов дня океанский пароход общества Пакебот отплывал в Африку.

Всё новые и новые ощущения. Начинается второй этап моей жизни, такой разнообразной и богатой впечатлениями. Что будет дальше?

Ровно в 12 часов дня капитан с лоцманом поднялись на мостик, матросы забегали, засновали по палубе, поднимая якоря и по команде раздался глухой отдалённый гул, колеблющейся машины, винт заработал и мы поплыли по сапфировой поверхности чудного Средиземного моря. Безбрежный полог южного неба обнимал его, посыпая снопы ярких золотистых лучей, обдававших нас словно сиянием.

Дивная, неподдающаяся моему перу картина, отвлекла меня от навеянных одиночеством грустных мыслей, а эти золотистые лучи в моём безотрадном положении воскресили проблески надежды и вернули мне моё весёлое настроение.

При отплытии парохода на берегу стояла огромная толпа провожающих и, при громких прощальных криках, махания шапками, платками, прибавляя ход, Пакебот стал быстро удаляться от берега, оставляя после себя глубокие следы. Но я не мог долго стоять на палубе. Меня закачало, и я принуждён был спуститься в каюту, из которой, несмотря на мои усилия, усилия окружающих и даже медицинского персонала, находящегося на пароходе, я никак не мог выйти.

Меня захватила морская болезнь, со всеми её ужасающими проявлениями. Я ничего не мог есть, пил воду с лимонадом и боялся пошевелиться.

Итак, что я жаждал видеть – переход со Средиземного моря через Суэцкий канал в Красное – пройдёт для меня незаметно, вся прелесть морского путешествия пропадёт, благодаря моему состоянию здоровья.

Кроме того, на палубе, в каютах шли громкие разговоры и споры. Говорили о войне англичан с бурами; американцев, которые никогда ни в чём не хотели отставать от родственной нации – с филиппинцами; обвиняли как одних, так и других в вероломстве, ругали президента Америки **Мак-Кинли** и **Гладстона**.

Все эти выкрики, при моей слабости, как то не доходили до моего сознания и не было сил вникнуть в этот хаос мнений и взглядов.

Так как представители обеих наций находились на пароходе, положение француза-капитана было ужасно, он боялся своим веским вмешательством ещё сильней разжечь страсти. Это был тлеющий костёр.

В таком тревожном состоянии, мы подошли к Александрии. Меня, при помощи двух дюжих матросов, свели по трапу последним. Я не мог твёрдо стоять на ногах и производил вид пьяного. Но как говорится – свет не без добрых людей. Тот же любезный капитан вывел меня из затруднительного положения, передав меня, как младенца, на руки какому-то французу. Он привёз меня в гостиницу, сдал содержателю-французу и тот, со свойственной французской нации, любезностью об-

ставил меня великолепно, всё было к моим услугам, начиная с ванны и кончая вертлявой субреткой¹⁹⁴.

Благодаря моему восточному типу, он меня принял чуть ли не за хедива. Я долго хохотал, представляя себя им. Я разуверил моего доброго хозяина, но мой паспорт доказывал, что я титулованный, а французы, как ни странно, республиканцы сами, большие поклонники аристократии.

Итак, я уже в Александрии. Самая причудливая мировая столица, созданная гением **Александра Македонского** и по его плану, а теперь под суверенитетом Англии.

Александр Македонский жил в 356–323 гг. до нашей эры. Говорят **Александр** плакал от того, что на свете не осталось больше стран, которые он мог бы завоевать.

Это очень характерно для **Александра**, молодого, блестящего и отважного, полководца. Благодаря его блестящим победам, арабы до сих пор вспоминают о нём, как чуть ли не о божестве, ведь для араба – война это идеал, а египтяне за его несравненные подвиги признали его за сына солнца (фараона). **Александр Македонский**, помимо войн, широко раздвинул горизонты античного мира.

Город овеян морем. Пышные бани, куда я мечтал попасть, как истый азиат и музей, музеи, которому, как мне говорили, нет подобного, где собраны богатейшие сокровища древнего мира; сфинксы, стерегущие враге как будто загораживая дорогу, дают понять путешественнику всю ценность его пребывания в этом по их мнению, раю **Магомета**, бесконечные лабиринты и подземные колодцы – Александрия страдает от недостатка воды.

А библиотека – это чудо на весь мир, ведь во время крестовых походов и несколько последующих столетий, мусульмане в культурном отношении стояли выше христиан, у них были химики, математики, астрономы и географы, было чему у них научиться, потому и библиотека насчитывала сотни тысяч фолиантов¹⁹⁵, редчайших пергаментов¹⁹⁶, но вандализм и здесь протянул свои уродливые щупальца. Легенда гласит, что в 641 г. при халифе **Омаре**, ввиду, якобы, непригодности для мусуль-

ман – библиотека подверглась частичному уничтожению: эти-ми драгоценными манускриптами¹⁹⁷ топили Александрийские бани. К счастью это варварство было вовремя остановлено.

Предание гласит, что христиане в 389 и 391 гг., приложи-ли к ней руки. Вся библиотека очень богата. Мне очень хоте-лось попасть в неё и осмотреть, но меня предупредили, что это очень трудно и иностранцу нужно долго хлопотать.

Я искренне огорчился, надеясь на обратном пути всё же заглянуть основательно в это святилище науки, создавшего в своих недрах учёного географа **Птолемея**¹⁹⁸, но это мне не уда-лось, как покажет дальнейшее.

Первый день я лежал по предписанию доктора, националь-ность которого я никак не мог определить – статный, довольно красивый блондин, прекрасно говорил как по-французски, так и по-английски. Он определил мою болезнь слабостью зритель-ных органов и посоветовал на море носить очки с красными стеклами. Его диагноз меня сокрушил.

На второе утро, при выходе, меня подхватила шумная кри-кликая толпа. Белые бурнусы сливались с пёстрыми тюрбана-ми, фесками, разноцветными платьями туземных и даже евро-пейских женщин, составляя весьма колоритную картину, до-стойную кисти художника.

Я стоял очарованный и мне казалось, что далёкий край принёс мне родные запахи и краски. Восток, родной, люби-мый, ты воскресил меня – слабости и болезни как не бывало.

Другая картина в море, ещё величественней и пленитель-ней этой: в облаках утреннего дыма исчезают военные кораб-ли, всякие Пакеботы и Ллойды и дремучий лес их мачт коле-блется на горизонте.

Внешний и внутренний вид Александрии отличается от других городов. Он ещё не подпал под европейское влияние, он индивидуален, весь в восточном стиле со своими изящны-ми, воздушно белыми, подобно голубям, минаретами, с высот которых хочется слышать нежную мелодию, а не гнусавый го-лос муэдзина, призывающего правоверных к поклонению Ал-лаху и Магомету, его пророку.

Но среди этой чарующей природы, среди этого искусства, созданного гением и руками человек, казалось бы внедряющего и желающего выявить в этом создании Божьем высокие чувства любви и милосердия, слышатся кровожадные крики и бряцание оружия с возгласом Иду на вас.

Эта объявление войны сильного, цивилизованного народа, оснащённого всеми атрибутами войны – англичанами маленькому народу, обитающему на Юге Африки – бурам.

Вы себе не представляете, что делалось в Александрии, всё перемешалось и день чудный, солнечный, казалось, вдруг покрылся флером, всё забегало, засуетилось, сфинксы не выдержали, пропустили не путешественника, а целую армию врагов.

Мальчишки, держа газетные листки в руках, уже не кричали, а хрюпали, внося ещё большую сумятицу в толпу.

Я сам, ошеломлённый всем виденным и наполовину не понимая сути дела, зашёл в свой отель и попросил хозяина объяснить мне в чём дело и, когда он мне сказал, что англичане хотят подчинить себе свободолюбивых буров, создать колонию, я, враг всякой несправедливости, особенно в отношении малых народов, вспомнив милую, родную Грузию, решил ехать к бурам и стать в ряды их доблестных, войск.

На другой же день я рас прощался с Александрией, изменив план путешествия. Из Парижа я хотел попасть в Рим, хотелось полюбоваться собором Святого Петра, как олицетворением божественного величия, хотелось познакомиться с богатым миром античного искусства, с незапамятных времён привлекавшего весь цивилизованный мир, как двигатель талантов, художников и скульпторов всех времён и народов, как то: **Торвальдсена**¹⁹⁹, **Канова**²⁰⁰ и нашего **Антокольского**²⁰¹, художников, начиная с **Микель-Анджело, Рафаэля** – имя им легион.

Хотелось взглянуть одним глазом на папу **Льва XIII** в Ватикане; как говорят, умного, приятного старика, крепко державшего в своих старческих руках бразды правления, обширного, надменного католического мира, беспрекословно подчинённого его власти. Он не довольствуется духовной властью, мечтает о светской, но это ему не удается.

Он обладает огромными капиталами, поместьями, окружён телохранителями, обстановка прославленного дворца царская. Прелаты, легаты, кардиналы его окружающие все принадлежат к иезуитскому²⁰² ордену, мечтающему озарить весь мир светом католической религии.

Они; проникли и в Грузию со времён **Георгия X** и сейчас у нас есть грузины и армяне – католики в Ахалцихе и Кутаиси, но при **Николае I** они преследовались, были закрыты ложи их, также школы, пансионы и таким образом иезуитский орден кончил своё существование в России.

На всё то, что я хотел видеть, наверное, понадобился бы год, но ключ воины затушил всякие желания; захватило одно горячее желание – помочь, помочь маленькому народу, дать возможность развиться его политическому значению, его существованию.

Это желание волной прошло по всему моему существу. Я не знал и никогда не слыхал о бурах. Где они? Кто они?

Но это было тождественно с моей родиной и мне казалось, что я стою за неё. Я даже не знал дороги и как бы ощупью направлялся туда, подобно слепому фивескому²⁰³ царю **Эдипу**²⁰⁴.

Мне советовали ехать на Мадагаскар, с 1 октября 1895 г. числящийся французской колонией.

Мадагаскар лежит параллельно Африке и отделяется Мозамбикским проливом²⁰⁵ и каналом Природа роскошная, тропическая, небо обыкновенно густого голубого цвета; наши ночи прелестны, но эти необыкновенны, звёзды велики и, главное, ярки, их светящийся хоровод прорезает небо с одного конца горизонта до другого и фосфорическим блеском отражается на тёмных волнах океана. Ночью он величествен, неподвижен, ничто не нарушает его царственный покой.

Индийский океан, с постоянной зыбию пугал меня, но, взяввшись за гуж, но говори, что не дюж. Я махнул рукой и поплыл. Нужно было торопиться, фельдмаршал **Френч**²⁰⁶ уже был в Йоханнесбурге, значит военные действия уже начались.

Я стал волноваться – примут ли меня, как иностранца, в бурские войска, по мой хозяин успокоил меня, сказав, что

буры, как ему известно, даже с благодарностью принимают добровольцев всех национальностей.

У них нет регулярных войск, но каждый член мужского пола в известное время и возрасте должен явиться для обучения военному делу. Они прекрасные, дисциплинированные стрелки, мужественный, храбрый народ, беззаботно преданный своей лучезарной родине и президенту, которого они сами выбирают.

У них Парламент на очень строгих началах. Сейчас президентом Трансваля, всеми уважаемый и любимый **Павел Крюгер**, 80 лет (75-ти лет – *Прим. авт.-сост.*), большой ненавистник англичан. Он всеми силами отклонил их предложения, старался спасти свободу и самостоятельность своего народа от вторичного покушения англичан.

Всё это меня очень ободряло и, сердечно поблагодарив моего доброго хозяина за эти сведения, за отношение ко мне, я с облегченным сердцем, в красных очках, с большим запасом лимонов и лекарств, любовно доставленных моим красавцем доктором, взгромоздился на палубу Пакебота.

На этот раз я себя не чувствовал одиноким. Меня провожали, махали платками хозяин, доктор, а субреточка тронула до глубины души. Она принесла мне маленький, но прекрасный букетик цветов с прекрасным запахом.

Удивительны эти французы, а в особенности француженки, они умеют подойти к душе человек вовремя. Это особенно я заметил ещё в Париже. Меня окружили большим вниманием, совершенно, впрочем, ничем на заслуженным, а я, не избалованный таким вниманием, был очень благодарен. Этот пароход шёл к южным берегам Африки, заходил на Мадагаскар грузиться пресной водой и углём, но чём он был ещё нагружен – об этом молчали и как я ни старался, так и не узнал.

Он был лучше оснащен во всех отношениях, чем тот, на котором я ехал из Марселя и внутреннее убранство шикарней, но, говорят, он мизинца не стоил перед американскими пароходами, там роскошь доходила до высших пределов.

Видимо, американцы жаждут первенства перед Европой.

Население Мадагаскара довольно разнообразно, по своему виду близко подходит к малайцам, много негров-рабов. Светлокожее племя более цивилизованное – это племя **гова**, некрасивое. Есть ещё какое-то племя, думаю, что это мулаты или креолы, их женщины очень красивы.

Услужливый гарсон-француз, прекрасного отеля, привёл одну молодую женщину – редко красивую. Её прекрасные чёрные глаза метали молнии, овал тонкого смуглого личика был очарователен – эта была настоящая **Камея**. Две, туго заплетенные вьющиеся косы доходили до пояса. Казалось не к чему было придраться, но, благодаря форменно бараньему сложению частей тела, от этой красавицы исходил ужасный запах. Ни один европеец не мог подойти к ней, не мог и я, но когда она заплакала и на кудряхих ресницах повисли, как бриллиантики, слёзы, я растерялся. Она говорила прекрасно по-французски. Мы разговорились. Она ушла, ушла довольная вознаграждением.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В стране чужой, в стране далёкой,
Где вихрь бури поднимал,
Там храбрый князь Мухранский,
Несчастных буров защищал.

(Песенка, сочиненная тифлисскими кинто, которые пели её каждый раз, как им встречался князь Николай Багратион-Мухранский).

ВТОРОЙ ПЕРИОД БУРСКАЯ ВОЙНА

Жалкий человек, Чего он хочет?...
Небо ясно: Под небом много места всем,
Но беспрестанно и напрасно Один враждует он... Зачем?
(Лермонтов)

Помогать в беде другому Нам завещано от века.
 (Шота Руставели)

Мы подплыли к бухте Делагоа, основанной на южном берегу Африки в 1646 г. Сойдя с парохода в порту Делагоа в ожидании поезда, я прошёлся и был поражён увидев большую толпу полуугольных людей – мужчин очень красивых, высоких статных, с чрезвычайно белой кожей, голубыми глазами и длинными распущенными волосами – блондинами.

На бедре у каждого висело что-то вроде кинжала, вероятно оружие чуть ли не каменного века. Взгляд их глаз красивого разреза был очень добродушен. Они весело переговаривались между собой, несмотря на то, что были окружены густой цепью вооружённых англичан – солдат с ружьями наперевес.

Я заинтересовался и спросил прохожего француза, что это за люди. Он сказал, что это людоеды и что, когда они переходят с места на место, они обязаны сообщать об этом англичанам, они всегда эскортируются, во избежание нападения на людей.

Этот любезный прохожий, видя во мне иностранца, рассказал, что людоеды-каннибалы живут на Каннибальских островах, недалеко от Африки. У них очень своеобразный язык, но высшие сановники говорят и по-английски.

Они имеют своего короля, подвластны англичанам. Их король с весьма самодержавными наклонностями, не особенно подчиняется королеве **Виктории**, что приводит в бешенство англичан. До чего предприимчивый народ англичане, не брезгуют даже каннибалами.

Цивилизация, видимо, делает плохие успехи, раз в XX веке ещё существуют людоеды, а жаль, какой красивый и здоровый народ. Жаль не видел женщин, но мой случайный знакомый уверяет, что они тоже красивы.

Мороз пробирал меня по коже при мысли, что встретив где-нибудь в лесу такого красавца, я был бы далёк от мысли, что он может меня съесть, а говорят было масса примеров – как ужасна иногда жизнь.

Оттуда я попал в Преторию, столицу республики Трансвааля, резиденцию **Крюгера**, но не застал его. Говорили, что он в Йоханнесбурге. Я туда, но его и там не оказалось. Он был в армии, где своим присутствием хотел поднять воинственный дух буров и любовь к родине, а **Чемберлен**, это святейшее чувство в человеке, вменял им в преступление.

Йоханнесбург мне очень понравился. Вполне европейский город. Банк, биржа, университет²⁰⁷, все отвечало требованиям цивилизации. Прекрасные магазины с английскими товарами. Это был уже ими захваченный рынок, буры покорно соглашались на это, но когда дело дошло до их национальной чести, верные своим принципам, а главное религии, которая соединяла для них и отчество, буры, под предводительством своих начальников, грозно подняли оружие.

Я был как в лесу; те сведения, которые предоставил в моё распоряжение мой хозяин в Александрии, были недостаточными. Я должен был знать всё, с основания африканских колоний до дня моего приезда, но я никого не знал и метался. Выручил меня опять хозяин прекрасной гостиницы француз-гугенот.

Его семья считала за плечами все 300 лет жизни буров. Он любезно согласился прочесть мне политico-бытовую лекцию о своей обширной, богатейшей и прекраснейшей стране. Говоря, у него увлажнялись глаза при мысли, что эта патриархальная жизнь со своими устоями и традициями может быть по-пррана такими цивилизованными варварами, которые у себя в своём туманном Альбионе, отрезанные от остального мира на своих островах, пережили не одну революцию.

Они рубили в страшном Тауэре головы королей и королев, меняли и устанавливали религии, политические основы и вместе – высшие и низшие сословия, создавали Государство, которым теперь гордятся превозносят его, не считаясь с остальным миром.

Кто же эти **Люциферы**? Это англосаксы, смесь почти всех северных наций: датчан, норвежцев и так далее, но из этого смешения создалась вполне индивидуальная нация – англо-

саксонская, с национальным самолюбием, что весьма ценно для Государства.

Цифей открыл Англию в, IV веке до нашей эры. Это был, как всё в то далекое время, купец, но он интересовался научными наблюдениями, был хорошим астрономом и плавал вдоль берегов Северной Европы.

При конституционном правлении королевская семья является ферментом, связывающим народ с властью и потому англичане относятся к ней с благоговением. Границы же высшего общества очень замкнуты. Сами по себе англичане очень сдержаны, дома они большие джентльмены.

Это стремление на юг, я думаю, вызвано неприглядной климатической обстановкой страны с одной стороны, а с другой – увлечённые жаждой наживы, агрессиями, политическими авантюрами, они совершенно отошли от своих знаменитых поэтов – **Байрона, Шекспира**, предпочли спорт, что не смягчает нравы, наоборот. И таким образом покатились по всему миру Востока, внушая ужас; и страдания.

Это правительство, как подтверждают сами правители без сердца и души – это современные макиавеллисты. Так, во время балканской войны один из наших Великих князей обратился с просьбой (неизвестно какой) к наследнику, принцу **Уэльскому**. Тот, не имея возможности решить без конституционного, Божьей милостью, парламента обратился к премьеру-министру **Пальмерстону** и получил следующий ответ от стражи английских интересов: Я счастлив констатировать доброту души наследника английского престола, но у Англии нет души.

Эти слова резюмируют и освещают всю политику и стремление Англии главенствовать над всем миром, но, пользуясь чужим горбом и навевая под сурдинку политику благодетельного покровительства как например несчастная Индия, стоявшая под игом вассального Государства со своим 400 миллионным населением, кроме Непала, входящая в состав Индо-Британской Империи с 1858 г.

Богатейшие Махараджи служат под флагом английских войск. Единственный плюс – их родной язык, есть язык Государ-

ственний. Индия богатейшая страна, к ней со времён **Александра Македонского** стремились все народы.

До открытия морского пути в Индию, обмен товаров шёл караванным путём через Персию, поэтому шахи стремились покорить эту богатейшую, во всех отношениях, страну. Да не только шахи, даже **Пётр I** стремился захватить этот перл (жемчужину) Востока. Он высадил войска на южном берегу Персии, но внезапная смерть положила конец этим, в сущности, незаконным стремлениям.

Но **Шах-Надир** уже в конце XVIII в. решил двинуть свои войска – прекрасную кавалерию, но индусская кавалерия была не хуже выдрессирована, вооружённая стрелами, копьями, отважные, мужественные как один, они производили великолепное зрелище,

Их вид заставил призадуматься **Надир-Шаха**. Как приступить к бою, как выйти из этого тягостного положения? Его выручил юный грузинский царевич **Ираклий Теймуразович**, находившийся при персидском дворе в качестве заложника.

Он предложил гениальный план, в особенности для 15-летнего мальчика, доказывающий недюжинный военный талант, а именно: набрать большое количество, большей частью белых слонов, установить их в ряд с водителями, а под седла вложить горящие пучки сухих листьев.

Так и сделали. Разъярённые от боли слоны ринулись на врагов и вмиг смяли их. За эту доблесть, благодарный шах, богато одарил юного **Ираклия**, отправил его к отцу, затем возвёл его на престол и до конца своих дней оставался благодарным вплоть до воцарения кровожадного евнуха **Ага-Магомет-Хана**.

Персия не переступала пределов Грузии до 1795 года сентябрь месяца.

Не довольствуясь таким перлом, как Индия, англичане тянутся к бурам, уверяя и убеждая, что без них буры не смогут управляться. Это надменно утверждал сам **Чемберлен**. Он не хотел даже отвечать на отчаянные просьбы одного из хозяев копей, лично к нему приехавшему и своего бывшего друга, со-

гласного о от имени всех республик на все уступки прав на копи, лишь бы сохранить свободу и самостоятельность.

Чемберлен резко отказывает, требует подчинения и главное, смещение ненавистного англичанам **Крюгера**, а пока ждёт доклада своего представителя, приличного, сравнительно, человека, жаждущего примирения, дабы этим избежать кровопролития, а **Крюгер** же со своей стороны верит в своё правое дело, верит в помощь европейских держав, а главное, как в начале первой войны, в своего друга, которого любит и уважает. Это блестящий Император **Вильгельм II**.

Крюгер надеется, что при первых же выстрелах двинет морские и сухопутные войска, но тут, о ужас – встает, как призрак, война с Китаем Чио-Чао, убийство посланника барона **Кеттлера**, восстание боксёров, подстрекаемых властолюбивой вдовствующей Императрицей **Йоганелой**, жаждущей изгнать с их помощью всех европейцев. Низложив собственного сына, она сумела захватить бразды правления огромной небесной Империи. Тщетны были старания старого, умного дипломата, большого сторонника России **Ли-Хун-Чанга**, мечтающего о примирительной политике и освобождении осаждённых послов, консулов всех европейских держав в Пекине скрывавшихся в английском посольстве!

Вильгельму было не на руку идти против англичан, своя рубашка ближе к телу²⁰⁸, и он двинул свои войска, соединив их с союзными войсками всех наций, под флагом генерал-фельдмаршала графа **Вальдерзее** и на все мольбы друга – **Крюгера** отвечал молчанием, также не отворяют двери и остальные державы, предоставляя несчастный маленький народ на съедение англичанам.

Бедный **Крюгер**, в своём отчаянии, при всем житейском опыте, никак не мог уразуметь, что первая война²⁰⁹ была просто разбойничьим набегом авантюриста **Сесиля Родса**. потому **Вильгельм** мог, не затрагивая никакие Гаагские постановления, протянуть руку помощи – и после неудачного набега, **Вильгельм II** послал поздравительную телеграмму **Крюгеру**, чем до крайности взбесил англичан.

При объявлении войны уже самими англичанами ни одна держава не могла вступиться, так как это объявление носило совершенно иной характер.

Мой лектор продолжает знакомить меня с историей и жизнью буров и вот как; в 1497 г. **Васко да Гама**, родом португальец, обезжал на голландском корабле (?) Юг Африки, а вслед за ним голландцы обосновали свои небольшие колонии. К ним начали переезжать ещё голландцы, гугеноты-французы, одним словом все те европейцы которым было тесно в Европе и так образовались буры или буры, что значит крестьяне.

До XVII столетия, то есть 300 лет буры жили спокойно, управлялись своим представительством – парламентом, но вот в Натаle появились англичане. Они не беспокоили население, как бы высматривая, где бы им лучше обосноваться.

Это были новые поселенцы, они назывались уитландерами. Обосновавшись, они стали требовать у буров уравнения политических прав, но не соглашались выполнять гражданские обязанности по отношению к республике, главное – несение воинской повинности.

Они уверяли, что их деятельность и капиталы, которые они наживали в стране буров обогащают страну но это не было достаточным поводом для дарования им особых привилегий и парламент не провёл их домогание, поддержанное англичанами.

Буры-фермеры образовали хуторское хозяйство на довольно большом расстоянии друг от друга. Они занимались скотоводством, виноделием и земледелием, многие, впоследствии, разведением страусов, перья которых ценились очень дорого в Европе, а содержание, ввиду неприхотливости в еде этих оригинальных птиц, незначительное.

Прекрасный южный климат, плодородная земля, а главное, трудолюбие дало возможность бурам быстро поднять своё благосостояние. Каждый бур откладывал известный процент на постройку городов на европейский лад, железных дорог, везде был проведён водопровод.

При таком мирном сожительстве шло быстро и строительство. Правительство составляло парламент, возглавляемый вы-

борными от народа – президентом, как к Трансваале, так и в Оранжевой.

Наталь был запродан в 1814 г. за 25000 фунтов стерлингов англичанам²¹⁰. Во время войны, как 1881 г. и до конца президента Трансваала был мастистый **Павел Крюгер**²¹¹, 80 лет (75 лет), а Оранжевой 1884 г. – **Стейн**, который всецело находился под влиянием **Крюгера** и пел в унисон с ним, но стоял ниже его по уму²¹².

У **Крюгера** была большая глубина ума, а главное, религиозность. Вот в этом была вся его сила. Благодаря его умению вести дела республики, богатство Трансваала и других поднялось на такую высоту, что старой Европе и даже Азии, мечтать нельзя было. Копи усердно разрабатывались, золото лилось в виде песка, доставляя хозяевам всех национальностей неисчислимые богатства, но скромные буры не возгордились и не пустились, подобно американцам, во все тяжкие.

Этим, конечно, они были обязаны своим христианским взглядениям, вся скромная их жизнь зиждалась на ней. Настолько была велика вера среди терний и цветов этой роскошной тропической природы, что им казалось, что Господь утверждает правоту их дела.

Они бодро шли навстречу врагу и также опирались на высокие взаимные чувства человек Изречение, что люди существуют друг для друга ободряло их и они шли на врага в полной уверенности в победе.

Сила протеста в их душах нарастала, как прилив и ужас разорения и смерти не тревожил их.

Это был необыкновенный высокий подъём духа, обязаный исключительно единству.

Вдруг, в 1881 г. к порту Южной Африки – Дурбан пристал пароход. Из него вышел, а скорее выполз, подобно змее, молодой человек, больной, измождённый, с явными признаками туберкулеза – это был как раз тот **Сесиль Родс**²¹³, которому суждено было сыграть такую роковую роль в жизни буров.

Он приехал поправляться к брату в Наталь, где прекрасный климат быстро восстановил его силы.

Однажды прибежал к нему **кафр** (местное население), показал блестящий кусок камня и указал место откуда он его достал²¹⁴.

Родс был не дурак. Он быстро смекнул в чём дело и пошёл с **кафром**. Тот указал ему довольно глубокую яму, на дне которой блестели такие же кусочки²¹⁵.

Он с братом продали всё своё имущество, занялись добыванием этих алмазов, никого не привлекая и постепенно стали богатеть и одновременно учиться в Оксфорде (университет в Англии).

В короткое время, создавая прииски Кимберлея, строился англичанами и город Кимберлей, строились и его воздушные замки. **Родс** себя мнил сначала в мечтах, а потом в действительности владетелем Соединённых копей на президентском кресле, благодетелем буров, конечно, не думая о благе Англии, эгоистично, только о себе, но мечты не сбылись. **Крюгер** не уступал, он сам желал провести это в парламенте и притом для него права народа, ему порученные, были священны.

Этот разбойничий набег был круто остановленластной рукой **Вильгельма II**²¹⁶. Взбешённый **Сесиль**, следя тому, что если не мне, то и ни тебе, полетел в Лондон, имея в своих широких карманах не один миллионов

Он быстро появился на трибуне парламента, где его встретили с распростёртыми объятьями, сделал подробный доклад, поманив неисчислимymi богатствами золота и бриллиантов и столько говорил, убеждал, что двинул могущественную Англию – владычицу морей с прекрасными войсками, состоящими, правда, на жаловании, но идущими в ногу с захватнической политической правитељства.

Но всё же видя колебание Англии, **Сесиль** логически; по-своему, стал доказывать этим знаменитым ториам (Тори) и Вигам, что англо-саксонская нация – самая могущественная и, в то же время, самая либеральная и все народы, находящиеся под её властной рукой нигде так свободно не дышат, поэтому она должна господствовать над всем миром и всё, что можно

захватить должно находиться в её руках и нельзя упустить такой лакомый кусочек, как Трансвааль.

Но Англия колебалась, потому что когда к власти пришёл либерал **Гладстон**, он послал знаменитую телеграмму в Южную Африку, английскому резиденту: – Мы виноваты перед бурами, заключите мир.

Это, в это же время (это было в 1881 г.) поддерживал **Иосиф Чемберлен** (**Джозеф**, отец нынешнего **Ноэля Чемберлена**). Он говорил, что захват Бурских республик будет труден и невыгоден для Англии, что Англия уважает самостоятельность буров, но те же лица, по давлению **Родса**, запели другую песенку, а английский резидент, находясь в Претории, твердил постоянно, что скорей река Ваал потечет к своим истокам, чем Англия откажется от владения Трансваалем.

Несмотря на все эти уверения, в 1881 г. Англия восторжествовала и захватила у буров контроль над внешними сношениями Трансвааля. Этим она всячески ограждала буров от сближения с Германией, как серьёзным противником Великобритании, но все эти уверения о невмешательстве не помешали захватить в Оранжевой Республике алмазные копи. Экономика Африки носила характер аграрный.

Ежедневными докладами, уверениями, убеждениями, **Родс** сдвинул Англию. Англия послала свои войска в неведомый край, чуждый как по климату, так и по географическому расположению – гористая местность, покрытая тропической расительностью, непроходимыми лианами²¹⁷, дающая возможность вести партизанскую войну, чем и воспользовались буры, внезапно, подобно стае комаров, облепили (неожиданно) англичан, но, прежде всего, когда они увидели английские войска, они отправили парламентера, который заявил англичанам, что им неизвестно, что они находятся в состоянии войны. Но этот джентльменский жест не помог – пришлось сражаться,

Меткие стрелки, они стреляли без промаха, укладывая цепкие ряды врагов, а верховая пехота была очень мобильна. Англичане, видя такой урон, ретировались, но не ушли. И так поднималась страна под напором, не желая разорительной войны

с Наталем, они перешли Оранжевую, из Оранжевой – в Трансвааль, но тут уже наступил предел уступкам. Взбешённые буры стали готовиться к войне.

Представитель Англии уже ничего не мог поделать, о чём сообщил **Чемберлену** и тогда последовало объявление настоящей войны, с фельдмаршалом **Френчем**²¹⁸ во главе.

Но он был скоро сменён генералом **Робертсом**²¹⁹, который выявил над несчастными бурами, женщинами и детьми все зверские инстинкты северных корсаров.

Буры живут в постоянном общении с землёй. От этого у них проявляется любовь к миру. **Крюгер** всё продолжал верить в правоту своего дела, несмотря на провал своей миссии нельзя не восторгаться его разумом и сердцем и потому, по одному мановению его руки, буры, как один, встали под его знамя. Что ещё трогательнее – в этой оборонительной войне приняли участие женщины, как прекрасные стрелки, и дети.

Все волновалось, работало и горевало перед неизбежным рабством как своего, так и мудрого Государственного деятеля и отца.

В колониях всё же были желающие подчиниться, во избежание разорения войной, подчиниться протекторату Англии, чего она, в сущности, и домогалось – это участие на основании нормального договора разработок копей и Государственного управления делами, то есть соединить под своим грозным скрипетром всё частные копи, что должно было совершенно разорить буров, но и война опять привела бы к тому же результату, а что ещё больше повлияло бы на их моральный дух – это свержение **Крюгера** и неизбежное рабство.

Но, как только раздался его воинственный клич, вся эта капитанша оборвала и все двинулись на защиту родных очагов и полей, так безжалостно растерзанных и затоптанных героями-зверьми доблестного **Робертса**.

В продолжение почти трёх часов я не отрывался от моего лектора. Мне открылся новый мир ощущений и я был счастлив, что могу ехать и чем-нибудь облегчить горе и отчаяние, главное незаслуженное, этих людей.

Я сердечно его поблагодарил и сказал, что после всего, что я слышал от него, бурский народ стал мне родным и я хотел бы ближе познакомиться с их бытом и потому, ввиду того, что **Крюгера** всё ещё нет, я прошу найти мне лошадь и проводника. Я буду обхаживать ближайшие фермы, хочу быть поблизости в случае приезда **Крюгера**, представиться ему, зачислиться в армию и, не теряя времени, вступить в бой.

Всё оружие и ценные вещи, какие у меня были, сдал в банк, также оставил за собой номер. Что касается национального костюма, то я хотел в нём представиться **Крюгеру**.

Утомлённый долгой, но интересной лекцией, а главное взволнованный, я спустился в ресторан и за всё время моего плавания с Марселя, я в первый раз поел с аппетитом. Хозяин принёс бутылку местного вина и уговорил меня выпить. Я вообще не пью, но вино было превосходное и я с удовольствием его выпил, подняв стакан за здоровья хозяина, чем, видимо, польстил ему.

Нужно сказать, что, благодаря моему милому доктору и красным очкам, я гораздо меньше страдал, мог по вечерам сидеть и, плывя по Индийскому океану, мог наслаждаться его прелестями.

Я, как голодный, хватался за каждое новое проявление в природе и в жизни. Ничего не должно было ускользнуть от моего внимания.

Я забыл сказать – язык здесь главным образом голландский, а затем английский. Говорят и по-французски, так что я себя чувствовал в своей сфере и мог сам себя обслуживать.

Это было начало весны, но не весна цвела, а, лето, солнце жгло немилосердно. Я поторопился купить шапку с козырьком.

На другой день к моим услугам была небольшая, местной породы, лошадь и в виде грума – чернокожий. Это мне не пришлось по душе. Говорят им нельзя доверять, но бедный малый так любовно улыбался, что всё мое недоверие исчезло,

Лошадь оказалась иноходцем и я наслаждался ездой, воздухом, напоенным различными ароматами невиданных мною

цветов, чудным безоблачным небом, тропической обстановкой леса, жужжанием пчел, кокосовыми пальмами, поднимавшими свои зелёные ветки в самую синеву неба, щебетаньем бесчисленных колибри (маленькие разноцветные птички, употребляемые на шляпы. Охота на них в Англии строго воспрещается), редким цветным оперением попугаев и в упоении от всех этих ощущений, восторгался богатствам и разнообразием природы.

Когда мы отъехали от Йоханнесбурга на довольно большое расстояние, я свернул в лес, в росой омытый прохладный мир. Жара меня донимала, я слез с лошади и шёл с трудом, раздвигая чудные ветки незнакомых мне деревьев.

Выйдя на какую-то поляну на опушке леса, я увидел весёлую и презабавную картинку: маленькие макаки бегали, точно играли в ловитки, качались, вися на хвосте, в общем веселились и веселили меня.

Вдруг у меня блеснула дикая, ничем не оправдываемая мысль: что будет если я выстрелю, и на моё несчастье выстрелил, ранив одну из макак.

Что это было! Она не завыла, а закричала, как ребенок. (Её крик отзывался упрёком в моей душе). Что за этим последовало? Все макаки окружили раненную, подняли, перенесли её, а мне угрожали кулачками, лизали, рану, прикладывали какие-то листья, раненная продолжала кричать.

Я чувствовал себя преступником – убийцей, а грум хототал. Я форменно убежал, а крик жалобный оставался в ушах. точно спрашивал: за что? А ответ следовал – человек-зверь.

Гром войны отогнал тигров и львов, они, чувствуя запах пороха, скрылись в самых далёких окраинах безбрежных лесов, где ещё не ступала человеческая нога.

Я с облегчением вышел на дорогу, дав себе слово не делать таких экспериментов. Поехал дальше.

В просвете между ветвями виднелся клочок неба персикового цвета, отливающий золотом над воздушными высотами небольших холмов, лёгкий ветерок шевелил листьями, нежил дыхание.

Я жалел от души, что я не художник и не поэт, так богата была бы кисть, так рифмичен в своём богатстве стих. Мой нукер²²⁰ ехал сзади, что-то тоже напевал, как вдруг моя лошадь сразу остановилась, как вкопанная. От неожиданного толчка, я чуть не слетел. В недоумении я стал оглядываться по сторонам – ничего пусто, гладко, ни души. Стал дергать поводья, чуть не стегать коня, ничего не помогло. Лошадь не двигалась, фыркая, поводя глазами, налитыми кровью.

В эту минуту подскочил мой негр и указал на дорогу – по-перёк всей дороги до следующего холма лежал огромный серый удав, сливаясь с пылью дороги. Он спал, и, в этом было наше спасенье. Мы повернули и лошадь понеслась, как вихрь. Плётка и понукания были излишними.

Я не трус, но при виде этого чудовища-гиганта, при встрече с которым оружие бесполезно, у меня началась форменная пляска всех костей. Каждый фибр дрожал от животного страха – мне, ни при каких обстоятельствах неведомых, поэтому судите сами, что это был за ужас.

Я боялся оглянуться, но, видимо, мы не потревожили это страшилище и бешеным аллюром мы, форменно, влетали в одиноко стоящую ферму, где нас очень сердечно вышли встречать хозяева. Негр говорил по-английски и объяснил наше такое буйное вторжение.

Хозяева поохали, а затем провели нас в небольшую довольно высокую комнату, где предложили отдохнуть, приглашали отобедать. Негр взялся проводить лошадей, они, бедные, были покрыты пеной и ещё хрюпали, так как не пришли в себя от страха. Да, Господь нас спас. Этот огромный удав, не дав нам опомниться, переломал бы нам ребра. Ведь никакой скакун не сравнится с его скачками. При виде этого страшилища, все звери от мала до велика дрожат, сознавая, что от этого бича не ускользнешь.

Я очень интересовался хозяйством и сказал об этом хозяину. Видимо, это ему понравилось, но хозяйка пригласила нас к столу.

(Не скажу), что я ел, не разобрал, это был; не тонкий, но

сытный и вкусный обед. Бутылка вина была на столе. Перед обедом хозяин достал Библию, прочёл главу приличествующую этому дню, сын прочёл молитву и мы сели. Семья состояла из семи человек – 5 детей: три сына и две дочери некрасивые, но свежие и здоровые девушки 15–17 лет. Одна из них подавала. На столе красовался букет цветов.

Чувствовалось, что отец хозяин дома. После супа из картофеля, хозяин разлил вино и вся семья выпила за моё здоровье, негр обедал на кухне но ему вина не дали. Меня это огорчило, бедный малый был здорово напуган.

Затем я сделал обзор хозяйству. Огромный чистый двор, кругом довольно высокая стена из тёсаного камня. Одну сторону занимали стога сена, конюшня, светлая с прекрасным дубовым покатым полом, стойла, наполненные душистым сеном, две породистых коровы, а в следующем отделении тёлки. Всё это освещалось электрическим светом.

Я невольно вздохнул. Так мне захотелось перенести всё это благоуханное хозяйство не только к себе, но во двор каждого крестьянина моей милой Мухрани.

Затем громадные сараи для отар, кажется мериносы они были выгнаны на пастбища. В общем видно человек с большим достатком.

Он мне жаловался (говорил плохо по-французски. Он был настоящий типичный голландец кисти **Рембрандта**), что к нему во двор повадился огромный тигр и уже загрыз нескользко овец маток.

Семья была в отчаянии, не зная как поступить:

Натура, бура отличалась широкой терпимостью, стойкостью. Они считали, что человек, вообще неспособный к прорвортву и быстроте, не имеет права на жизнь, но война совершенно перевернула их существование, их мировоззрение, внушила им страх, они вглядывались в темноту леса, боясь, даже тени врага, что она приносila проклятие и только религия спасала их от неё, их поддерживала только вера, и надежда на лучшее будущее.

Это были истые фанатики.

После осмотра хозяйства, я охотно поддался их увещеванию отдохнуть. Я считал это даже необходимым, так я был потрясён, но я не мог долго спать и к вечеру был уже на ногах. Зной вечер сменился ночью. Воздушный свод неба густого синего цвета терялся в блеске звезд, а там, где спускались горы небо всё ещё горело огнём и было подёрнуто тучами, предвестниками грозы и гроза как раз грянула.

Раздался оглушительный (гром), какой слышен только в тропических странах. (Неразборчиво). Земля раскололась надвое и мгновенно поглотила звёзды. Молния исполосовала узкими огненными полосами всё небо. Тропический дождь лил, лил без конца.

Я промок до мозга костей, но не имел сил оторваться от грандиозной картины. Гром гремел переливами, раскатами. Ему вторил рёв диких зверей. Это был ад – ад величественный в своих проявлениях.

Я стоял во дворе, любуясь невиданной панорамой. В это время ко мне подошёл хозяин и от имени хозяйки пригласил пить кофе. И тут соблюдался известный этикет.

Я вошёл и сел за стол. Мне подали роскошное кофе, один запах пьянил своим ароматом. Началась довольно оригинальная, но дружеская беседа. Они очень осторожно стали расспрашивать о моей личности, их удивлял мой костюм (я не снимал черкеску).

Я с удовольствием удовлетворял их законное любопытство, а когда я заявил, что приехал, с целью стать в их ряды на защиту их самостоятельности, каждый из членов семьи встал и сердечно пожал мне руку. Я понял, что союз заключён самый верный и крепкий.

В это время у самой двери раздался протяжный вой, неожиданно потрясший всех.

Я быстро вскочил, захватил свой бурский **маузер-ружьё** и стал на то место, которое мне указал хозяин. Действительно, в щель я увидел тигра, расцветка его шкуры подобна радуге, которая переливалась при лунном свете.

Тигр казался огромном массой, я прицелился и когда он,

как мне казалось, приготовился к прыжку, выстрелил, видимо попал ему в голову, он взревел и повалился.

Я решил, что покончил с ним, но каково было моё удивление, когда, взглянув в щель, увидел ту же картину – тигр был жив, здоров и стоял так, что не будь стены, он бросился бы на меня.

Я взвел курок – выстрел, шум падения и рев. Что же это, зрение меня обманывает? Может на этот, раз мой выстрел был удачней, опять взглянул в щель, тигр нагло стоит и как будто сам посмеивается надо мной.

Тут не тигр, а я взревел от досады и огорчения, но всё же упрямо решил ещё раз попытать счастья это был уже вопрос моего самолюбия и я не сдавался, несмотря на увещевание моих хозяев, которые видели моё волнение.

Я целился несколько секунд, силясь попасть ему опять в лоб. Меня поразило, что он (стоял как) вкопанный, ожидая рокового удара и я выстрелил. Что-то опять упало, но без звука и сколько я и мои хозяева не смотрели – ничего не было видно. Луна вся всплыла и осветила лежащую неподвижную массу.

Тогда хозяин с фонарем в сопровождении сына и негра (пошёл) во двор и каково было удивление, когда оказалось, что все мои три выстрела были весьма удачны.

Я убил тигрицу с двумя довольно большими тигрятами. Обман зрения происходил потому, что около даже мёртвой тигрицы, копошились тигрята, что производило впечатление, что тигрица жива.

Благодарности не было конца. Я уже был возведен в героя и в знак благодарности на другой день мне преподнесли чудную шкуру тигрицы. Я был очень доволен своим трофеем и мечтал привести его домой, но когда я был взят в плен, то дневник и шкура были отобраны.

Под утро я вышел подышать свежим воздухом, жаждущая земля выпила дождь одним глотком. Холм, с которого струились потоки воды, был почти сух, леса перестали шуметь, всюду чувствовалось освежающее действие грозы.

Природа будто дышала полной грудью в освежённом воздухе, как бы наполненном одним кислородом. Природа показывала мне все свои чары, я поддавался им, наслаждался, но всё же не отклонялся от цели моего приезда.

Как раз прибыл от **Крюгера** человек за деньгами, за съестными припасами для армии (каждый бур, смотря по средствам, вносил в общую кассу) и с требованием явиться и хозяину.

Все члены семьи с восторгом отзвались на законное требование главы правительства, настолько велика была вера в правое дело за родину, за отчество, освящённое, опять-таки, религией. Всё зашевелилось, проводы были недолгие.

Утром все встали в 6 часов, тоже чтение Евангелие с коленопреклонением, сътный завтрак, кофе и без всяких сентиментальных прощаний, обменявшихся рукопожатиями, мы вышли на двор, где уже ждали осёдланные лошади, телега, нагруженная припасами и запряжённая прекрасными мулами, которыми правил старший сын, второй оставался дома.

Мы должны были ехать вместе всевозможными тропинками в густом лесу, как можно дальше от расположения английских войск. Священная земля, священный край Родина! Отец и сын опустились на колени, поцеловали землю, взрастившую их и, в защиту которой они готовились пролить свою кровь.

Этот поступок, без всякой аффектации, рисовки перевернул всё во мне, вообще с минуты вступления моего на бурскую землю, я жил нервами, чувствовал подъём не только физических, но и моральных сил.

Я, подобно грозе, должен был разрядиться и торопился, торопился в бой, чем бы он для меня ни кончился – он разрядил бы и успокоил бы меня.

Бур побаивался негра – как шпиона. Он высказал мне это и, тогда, не подавая виду, я поставил его сзади телеги перед собой, почему каждое его движение было на виду.

При такой медленной езде, мы к вечеру добрались до Йоханнесбурга, номер оказал мне большую услугу и я немедленно собрался лечь, чтобы бодрым и свежим предстать перед **Крюгером**. Не застав **Крюгера** в Претории, я сейчас же выехал в

Йоханнесбург, не найдя **Крюгера** в Йоханнесбурге, я обратно поехал в Преторию.

Личность его меня очень интересовала, столько я о нём уже слышал. Я просил хозяина гостиницы, когда я могу ему представиться и узнать вечером же, что он поспешил сделать, говоря, что **Крюгер** ложится в 7 часов вечера и встает в 3 часа утра.

Я был поражён и объяснил, что эти ранние часы меня никак не устраивают, чтобы он довёл бы до его сведения и устроил бы наше свидание часам к 11-12-ти. Он любезно обещал мне это и сдержал слово, сказав, что видел тетю **Саму** и она назначила явиться мне в 11 часам утра. Я не понял кто такая тетя **Сама**.

Оказывается, буры называют **Крюгера** дядя **Павел**, а жену – тетя **Сама**. Оригинально – не правда ли? Отношение любовно-почтительное.

Но и тут мне не повезло. На другой день было воскресение. В этот день ни один бур ничем посторонним не занимался. Церковь и семья – это культ и всё. Ни одного постороннего человека, ни одного постороннего вопроса, даже касающегося войны, всё откладывалось, всё предоставлялось Богу.

Гостиница находилась на пути к церкви – небольшой ста-ринной голландской архитектуры, и богослужение, то есть проповедь шла на бурском языке и хозяин, любезностью которого я всё ещё продолжал пользоваться, разбудив меня в 8 часов утра, предложил стать у окна, что бы видеть паломничество **Крюгера** с семьёй и тех военачальников, которые находились сейчас здесь (**Кронье** пользовался его особым расположением).

Действительно, впереди шёл **Крюгер**, высокий, довольно неуклюжий старик, он вёл под руку тоже не малого роста, хрупкую жену – француженку-гугенотку, давшую ему довольно большое потомство в 20 (16) человек.

Сзади шли три военачальника – **Жубер**, **Кронье** и **Деларей**. Они в руках держали большие молитвенники, шли на большом расстоянии – (из) уважения. Всё шествие замыкало

несколько офицеров – охранников в белых мундирах с белыми шапками, все буры.

Они шли так быстро, что я не мог рассмотреть форму. Мне захотелось тоже пойти в церковь. Я спросил хозяина не кажется ли это назойливым любопытством. Хозяин разубедил меня. Я поспешил натянуть черкеску и пошёл без оружия в церковь.

Когда я перешагнул порог, дивная картина предстала перед моими глазами. Все скамейки были заняты, я не нашёл себе места и скромно прислонился к углу, боясь пошевелиться, чтобы не нарушить молитвенное настроение, но напрасно я беспокоился. Ни одна голова – ни малого, ни большого не повернулась в мою сторону.

Орган играл какую-то священную мелодию. Присутствующие, подняв руки, пели псалом этого дня. Чувствовалось, что каждый молящийся полон духовным экстазом, никакая посторонняя мысль не тревожит его.

Этот экстаз, эта бесхитростная молитва к Всевышнему внушает ему уверенность в полной победе над злейшим врагом – похитителем того, чем они живут, что движет его работу, что создаёт семью – это свобода. Он не мыслит лишиться её, для него это смерть. Ненависть к англичанам – это яд, въевшийся им в кости.

Служба кончилась. Тем же порядком всё возвращаются домой. Хозяин (которому я, наверно, надоел), знакомит меня с супругой **Крюгера**, любимой всеми бурами и, как ни странно, и англичанами. Правда, судя по рассказам, она не от мира сего. Тетя **Сама** была из тех деликатных натур, которые отзываются на всякое горе.

Эта нежная супруга **Крюгера** возносила горячие молитвы как за буров, так и за англичан, обобщая под общим словом любви к человечеству орошая горячими слезами смерть как одних, так и других, чем заслужила глубокое уважение генерала (фельдмаршала) **Робертса** и **Китченера**.

Такова была тетя **Сама**, преданная и сопутствующая почти во всех делах и путешествиях – подруга **Крюгера** и как он,

так и весь бурский народ искренно оплакивал её смерть.

Умерла она в 1900 (1901) г. в первых числах июня от водянки, в отсутствие горячо любимого мужа, когда он, как выразитель лучших национальных чувств и черт своего народа, объезжал Европу. Она в душе сочувствовала бедному Комару, но не имела права поднять голос против британского льва, который стремился укрепить своё влияние.

Англичане, в порыве необычайного озлобления, нарушили международные права – белый флаг не признавался как вестник мира и потому деятельный мозг **Крюгера** с более практической точки зрения не мог согласиться, что постановления Гагской конференции, как глашатай гуманности и добра, есть пустой звук; он ждал красивого, сильного жеста от этой старой Европы, так много самой пережившей, который остановил бы это ненужное единоборство, такое жутко-страшное, остановил бы кровопролитие.

Но напрасны эти иллюзии, не воскресить надежды униженных и оскорблённых, они предоставлены своим собственным силам. Где правосудие? Где оно?

Волна внутреннего чувства достигла высшей силы размаха в личной борьбе и у бедного старика иссякла способность волноваться, но вера жарким живительным дыханием поддерживала его и он, с апостольской величавостью гордо поднимал свою седую голову и вся его, на вид неуклюжая, фигура была так повелительна, что все невольно преклоняли головы перед ним.

Это был настоящий **Цинциннат** (римский полководец в 460 г. до Рождества Христова, по окончании военных действий неизменно возвращался к полевым работам). Так поступал и **Крюгер**, он тоже принимал участие в войнах против **кафров** и против англичан в 1880 г. а в промежутках возвращался к своим полям и садам.

Хозяин всё продолжал меня знакомить в то же время и с некоторыми сторонами их жизни, чем я могу слегка насмешить читателя, а именно: лишившись жены, **Крюгер** задумал вторично жениться, выбрав хорошенькую жизнерадост-

ную француженку (никакие обстоятельства, ни место не меняют жизнерадостность французов) 16 лет **Саму**, у которой было много поклонников, но она всем предпочла **Крюгера**, который её сильно ревновал.

Однажды, подходя к дому невесты, он увидел её разговаривающей с молодым человеком. **Сама**, предчувствуя столкновение, остановила жениха, тот сдержался, но когда молодой человек сел на лошадь, со всей силы ударил лошадь по голове. Лошадь и седок, к великому ужасу **Самы**, упали и на её законные упрёки, **Крюгер** ответил, что ударил лошадь.

Наконец настал для меня желанный день. В полной амуниции грузинского воина я направился во дворец президента богатейших колоний и каково было моё удивление, когда я увидел ни дворец, ни палаццо, а небольшую дачу, окружённую тенистым садом и с мраморными львами (символ чего? – Я никак не мог разузнать думаю силы народа).

Охрана, с саблями наголо, мне отсалютовала – почему, я не понял. Я был с моим хозяином, который был в качестве переводчика.

Как ни странно, **Крюгер** говорил только на бурском языке. Вероятно, он ездил в Европу со своим статс-секретарём **Рейцем**, очень живым, получившим образование в Англии – это единственное его отличие от **Крюгера**, очень преданного родине, бурам и также питавший яркую ненависть к англичанам.

Он учился в Блумфонтейне. В Оранжевой есть высшее учебное заведение исключительно для детей африканеров, где английский язык не допускался.

Когда **Стейн** с разрешения отца поехал в Англию для изучения юриспруденции, в Англии понятия не имели об африканских колониях. Ни балы, ни театры не привлекали, они считали это грехом.

Это был настоящий библейский народ-филистимлянин, но оба президента были прекрасно знакомы с английской политической всяких **Дизраэлов**²²¹, **Пальмерстонов**, **Гладстонов** и, наконец, превзошедших всех – **Чемберленом**. Эта политическая нить не прерывалась от одного к другому.

Стейн увидел, что могущество Британской империи кроется в гармоничном развитии сил всего британского народа, в общем историческом строе его общественного и политического склада.

Всё, что он там увидел, все эти взгляды, весь этот строй он старался привести в жизнь в своих колониях. Он был юрист, привёз свою невесту из Лондона, где она получила своё образование, красивую, интересную женщину, и женился.

Оба президента всё время были на поле военных действий, всячески поддерживали бодрость несчастных буров – народные раны открывались и кровь сочилась по каплям.

Комната, в которой сидел в глубоком кресле с большой чашкой кофе **Крюгер**, была довольно большая. Он сидел понуро, но когда я вошёл, весь наэлектризованный от долгого ожидания и исполнения, наконец заветного желания, он поднял голову.

Его небольшие глаза, блестевшие умом и лёгкой подозрительностью, уставились на меня и как будто электрический ток его подтолкнул. Он быстро встал и ждал меня, я подошёл, крепко пожал его протянутую руку, назвав себя и прибавив титул.

Мы долго разглядывали друг друга. Мой вид – костюм – его поразил. Я лично не был поражён обликом президента, так как уже знал его по описанию, но чувство безумной жалости к этому удручённому старцу с такой кристаллической и возвышенной душой охватило меня. Что его ждёт на склоне лет? Унижение и высылка из родной земли – это в 80 лет?

Помолчав немного, он приступил к разговору. Моя национальность его поразила. Он о существовании Грузии и грузин никогда не слышал, я хотел было обидеться, но вспомнил, что я тоже не только не знал, но даже никогда не слышал о колониях, о бурах, но в это время я очень хорошо изучил их страну и быт, что я и сказал ему.

Видимо, ему это понравилось. Он уже сердечней пожал мне руку и, узнав, что я приехал издалека, чтобы протянуть рыцарскую руку помощи, он растрогался, просил моего хозяина пере-

дать свою благодарность и благодарность всех буров, которые никогда, ни при каких обстоятельствах не забудут этого, вы-звал жену, представил меня ей, причём тетя **Сама** меня скон-фузила, сделав глубокий, чуть ли не придворный реверанс²²² и скрылась, чтобы подать мне кофе. Через несколько минут она явилась, неся поднос с большой чашкой кофе и с книксеном²²³ подала мне её.

Я, не привыкший к таким церемониям тоже вставал, кланялся и вся эта церемония напоминала двор **Людовика XVI**. После всего, я приступил к делу, которое меня больше всего интересовало – как можно скорей попасть в действующую армию, я просил **Крюгера** направить меня к одному из командующих, но по возможности говорящему по-французски.

Он позвонил. Опять, явилась его супруга, он что-то сказал ей и через несколько минут явились три командира, один из них генерал **Жубер**, считался главнокомандующим, гроза англичан и **кафров**. На его длинном военном пути не было ни одного поражения, а в Германии он приобрёл солидные познания военного дела, много путешествовал по Франции и Голландии (?).

Этот французский гугенот, благодаря постоянным преследованиям гугенотов, носит отпечаток боязливости и подозрительности. Он фанатик родины и религии, что и внушает своим воинам, высоко держит знамя свободы и в такой неприкословенности мечтал передать его детям. Это был настоящий феномен войны, а **Кронье** прототип **Суворова**.

Для него война – это бесконечные аффекты, он необыкновенно хитёр, ловок среди вражеского окружения, он волчок, огонек с лицом святого, столько мягкости во всей его фигуре. Он заведует **Длинным Томом**. Энергично поощряет канониров, чтобы они отвечали на грохот **Иосифа Чемберлена**²²⁴.

Англичане выражали удивление военному таланту **Кронье**, говоря: генерал **Кронье** враг, достойный нашей стали. А **Деларей** – это гигант, смелый, с воинственным отпечатком во всей фигуре, не лишённый военного таланта, он весь дрожит, вот-вот готов броситься не на одного англичанина, а если мож-

но, сразу на всех растоптать, уничтожить, как гадов. Он своей тактикой приводит в отчаяние англичан.

Он как-то сразу приобрёл мою симпатию, видимо и я ему пришелся по вкусу. Он что-то очень почтительно, стоя на вытяжку перед генералами, говорил им, думаю насчёт меня и все трое одобрительно закивали. Тогда он подошёл ко мне, дружески протянул руку и предложил служить с ним. Его дивизия (?) входила в состав армии **Кронье**. Я изъявил полное согласие, все складывалось наилучшим образом. **Деларей** назначил мне явиться на другой же день в 8 часов в штаб дивизии, который находился через два дома, для получения надлежащей обмундировки. Коня я должен был сам приобрести, что я и сделал, с помощью моего дорогого хозяина.

Когда все переговоры были окончены, я встал и как нижний чин, низко поклонился президенту и генералам, хотел выйти, но **Крюгер** остановил меня, подошёл и обнял.

Я почувствовав объятия отца и был тронут. Он, пожимая руку, всё через переводчика продолжал говорит, благодарили, предлагал деньги, земли (?) за такой, как он выражался, подвиг, по я отклонил всякие вознаграждения в деньгах я не нуждался, а имение у меня есть в моей дорогой Грузии. Я исполняю просто движение моего сердца помочь храбрым бурам, которым сочувствует весь мир,

После свидания с **Делареем**, **Крюгер** просил меня зайти к нему на чашку кофе. Оказывается, он получает на кофе известную сумму, но не каждый имеет счастье выпить эту чашку. Сам же он пьёт целый день и курит трубку.

Итак, я на вершине достижении всех моих желаний. Я воплощённый **Таризэл**. Где, где ты, моя дорогая няня, **Тинатин**, чувствуешь ли ты, как я тянусь к тебе, как я чту твою дорогую память, ведь тебе я обязан этим.

Крюгер получает жалование 160 000 марок, и 6000 марок на кофе, **Крюгер** не получил образование по европейскому образцу. Библия – это единственная книга, которую он признаёт и в его понятии не земля движется вокруг солнца, а солнце движется вокруг земли. Он враг театра, в особенности балета,

находит, что для всех, для женщин – в частности, это двери к грехопадению.

Буры, как и их глава, о чём я уже говорил, никогда не слыхали ни о Грузии, ни о грузинах, значит и **Багратион** им ничего не говорит, но к титулу принца (князя) они неравнодушны. Они пришли в неописуемый восторг, каждый, в штабе пожимал мне руку и с радостной улыбкой повторял принц, принц (князь, князь).

Я стоял немного сконфуженный и недоумевал в чём секрет. Оказывается, они думали, что имея принца в своей армии, они этим привлекут внимание Европы.

Я был поражён их детским мировоззрением и, не желая огорчать их, смолчал, но это было в XX веке – немного грустно и первобытно.

Не время для рассуждения, Я бегу к **Крюгеру**, хочу сегодня же вместе с **Делареем** попасть в армию, опять-таки в куладже, и хорошо, сделал. Оказывается он хотел сняться со мной. Явился фотограф, усадил нас на веранде за столиком кофе, меня по середине, жену и мужа по бокам.

Это страшно забавляло старика, он забыл кажется всё, воину, с её непростительными ужасами, англичан. Весело переговариваясь с женой, хохотал, но почему – я никак не мог понять, переводчика не было. Всё же приятно было, что он отвлекается от съедающей его заботы. В жизни забота поглощает всё остальное.

Сеанс окончен, кофе выпито, я прощаюсь, многозначительное заглядывание в глаза, крепкое пожатие, нежно целую руку тети Самы и исчезаю.

Направляюсь в ресторан. Я, не обращая никакого внимания на группу англичан-офицеров, сажусь обедать, но моё присутствие, как я заметил, сделалось предметом горячих споров и разговоров среди военной молодёжи, в особенности волновался один очень юный краснощёкий офицер²²⁵, лет 20–25. Он, видимо, хотел подойти ко мне со стаканом вина, моя черкеска его интриговала но товарищи его не пускали. Я искоса наблюдал эту сцену и опасаясь каких-либо инцидентов, быстро оканчиваю мой прощальный обед с хозяином, от души благодарю за все хлопоты, хочу

лично его отблагодарить, но он энергично отказывается. У ворот ждёт меня негр, с осёдланными лошадьми, но меня заинтриговал офицерик и я вошёл в штаб, где я узнал, что это **Уинстон Черчилль**, военный корреспондент газеты «Морнинг Пост»²²⁶, ярый сторонник войны, большой поклонник **Сесиля Родса**. Его зажигательные статьи подымают патриотический дух его соотечественников, толкают на подвиги агрессии, возмущая весь цивилизованный мир. Буры с восторгом, на перебой рассказали мне о первом дебюте **Черчилля** на военном поприще – о его плениении генералом **Бота** при следующих обстоятельствах: при приезде в Южную Африку, он отправляется в Ледисмит, но город уже осаждён бурами. **Черчилль** нетерпелив и решает прорваться во что бы то ни стало. Ему разрешают занять место в бронированном поезде, но это незаконно, – **Черчилль** корреспондент, а не офицер. Буры нападают на бронепоезд, **Черчилль** старается организовать защиту, но вместе с несколькими солдатами попадает в плен, генерал **Бота**, при полном торжестве буров, отправляет плених в тыл – в Преторию, столицу Трансваала, но недосмотр бурской стражи даёт возможность **Черчиллю** бежать из плена и скрыться в Португальской гавани – Лоренсу-Маркеш. При возвращении из Лоренсу-Маркеш в Дурбан – главный порт колонии **Наталь**, **Черчилль** ждёт торжественная встреча англичанами²²⁷. Эта торжественность оказывается не удивительна потому, что побег **Черчилля** является чуть ли не единственным успехом у англичан.

Так как первые месяцы англо-бурской войны изобилуют поражениями, тем более обидными англичанам, что наносил им маленький бурский народ. Я с удовольствием слушал это повествование, а **Деларей**, которого я встретил в штабе, обещал мне подробнее ознакомить меня с личностью **Черчилля** по дороге в лагерь.

Я покидаю патриархальную Преторию, тихий тёплый ветерок едва шевелит верхушками пальмовой аллеи, дали сливаются с небом в розоватой лазури наступающего вечера, сумерки в тропиках быстро обволакивают разгоряченную землю и как будто охлаждают её.

Все смолкает, не слышно радостного оживляющего щебетания птиц, и ночь тёмная, без звезд, без рубинового их отблеска страшит, каждое дерево превращается во врага и мы летим – я и мой конь ретивый, подчиняясь несокрушимой воле нашего чичероне.

Вот здесь-то и начинает рассказывать **Деларей** всю биографию **Черчилля**, этого воина без страха и упрёка; сын герцога **Мальборо** – **Уинстон Черчилль** родился в 1874 г. отец был англичанин – аристократ, мать – американка, дочь нью-йоркского издателя **Джерома**, владельца газеты «Нью-Йорк Таймс» и журналиста по профессии. Вероятно литературные способности перешли к внуку. **Черчилль** хорошо пишет, но не хочет быть литератором. Его манит военная карьера. Несмотря на его высокое происхождение и на то, что он получил военное образование и вышел в гусарский полк, его не выдвигают, а генерал **Китченер** и слышать не хочет о нём, как об офицере в его армии. Его первые шаги в мире были подавление беспорядков в Гималае, где находился небольшой протекторат Читраль. Он с удовольствием даже прислушивался к задорной песенке английских боев, но время зарождения агрессивного шовинизма содержащего угрозу по адресу России – она следующая: мы не хотим войны, но если нам придётся воевать, то чёрт возьми, дадим суда, дадим солдат.

Вот вам и незавидный облик англичанина – **Черчилль** – закончил **Деларей**, Я же, невольно вздохнув, сказал про себя: – из ранних.

Вот и лагерь, – говорит **Деларей**. Я удивлённо вглядываюсь в темноту в надежде увидеть белые очертания палаток. Напрасно – всё объято величавой темнотой тишиной, едва нарушающей, серебристым журчанием ручейка.

Глаз постепенно привыкает к темноте, хочу разглядеть часовых – никого. Что же это? Я поражён, и вдруг, точно по волшебству раздаётся не то свист, не то нежная трель и лес оживает, каждое дерево, как бы из дупла выбрасывает бура, он радостно бросается к своему начальнику и что-то быстро, быстро докладывает.

Такое впечатление: лес озарился светлячками, скачущими гномами, в руках у каждого фонарик, но это длится мгновение, всё опять исчезает, остаются два–три человек,

Деларей и я слезаем с лошадей. Он меня знакомит, объясняет присутствие среди них, но я вижу, они недовольны присутствием негра? Не доверяют ему и просят разрешения увезти его, но куда – не говорят,

Меня удивляет и огорчает, что при всей их религиозности и терпимости к другим нациям, они не терпят чернокожих и потому, я думаю, негры платят им таким же отношением, ведь в сущности Африка это их родина. Сколько несправедливости на земле!

Меня с **Делареем** ведут в какой-то пальмовый шалашик. Я чувствую себя **Робинзоном**, но не одиноким, меня окружают милые бородачи, они ласково смотрят на меня, усаживают на какой-то ящик и кормят, правда, консервами, которые я не перевариваю, но нельзя зажигать огонь, свет может привлечь врага, притом, видимо буры все продолжают вести партизанскую войну, избегая дать решительное сражение, из-за малочисленности и нерегулярности своих войск,

Они даже, как пансионеры, уходили с субботы на воскресение на свои фермы, чем дезорганизовали своё войско, в случае запрета угрожали на выборах в парламент не дать в пользу начальников голоса, убеждали, что в понедельник вернутся, а за это время давали возможность англичанам оправиться.

Видя такое безнадёжное положение, генерал **Бота**, прекрасный храбрый воин, для вящей дисциплины приказал расстрелять несколько офицеров, собрал батальон молодых буров, стойких стрелков и, как мне говорили, влил в отряды иностранцев и, таким образом, восстановил порядок,

Как всегда и на всём земном шаре никакое дело не обходится без помощи женщин, так и тут. Возмущённые самовольной отлучкой мужей из армии, они встретили их градом оскорблений и не впустили в дом. Сконфуженные мужья поторопились вернуться в армию.

Я замечаю, что во всём необъятном мире, женщины, к стыду мужчин, гораздо патриотичнее их, так и тут.

Нужно сказать, что буры большие поклонники своих военачальников. Кроме тех, которых я перечислил, ещё предстал передо мной настоящий **Ахилл**, герой Троянской войны, и по доблестям схожий с ним.

Лицо, озаренное парой больших карих, огненных глаз с отблеском ума и смелости. Этому всё равно, цель оправдывает средства, эта цель – отечество и на алтарь его кладет он свою жизнь – это **Девет**, он и невидимка для англичан, но одно его имя не даёт им жить, малейший шорох волнует их, его призрак всюду мерещится им²²⁸.

Он носит что-то вроде френча, на голове шляпу с красным бантом – это отличие носят его офицеры и он. Его тактика замечательная, он неуловимо следует параллельно с английскими войсками, делает внезапное нападение на поезда, завлекая их в города, как будто Йоханнесбург и Претория взяты, даёт им возможность торжествовать победу, а на самом деле держит их пленниками (?)...

Тактика достойна героя двенадцатого года князя **Кутузова**, о котором он и понятия не имеет, просто мне кажется военная интуиция, но он образованный. Юрист, окончивший в Лондоне своё образование. Жена его тоже окончила высшее образование в Лондоне и они имели 16 человек детей – сыновей и дочерей, жил он богатым человеком²²⁹.

Этот странный **Девет** собрал в Оранжевой Республике молодых фермеров и пастухов, вооружил **маузеровскими** ружьями, хорошими пушками и подобно ветру несётся в авангарде, то и арьергарде, смотря по обстоятельствам, за английскими войсками,

Это настоящая ртуть, он день и ночь держит англичан в напряжённом состоянии, имя его грозным эхом разносится по полям и лесам. Под его непосредственным надзором проходят, нагруженные обозы по таким дебрям, где кажется не может ступить человеческая нога.

В темноте леса и безлунной ночи, я слушаю горячий шё-

пот, прерываемый возмущёнными, но заглушёнными взглазами военачальников.

С прибытием в армию двух, несокрушимой силы генералов **Бота**, и **Девета**, буры удвоили энергию, воспряли духом, но всё же не отваливаются на решительный бой.

Они дают возможность **Робертсу** сообщать и воспевать несуществующие победы – повод посмеиваться над этими победами самим англичанам высшего полёта.

Эта война им поперёк горла, они должны присутствовать, принимать участие в этой недостойной бойне.

Доктор **Конан-Дойль**, обладающий гуманным сердцем, тоже огорчён, удручён, он собирается писать, писать о человеческих страданиях. Ему стыдно за свою нацию. Ему хотелось бы ею гордиться, но он не может, ему хочется, чтобы Англия, родственная по национальности и религии с Америкой, приобщилась бы к благодетельным доктринам Монро, привела бы их по отношению к африканским колониям.

Это было бы гораздо благородней и возвысило бы Англию перед всей Европой, чем представлять из себя аргонавтов XIX в., но горе теперь в том, что и Америка, в лице её президента **Мак-Кинли**, ярого агрессора, постепенно вытесняет высокочистианские и потому он остаётся глух и нем, когда к нему обратился ходатай своего порода маститый **Крюгер**.

Порицая за такую безжалостную политику заместитель его **Рузвельт**, у него болело сердце за буров, но тоже дело дальше слов не шло,

Таково было отношение всего цивилизованного мира. Но как-никак, всё же в этом политико-эгоистичном мире оказались отдельные личности всех наций, которые отзывались на этот призыв (включая и японцев и теперь, под шумок, при энергичном содействии) и под командой известного французского полковника **Вильбоа-Де-Марейля**, сформируется интернациональный полк в 1000 человек.

В военное время полк в развернутом фронте должен иметь 4 тысячи человек, но буры утешают себя тем, что **Вильбоа** доберёт под свои знамёна необходимое количество воинов, как

только, при благотворительном участии газет, весть облетит всю Европу. А пока что, я решил вступить в состав волонтёров: это из-за языка меня больше устраивало,

Уже, вероятно, за полночь, петухов нечего ждать, я изнемогаю от усталости и жары, ни дуновения, как быть? Боюсь лечь на голую землю, боюсь змей, которые кишат, не умею различать их. Да и фланги не лучше, но стесняюсь заявить о своей желании лечь.

Видимо, мои дорогие собеседники тоже тянутся к постели и вот удивительно, как всё предусмотрено, везде порядок, без единого звука приносят и в этом же шалаше расставляют раздвижные ящики-кровати. Мы ложимся в чистые покрытые простынями, постели. Давно неиспытанная нега охватила меня и я, не раздеваясь, засыпаю крепким, благотворительным сном, без сновидений.

Одновременно, француз-журналист **Каррер** в колониях перебегая из одной колонии в другую, держался дипломатически. Он не воспевал одних и не порицал других, держался середины – хотел выяснить все тайные пружины, вовлекшие Англию в эту войну.

Это не война, основанная, несмотря на варварство всех войн с основания мира, на известных принципах, налагающая своё строжайшее вето – это просто циничное уничтожение маленького не воинственного, но высокого своими душевными эмоциями народа.

Они со своей стороны отвергают репрессии – это поразительно; взяв в плен англичанина, продержав его в прекрасной обстановке, отпускают с миром, следуя учению Христа: Коли бьют по одной щеке, подставь другую. Сами англичане-солдаты с восторгом говорят об этом. Но подобное неудобоваримое милосердие для офицеров других стран, в особенности для воинственных немцев, кажется унизительным. Они понимают только: око за око, зуб за зуб, громко высказывая это при свидании самому **Крюгеру**.

В армии же буров хотят продолжать службу при таких условиях, неоцененных даже самими англичанами.

Крюгер в тупике, он понимает самолюбивое офицерское настроение, в то же время говорит, что войну ведёт не он, а народ и с его взглядами и воззрениями он должен руководствоваться и им подчиняться...

Немцы, видя подобное положение и но желая, по их выражению, марать свои мундиры, покидают армию, к великому огорчению буров, которые лишаются таким образом прекрасных дисциплинированных вояк, но сами они непреклонны – Библия требует милосердия.

Это ли не твёрдость духа? Это ли не христиане первых веков, погибающие на арене римских Колизеев.

Я всячески отклонял встречи как с высшими, так и с низшими англичанами; в отеле ими кишело. Сыпал, что высшая (английская) аристократия большей частью англизированные эмигранты, французы в 1793 г.²³⁰ были на стороне буров, осуждали кучку авантюристов-банкиров и во главе, к сожалению, со всесильным **Чемберленом**, который принёс в жертву золотому тельцу всё, главное – честь Англии.

Ночная мгла постепенно исчезала, уступая нежному розоватому отблеску зари, окрашивая выступы холмов сиреневой акварелью. Думаю, было не более трёх часов ночи. Казалось – все ещё погружены в глубокий сон, но я ошибался. Вновь раздался сигнал – нежная трель и во главе с **Деветом** двинулся небольшой отряд.

Пожав руку **Деларею**, без всяких вопросов, я присоединился к ним, получил второй заряженный карабин и с лёгким сердцем двинулся в неведомом направлении.

Я заявил **Девету** с моём желании присоединиться к **Вильбоа-Де-Морелю**. Он мне дал провожатого – бура, который и довёл меня довольно скоро к дверям большой фермы, где находился полковник **Вильбоа-Де-Морель**²³¹.

Это не есть плод досужего вымысла, а истинное сказание о бедствиях, правда, маленьком, но целого народа, одарённого всеми богатствами, присущими человеку, который с истинным христианским смирением переносит, без стенаний, все ужасы, предназначенные ему судьбой.

Фаталисты – они примиряются с этой беспощадной судьбой и на далеком Цейлоне и на острове Святой Елены, они остаются сами собой и в ужасных африканских лагерях, где они гибли сотнями, в особенности женщины и дети.

Они работают с молитвой на устах, с Библией в кармане, гордо смотря на весь мир, на, эту прекрасную Францию, чьи сыны тоже числятся в их семье и не мыслят, что они отверженцы, они хотят стать выше этого понимания и ждут отзыва на свои страдания из глубин европейской души.

Пот почему появление **Вильбоа-Де-Мореля** в их рядах есть торжество – яркая всепоглощающая надежда и, действительно, в лице этого прекрасного человека–рыцаря, они имеют верного поклонника их идеологии.

Наше знакомство было быстрое и сердечное. Конечно он знал Грузию – грузин по **Броссе**, интересовался **Багратионами**, в особенности воином **Петром Ивановичем Багратионом**²³², героем наполеоновского вторжения в Москву. Его имя крупным шрифтом вписано в военных анналах, трактовал его действия на военном поле. О **Наполеоне** говорил с гордостью, как о военном гении, превзошедшем все века.

Между прочим, **Вильбоа** спросил с какого века **Багратионы** числятся владыками Грузии? Помня уроки почтенного **Иосселиани**, я сказал, что **Багратионы** утвердились в Грузии во время владычества арабов. Эта знаменитая династия занимает грузинский престол с 711 – 1122 гг. (и) дала не мало талантливых правителей, поднявших рука об руку с народом могущество и значение Грузии в мировом масштабе.

В XII веке в 1204 г. царица **Тамара** основала Трапезундскую Империю, она умела выбирать даровитых военачальников, двух братьев **Павленовых-Мхаргдзели (Долгорукие)** и своими мудрым правлением придала небывалый блеск своему царствованию, но мусульманское окружение заставило религиозную Грузию искать союза с единоверной и могущественной Россией, который и был заключён при высочайшем соизволении **Императрицы Екатерины II-й** и **Ираклия II** (1798 год).

Между прочим меня чрезвычайно обрадовало, что **Вильбоа** меня, не военного выбрал себе адъютантом, надеясь на мою крайнюю исполнительность. Он сообщил последнее известие – отзывание **Робертса** и назначение на его место храброго генерала **Китченера**²³³, чуждого партизанской воине, желающего иметь открытого врага, поэтому нужно готовиться к решительному и решающему бою, что и определит судьбу буров – по Гамлету: Быть или не быть.

Только два незначительных слова, но они леденят кровь, отнимают жизнь – её смысл налагает оковы рабства на веки.

Буры это понимают и с поспешностью готовятся к кровавой бойне – **Китченер** талантлив и храбр, верный исполнитель предначертаний Парламента.

Итак, герои поднялись на ту духовную вершину, С высоты которой к ним шла слава бессмертия, но южно-африканские женщины и дети своей отвагой и мужеством; причиняют не мало неприятностей английским войскам и эти рыцари им мстят, устраивая не лагери, а форменные застенки, в которых они голодом и грязью доводят их до истощения, а, следовательно и до смерти. Им нужно; уничтожить и развеять бурский народ, о чём свидетельствует, возмущённая недостойными подвигами своего народа, роняющие его значение и достоинство, культурная мисс **Гобгауз**.

Хуже всех лагерей – это лагерь Кимберлей. Их заставляли, с резиновыми пузырями на руках, во избежание воровства²³⁴, при страшнейшей жаре, работать в алмазных копях, подвергая их солнечному удару, а сами богатели не по дням, а по часам.

Я теперь счастлив, я на прямом желанном пути и спокойно отношусь ко всему окружающему, а все окружающее кипит, волнуется, готовится к бою.

Через перебежчика-шотландца, **Вильбоа**, прекрасно владеющий английским языком²³⁵, узнаёт, что **Китченер** готовится к бою, стремится к окружению дивизии **Деларея**, куда входим и мы, и, чтобы выяснить его злостные намерения, **Вильбоа** отправляет на рекогносцировку небольшой отряд, во главе со мной.

Я в восторге, весь горю быть полезным, беру француза графа **Бреда** и двух, на вид отважных, офицеров-шведов.

Ночь чернела. Мне казалось, что из тропической засады тигр высматривает нас, готовя свой смертоносный прыжок. Я держу наготове свой **маузер**, мы осторожно подвигаемся, раздвигая гибкие побеги лиан, нежно обхватывающие стройные пальмы, но среди этого потрясающего молчания, я слышал собственное дыхание, биение своего сердца, мог высчитывать каждый его стук.

Я не хотел поддаваться этому никчемному волнению, собрал всю энергию, жаждал подвигов, которые смогли бы сдвинуть колесо счастья бедных буров.

Я страдал, что это только песчинка в пустыне, это капля в море. Ведь меня привело сюда – в это море страданий ничто иное, как моё человеческое я.

После, довольно тревожной, но удачной рекогносцировки, подтвердившей донесение шотландца, я лежу, отдыхая у своего шалаша, наскоро собранном; лежу в траве, отовсюду льётся аромат всевозможных трав.

Блестя разными цветами, подобно фонарикам проносятся на фоне неба жуки, жужжат над моей головой, но это не светлячки, они громадны по своим размерам.

Я лежу не шевелясь и смотрю на звёзды. Я фаталист и мне кажется, что мигая, они мне что-то пророчат, сердце дрожит, нет! – они меня ласкают, их ласка приводит меня в трепет.

Силюсь уснуть, но не могу, дремлю и это для меня уже достаточно, нужно готовиться в бой. На военном совещании решено всей дивизией внезапно ударить по англичанам, но до рассвета, чтобы беспрерывное сияние тропического солнца предательски не выдало и наше космополитическое единение. Такое непреклонное стремление **Вильбоа** – помочь бурям.

Как республиканец, он дорожит священной свободой, так дорого приобретённой Францией в 1793 г.

Мир встречает чистую зарю, буры коленопреклоненные восторженным гимном, в полном убеждении в победе.

Блеснула заря, а с ней загремел **Том (Лонг-Том)**, как сиг-

нал, и все ринулись в бой: пешие, конные без разбора летели довольно стройно, все с пением псалмов, а **Том** вторая, грохотал безостановочно.

Кронье повсюду не теряет артиллерийскую зоркость в дыму.

Чистое, нежное небо затуманено, подобно дымному куполу, заволакивает всю местность, голос снарядов всё продолжает греметь, приводя в ужас растерянных англичан, но эта растерянность длится мгновение, под громовым окриком **Китченера**, всё приходит в порядок и грозной лавиной обрушивается на нас.

Бой ужасный, кровопролитный, никто не уступает, у буров резервы в лице **Девета** и **Бота**. **Девета** недалеко но **Бота** далеко. Всё же их меткие ружейные выстрелы вносят смерть в стройные ряды шотландцев и индусских войск. Самим англичан мало. Бой первого дня, благодаря упорству обоих сторон, окончился вничью. Трупы лежат горой, но это обыкновенные жертвы беспощадной войны. Что скажет завтра? – Единственная мысль, которая занимает каждого.

Вильбоа, во главе, геройски вёл полк. У нас потерь мало, всего сто человек ранеными и убитыми.

Я поражён, в палатке-спитале у изголовья раненых буров работают сиделки-англичанки. Как это понять? Одна рука бьёт, другая – ласкает.

Наш полк вполне интернационален, настояще вавилонское столпотворение языков. Преобладают шведы – красивый, видный и жизнерадостный народ, северные парижане, как их называют, прекрасные спортсмены и воины. Они воюют с убеждением и также дисциплинированные офицеры.

Вильбоа очень ими доволен, есть и французы. Я сошёлся с французом, хрупким, небольшого роста графом **Бреда**. Есть голландцы, американцы и всё прибывают к нам новые и новые составы, радуют сердце милого полковника. День и ночь он готовится к бою.

Китченер враг сильный, вероятно и стратег хороший. Около меня всё вертится молоденький швед. Ему не больше 18

лет. Его жизнерадостно-животное выражение лица так присуще молодости, он впервые идёт в бой, идёт, как ни пир, расфранченный.

Вообще все подтягиваются, как будто готовятся к смерти, хотят предстать обновлёнными перед престолом Господа Бога, ведь воина за отчизну, за веру и её устои, освящена издревле.

От усталости немеют все члены, мозг отказывается служить, мысли путаются, необходим отдых. Лагерь постепенно утихает, свет мерцает только у полковника. Он над картой чертит что-то циркулем, по-моему, он пунктирует местность.

Мои уговоры поесть, отдохнуть, выпить стакан душистого кофе для поднятия сил, не действуют, его грустное настроение, упадок энергии, мне не нравятся, но я молчу и грустный выхожу из его шалаша.

Иду прилечь, чтобы на утро бодро встретить свою судьбу – скрытую для всех тайну и благодаря этой тайне смерть уже не кажется такой страшной. Мне хотелось бы пережить все эти ужасы и умереть в родном kraю, где бирюзовая глубь небосвода и изумрудная зелень долин, но всё это мечты, мечты, а реальность требует немедленного отдыха.

Боясь лечь на землю, я прислонился на ночлег к склону холма, густо заросшего лесом, сон бежит, но члены всё же отдохвают.

О чём я думаю – сам не знаю. Все ощущения сливаются в хаосе, не могу восстановить ясность мысли. Часы бегут один за другим. На фоне багрово-красного вечернего неба, вдали за лесистыми обрывами холмов, виднеется полоса белых туманов – это испарение разгоряченной земли.

Зловещая тишина, ничто не шелохнется, всё отдаёт должную дань волшебной ночи. Мне кажется, что благотворный сон сливает воспалённые веки, я засыпаю.

Ночь тёмная-тёмная, ни зги не видать, по постепенно се-деют предрассветные сумерки и заухали тяжёлые орудия. Видимо, в ожидании гостей, буры практиковались, изрядно и се-рьёзно готовились к встрече с врагом, а английские снаряды визжали, хрюпели, стонали, но почти никого не задевали, буры

лежали в блиндированных окопах, траншеях, в рассыпном строю, в непроницаемом лесу.

Прицел у **Кронье** был великолепный и все жадно прислушивались к пронзительному визгу, свисту и шлётанью своих ядер (снарядов?).

Этот ужасающий визг проникал в мозг, в уши, бьёт по нервам и против воли заставляет дрожать мелкой дрожью, охватывает даже бесстрашного человека животным страхом, что расслабляет весь организм, старит, делает его неузнаваемым. Люди с минуту стоят, как окостенелые, но когда оживают – голоса нет, он беззвучен, по движению губ вы видите, что бур молится и так долгие-долгие часы длится эта убийственная пушечная перебранка, но как только рассвело, всё смолкает, дым рассеивается и битвы как не бывало; человек воскресает и принимается как будто за прерванное дело.

У русских, у грузин сейчас же начались бы шутки, песни и чуть ли ни пляска, а тут хвалебный гимн творцу. Такова разница характера в народах.

Казалось бы природа, воздух, плодородная земля, правда, не везде, яркое солнце, охватывающее подобно огненной крыше всё, должно было выявить жизнерадостность и беспечность.

Буры угрюмы, редко-редко вы увидите улыбку. У тугенотов это наследие Варфоломеевской ночи, где погибло, по повелению французского короля **Карла IX**, под давлением фанатично преданной католицизму матери его **Екатерины Медичи**, лучшие предводители их, как например престарелый адмирал **Колиньи**, оказавший не мало услуг Франции в военном деле и сброшенный католиками из окна.

Буры психологически странный народ, они воюют по своему убеждению, усмотрению, когда им вздумается, что не раз приводило к катастрофам, их дисциплина – это религия и их понятие о военном деле не шло дальше распорядительной охоты, но это не мешало выявить прекрасные качества военачальников, а обширное знание своей родины давало возможность блестяще вести партизанскую войну. Генералов было много.

Главное, портили как железные, так и шоссейные дороги, захватывали обозы с вооружением, патронами, съестными припасами, обмундированием, что приводило в исступление англичан.

А эта настоящая народная война и упорство буров удивляло мир.

Тяжёлые, условия переселения, борьба с воинственными племенами, выработали в них твёрдость характера, самоувренность в своих силах, хладнокровие, а первоначальные победы над англичанами выявили дух независимости в ущерб дисциплине, которая очень манкировала благодаря организации буров.

Гугеноты, при своём переселении в Южную Африку, смешались с голландцами, приняли их обычай, язык, а обособленность их жизни укрепила в них глубокое религиозное чувство, которое сохранилось и поныне в их потомках и является главным рычагом в их жизни.

Вначале главный повод к раздору с англичанами был захват Капской земли во время французской революции 1793 года, потому, что Голландия была союзницей Франции. Вторым поводом является рабовладельческий вопрос. Англичане требовали отмены рабства, а буры нуждались и ручном труде туземцев для обработки полей.

Видя подобные притеснения, буры покинули свои насиженные гнезда и направились к Оранжевой реке. После ожесточённых отражений с **зулусами**, вступая на южно-африканское плоскогорье, буры думали избавиться от англичан и возвратить себе былую независимость, но не тут-то было.

Англичане не хотели признавать их самостоятельность. Гладстон отверг их домогания и в Дурбане высадил войска. Тогда буры перешли реку Вааль по предводительством **Преториуса**, основали Трансвааль и провозгласили **Преториуса** первым президентом. Трансвааль или Южно-Африканская Республика имеет протяжение 294581 квадратных километров.

После войны за независимость, Трансвааль был признан Англией автономное республикой по договору 27 февраля, а по

миру 24 марта 1884 года были независимость и все свободы аннулированы (?). Главный город Претория назвали в честь её первого президента **Преториуса**.

Англичане, как видно по настоящей войне, продолжали теснить буров и неудачи, которые начали испытывать англичане с первых же дней войны, заставили послать новые войска, не дожидаясь окончания перевозки первого экспедиционного корпуса, опять посылают 4-й призыв резервистов.

Война всё ещё после первого решительного боя продолжается... **Китченер** не в силах исполнить обещание скоро окончить войну, буры слишком энергичны, а англичанам и во сне всё мерещится эта золотоносная страна, наяву же разожгла все страсти, но для этого нужно превратить весь Трансвааль в кладбище, чего и добивается **Китченер**.

Никакие манифестации гуманистов, ни выступления квакерш²³⁶ не помогают. Партия спекулянтов одержала верх. Попытаются лживые донесения неизвестно ком, которые тут же опровергаются самим **Китченером** с требованием войск-войск и вербовщики бегают, рыщут, разыскивают желающих сложить свои головы на полях Трансвааля во славу английского орудия, но это глас вопиющей в пустыне, без эхо. Они дрожат за своё мировое значение и положение и с парламентских высот, подбадривая себя, объявляя, что это незыблально, что подтверждает и остов **Длинного Тома**, выброшенный за ненадобность но подобранный, как трофей лордом **Робертсом**.

Как английские, так и колониальные войска уже начали роптать, утомлённые безнадёжной погоней за неуловимыми врагами.

Собранные наспех солдаты оказывались в военном деле полными невежами во всех его отраслях, чем ещё более затрудняли движение. В Африку должен был прибыть английский экспедиционный корпус, которым **Китченер** думал окончательно сломить упорство буров, как мятежников, но не тут то было, буры крепко стояли на ногах, их взаимопомощь была развита до высшей степени и Англии пришлось у себя оставить только милицию.

Только две тысячи человек были заняты поимкой **Девета**, а **Девет** в свою очередь чуть не захватил в плен самого **Китченера**. **Китченер** скрежетал, что каждый раз **Девет** уходит от него весьма удачно, даже ускользал через двойное кольцо английских войск и уходил на север.

По распоряжению **Китченера**, **Девета** преследовал по пятам английский отряд с лордом **Метуэном** во главе; с необыкновенной осторожностью приближался **Метуэн** к лагерю буров. Вот уже ясно были видны их палатки, и перед палаткой генерала **Девета** ясно была видна фигура неподвижного часовщика. **Метуэн** заранее торжествует он видит **Девета** в своих руках. Авангард удваивает свою осторожность, приближается к первым палаткам... – они оказываются пустыми. Уже смелее подвигаются солдаты к часовому, но часовой остаётся неподвижным и невозмутимым, – даже лицом к лицу с английскими солдатами. Увы, – это был деревянный часовщик. В сумке у него было письмо к лорду **Метуэну** следующего содержания: Позвольте оставить вам эти старые палатки. Мне удалось перехватить обоз с новыми палатками, назначенными для английской армии. Палатки эти несравненно лучше наших и я шлю за них нашу благодарность. **Христиан Девет**. Англичане имели мужество смеяться, получив это письмо, и на другой день возобновили свои неудачные преследования **Девета**. В другой раз **Девет** захватил в свои руки телеграфную станцию от Гейдельберга и получил от генерала **Гунтера** (**Хантера**) телеграмму, предназначавшуюся для лорда **Робертса**: **Девет** почти в наших руках, высыпайте немедленно подкрепления. Как вежливый корреспондент **Девет** сейчас же ответил генералу **Гунтеру**: Подкрепления высланы. **Робертс**. И в то же время лорду **Робертсу** была послана телеграмма: Подкрепления не нужны, **Девет** взят с пятью тысячами буров. **Гунтер**. Радость в Претории после этой телеграммы была неописуемая. На другое же утро наступило жестокое разочарование, и опять возобновилась игра в жмурки²³⁷.

В бытность свою главнокомандующим, лорд **Робертс** доносил, что от бурских войск, остались только небольшие шай-

ки, но он жестоко ошибался. Отряды **Бота**, **Деларея**, **Девета** и войска **Кронье** и других героев действовали вовсю, ввергая в панику англичан. Несмотря на эти провалы, **Робертс** сообщает из Йоханнесбурга, что полковник **Легалле** неожиданно напал на буров 23 октября к югу от города Ботавиля и нанёс им полное поражение: Мы захватили шесть орудий **Максима** со всеми боевыми припасами. Сто буров взяты в плен, 25 убиты и 30 ранены. Со стороны англичан 3 офицера, в том числе **Легалле** и 8 нижних чинов убиты, ранено 7 офицеров и 26 нижних чинов. Президент **Стейн** и генерал **Девет**, находящиеся на поле сражения, поспешно удалились. Но при этом донесении, он упустил, что буры произвели близ Стандертона крушение поезда, шедшего из Претории, причём был убит один только истопник (кочегар).

Буры произвели в 12 милях от Блумфонтейна нападение на две английские фермы и заняли их. **Робертс** телеграфирует из Йоханнесбурга: **Смитт Дориен** доносит о сильном бое, происходившем 24 и 25 октября. Его отряд, состоящий из 250 кавалеристов, 6 орудий и 900 человек пехоты, вскоре после выступления из города Белфаста наткнулся на отряд буров, который наседал на фланг англичан, достиг Коматиривера. Там буры заняли сильную позицию, с которой были вытеснены большим обходным движением.

На следующий день буры, получившие значительное подкрепление, тщательно (тщетно?) пытались снова овладеть позицией, с которой они были прогнаны.

24 октября (1900 года), вечером, произошёл случай, которого ещё не было за эту войну, как думает **Робертс**. 200 конных буров внезапно напали на английский арьергард. Нападение было отражено Канадскими войсками на расстоянии 75 ярдов. Потери англичан за два дня 8 убитых и 32 раненых. Но буры продолжали свои внезапные нападения на англичан²³⁸.

Так **Бота** осадил Кимберлей.

Бурская война обошлась Англии до трёх миллиардов фунтов стерлингов, не считая людей, лошадей и корма²³⁹. Было много предположений и надежд, ввиду её дороговизны, что

война быстро кончится, что англичане откажутся от колоний, разорённый Трансвааль не окупит их расходов, но война продолжалась, уничтожая одних и других.

Англия под давлением **Чемберлена** и науськивания **Сесиля Родса**, хотела довести войну до победного конца не взирая на недовольное мурлыканье Европы.

Жгло полуденное солнце, пот лил ручьем, я изнемогал от жажды, но в ожидании боя двинуться нельзя, нигде не слышно плеска ручейка, мы далеко от реки. Часы не шли, пыли, а бой не начинался. **Вильбоа** волнуется, не хочет начинать без условного выстрела.

Китченер, отказывается, оттягивает, ждёт подкреплений. Кроме того, с противоположной стороны **Луи Бота** идёт на соединение с **Делареем**; не форсированным маршем, а боями, имея в авангарде летающего **Девета** – этого кудесника.

Быстрота движения, выносливость и спаянность его отряда были поразительны и изумляли всех. Ведь он не кончил военного училища, не принимал участия в каких-либо манёврах. Он неустромимо стремится в центр тыла англичан, вплотную подходит к английским часовым, переодетый, в форму английского офицера, разговаривает с ними, давая тем временем возможность своему отряду перейти полотно железной дороги и продолжать спокойно намеченный путь.

Он твёрд в своих убеждениях, ему нужна свобода какой бы то ни было ценой и когда президент Оранжевой Республики **Стейн**, его неразлучный спутник, переносящий вместе с ним все тяготы бивуачной жизни, узнав о новой поездке **Крюгера** в эту неумолимую Европу, идёт к нему, желая повидать его, условиться о дальнейших действиях, Девет просит убедить, уговорить **Крюгера** не идти ни на какие условия – компромиссы.

Девет говорит: Меня обвиняют, что и напрасно проливаю кровь своих соотечественников, что нужно кончить эту бесмысленную разорительную войну и что всё это ляжет на мою голову. Пусть, я согласен, но я никогда, никогда не сдамся бессердечному врагу. Если начнутся мирные переговоры, прошу

vas не заключать окончательного мирного договора без меня. Я никогда, не соглашусь на позорные условия мира, которые будут, дискредитировать достоинство наше, как нации, Я не переживу эту моральную смерть. Мы всё потеряли, нам нечем дорожить, а так мы выиграем время. С богом, президент! – и **Стейн** уехал к **Крюгеру**.

Положение **Китченера** тоже не важное. Боевые перспективы и, якобы, близкие возможности кажутся ему теперь далёкими. **Китченер** думал, что война с бурами будет для него по-бедоносным походном маршем, но это только мечта.

Доставка войск происходит очень медленно. Как люди, так и лошади утомлены шестинедельным морским переходом, многие болею морской болезнью, им нужен порядочный отдых до боя.

Климат, незнание совершенно страны, народа, его нравы, всё затрудняет благоприятные действия. Партизанские набеги прекрасных стрелков-верховых, с прекрасно выдрессированными лошадьми, которых они оставляют в лесу и, окончив своё дело, находят на том же самом месте, пехотинцев – всё это даёт превосходство бурам над англичанами.

Кроме всего этого, бур по природе разведчик, он внезапно вырастает перед встречным и производит подробный опрос, никто и ничто не ускользает из его поля зрения.

Лошади страдают от укусов ядовитой мухи Цеце. Благодаря коротким хвостам, они не могут отмахиваться от их назойливости и тоже совершенно неспособны сейчас же совершать громадные переходы и, вступать в бой.

Всё это принималось **Китченером** во внимание и, думаю, поэтому он не торопился возобновлять бой, но Англия шла ему навстречу, слала и слала войска, они прибывали через Дурбан и через Делагоа, но что значит численность войск, когда солдат в нём наёмный и душа его не участвует в деле, тогда как бур знает за что он дерется – за свободу, за независимость своих очагов, он сознательный борец, хотя и у них далеко не всё соответствует требованиям настоящей армии, офицерский состав – командный, а также генералы выборные, следовательно лишены своей инициативы.

В случае нужды, они формируют отряды, называемые Коммандо как для внешних, так и для внутренних врагов. Как всегда – и везде есть изменники. Утомлённые, в сущности, по их мнению, разорительной войной, наиболее слабые духом стали переходить на сторону англичан, но, если они попадали в руки буров, их немедленно расстреливали.

Так, не дослушав бура-парламентера, предлагавшего мир от имени **Китченера, Луи Бота** лично расстрелял его, так как слово мир было тягостно его слуху.

Главные силы оранжистов от 7000–8000 были расположены вокруг Кимберлея. Ими почти всё время командовал генерал **Кронье**. Он в начале военных действий командировал **Деларея** на юг. Он не выпускал **Вильбоа**, сохранял его для открытого боя, как хорошего стратега, но сам готовился к серьёзному сопротивлению на Спитфонтейнских высотах, куда довольно трудно было поднять артиллерию.

Буры вообще выбрали опорным пунктом высоты, на которые они сами очень быстро взбирались, как привыкшие к ним, что почти было немыслимо англичанам. Это очень затрудняло их движение с артиллерией и обозами.

Буры засели на этих высотах, заслоняя таким образом железную дорогу, не давая прибывающим английским войскам соединиться с остальными и благодаря такой тактике англичане были разбиты на этих подступах и понесли большой урон.

Кронье был убеждён, что англичане не могут отойти от полотна железной дороги и потому он ожидал неприятеля в своих окопах, где было очень тяжело сидеть.

Очень узкие, низкие, прикрытые мешками с песком, я кое-как влезал, вылезти же было ещё труднее, чуть не задохся, но буры стойко выдерживали такое положение.

Жаль, что такой редкий по своим качествам народ должен был погибнуть как бы совершенно исчезнуть с лица земли.

Кронье, после долгих препирательств со своими, отправил тысячу человек, чтобы перерезать железную дорогу. Этот отряд атаковал две роты англичан и разрушил железную дорогу, но затем, в свою очередь был отброшен англичанами.

Тут **Кронье** сделал крупную ошибку. Он должен был отрезать англичан от их операционной базы, чем поставил бы их в невозможность получать продовольствие и задержал бы надолго их продвижение.

Несмотря на строгий приказ **Вильбоа** – без его распоряжения не выходит за пределы окопов, я по ночам благодаря моему бурскому облику, совместно с бурами делал вылазки.

В одной из вылазок, я, по собственной инициативе, которой охотно подчинялись буры, зацепил один из огромных обозов англичан.

Они с этим обозом не расставались, в них возили двухнедельный провиант: мясо; всевозможные консервы, кофе, печенье, – а главное – очень питательный шоколад в больших толстых плитках. Они выдают на завтрак солдатам по большому куску, не то что наши бедные солдаты в царское время, – шагают в походе голодные, имея сухарь неизвестно какого времени. Они следуют тому, что в здоровом теле здоровый дух.

Возницу обоза – дюжего солдата, кажется ирландца, мы отпустили с миром, один из буров заместил его и мы торжественно подъехали к нашим окопам,

Восторгу не было конца, меня даже вздумали качать, я отклонил подобное чествование, ведь я весил 8 пудов – вес не малый.

Я не хотел, чтобы мои хвалёный подвиг дошёл до ушей **Вильбоа**. Чтобы не служить мишенью для англичан, мне пришлось моего белого иноходца обменять на пегую лошадь, Я был очень огорчен, лошадь для военных действий была прекрасная.

Мне необыкновенно везло, несмотря на мои бесчисленные рекогносцировки и вылазки, ни разу не был ранен, боялся лихорадки, но она не коснулась меня. Я послушался буров, надел фуфайку и не снимал её ни днём, ни ночью.

Так поступают все буры климат неподходящий в том отношении, что днём нестерпимая жара, а ночью холодно – непонятны такие резкие перемены температуры.

В одно прекрасное утро, англичане подвезли на ослах огромное морское орудие и на радостях открыли бесконечную канонаду.

На это буры благоразумно не отвечали, готовясь к бою. Англичане в сущности, были в ужасном положении, им никак нельзя было идти напрямик, всюду были расставлены сторожевые посты буров.

Вильбоа прочёл нам небольшую лекцию. Он говорил, что англичане не должны были выступать атакой флангов, а атаковать нас в лоб и, таким образом, одним ударом уничтожили бы все приготовления буров для фронтальной обороны.

С другой стороны, если бы англичане атаковали нас по фронту, то буры, которые ждали эту атаку, совершенно бы их уничтожили. Во всяком случае для того, чтобы выбить **Кронье** и достичь Кимберлея, англичанам нужно было пройти не более 60 км, но они боялись, во-первых, попасть впросак из-за незнания местности, а во-вторых – отойти от воды и своих обозов.

Положение, видимо было критическое, но как бы то ни было, Командующий, лорд **Метуэн**, мобилизовал все средства, находящиеся под рукой, все роды оружия, шла и артиллерия, одна бригада шотландцев была оставлена для прикрытия лагеря.

Шотландцы выступили ночью под проливным дождём с тем чтобы с рассветом подойти к позициям противника, весь план был до тонкости разработан, приказания отданы, всё предвещало блестящую победу, но человек предполагает, а Бог располагает.

Как только предутренний свет начал освещать местность, горы, не успел генерал **Ушон** (**Уочоп**) открыть рот, чтобы отдать приказ о начале боя как буры открыли из траншей и окопов сильнейший ружейный огонь, без передышки.

Пули летели подобно саранче, косили храбрых шотландцев и первого же их генерала **Ушона**²⁴⁰. Никакие фланги не помогли, но лорд **Метуэн** приказал батальону Галейндеров во чтобы то ни стало взять позицию буров. Этот батальон сделал новую, но безуспешную попытку выбить неприятеля.

Это молниеносное нападение так ошеломило шотландцев, что вместо того, чтобы хоть сконцентрироваться, несмотря на призыв офицеров, которых тоже не мало полегло, они стали прятаться за густыми кустарниками, многие вернулись в лагерь только к ночи, а многие сдались на милость буров, зная их христианское отношение к пленным, и чистосердечно раскрыли весь план англичан.

Накормив их, буры с миром их отпустили, но как они были встречены начальством – неизвестно. Думаю, что хорошо, так как каждого воина ценили на вес золота.

Вечером появились артиллерия, по неизвестным причинам очень запоздавшая, но **Кронье**, не объясняя причины, сейчас же начал палить по английским заурядным ящикам.

Почему-то англичанам казалось, что лучше всего выступать и воевать ночью, но это неправильно. Для этого нужно знать местность и позиции врага. Большей частью выстрел не достигает своего назначения. У англичан ружья были системы **Ли-Метфорда**, а у буров – **Маузер**, образца 1893 (1896) года, были пушки: полевая, скорострельная пупка системы **Шнейдер** и полевая мортира системы **Круппа**.

Во время отступления, бригада попала под обстрел неприятельской артиллерии и понесла опять большой урон. При сражении у деревни Колензо у буров были орудия.

Англичане выиграли сражение, но ввиду того, что подмога не подошла вовремя, они были оттеснены бурами. Вообще **Кронье**, видимо не хотел выпустить англичан из окружения Кимберлея.

Алмазные копи, доставляющие огромные доходы частным предпринимателям, привлекали вожделённые взоры англичан, поэтому он особенно опекал всю эту местность.

Потери англичан за время моего пребывания у буров с 1899 года по 1900 год были, по моему, огромны как от боёв, так и от болезней: тифа и лихорадки и в офицерском составе и среди солдат в общем от климатических условий, от солнечных ударов и, благодаря капрису **Чемберлена**, Англия оделась в траур.

Буры очень прислушивались к советам **Вильбоа-Де-Мореля**, он советовал атаковать позиции города Ледисмит, где англичане сосредоточили главные силы и как бы боялись отойти от них. Там и была их база, по между команде у буров пошли разногласия, атака была неудачна и буры её прекратили.

Как **Кронье** защищал Кимберлей и сосредоточивал главные силы Оранжистов, кроме Колензо ещё у Босгофа, – где стояли мы с **Вильбоа-Де-Марелем**, так и генерал **Уайт** защищал город Ледисмит, ввиду того, что он был заселен англичанами и африканерами (африканеры это жители Капской колонии).

Он боялся восстания последних, но они об этом не помышляли из-за имущества.

Для прикрытия прянного фланга был им послан подполковник **Карлстон**. Отряд двинулся ночью, но утром они увидели, что, буры, под начальством генерала **Жубера**, постепенно окружили отряд.

Начался ожесточённый бой, который закончился тем, что отряд англичан сдался, выкинув белый флаг.

Буры не торжествовали свою победу и не глушились над англичанами, наоборот, они пели довольно грустные псалмы.

Буры выносили на руках раненых англичан, окружали их всевозможными заботами и уходом. Это была последняя победа генерала **Жубера**, вскоре он умер. Для буров это была большая потеря, они его очень ценили, как человек и как талантливого полководца(?)

Крюгер, говорят, плакал горючими слезами над гробом своего неразлучного друга. Как француз, **Вильбоа** счёл нужным поехать в Преторию и выразить супруге **Жубера** соболезнование. Поехал и я с ним. Хотелось посмотреть на дам высшего света колонии.

По приезде, мы, не теряя времени (**Вильбоа** боялся остаться полк надолго), пошли в дом генеральши **Жубер**.

Такой же конструкции, как дом **Крюгера**, но гораздо лучше обставленный. В глубоком трауре сидела пожилая сухощавая женщина, очень приятного вида, она не плакала и не кричала, как это делается у нас, но очень прочувственным голосом

сказала, что покоряется судьбе, гордится мужем, всю жизнь положившего интересам горячо любимой родины. Жалеет, что пережила его.

Она была окружена жёнами военачальников, среди которых, как и её муж, выделялась мадам **Девет**, очень живая и хорошенёкая женщина.

Жалел, что меня им не представили. Они сидели кружком, всё в трауре, о чём-то оживлённо разговаривали. Подали кофе. Негритянка очень ловко обносила большой серебряный поднос, вся её фигура выражала скорбь.

Помимо кофе, нам подали виски. По приезде моём в Африку, я его не пил, но благодаря войне, дежурствам в холодные ночи, даже пристрастился.

Исполнив весь, в этих случаях, положенный церемониал, мы сейчас же покинули Преторию и помчались к лагерю – фермам, которые мы занимали.

Англо-бурская война очень подорвала военный престиж Англии, как непобедимой великой державы.

Уполномоченный бурских республик в Европе – доктор **Лейдс** всё время уверяет, что до Европы не доходят известия о сражениях и Южной Африке, о поражениях англичан.

Победы **Деларея**, плenение лорда **Метуэна**²⁴¹, добровольное его освобождение бурами и, наконец горячее желание короля **Эдуарда VII** ко дню коронации покончить с войной, убедило английский кабинет предложить мирные условия, на что охотно отозвались представители Трансвааля и Оранжевой, и с согласия **Китченера** явились сначала в Преторию, а затем в Кронstadt для свидания с главнокомандующим **Китченером**.

Со стороны буров было представлено три пункта, из них два животрепещущие и в общем, пришли к следующему:

1. Сохранить республикам независимость,
2. Вознаграждение пострадавшим от войны бурам,
3. Амнистия восставшим африканерам – жителям Капской колонии.

Но подобные условия, подрывающие могущество Англии, вредящие её репутации после трёхлетней упорной и крово-

пролитной войны со столькими жертвами, указывали бы на её полное поражение.

Правительство на подобные условия не могло согласиться, а также на амнистию своим мятежным подданным, поэтому, несмотря на горячее желание обеих сторон договориться, мирные переговоры были шатки. Одна из сторон должна была пойти на компромисс и вот, буры, горя желанием прийти к этому концу, согласились потерять свою независимость под условием получения самой широкой автономии. Таким образом Наталь, Капская колония и вновь присоединённые Трансвааль и Оранжевая должны были составить Южно-Африканские Соединённые Штаты с особой конструкцией и парламентом, но под верховным покровительством Англии.

Всем пострадавшим и потерявшим имущество бурам, Англия обязывалась выплатить в виде субсидии 10 миллионов фунтов стерлингов.

Это не затрагивало самолюбие англичан, также как и полная амнистия африканерам.

Это, те условия, на которые пошли благородные буры. Согласились также и англичане.

Так как во время переговоров, перемирие не было заключено, война также продолжалась. Англичане преследуют **Деларея** как бы в отместку за его благородный поступок – освобождение из плена лорда **Метузэна**, но он недосыгаем, наносит два поражения там, где англичанам хочется говорить о победах.

В первой экспедиции **Деларей** прорвался из линии блокгаузов, имел сражение, где сильно пострадали англичане. В тот же день вечером, он имел второе победоносное сражение, в котором англичане потеряли 174 человека, а **Деларей**, разделив на две части свой отряд, направил одну часть к северо-западу, а другую – на юг; **Луи Бота** из восточного Трансвааля идёт уже форсированным маршем на Наталь. Буры не волнуются, их репутация незыблема на основах побед и милосердия, поэтому они с лёгким сердцем идут навстречу болезненному самолюбию англичан, их гнетёт разлука с президентом **Крюгером**, который как таковой, не вернётся в Преторию и как простой

гражданин к своему, после смерти жёны осиротевшему очагу.

Он прощается, как глава с родными ему бурами, с чистой совестью смотрит им в глаза. Он не поколебал их веры в себя, не унизил не только перед лицом Европы, но и всего обширного мира их достоинство, как нации, которую теперь все знают, уважают и удивляются их могущественной моральной силе и замечательной военной славе.

Китченер многогранен в военных уловках. Желая, как я уже говорил, преподнести королю **Эдуарду** мир, вплести в его корону лавры побед бурской войны, он создаёт блокгаузы и блиндированные поезда. Последние в самом деле, приносят пользу англичанам: своим внезапным появлением, они задерживают движение буров, но всё же его главное стремление – это окружение **Кронье**²⁴².

Он бьёт на это и этим поддерживает в парламенте уверенность в полной победе над маленьким народом, великим по своим действиям, а парламент в свою очередь обманывает народ и на основании этих надежд увеличивает непомерные налоги, уверяя, что страна золота и бриллиантов окупит все.

Но буры крепки, они не могут простить **Китченеру**, что для их истребления он принимает те меры, на которые не шёл даже **Аттила**, а именно, живые прикрытия из женщин и детей, из-за которых англичане спокойно стреляли в их отцов и мужей.

Остальные меры меркли перед этой жестокостью, а Гаагская конференция молчала, но, не смотря даже на эти меры, буры продолжают держаться и наносить своему могущественному врагу неслыханные поражения.

В интервалах блокгаузов пролетают отряды **Девета** и **Деларея** и портят полотно железных дорог, что особенно пагубно для английских войск.

По Оранжевой реке тянутся две большие линии блокгаузов. Они построены, как мне объясняли сами буры, то как каменные сооружения, то как обыкновенные полевые шанцы, они должны служить барьераами и принуждать, якобы, бурские отряды к капитуляции.

Но, увы, напрасно. Каждый бурский генерал охраняет вверенную ему местность и только в крайнем случае выступает на помощь соседу маленькими отрядами не более 1000 человек. В этом секрет быстроты, они налегке.

Да и эти блокгаузы охраняются очень незначительными гарнизонами в 15 человек. Они, видя своё полное бессилие, спят и утром узнают, что бурские отряды прошли.

Все меры, предпринятые **Китченером**, как-то: полное окружение всех буров, следствием чего должна быть полная капитуляция, немыслимая, недосягаемая из-за огромных пространств, а голodom их брать – просто насмешка, не так их мало было и при том каждая избушка, а тем более ферма, как бы её не разоряли всё-таки была поддержкой для буров.

Следовательно, все эти предположения сводились к нулю. Необходимы были только наступательные, непрерывные сражения, открывая война, бой и **Китченер** готовился к ним, готовились и мы, **Вильбоа** оповещён о каждом распоряжении **Китченера**²⁴³.

Дивизия **Деларея**, комплектно с нами стоит у Бозгофа, местность довольно открытая, вполне пригодная к бою. Необходим бой, чтобы восстановить бывший, благодаря своей изолированности, блеск некогда блестящей Англии, она не нуждалась ни в каких союзах и ни с кем благодаря географическому расположению, а теперь она заключает союз с кем? – с Японией.

Непонятно, что это ей даёт. Может быть этот союз открывает новую эру дипломатических отношений, но пока это явное нарушение традиций Англии, так строго и неуклонно ею охраняемых столько веков и всем этим унижениям она обязана бурам.

После смерти **Жубера**, **Луи Бота** был назначен главнокомандующим. Буры вели войну на территории англичан с тем, чтобы постепенно в боях затягивать неприятеля вглубь своей страны и эта национально-освободительная борьба против империалистической Англии, хотя и имела для буров с одной стороны печальный исход, с другой – имела прогрессивное значение, она несла надежду всем угнетённым народам мира.

Своей самоотверженной борьбой, буры нанесли англичанам огромный моральный и материальный ущерб, они продолжали, как мне писали друзья по острову Святой Елены, партизанскую войну до 31 мая 1902 года и за 2 с 1/2 года войны число английских войск достигло до 450 000.

Итак, когда **Бота** осадил **Кимберлей**, то запер в нём **Сесиль Родса**, а буры надеялись поднять на помошь себе Капских буров, 300 000 человек²⁴⁴.

Последние втайне сочувствовали своим собратьям, но изза имущества не решались поднять оружие вначале, но потом не выдержали и двинулись на соединение²⁴⁵.

Кронье бодро держался, не желая отступать, но натиск 40 тысячной (менее 30 000) армии, которую **Китченер** бросил на него 13 тысячное войско (чуть более 4000), заставили его отступать арьергардами, боями отражая нападение их (?), так, считая его армию самой сильной и организованной, ввиду наличия нашего полка с **Вильбоа-де-Марейлем** и **Делареем**. **Китченер** организовал именно его преследование этими громадными силами.

Итак, мы докатились до Босгофа, у стен которого произошло кровопролитное сражение и девять дней шла эта беспри мерная бойня: погибло 3/4 нашего, можно с гордостью сказать, доблестного полка с героем-командиром **Вильбоа де-Марелем**²⁴⁶.

Он был ранен в голову осколком гранаты, умирал под свист пуль и шума страшнейшей канонады, не умолкавшей ни на минуту, у меня на руках в полном сознании, просил передать привет дорогой Франции, жалел, что умирает и не может ещё послужить во славу Родины.

Мы, оставшиеся, рыдали, теряя не только настоящего отца-командира, но редко кристаллической души человек

Я, вновь, как при отце, переживал потерю дорогого человека, с которым прожил бок о бок почти год, вспомнил его грустное настроение в последнее время – как предчувствие неумолимой смерти.

Бедный **Кронье** был потрясён – это была его надежда и её он терял²⁴⁷.

Тщетно **Девет** и **Бота** пытались вырвать **Кронье** из окружения. Попытки терпели неудачу. **Кронье** мог выйти из этого положения, но он не соглашался бросить жён и детей буров, которых англичане расстреливали из орудий и ко всем ужасам не позволяли буров хоронить своих покойников. Под палящими лучами солнца трупы разлагались и вспыхнула эпидемия тифа.

Кончились не только военные, но и съестные припасы. Мы ели конину, которую сами жарили на солнце. Я с трудом глотал эти жареные куски без соли, они имели сладкий привкус, вызывали, может быть с непривычки, тошноту, а у многих кровавый понос, который, в свою очередь уносил не мало жертв.

Мой железный организм выносил все эти невзгоды, но, конечно, я страдал от голода, а главное, от жажды. Как назло стояла тропическая жара, без благодетельного тропического дождя, который мы усердно вызывали.

Я не мог без содрогания смотреть на несчастных детей, старшие довольно стойко выдерживали эти страдания, но крошки, не находя ни капли молока в иссохшей груди матери, уже не имели сил плакать, мяукали, как котята, и, не даром несчастные буры говорили:

Слёзы наши отольются англичанам. Это, был ад!

СДАЧА КРОНЬЕ И ПЛЕН

Кронье не мог выдержать, видя эти страдания; все эти неодолимые причины принудили героя **Кронье** сдаться и он сдался.

И с первой частью сдавшихся буров, он был сослан на остров Святой Елены – с 1673 года английский.

Другая часть, по совершенно непонятным причинам, без всякого суда, была приговорёна к расстрелу. Среди них попал и я.

Обрадованные такой, на мой взгляд, гнусной победой, войска **Китченера** бросились и окружили, как военнопленных и под сильным конвоем вывели с поля сражения, а всё же 300 буров прорвали блокаду и ушли.

Войска англичан вступили внутрь страны и началось мас-сное отступление буров к своим границам.

Так, я военнопленный; глазное, что меня удручало, это – что я ничего не добился. Почти два года борьбы²⁴⁸ и изо дня в день со всеми ужасами и переживаниями ни к чему не привели и я должен был так постыдно умереть на чужбине, вдали от близких и дорогих моему сердцу и всё же моё сердце билось в унисон с разумом, с сознанием, что я внёс маленькую лепту для счастья этого геройского народа. Смерть **Вильбоа** произвела на меня удручающее впечатление.

Я был подавлен, разбит и то, что я пленник и подвергнулся через несколько часов, а самое большое день расстрелу, меня как-то не трогало, все потупилось и иссякло. Я, как будто, невидящими глазами смотрел на окружающий меня мир, не принимая участия в нем.

Закатится солнце, ляжет тёмный полог ночи, безоблачное небо заискрится миллиардами звёзд и воцарится на некогда живой, трепещущей стране мёртвая тишина пустыни. Это наследие войны.

Наутро казнь, но без боязни он мыслит об ужасной казни. Моя жизнь не физически, а морально ужасна.

Вильбоа говорил мне, что во всех французских и даже американских газетах писалось о моём участии в бурской войне²⁴⁹ и, что если подобное известие попадёт в наши русские газеты и, благодаря этому, мать моя узнает о моей участии какой это будет для неё удар. У неё возникнет безответный вопрос – где эта страна и как он туда попал? Мысль о матери наполняла моё сердце в этот трагический момент тёплой радостью, давала возможность бодро смотреть в глаза приближающейся смерти и я невольно вынул карточку, долго смотрел на дорогие черты, и в лице её прощался с родиной, родным домом, в котором протекло мое беззаботное детство и юность и затем отдался в руки жестокой судьбы.

Нас, человек сто, при первых проблесках зари, вывели и расставили вдоль стены. Отряд солдат-шотландцев с ружьями на перевес стояли наготове, ожидая роковое – или.

Не знаю, проходила ли какая-нибудь связная мысль в моей голове, как мне казалось совершенно пустой. Меня раздражала методичность, с которой английские офицеры приступали к этой, по их мнению, законной, а по моему крайне незаконной и бесчеловечной процедуре – лишения жизни людей за защиту отечества, что не проводилось даже в варварские времена, а тем более в XX веке, быстро растущей цивилизации.

Ужас обуял меня при виде этих несчастных, таких храбрых, беззаботно преданных своей земле, тут были все возрасты, они бодро выступали и, гордо, не мигая смотрели на своих палачей, я же машинально продолжал держать карточку матери.

В эту минуту мимо меня прошёл офицер, подошёл, – посмотрел, удивился костюму (грузинскому), которого никогда не видел, стал расспрашивать, что за костюм и кто я?

Я сказал, что костюм грузинский и я грузин. Он страшно поразился, а узнав фамилию отскочил, отставил от расстрела и побежал к своему начальнику с докладом, а тот стремглав к **Китченеру**.

Видимо, последовал его приказ, и под конвоем меня отвели в тюрьму.

Что сказать про этот ужас, который меня встретил в этом аду. Наши тюрьмы показались мне рааем, полуёмная, сырая, с каменным полом камера. Вдоль стены привинчены на длинных цепях заключённые.

Я в жизни не видел таких страшных лиц. Они форменно потеряли человеческий образ... Чем их кормили, я не знаю, думаю – только хлебом и водой.

Это были настоящие выходцы с того света, они наводили на меня страх, но хуже всего были клопы. Как только я задумал лечь на свою деревянную лежанку, на меня напали целые отряды громадных клопов, никак я не мог них избавиться, они форменно истерзали, съели меня, не давали ни минуту покоя.

Кормили меня три раза в день довольно порядочно, но я голодал, не мог проглотить ни кусочка. Сколько пар голодных глаз смотрело на меня и я всё отдавал.

Наконец, выведенным из терпения всей удручающей об-

становкой, я начал кричать на всю тюрьму, что я не преступник, а только военнопленный.

Мое негодование выраженное так громко и настойчиво дошло до ушей начальства, дверь отворялась, явились два вооружённых солдата и перевели меня в светлую, а главное, чистую комнату.

Я как мёртвый свалился на стоящую лежанку, заснул. Спал я видимо очень долго от нравственного и физического утомления. Смотритель говорил, что меня никак не могли разбудить, чтобы я поел.

Видимо, сон был нужней. После 24 часового сна, я проснулся совершенно бодрым, мне принесли сытный завтрак и для подкрепления сил стакан виски. Это лакомство, как мне кажется, было лично отсмотрителя и я его очень поблагодарила.

Он мне сказал, что пришло распоряжение от **Китченера** представить меня ему, как только я проснусь и вот, после трёхдневного пленения, опять под конвоем солдат я очутился в передней главнокомандующего Британской армии. Каково достижение? Я думаю – небольшое для свободолюбивого грузина. Дверь открылась и адъютант ввёл меня в кабинет.

У письменного стола в высокой, светлой и прекрасно обставленной комнате сидел **Китченер**, который при входе моём встал и, не подавая руки, вплотную подошёл ко мне.

Я думал, что он будет бросать на меня молниеносные взгляды разгневанного **Юпитера** и собирался ответить ему тем же, но встретил даже, как будто, почтительный взгляд великолепных серых глаз, меняющих цвет подобно хамелеону; через минуту они мне показались тёмными под дугой чёрных бровей.

Он поражал вдохновенной силой ума, которым приковывает внимание. Прекрасно владел французским языком, без всякого акцента, что весьма редко среди англичан.

Вообще он на меня произвёл весьма благоприятное впечатление красивого, энергичного и умного человека. Он был не особенно высокого роста – коренаст.

Он был наполовину ниже меня и я невольно смотрел на него сверху вниз.

Мы несколько минут молча всматривались друг в друга и как будто остались довольны этим, хотя и мимолетным, осмотром. Мне как-то трудно было поверить, что этот, приятный на вид человек, мог быть зверем в отношении бедных буров, в особенности женщин, отправляя их в концентрационный лагерь с детьми²⁵⁰.

Он приступил к допросу, спросив: Вы **Багратион?** и на мой утвердительный ответ продолжал: зачем вы воюете с нами? – По убеждению. Я приехал в Африку случайно путешествовать. Узнав, что бедный, маленький народ подвергается нападению могущественной Англии, я решил встать в их ряды. Я не терплю несправедливости, считая, что каждая нация стремится к самостоятельности, к благосостоянию своих граждан. Возмущён расстрелом военнопленных. Я думаю – факт небывалый в истории войн.

Китченер: Мы расстреливаем не военнопленных, а мятежников²⁵¹, а вас, как военнопленного высылаю по распоряжению английского правительства, на остров Святой Елены.

Я поклонился и тем же порядком вернулся в свою камеру в ожидании посадки на военный корабль, отплывающий на этих днях с оставшимися в живых бурами к берегам Святой Елены.

Буры называли **Китченера** «Удавом» и вот, именно на нём отзывались бурские слёзы; он погиб в 1916 г. когда вёз в Россию на военном пароходе (крейсере) «Хемпшир» (за) золото (и) свой военный талант, был выдан **Распутиным**²⁵² и взорван немецкой подводной лодкой²⁵³ у берегов самой Англии, когда «Хемпшир» только разводил пары, чем откровенно – сказать, я был огорчён.

НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

Итак, уже без красных очков к не свободным гражданам, а военнопленным, плыл я трюме к берегам исторически известной Святой Елены, как местопребывание несчастного **Наполеона**, на Атлантическом океане, с главным городом Джемс-Таун.

Ситуация была не из приятных, тем более, что я всё плавание лежал плашмя и даже не знал сколько дней понадобилось на этот злополучный переход, благо не бурный.

У Джеймс-Тауна, когда были брошены якоря, меня стащили мои соратники. Нам дали возможность отдохнуть, поесть и затем мы эшелоном двинулись к лагерю, находящемуся на высотах на довольно далеком расстоянии от города.

Проходя через него, он мне показался довольно приличным, широкие улицы, магазины, вот всё, что я успел увидеть.

Шли мы довольно быстро, чтобы поспеть в лагерь до сумерек. В Трансваале имела хождение золотая валюта, то есть Золотая монета – прекрасного золота, червонного²⁵⁴ цвета с изображением **Крюгера**. Я польстился на него и обменял на **Крюгера** все деньги, какие я имел и спрятал их в грузинский пояс, который всегда носил. В момент пленения, солдат сорвал его с меня и вытащил половину денег. Остальную половину я успел вырвать. Это было большое счастье, иначе я бы умер с голоду, так как нас не кормили; приходилось, как говорится, на своих харчах. Пришли в лагерь задолго до сумерек. Мне дали прекрасную палатку, в которой кроме тахты, ничего не было и мне пришлось понемногу обзаводиться мебелью, которую я сам делал, так как времени было много.

Нас, во избежание побега, не выпускали за черту лагеря, везде стояли часовые. Да и куда было бы бежать, окружённым со всех сторон океаном.

Тихий плеск волн безбрежного Атлантического океана о серые, лишённые растительности, громадные скалы, навевал тоску, но величественная картина заходящего солнца и багровой зари, отражавшиеся в зеркале зелёных вод, радовало взор.

Я думал, что не раз **Наполеон** наслаждался этим зрелищем, мысленно переносясь к милой Франции.

Дворец **Наполеона**, в виде небольшого дома и построек для его свиты, находился на другой стороне острова, среди богатой тропической растительности.

Он прожил со своими книгами-дневниками-воспоминаниями, которые диктовал своим приближённым и сре-

ди сплетен и интриг своих придворных, под строгим надзором адмирала **Комбури**, а затем жестокого и придирчивого **Гудсон-Лоу** с 1815 года до 1818 год. Умер от рака желудка и был погребен сначала на острове Святой Елены, а впоследствии, с разрешения англичан, прах его был перевезён в Париж с большой помпой сыном короля **Луи Филиппа** – принцем **Жуанвильским**.

После двухмесячного пребывания на острове Святой Елены, нам, графу **Бреда** и мне, разрешили посетить этот домик и расписаться в книге для посетителей.

Был у меня французский консул и просил бывать. Он жил в **Наполеоновском** домике, где стоял прекрасный бюст **Наполеона**, как упрёк не только англичанам, но и всей дипломатической Европе во главе с коварным **Меттернихом**, сумевшим скрутить такого военного гения и не пощадившим и его несчастного сына, которого, как говорили, Франция жаждала видеть на престоле под именем **Наполеона II**.

Я был взят в плен 5 апреля 1900 года²⁵⁵ и за 1,5 года²⁵⁶ я принимал участие в сражениях под Преторией, под Бленфордом, Абрамцали, (Абрамкраалем?) Обштадом и Бошован.

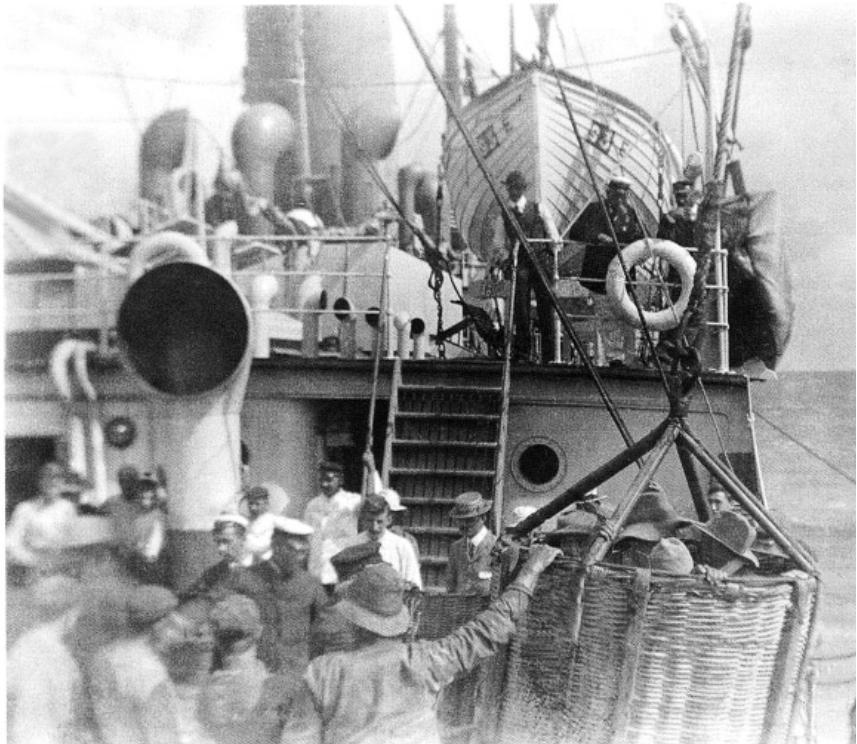
Всё подробнейшим образом описано в моей книге, которую у меня отобрали. Судьба её мне неизвестна. На острове Святой Елены нам не позволили вести дневники, письма же писать в Европу можно было только открытки и то раз в месяц и эти открытки проходили строгую военную цензуру.

Однажды мне захотелось написать матери по-грузински. Эта открытка не прошла. Меня потребовали в цензуру и вернули её, несмотря на то, что я дословно перевёл написанное. Таковы жестоки законы войны.

После высадки на острове Святой Елены, нас разделили на корды – офицерство, в их числе числился и я, отдельно от солдат.

Мне, как я уже писал, дали прекрасную палатку, но с земляным полем. К сожалению не было денег застлать его досками, как сделали многие буры.

Не только мне не удалось застлать пол моей палатки, но

Погрузка пленных буров на корабль в корзине в порту Дурбана для из первозки на остров Цейлон и на остров Святой Елены

мне пришлось собственными руками обставлять свою палатку, номер 4, начиная с кровати: она состояла из двух боковых брусков и четырёх ножек, по середине я протянул верёвки, чтобы с непривычки мне не было больно лежать на верёвках, я купил вместо тюфяка²⁵⁷, четыре мучных мешка, вместо простыни, была постлана kleenka. Накрывался я двумя фланелевыми одеялами, которые мне дали англичане, а подушку заменила мне сырая земля, завернутая в мой пиджак, на что я и клал свою буйную голову. Затем стоит письменный стол, не большой, но очень удобный для занятий, когда нет дождя и ветра, сделанный мною из большого ящика – подарок коменданта.

На столе стоит подсвечник – бутылка со свечой. Здесь я пытался писать свой дневник²⁵⁸ изо дня в день все мои переживания с сознательной поры моей жизни.

Стояли у меня ещё два ящика, один для провизии, а другой – гардеробный. Если заглянуть в провизионный ящик, то можно было найти одну маленькую банку сахара, одну банку пикулей, одну маленькую коробку какао, пол дюжины спичек и папиросы, такие, какие у нас курят угольщики, долго не мог к ним привыкнуть.

Что касается моего мзитеvi (приданое), – оно было очень мизерное, а главное всё это подарки неизвестных мне лиц, но я был очень им благодарен.

Я очень страдал во время тропических дождей, ходил босиком, не имея возможности купить хотя бы чусты и перемену белья, а костюм грубошерстный, который причинял с непривычки страдания.

Мои дорогие однополчане – голландцы как, капитаны **Фигеллиус** и **Витхамор**, а в особенности граф **Бреда**, предлагали мне взаймы, но я не решался брать, не зная, когда я смогу заплатить.

Молчание моей матери, да вообще всех моих родственников, повергло меня в отчаяние, я предполагая, что англичане не посыпали моих писем.

Все начальство, комендант в особенности, затем офицеры были чрезвычайно внимательны, отзывались на мою малейшую нужду, стерегли меня очень, боялись побега. Напротив моей палатки стояла будка с часовым.

Дали мне камердинера француза **М. Кост**.

Он смотрел за мной, как за ребёнком. Уже в 7 часов утра я пил душистый кофе с сахаром и со сливками. Он горевал о скучности моего гардероба, настолько бедного, что не имел перемены и сушил всё на своих плечах. Бог милостив и я не болел, но правда, скинул три пуда – на Острове Святой Елены весил 5 пудов 12 фунтов.

Это было, как мне кажется, следствием девятидневного боя под Босгофом²⁵⁹. Этот ужас мне не хочется вспоминать.

Деньги у меня на еду были – эти золотые **Крюгера**. Я дал разменять своим однополчанам **Витхамору** и другим на английские фунты и экономил, боясь голода, вёл подробный счёт, записывал всё, что покупал в кантинке (английская бакалея), чтобы знать какая сумма мне нужна на пропитание. Оказалось 54 шиллинга в месяц – сумма весьма мизерная.

В первые же дни приезда на остров Святой Елены, ветер снёс мою шляпу и мне пришлось ходить с платком на голове, что было неприятно. Так как шёл дождь и было ветрено, то мне грозило простудой.

В одно утро вошёл ко мне полковник-комендант узнать действительно ли я потерял шляпу.

Убедившись в правдивости донесения, через английского офицера же прислал мне совершенно новую шляпу.

Я был бесконечно счастлив.

Да, я подал прошение, почему-то оно было направлено **Роберту**, а не генералу **Китченеру**, с просьбой разрешить мне пароль.

Достойный генерал ответил: что не находит достаточного повода к этому. Но я свободно обошёлся без пароля, всюду ходил, бывал часто в семье коменданта.

Он однажды пригласил **Бреда** и меня на роскошный завтрак – яичницу, каждое яйцо на острове Святой Елены стоит десять рублей золотом, а затем мы втроём отправились к французскому консулу, где очень приятно провели время.

Консул, желая мне сделать приятное, как жителю России, подал чай, не подозревая, что я его совсем не люблю.

В какой бы ни было обстановке, человек выявляет себя, нуждаясь в культурном общении с себе подобным, и вот, почти каждый вечер мы собирались у друг друга.

В первый вечер были у меня, собирались играть в карты, я хоть и был любитель, но за неимением денег, только смотрел, а ещё больше конфузился, так как, не имея возможности угостить должным образом гостей, принуждён был предложить им чай. На острове Святой Елены вода с привкусом цинка и чай неприятный.

Благодаря этой ужасной воде пленные страдали дизентерией. Я, как-то гуляя, заглянул в госпиталь и ужаснулся, более 30 человек лежало – это настоящий бич; я старался не пить.

Второй вечер прополи у **Фигеллиуса** до двух часов ночи в разговорах о политике, говорили о войне с Китаем. В голландских газетах писали, будто, европейцы убили сами своих жён и детей, не желая попасть на растерзание боксёров, а китайцы убили до 800 европейцев и благодаря этой неразберихе, вероятно и войне, положение военнопленных всё ухудшалось, очевидно, придётся надолго обосноваться на острове Святой Елены, что никому не улыбалось.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, мы играли в шахматы, угощал нас хозяин прекрасно, дал нам по кусочку колбасы, полученной из Амстердама – главный город Голландии. Почти весь июнь шли дожди, страшный ветер так буйствовал, что снёс в лагере несколько палаток со всем имуществом, нам приходилось сидеть в мокрых палатках, окружала их невылазная грязь.

А грозы и молнии зигзагами испещряли небо, их яркий свет ослеплял, а присвист ветра, гул грома наводил страх.

Океан бурлил, его белые гребни, подобно чайкам, разметались по всему безбрежному пространству.

Вот где воочию выявилось величие природы и как в это время царь природы – человек казался ничтожным.

Мы были в тропической севере, ко солнце отсутствовало, ждали его лучей, как проявления особой благодати.

В один из таких грозных дней, горделиво качаясь на взводнованных гребнях Атлантики (из Европы) приплыл Ллойд, вызвав крик восторга у пленных европейцев.

В этом взрыве сказалась вся тоска – ожидания, надежда, и, влекомые этим неудержимым чувством, они ринулись к почте, куда снесли все письма и посылки.

Мое сердце ныло и с горечью я чувствовал, что я не среди избранных, поднималось чувство незаслуженной обиды. Неужели забыт? И кем? – матерью, сестрой и братьями. Не может быть, – успокаивал я себя, письма не дошли и я опять присел к своему письменному столу и стал строчить на открытках с

видами Святой Елены. Но не только погода, но и пленные дебошировали.

При перекличке английского сержанта ударили негр – трансаальский, который дрался с бурами. Поднялась драка, и каково было моё удивление – буры все пошли против несчастного негра.

Затем, солдат-француз с моего корда, подрался с буром, свалил его на землю. Все буры пошли на помощь своему буру, а американцы стали на стороне французов и победа была на стороне европейцев. Английские солдаты подрались между собой, чёрные против белых пошли даже, в штыки.

Это создало среди ночи большой переполох, убийства не было, но много раненых и англичан около 25 человек, а чёрных всего семь человек.

В наказание за этот всё же кровавый инцидент, чёрных отправили на войну в Африку – всё это было ужасно, пора бы страстям улечься.

Бедный комендант, полковник **Шиль**²⁶⁰ был потрясён всеми этими неурядицами; одних буров было две тысячи, а нас – европейцев, не знаю, и за всех, и за всё он в ответе.

Чтобы развлечься и, видя, что погода меняется, – **Фигелиус** и я с 10 часов утра отправлялись на прогулку к западной части острова, вернулись в 5 часов вечера весьма довольные, но очень утомлённые.

Я сейчас же лёг и прекрасно проспал до 10 часов утра, – ведь благодаря дождю, я всё время не спал от того, что постель из мучных мешков была совершенно мокрая и я рисковал получить ревматизм.

Я едва облачился в свои отрепья, как явился ко мне английский офицер, прося придти вечером на заседание. Он Проектировал открыть клуб для лаун-тенниса и меня выбрали председателем клуба.

Я был страшно сконфужен, они вероятно рассчитывали на мои щедрый взнос, которого у меня не было. Я сказал, что польщён незаслуженным вниманием, искренно благодарил, но принять председательство не мог.

Он был ошеломлён моим отказом и слышать о нём не хотел, пристал, прося придти и я, не видя выхода, согласился скрепя сердце.

Вообще, почему-то я слыл за богатого человек и правнука **Петра Багратиона**. Последнее особенно импонировало как англичанам, так и всем и я незаслуженно пользовался в лагере уважением и любовью всех, что меня особенно трогало.

Для буров, я был героем, свою благодарность они всячески старались выражать при встрече. Я внёс в клуб, мною сработанный, без надлежащих инструментов, перочинным ножом, столик и шахматные фигуры.

Это подношение подвело присутствующих в восторг. И я был доволен, что не остался в долгу.

Наступили лучшие дни, погода резко изменилась, солнце начало нас пригревать и все радовались его живительным лучам. Лагерь ожила, пошли спортивные празднества – футбол, волейбол и так далее.

14 июля, в память революции, Французы праздновали падение Бастилии, музыка играла с утра, началось с Марсельезы, её волнующие звуки будили бодрость и жажду свободы.

В одно прекрасное утро случилось чудо из чудес, но реальное. Из Америки у наших безлюдных берегов бросил якорь огромный океанский пароход, снабжённый съестными припасами, консервами, одеждой и представьте, на удивление всего острова на моё имя. Кем прислан? Кто этот благодетель?

Я обомлел, боялся верить счастью, что сумею облегчить невыносимые страдания – главное голод несчастных пленников всех национальностей.

Полковник вызвал меня и просил присутствовать при выгрузке парохода, а также при раздаче присланного.

Я с радостью взялся, помогли все и всё было раздано, никто не был, забыт, Я тоже облачился, в чистое бельё, в костюм, правда, немного короткий для меня, но я был так счастлив чувствовать себя человеком, что не обратил внимания на такой пустяк.

Как видно, этот огромный пароход был каплей в море, но

всё же поднял настроение и бодрость.

По всему лагерю прошёл ошеломляющий слух: сорок буров подали прошение королеве **Виктории** о том, что они принесут присягу в верноподданство, если она их вызволит из плена и вернёт на родину.

Этот подлый поступок, с явным колоритом измены погубил всех.

Чувствую – постепенно мною овладевает тоска по родине. Это щемящее чувство гложет меня день и ночь, я борюсь, не хочу поддаться, а то бы пропал, все пытаюсь надеждой, что письмо с родины воскресит меня и я жду, жду, горит одинокая свеча, которой очень дорожу. Даже нет книг.

Всё продолжают присыпать мне книги духовного содержания на немецком языке, я его не знаю, но тронут и шлю сердечное спасибо.

Я сижу в своей клетушке, переживаю всю свою жизнь и при сравнении, она мне кажется раев, раев, которого я не ценил, всё метался, радовался, радовался путешествиям, не ожидая такого оригинально-печального конца. Да конец ли? Будущее покрыто мраком. **Фигеллиус** получает старые голландские газеты. Утром он зашёл и прочёл. Написано о сражении 5 апреля 1900 года, когда мы были взяты в плен, о смерти бедного **Вильбоа** и что я тяжело ранен. Кто этот репортёр, так плохо осведомлённый? У меня нет ни царапины. Я сам поражён, ведь я был, что называется, в пекле.

Зашёл английский офицер, который жаждал дружить со мной, но я оставался холоден к этим проявлениям.

Между прочим, он рассказал о гибели в океане четырёх молодых людей, среди них был сын нашего капитана – **Мики**. При сильном ветре они вздумали кататься на лодке, лодку перевернула порыв ветра и несчастные очутились в воде и начали тонуть к счастью их заметили в Джемс-Таун с военного парохода, выслали шлюпку с матросами, двух выловили чуть живыми, а двое погибли.

Утром мой камердинер меня наказал – не подал, за неимением дров и углей, кофе, а через несколько дней пришлось

пить горькое кофе – не было сахару, но всё это были пустяки в сравнении с моим гнетущим настроением.

Мне было просто неловко перед всеми, все пленники получали письма, а упорное молчание моих близких наводило со мнение в моём происхождении.

Публика шутя поднимала этот вопрос, что весьма сокрушило меня.

Чтобы развлечь, мне подарили цитру и с присущей мне энергией, я взялся за упражнение и упорно учился играть. Мелодичные звуки вливались бальзамом на наболевшую душу и сокращали время, но я жаждал книги, этого неизменного товарища-друга человека; писал и просил своих выслать, но вместо русской, я опять от незнакомки получил французский журнал «Фигаро».

Я с удовольствием прочёл его от начала до конца, даже объявления.

Пришли английские газеты. Они гласили о том, что русский синод считает ядом для народа произведения **Л.Н. Толстого** и принял решение его выслать²⁶¹. Все культурные национальности, более или менее знакомые с произведениями **Толстого**, пришли в ужас.

Действительно возмутительно, этот корифей литературы, которым Государство должно гордиться, подвергается такому незаслуженному гонению. А ветер всё гудит, навевая тоску и всевозможные лишения.

Я опять без шапки, в палатке. На этот раз не знаю как быть, неудобно беспокоить любезного полковника и с горя я сыграл подряд пять партий в шахматы и, как ни странно, – в таком возбуждённом состоянии всё выиграл.

Утром вбежал ко мне **Витхамор**, преподнёс палочку прекрасного шоколада, полученного от жены и сообщил, что офицер француз **Мей** получил разрешение от англичан выехать во Францию, видимо родные хлопотали о нем. А я? Вечный узник!

Нет, надо бежать, невозможного нет на свете и под этим впечатлением, вместе со своими друзьями, я пошёл обходить

остров, чтобы найти место, доступное к морю, так как имеющиеся три спуска, охраняются двойным патрулем, а за собой я чувствую недремлющий глаз.

По дороге встретили оригинальную кавалькаду – дочерей французского консула на осликах.

Эта картина заставила меня улыбнуться. Она перенесла меня в Грузию, где женщина на осле – плохая рекомендация. Разные страны, разные обычаи и понятия.

Барышни-француженки, не говорят ни слова на родном языке, пришлось объясняться руками. Это показалось скучным и мы раскланялись.

Погода колеблодит накануне была хорошая, но когда я вышел на другой день в 7 часов утра из палатки, увидел на горах снег. По словам коренных жителей, весть небывалая, они никогда не видели снега, а снег 29 июля явление необыкновенное.

Англичане, к сожалению, не имеют метеорологической станции, я ни где в Африке не встречал ни одной.

День ото дня положение в лагере становилось тяжелей, на военном судне прибыли пленные европейцы. Мы бросились к ним за новостями, чтобы узнать в каком положении война, мелькает ли вновь призрак мира, или же обе стороны упорствуют, увижу ли я мою дорогую родину, семью; чувствовал, что без этой нравственной поддержки не выдержу.

Я всегда ленился, не поддерживал переписку, а теперь дрожу получить строчку с родины, не только написанную дорогой рукой матери, но даже знакомого – так меняются обстоятельства жизни.

Вечера наши продолжаются теперь уже монотонно, голод и сопряжённый с ним тиф леденит кровь.

Тщетно обследываем горизонт, не появится ли благодетель – пароход, но по безмолвному океану пробегает лишь волнистые барашки.

Что ужасно – почти нет на острове родников, воды еле хватает на питье, приходится часто ходить немытыми – это тоже способствует унынию.

Когда нас пленных офицеров вели под двойным конвоем с Джемс-Тауном в лагерь, любитель снял нас, я довольно хорошо вышел, он прислал мне в подарок снимок, я был очень доволен, вообще старался приобрести фотографии всех участников войны, военачальников буров. Ждал фотографию, где я снят с четой **Крюгер** не дождался.

Бедный старик, в этом ужасе – в провале вех его надежд на восстановление самостоятельности буров – забыл обо мне.

Вечером наша уютная компания собралась у капитана **Фигеллиуса** на виски. Я, чувствуя себя нездоровым, не пил. Мы играли в шахматы, потом отгадывали шарады на политические темы, не брезгали ничем чтобы убить время. В 11 часов вечера я вернулся домой голодный, рыскал по ящикам в надежде найти хоть кусочек хлеба – ничего. Так и лёг, но спал прекрасно.

Утром мой камердинер где-то раздобыл кусочек сахара и пил кофе в прикуску. Был очень тронут его отношением и бодрый и весёлый стал делать на дворе гимнастику, боялся отяжелеть.

В это время ко мне подошёл комендант – полковник **Шиль**, очень, его печалило тяжёлое положение пленных, он боялся эпидемии и ответственности, да и людей жалел. Ему разрешен двухмесячный отпуск на родину, но он не хотел уезжать, не обеспечив остров продовольствием.

Подсев ко мне на маленькую самодельную скамеечку, он в дружеской беседе просил ему помочь советом каким образом собрать деньги, что придумать, чтобы привлечь к этому население Джеймс-Тауна, всякие футболы, волейболы приелись и потому не приносят желательного дохода, нужно что-то новое, бьющее по нервам публики, чтобы вызвать желание помочь.

Такое сердечное отношение коменданта к пленным, вызвало во мне желание помочь ему. Я предложил конноспортивные состязания, то есть скачки с препятствиями лошадей и мулов.

Я жалел, что не умел джигитовать – это скачки с разными приёмами на всём скаку лошади.

Подобный способ совершенно незнаком иностранцам, но

чтобы ещё больше поднять интерес к этому предполагаемому празднику, как квинтэссенция, я предложил себя, а именно; к каждой руке привязать по необъезженной лошади, чтобы они сдвинули меня с места. Полковник пришёл в восторг и в самых сердечных выражениях благодарил меня. Он заранее предвкушал успех, собираясь крупным шрифтом поместить моё имя, как приманку.

Я от души смеялся, представляя себя этой приманкой. На другой день устроили сходку, говорил комендант, вызывал желающих принять участие в состязаниях.

Отозвались представители всех национальностей, включая и чернокожих. Все выбранные под моим руководством, в присутствии коменданта, с восторгом принялись за тренировку.

Были жокей и на лошадях и на мулах, я же свои выход держал в секрете по взаимному соглашению с комендантом, даже мои закадычные друзья не знали в чём будет заключаться мой выход.

Всех этот вопрос очень интересовал подъезжали ко мне, но я был нем, как рыба, этим ещё более увеличивая интерес.

Погода не играла никакой роли, но дождь очень мешал. По мокрой почве тяжёло скакать, лошадь скользит, трудно брать барьер, но при общем оживлении и старании дело подвигалось и вот, приближался желанный день.

Все нервничали, афиши были расклеены в Джеймс-Тауне. Жители, как нам говорили, волновались и готовились не хуже нас, точно это были лондонские знаменитые скачки.

Да, по правде сказать, мои жокеи нигде не ударили бы в грязь. 15 августа был назначен день скачек.

Ипподром был не только выметен, но даже выскоблен и блестел, как паркет. Вокруг, в виде амфитеатра были нами же сбитые скамейки на три тысячи человек, считая пленных, своих жителем и гостей. Был собран небольшой струнный оркестр из буров и англичан, оказалось много хороших музыкантов. Инструменты, как: пианино, скрипки, виолончели комендант взял из магазина. Хозяин по просьбе полковника согласился придти нам на помощь.

Несчастным бурам было очень тяжёло разучивать английский гимн, восхваление королеве **Виктории**, но делать было нечего, и тут религия помогла подчиниться и они с рвением водили смычком.

Правда, их было очень мало, больше англичан и американцев, но к торжеству всё спелось, сыгралось, приоделось.

Мой камердинер с утра чистил и готовил мой костюм. Ведь, как ни говорите, я был гвоздем торжества. Скачки были назначены в 12 часов дня. Приглашённые стали прибывать с 10 часов утра. **Бреда, Витхамор и Фигеллиус**, по распоряжению коменданта, продавали билеты, цена которых была с 10 шиллингов и доходила до 1 фунта стерлингов и рассаживали гостей. Шум был невероятный в этом хаосе.

На время были забыты все горести, выявился характер всех национальностей. Веселее и суетливей всех были французы. Комендант в парадной форме встречал высокопоставленных гостей и их дам. Погода вторила этому небывалому на острове Святой Елены торжеству.

Тропическое солнце во всём своём величии золотило землю и серые скалы, придавая феерический вид зеркальной поверхности неподвижного океана.

Не золотило и не веселило грустные лица буров. Эти тяжёловесные бородачи страдали от неизвестности, что ожидает их родину.

Письма с известиями о ходе войны не доходили до них, они жили в тяжкой неизвестности.

Ровно в 12 часов ударил гонг, всё сразу притихло, раздались торжественные звуки гимна: Да здравствует королева **Виктория** под аккомпанемент струнного оркестра. Пели все.

Гости тоже принимали участие и при восторженных криках и требованиях он был пропет три раза. Требовали жители Джемс-Тауна. Им очень редко приходилось его слышать.

Затем начался небольшой концерт из произведений как английских, так и европейских знаменитостей. Он прошёл довольно гладко, но что очень развеселило публику – это хор чернокожих в сопровождении всевозможных грохочущих инструментов,

как цимбалы и так далее. Это было что-то вроде джаза.

Затем, в антракте за плату предлагались публике всевозможные сладкие напитки, любезно приготовленные очень симпатичной и отзывчивой женой полковника **Шиля** – мисс **Шиль**.

Пили с упоением, не успевали подавать: это радовало сердце полковницы, так как прибыль способствовала её отъезду в Лондон, где воспитывались её два мальчика.

Опять гонг. Публика поторопилась занять свои места. Скачки начались, скакали англичане на прекрасных лошадях в военной форме, легко брали барьеры, чем привели в восторг своих соотечественников, затем скакали на своих низкорослых, но крепких на ноги, лошадях – буры.

Это была настоящая молния по быстроте, глаз не мог уловить, кто пришёл первый. Публика аплодировала, но без восторженных криков по адресу пленных. Эти бедняги поняли, но не реагировали.

Скакали французы и американцы прекрасно. Особенно изящны были французы; американцы тяжёловесы, но тоже мастерски владели конём. Жаль не было призов, комендант поскучился на дорогие издержки. Жюри аттестовали наездников и все были довольны.

Настал мой номер, я не выходил, пока не привели коней, их еле сдерживали восемь негров. Им кричали что-то всё время на своём жargonе. Как только их довели до середины, я вышел и, как истый циркач, раскланявшись с публикой, приказал сразу подвести ко мне этих диких и необъезженных лошадей и привязать их мне к рукам выше локтей, что было очень трудно, но негры проделали очень ловко, после чего негры отпрыгнули, лошади разом рванулись, но не сдвинули меня с места, они встали на дыбы, всячески стараясь вырваться и сдвинуть меня с позиции, но я не шелохнулся, даже покрикивал на них.

Тогда я приказал из отвязать, погладил обоих и сдал конюхам.

Поднялся не крик, а восторженный вой, сопровождаемый рукоплесканиями, более смелые подскакивали ко мне, жали

*Князь Багратион (сидит слева) и граф де Бреда (сидит справа)
в плену на острове Святой Елены*

мне руки, поздравляли, хотели повторения, на что я от усталости, конечно, уже не был способен.

Итак, наше утро, блестяще закончилось. Гости поблагодарили коменданта за доставленное удовольствие.

Многие помимо платы, по окончании внесли пожертвование довольно крупные суммы, в особенности дочери французского консула.

Нарядные дамы радовали наши глаза, давно не видевшие этих, всегда для нас милых, представительниц. Погода торжествовала, ни тучки, ни соринки.

Мы спокойно могли проводить наших гостей и с трепетом, в присутствии полковника, стали подводить итоги наших трудов.

Среди пленных нашлись счётovоды, которые быстро подсчитали деньги и к общему и радостному удивлению обнаружили, что доход дошёл до 2 с 1/2 тысяч фунтов чистыми.

Ведь расходов не было, всё было сделано хозяйственным способом. Лагерь был обеспечен на эти два месяца отсутствия коменданта.

Все были очень довольны результатом нашей работы и тем развлечением, которое она внесла.

Через несколько дней, сдав дела своему заместителю, далеко не такому приятному, полковник со спокойной совестью, отплыл к туманным берегам своей родины.

Мы с грустью его провожали, боясь, что он не вернётся, но он заверил нас, что наши страхи напрасны.

Жизнь пошла своим чередом. Но в одно прекрасное утро меня разбудил духовой оркестр и громкое «ура».

Я не двинулся с места, решив, что мне сообщают в чём дело. Действительно, через несколько минут влетел английский офицер и радостно сообщил, что они выиграли сражение, взяли в плен пять тысяч буров (четыре тысячи триста) под предводительством генерала **Принслоо** и девять пушек.

От этого известия тоска охватила меня, я невольно перенёсся к несчастному **Крюгеру**, который всё ещё, со свойственной ему энергией, стоял у кормила правления.

Но, конечно, англичане численностью возьмут верх, несмотря на громадные затраты людей и денег.

В это торжественное утро буров не было видно. Они как-то совершенно стушевались. С отъездом коменданта стало грустно.

Всё чаще и чаще мысль о побеге внедрялась в мой мозг. Пока комендант был здесь, я не хотел своим побегом доставить ему неприятность и, наверное, большую, так как стерегли меня денно и нощно.

Этот вопрос меня очень интриговал, но причину этого неузыпного бдения мне так и не удалось выяснить.

Однообразие в природе и в жизни, тяжким бременем ложилось на меня. Книга – друг человек подняла бы настроение, но где взять эту благодетельницу?

Какая-то добрая душа продолжает присыпать мне книги, но всё на немецком языке и духовного содержания, прислала даже очень красивое распятие, но я не поклонник **Лютера**²⁶².

Небо на горизонте чуть отделялось от земли тонкой светлой полосой, на этой полоске выросла высокая чёрная тень.

Тень всё росла и росла по мере приближения к острову, подёрнутому косыми лучами восходящего солнца, оно золотило и эту тень, оказавшейся большим океанским пароходом с высокой башней, на которой гордо рдел громадный американский флаг.

Он шёл быстро и гудел, а нам всем, стоящим на берегу, этот оглушительный рёв казался нежнейшей мелодией.

Мы не отрывали глаз от волшебного видения, боялись, что это мираж, что он исчезнет и унесёт надежду.

Он, наконец, причалил, встреченный громовым ура, его радостный звук отзывался в сердцах команды,высыпанной на палубу и махавшей нам шапками.

Начальство наше тоже радостно встречало прибывших. Капитан торгового парохода, спустившись по трапу на берег, поздоровавшись с капитаном, сказал, что пароход прибыл из Южной Америки со всевозможными съестными припасами и одеждой, собранных благодетелями, сочувствующими бурам на имя принца **Багратион** и просит его расписаться в получении груза.

Я стоял недалеко от коменданта. Очень ясно слышал свою фамилию, но не шелохнулся. Тогда комендант подвел капитана и представил его.

К сожалению, он говорил только по-английски. Комендант переводил от имени буров и мою глубокую благодарность. Жали бесконечно друг другу руки.

Капитан средних лет, очень видный мужчина, настоящий морской волк, с неизменной трубкой во рту. Он предложил в моём присутствии разгрузить пароход.

Пленные с радостью бросились разгружать. Многие американцы были в восторге встретиться с своими соотечественниками.

Между делом, в продолжение двух часов, шёл весёлый разговор, благо погода была чудесная, ни одного тревожного облака.

Груз был в большом порядке расставлен в громадных амбарамах. Когда всё было приведено в порядок, капитан что-то приказал матросу и он из его каюты вынес небольшой ящик и передал мне.

Это было не по правилам цензуры, поэтому, я в присутствии коменданта, приказал своему камердинеру вскрыть и сам вынул содержимое. В вынутом мешке оказалось по две пары нижнего белья, включая ночные рубахи, одна крахмальная, носки, башмаки, чёрный шерстяной костюм, шляпа, галстуки, несколько плиток английского шоколада и леденцы.

Какая-то благодетельная рука меня вновь одела. Я был в восторге, но не подал вида, просил коменданта разрешить написать по-французски благодарность, причём капитан меня заинтриговал, сказав, что посылку ему вручила очень хорошенькая мисс, просила лично передать, разглядеть меня, чтобы подробно описать мою, к сожалению, очень некрасивую наружность.

Это приятно-полезное посещение развлекло нас, раздача припасов и одежды среди пленных занято порядочно времени, но моя тоска всё угнетала меня. Америка не Грузия.

Томительным жаром пышет раскалённое небо, по которому медленно ползёт туманно очерченный шар – этот шар солнце, не то солнце, животворное, светлое, льющее свои лучи на зелень и воды, на крыши жилищ человек, на его обработанные нивы – это другое солнце, злое, враждебное всему живому.

Вода и её испарения не умеряют его палящих лучей и жгут они, эти сероватые, острые скалистые вершины. Смерть царит над этими скалами, их зубчатые вершины упираются в небо, теснят, громоздятся друг на друга и сокрушенные своей собственной тяжестью, подточены временем, постепенно

рушатся вниз в эту, невидимую для глаза, бездонную пропасть океана.

Неприветливо на острове Святой Елены с северной стороны, просто непонятно, на что англичанам этот остров, затерянный среди зелёноватых волн океана, какую выгоду он представляет для них? Говорят есть ископаемые – медь, железо, но никто не интересуется этим – думаю военная база на случай войны, Южная сторона – глубокие тропинки – в воздухе никакого движения, ни одного облачка не скользит по небу, которое, несмотря на приближение, якобы зимы – от тропических бесконечных дождей не утратило своего тёмно-лубого цвета, пальмы, лианы, но нет ни колибри, ни мартышек.

Дни текли однообразно в ожидании приезда коменданта. Его приезд внесёт струю свежего обновляющего воздуха, а пока всячески стараемся убить тягучее время.

На наших вечерах затрагиваем всё вопросы, больше всего интересует национальный вопрос. Капитан **Фигеллиус** и **Витхамор**, оба голландца, знакомят нас с движением в Голландии в пользу буров.

Несмотря на прошедшие века, связь моральная – есть язык и у всех голландцев болезненно сжалось сердце от волнения, хотя всякая политическая связь нарушена между Капской колонией и Голландией.

Офицер англичанин мало по малу втёрся к нам, оказался очень приятным, образованным человеком. Ему претит эта война, говорит – война разделила Англию на две партии. Разделу способствует такие большие писатели, как **Киплинг** и **Конан-Дойль**.

Несмотря на прекрасные произведения, в **Киплинге** чувствуется узость идеалов, стеснённых слепым национализмом, он вдохновляет, во имя величия и моцки гордой Англии, английских наёмных солдат к агрессиям и насилию; чувствуется в нём англичанин, который в упоении поёт: Никогда, никогда, никогда англичанин не будет рабом, но в ярких красках допускает рабство несчастных индусов. **Киплинг** тождествен с

Сесиль Родсом; чуть ли не весь мир должен быть под благотворительным влиянием Англии.

Взгляды же **Конан-Дойля** носят мирный характер, но все эти дебаты не приводят к желанному концу – к миру.

Я отказался в пользу пленных буров от присланной американцами части, но на другое утро явился ко мне бур с корзиной, наполненной всеми припасами.

На ломанном французском языке, он просил принять, благодарил, приписывая мне получение их и говорил, что моё имя будет с благодарностью передаваться из поколения в поколение, просил их не забывать.

Его незамысловатая речь тронула меня – я принял, мой каммердинер был в восторге, мы с ним голодали.

В конце октября приехал из отпуска полковник **Шиль**, который радостно сообщил, что война близится к концу и идут усиленные переговоры о мире. Каковы будут условия, он умалчивал, не желая преждевременно огорчать буров.

Он привёз мне прекрасный подарок – бронзовые часы с чернью и на рубинах выгравированы цифры. На бронзовом циферблате была начертана моя фамилия, а с другой стороны английский флаг. Эти часы находятся по сей день у меня. Всё близилось к концу, один я не знал, что меня ожидает.

Не получая писем из дома, я не мог рассчитывать на то, что моя семья будет хлопотать о моём избавлении, должен ли я сам хлопотать или прозябать в Африке? Неизвестность меня снедала.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ ПЛЕНА И ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Через несколько дней после своего приезда, зашёл ко мне полковник и задал довольно оригинальный вопрос – хочу ли я вернуться в Европу?

Вопрос своей неожиданностью ошеломил меня, но я быстро сообразил, что дело идёт о моём освобождении и ответил утвердительно. Конечно, я жажду свободы. Тогда он ска-

зал, что в военном министерстве было много разговоров обо мне. Видимо в России хлопотали о моём освобождении, но всё же министерство запросило **Китченера** и после его согласия, предложили мне следующие условия: Вы подпишите бумагу, что вы никогда не вернётесь в Африку и поедете на свой счёт.

Я ответил, что согласен подписать бумагу следующего содержания: За всё время войны я не вернусь в Африку, но сейчас должен обязательно проехать сначала в Преторию, где в банке находятся на хранении мои вещи, на которые я рассчитываю выехать. В противном случае, вы должны меня отправить до русской границы.

Полковник призадумался, но сказал, что пошлёт генералу **Китченеру**, а также лорду **Робертсу** мой ответ и сообщит результат. Я же, окрылённый надеждой на светлое будущее, пошёл гулять со своими неразлучными друзьями, но по дороге зашли в маленький кабачок и распили бутылочку пива. Я так за этот тяжёлый год сжился с моими друзьями, что разлука с ними была мне тяжела.

Бреда, вероятно, тоже вызволят из плена, а вот **Фигеллиуса** и **Витхамора**, как голландцев, задержат до окончания войны. Оба были семейные, истосковались по родным. В случае разлуки дали друг другу слово писать. Потянулись тоскливы дни ожидания, которые казались бесконечными, но всё имеет конец, так и мои ожидания.

Тот же полковник-комендант, потребовал меня в канцелярию, сообщил, что генерал **Китченер** приказал, на основании решения военного министерства доставить меня в Англию на броненосце.

Он не разрешил мне выехать в Преторию за вещами. Я был в отчаянии, так как должен ехать без копейки. Конечно, я уже из Парижа послал бы матери телеграмму, но до того морское путешествие, без красных очков меня пугало.

Прошло две недели, подошёл броненосец. Он должен был **Бреда** и меня доставить к желанным берегам, а пока грузился углём. Началось прощание.

Полковник устроил прощальный обед, были и мои друзья, говорили речи.

Я, обращаясь к коменданту, сказал несколько прочувственных слов. Сказав, что благодаря его человеческому отношение ко всем пленным, плен не казался таким тягостным, звал его в Грузию. Просил разрешения попрощаться с бурами и получив согласие, я обошёл все палатки, все бараки, прощался, желал скорого возвращения на родину, которая при их дружной работе скоро будет восстановлена.

Я просил, при свидании, передать привет президенту **Крюгеру**.

Каждый из буров считал своим долгом преподнести мне на память какую-нибудь вещь своей работы. Я от души благодарил за любовь и внимание.

Наконец, 10 ноября мы отплывали. **Бреда** также получил разрешение выехать на родину, чему я был очень рад. Так не хотелось расставаться с этой светлой и для меня дорогой личностью, в тяжёлые минуты моего плены, он всегда был около меня, старался поднять мой упавший дух, философски подходил к жизни, уговаривал жить одним днём, не заглядывать в будущее.

Перед посадкой, я получил чудный букет живых цветов от жительницы острова Святой Елены – мисс **Гриз**, у которой, с разрешения коменданта, а чаще с ним самим проводили время. Она была прекрасной музыкантшей и доставляла большое удовольствие своей игрой.

Расставаясь, мой бедный **Кост** рыдал. Я очень хотел и его, беднягу, захватить с собой, но это было невозможно, должны были хлопотать родные.

От всех этих волнений, я еле стоял на нотах, всё кружилось вокруг меня, я был как в тумане, всё мне казалось волшебным сном: ведь я еду туда, где бирюзовая глубь небосвода, изумрудная зелень долин – это моя дорогая родина, там ждёт меня мать, вся семья.

Я ехал молодым, энергичным, полным светлых надежд – приобщиться к этому неведомому миру, возвращаюсь, пере-

жив все ужасы жизни, обогащённый познаниями, к которым стремился, но морально и душевно разбитый.

Броненосец, который должен был нас доставить к берегам Англии, великолепный, благодаря быстрому ходу, не чувствовалось обычного покачивания.

Удобства кают дало возможность вполне отдохнуть, но я всё же лежал все шесть недель перехода. Никакие средства применяемые очень любезным врачом, не помогли.

Как капитан, так и весь состав офицеров окружали меня большим вниманием. Я приходил в себя во время стоянок у портов, когда грузились углём и водой.

Офицерство редко спускалось на землю. Нам казалось, что они торопились доставить нас в Дувр, затем сдать, как не особенно желательный груз.

Бреда обедал в кают-компании. Я жалел, что не мог встать.

Я забыл сказать, что с острова Святой Елены нам долго машали платками, пока броненосец «**Квин-Виктория**» (Королева **Виктория**) не развёл пары и не скрылся с горизонта.

У пристани Дувра капитан сдал нас двум офицерам, которые, видимо, нас ждали, мы без промедления были посажены в вагон; поезд стоял, готовый к отправке.

Я лично, был удручён присутствием нежеланной свиты, один из них говорил по-французски и объяснил, что по распоряжению правительства они приставлены к нам для ограждения от возможных эксцессов черни. Неосновательные предположения – никто из публики не повернул даже головами в нашу сторону.

Когда, по выходе из вагона утром садились в автомобиль, я был бесконечно счастлив очутиться на земле, меня опять в полуబессознательном состоянии доставили в самую лучшую гостиницу – прекрасные два номера с полным комфортом, ванная, но я ею не мог воспользоваться, меня уложили в постель, мне было хуже чем в Александрии, видимо невзгоды и голод ослабили мой организм.

Врач всё же оказался знатоком своего дела и через два дня

я был совершенно здоров, осталось лёгкое головокружение.

Я дал себе слово никогда не предпринимать морских путешествий.

Как только я встал, явился один из лучших портных Лондона, снял с меня мерку. Это было в 10 часов утра, а уже к семи часам вечера я облачился в новый костюм.

Мы, **Бреда** и я, во фраках, в сопровождении только одного офицера, спустились в роскошную столовую ресторана.

Мы очутились в лучезарном сиянии бесчисленных люстр и в блестящем обществе. Дамы в декольтированных туалетах, мужчины во фраках. Весь этот, давно невиданный блеск, ослеплял нас.

Мы были смущены, столько лорнетов и биноклей было обращено на нас. Зал был переполнен английской фешенебельной публикой до отказа, но ловкий метрдотель сумел среди этого моря людей поставить, чуть ли не по середине, наш стол.

Чувствуя на себе столько пар любопытных глаз, я не мог есть, но мало-помалу вошёл к колею. Офицер сказал, что публика собралась, поглядеть на меня, удивлённая, что нашёлся человек, который пошёл воевать с могущественной Англией.

Это паломничество повторялось каждый вечер. Хозяин отеля, говорят, был в восторге от барышей, которые я ему приносил и, когда через неделю мы собирались уезжать, он умолял нас остаться ещё хоть дня на три, отказываясь от платы за номер.

Лондон мне не понравился, несмотря на его великолепие, чудные постройки, музеи, порядок, а главное, тишину. Уж очень от него веяло холодом, неприветливостью, но это только кажущаяся неприветливость, англичане у себя дома очень любезны.

К нам отнеслись не как к врагам, воевавшим против них, а как к гостям. Спустя неделю, несмотря на мольбы хозяина, мы, уже без провожатого, переплыли Ла-Манш и очутились в Париже. Выставка во всём блеске доживала свои дни, погода, несмотря на ноябрь, была прекрасная, без дождя, всё сияло, всё блестело, всё грохотало, совершенная противоположность Лондону – чопорность отсутствует, В каждой извилинке чув-

ствуется душевность блестящего города, всё живёт, веселится, приглашал последовать его примеру.

Нас, с распостёртыми объятьями встретили родные **Бреда**, он с восторгом бросился к ним, забыв всё, видел только родные любимые лица.

Я смотрел о завистью, но успокаивал себя, что и меня ждут горячие объятия моей семьи, там, за высоким суровым хребтом, за белоснежным Казбеком.

Я отказался от любезного приглашения остановится у моего друга, хотел отдохнуть и послать телеграммы просьбой о высылке денег, а затем, напоследок, обойти выставку, так как в первый мой приезд погода разрушила всю прелесть.

Я забыл сказать, что пока я был в Лондоне, ко мне приходили люди с коммерческими предложениями и даже открыть масонскую ложу, строго воспрещённую в России, но я отклонил все эти предложения.

Через два дня, **Бреда** приехал за мной и мы поехали к нему в имение, недалеко от города Тура.

Окрестности Тура очень красивы. Вся французская старая аристократия живёт вокруг Тура. Странно даже видеть замки XVI–XVII столетий, рвы с водой, подъёмные мосты и колоссальные стены.

Наружная стена замка графа **Бреда** была 14 аршин толщины. Внутри масса хозяйственных построек. Замок увеличивался разновидными башнями и на одной из них развевался флаг с инициалами графа **Бреда**. Подобное явление меня удивило в республиканской стране, где революция уравняла все сословия, но Тур далёк от центра и потому допустимы вольности дворянства.

Внутри двор посыпан гравием, широкий подъезд, анфилада²⁶³ комнат, роскошная библиотека, книги на всех иностранных языках, всевозможные манускрипты, фолианты, прекрасные бюсты **Корнеля**²⁶⁴, **Жан-Жака Руссо**²⁶⁵ и других мыслителей и учёных **Дидро**²⁶⁶ и **Даламбера**²⁶⁷.

Другой зал оружейный, оружие, доспехи, шлемы, щиты всех видов, всех веков и, даже цветов. Я был в восторге и по-

святил на рассмотрение этого редкого богатства чуть ли не весь день.

Семья моего друга, окружила меня нежной заботой, предлагала устроить охоту, но я, зная, что эти охоты обходятся дорого и причиняют беспокойство хозяевам, отклонил, да и не хотел задерживаться.

Старики были бесконечно счастливы видеть своего единственного сына, не знали что придумать, чтобы подольше задержать его, и сын, видимо, был счастлив очутиться после стольких скитаний около своих старииков, но хотел непременно проводить меня и, пробыв три дня в этом гостеприимном доме, мы двинулись в путь.

Когда я вернулся из Тура, я застал перевод в 1000 рублей от матери. Это обстоятельство меня очень обрадовало, так как давало возможность немедленно выехать. Я побежал в Лионский кредит и при обмене получил 2615 франков. Франк тогда шёл за 37 копеек.

Этой суммы должно было хватить мне до Петербурга. Помнить только, что через 52 часа я ступлю на родную землю. Еду экспрессом, не хочу задерживаться, но **Бреда** не пускает. Просит остаться, хотя бы, дня на два, дать ему возможность показать все достопримечательности Парижа, которыми он так богат.

И вот, с любезной помощью **Бреда**, перед моим восхищённым взором приходит Версаль, Лувр, с их роскошью и исторической судьбой. А вот и Трианон²⁶⁸ – создание прелестной **Марии-Антуанетты**²⁶⁹.

Я с грустью смотрю на эти воздушные строения, которые прекрасно сохраняются, созданные её любовью к природе и желанием стать ближе к своей новой родине, к народу, превращаясь из блестящей королевы, в скромную пастушку. Проходя по дорожкам, её прелестный силуэт стоит перед моими глазами, мне кажется даже, что я слышу стук каблучков её атласного сапожка. Я ни одним звуком не выдал **Бреда** своего душевного состояния, чтобы он не понял бы это как упрёк Франции.

К достопримечательностям Парижа, вечером **Бреда** причислял и Варьете и Мулен-Руж.

Я смеялся, упрекая **Бреда** в том, что он меня, скромного грузина, развращает, он и слушать не хотел.

Как истый парижанин, он глотал этот воздух. Но не всегда мы были в угаре. Вот **Бреда** и я сидим на террасе Трокадеро, смотрим: Праздник ночи. Перед нами высится как ослепительный факел, Эйфелева башня, на ней и вокруг неё – море огня, оно то сверкает, то гаснет, то переливается всеми цветами. Волшебное зрелище!

Да, Париж – это действительно центр всего, что может достичь человеческий ум и он мне кажется безграничным в своих достижениях.

Итак, я всё видел, везде побывал, очень доволен, от души благодарен своему дорогому другу. Беру с него слово, что он приедет ко мне в Грузию и уезжаю.

Поезд мчит меня, блестят уже купола церквей, ещё минута, забыв все невзгоды этих двух лет, схожу с поезда в Петербурге, и что же? Не верю своим глазам.

Я окружён густой цепью журналистов – целая плеяда. Этот плен не лучше английского. Они требуют интервью, каждый тянет в свою сторону, не считается, что ещё не успел разогнуть спину, глотнуть родного воздуха, теребят. Более смелые садятся, со мной в гостиничную коляску, доводят до дверей и берут слово, что на другое утро я буду в полном их распоряжении.

Но на другое утро явился адъютант Петербургского коменданта и заявил, что, по распоряжению военного министерства за самовольное пребывание в иностранной армии во время военных действий, я арестован и повёз меня на гауптвахту, где я после допроса у генерала пробыл неделю, к великому огорчению журналистов.

Они, как цербры, стерегли мой выход. Я был рад, что вырвался, хотя бы на время, из их цепких когтей и не собирался беседовать с ними. Воображаю, что они приписали бы мне. Своим арестом (я) был оскорблён и огорчён в своих лучших чувствах.

Офицерство, во главе с генералом, который не раз посетил меня в моём заключении²⁷⁰, прекрасно ко мне относилось.

Приходил ко мне и утешал **Коля Обелиани**. Видя назойливость журналистов, комендант предложил по истечении положенного срока доставить меня на вокзал к поезду, я благодарили за внимание и, в сопровождении офицера, был доставлен к отходу поезда.

Билет был взят 1 класса и, наконец, я в вагоне на пути к родине, от волнения я не спал. Из Петербурга послал матери срочную телеграмму о дне выезда. В России была зима, снег толстым слоем покрывал землю, солнце скрывалось за серыми тучами, но по приближении к Кавказу, небо прояснилось и у врат роскошной Грузии меня встретило безоблачное небо, яркое солнышко золотило верхушки гор, окаймлявших Мцхет, где величаво возвышался купол Мцхетского собора. Я тоже мог ответить словами инока из Мцыри, я жил среди почти всех национальностей земного шара, изо дня в день общался с ними, но ближе, дороже и понятнее русского – нет для грузина никого, это едно.

На вокзале встретила меня вся моя семья, родственники, друзья, в расположении которых я сомневался.

Я повидал мир, приобрёл друзей, свои познания я хотел применить к делу. Мой приезд на родину был для меня торжеством.

Я был нарасхват, и здесь репортёры-журналисты не оставляли меня в покое, требовали рассказать о виденном, на белом свете, о бурской войне, но я наотрез отказался, ссылаясь на то, что у меня отобрали англичане книгу и дневники.

Потребовали меня к **Илье Чавчавадзе**. Он тепло принял и сказал, что если грузин защищает чужое отчество, то без сомнения, не задумываясь положит свою жизнь за свою прекрасную Грузию и сознавать это, ему особенно приятно.

Репортёры-журналисты не заметили у меня маленьких записных книжек, которые и служат, как материал для обработки, часть восстановлена в памяти.

Я вёл усердную переписку с **Витхамором** и **Фигеллиусом**. Я был в курсе всех дел на острове Святой Елены и вот, нако-

нец, получил радостную весть о заключении мира. Англичане на острове торжественно отпраздновали, но буров во время этого торжества не было видно

Несмотря, на то, что англичане оповещали дворы Петербурга и Парижа, что англо-бурская война окончена в пользу англичан, все молчали и в этом упорном молчании, видимо, крылось неудовольствие держав на посягательства на свободу и независимость буров. В конечном счёте, я был уверен в победе англичан, но всё же был удручен, узнав о заключении мира. Как переживают несчастные буры ужас рабства?

Где **Девет**, не признающий жизни без свободы, под этим дамокловым мечом исчезнет импульс жизни; но зато, за эти годы войны, буры своим геройством, прогремели на весь мир.

Я узнал, что **Девет** – этот легендарный герой, привыкший к физическим лишениям, проживший два с половиной года под небом Африки, – не выдержал европейской жизни (он после заключения мира выехал в Европу), заболел и принуждён был, по совету врачей, как можно скорее уехать туда, где ждал его исстрадавшийся народ и где он, вместо прежнего дома, нашёл ту же палатку, раскинутую под открытым небом в разорённой стране и где жена его и дети долго скитались, пока не были взяты в плен.

Девет не мог жить и чувствовать над собой английский каблук и на последок своей жизни поднял восстание, был схвачен англичанами и расстрелян, но светлая память о нём осталась: в сердцах всех тех, которые соприкасались с этим героем – фанатиком своей родины²⁷¹.

Изучая с **Платоном Иосселиани** историю Грузия, я знал, что древние грузины, подобие бурам, делили жизнь между молитвою и кровавым боем с исламом.

В продолжение более трёх с половиной веков, Грузия является единственным христианским Государством в Азии и защита христианской религии грузинами приводила в изумление своих врагов, так много веков тянулся от одного поколения до другого нить христианства в различных проявлениях, поддерживая дух героизма в народе.

По окончании войны, к моему крайнему удивлению, я получил из Йоханнесбурга своё оружие в полном порядке, куладжа, как мне писали, украшает английский музей, напоминая им, что грузин всегда и везде постоит за свободу, а тем более за свободу и национальную честь своей дорогой родины и не уступит врагу ни пяди земли – таков её адат (обычай)²⁷².

Но вернёмся вновь к содержавшимся в английских концлагерях российским подданным. 18 июля 1902 г. посол России **Стааль** написал письмо министру иностранных дел Великобритании **Ландсдоуну**, в котором выражалась озабоченность по поводу того, что русские военнопленные всё ещё содержатся в концентрационных лагерях. Посол заявил, что те из них, кто не имел средств на возвращение домой получат их от российского правительства, а консульства окажут им в этом помощь:

Господину Маркизу **Ландсдоуну** (Пер. с фр.)
Лондон, 18 июня 1902 г.

Господин Маркиз,

Имея в виду послание, которое Ваше Превосходительство изволили мне направить 4 июля сего года, имею честь уведомить, что Императорское правительство берёт под свою опеку депатриацию русских военнопленных, нуждающихся в ней, и что полномочные консулы не преминут в скорейшем времени получить соответствующие уведомления на сей счёт.

Остаюсь, и так далее.

Подпись **Стааль**²⁷³.

На возвращение российских пленных пришлось выделить средства из казны, а это потребовало переписки:

Министр внутренних дел.
Его Сиятельству графу **В.Н. Ламздорфу**.

Милостивый Государь
Граф Владимир Николаевич.

Вследствие письма от 28 июня сего года за № 6959 имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что присоединяясь со своей стороны к выраженному вами мнению о нежелательности оставления русских подданных военнопленных, взятых во время Южно-Африканской войны, содержащихся в английских колониях, на дальнейшем попечении Великобританского правительства я признаю возможным принять на средства казны расходы на возвращение на родину тех из упомянутых лиц, которые не имеют собственных средств, обратив означенный расход, за неимением в распоряжении министерства внутренних дел в настоящее время соответственного кредита, временно на другие источники с тем, однако, что необходимые средства будут затем испрошены мною вслед за производством самого расхода.

Сообщая об изложенном, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство не отказать уведомить меня, в возможно непродолжительном времени, как о числе русских подданных, находящихся в изложенных выше условиях, так и о размерах необходимой для водворения их на родину суммы.

Примите, Ваше Сиятельство, уверение в совершенном почтении и преданности.

В. Плеве.

Июля (неразборчиво) 1902 г. № 3473²⁷⁴.

Наконец решение о выделении средств на проезд российских подданных было принято:

Письмо (черновик)

Его Сиятельству графу **В.Н. Ламздорфу.**

Лондон 17/30 июля 1902 г.

Вследствие секретной телеграммы Вашего Сиятельства от 4 сего июля и предписания от 5 того же месяца за № 7186, я не преминул поставить в известность Великобританское правительство о решении Императорского правительства принять

на свой счёт возвращение на родину неимущих русских военноопленных, а также постепенно снабдить наших генеральных консулов в Лондоне и Бомбее и вице-консула в Коломбо соответствующими инструкциями. Ввиду отдалённости мест заключения наших военноопленных, а также невозможно собрать здесь на месте точные сведения о числе лиц, которые пожелают воспользоваться дарованной Императорским правительством льготой, я позволил себе дать вышеупомянутым консулам указания по телеграфу запросить у них вместе с тем недостающих у Императорского посольства сведений.

Одновременно с этим также для ускорения дела, мною разрешено было генеральному консулу в Лондоне заключить с известным агентством Томаса Кука²⁷⁵ условие, на основании которого последнее обязалось доставить наших военноопленных в Ригу по следующим ценам: с Бермудских островов по 13 фунтов стерлингов 10 шиллингов, с острова Святой Елены по 19 фунтов стерлингов 10 шиллингов и из Капштадта по 14 фунтов стерлингов 10 шиллингов с человек

Не знаю возможно ли быстрое получение мною от наших консулов сведений, но по ним оказывается, что воспользуются переездом на родину на российский счёт лишь по 3 человек с островов Бермудских, Святой Елены и Цейлона. Консульский наш агент в Капштадте извещает, что местные английские военные вообще уверяют, что русских военноопленных в этих колониях не имеется, генеральный консул в Бомбее пока никаких сведений ещё не доставил.

Вице-консул наш в Коломбо уже отправил на родину проживающих на острове трёх военноопленных, причём вызванный эти м расход в размере 300 рублей трассирован ими на Императорское посольство в Лондоне. Ввиду этого, а так же и того обстоятельства, что генеральному консулу в Лондоне пришлось, при заключении условий с фирмой **Кука**, выдать залог в размере 115 фунтов стерлингов, которые до сих пор ему не возмещены, я позволяю себе покорнейше просить Ваше Сиятельство разрешить мне, по мере надобности, возмещать нашим консулам произведённые ими по водворению наших

военнопленных расходы, ставя таковые на счёт чрезвычайных издержек вверенного этим посольствам.

Примите...²⁷⁶.

Итак подведём некоторые итоги относительно участия добровольцев из тогдашней Российской Империи в англо-бурской войне.

Более 220 российских подданных воевало на стороне буров. Пятеро офицеров – добровольцев из нашей страны погибли в боях, причём четверо из них сражались в партизанских отрядах буров. Вот их фамилии:

Дуплов, Покровский, Петров, фон Строльман, Никитин (последний был ранен)²⁷⁷.

Правительство Трансвааля регистрировало добровольцев только первые два месяца после начала войны. Поэтому особо интересен список тех российских подданных, кто присоединился к войскам буров в это время. Они записывались как правило с именами:

Алексей Диатроптов, Пётр Куманцев, Василий Никитин, Владимир Рубанов, капитан **Айп, Константин Нетравский, Адам Савецкий**²⁷⁸.

В боях были ранены (по южноафриканским архивным данным):

Евгений Августус... 24 лет; **Александр Шульженко** 30 лет; **Алексей Диатроптов** 30 лет; **Михаил Енгалычев** 28 лет; **Иван Никитин** 28 лет; **Владимир Семёнов** 25 лет; **Владимир Рубанов** 25 лет; **Фёдор Гучков** 38 лет; **Виктор (фон) Буш** 28 лет; **Пётр Куманцев** 38 лет; **Евгений Максимов** 50 лет; **Сергей Дрейер** 25 лет²⁷⁹.

Списки убитых и раненых не полны, по различным данным ещё несколько человек (и не только из числа гражданских лиц) погибли в боях или получили ранения.

Можно сказать несколько слов и о других русских добровольцах. Так среди них был украинский крестьянин **Иван Кириллович Заболотный** участвовавший в англо-бурской войне в качестве добровольца, в 1905 г. – депутат первой Государственной Думы, один из руководителей партии Трудовиков. Позднее был арестован и лишен гражданских прав за участие в протестах после незаконного разгона первого парламента (Государственной Думы) **Николаем II**.

По некоторым данным другой интересной личностью являлся ветеран англо-бурской войны **Иосиф Григорьевич Высочанский**²⁸⁰, поручик запаса, полицейский Санкт-Петербургской полиции, служивший в должности старшего помощника участкового пристава. Он участвовал в первой русской революции 1905–1906 гг. и после её подавления был вынужден покинуть Россию²⁸¹.

Читая приведённый ниже документ, в это нелегко поверить:

Послужной список

Составлен 4 февраля 1893 г.

Состоящий по армейской пехоте поручик **Иосиф Григорьевич Высочанский**.

Должность по службе Штата Московской полиции.

Старший помощник участкового пристава²⁸².

Родился 17 марта 1857 г.

Из дворян Киевской губернии. Православный.

Воспитывался в Волынской военной прогимназии.

1873 г. вступил в службу рядовым в 11 стрелковый батальон.

1875 г. командирован в Киевское пехотное юнкерское училище.

В 1878 г. окончил.

1880 г. командирован в 4 сапёрную бригаду для обучения нижних чинов сапёрному делу.

1882 г. – подпоручик.

1884 г. – поручик и переведён в штат Московской полиции с зачислением по армейской пехоте.

1884 г. – назначен исправляющим должность околоточного надзирателя.

1888 г. – младший помощник пристава.

1891 г. – старший помощник пристава.

Женат первым браком на дворянке девице **Степании Владиславлиевой Тершинской**.

У них дочь **Надежда**, родившаяся 11 декабря 1899 г. Православные. Имений нет.

В походах и делах против неприятеля не был.

Переписка об увольнении из запаса в отставку состоящего по Новоузенскому уезду поручика запаса армейской пехоты **Высочанского**. 25 сентября 1897 г.²⁸³.

Среди добровольцев был и **Александр Магнусович Эссен**. (1880–1930). Через несколько лет после возращения с англо-бурской войны, стал активным членом подпольной социал-демократической ячейки, работавшей во время первой русской революции в 1905 г. в Киеве. Его подпольная кличка была **Бур**. Потомственный аристократ, родственник известного российского адмирала²⁸⁴, **Эссен** участвовал в первой русской революции, а после октября 1917 г. стал одним из ведущих управленцев и в 1920-е годы был заместителем председателя Госплана РСФСР.

В 1966 году уральский писатель **Олег Коряков** выпустил в свет роман «Странный генерал»²⁸⁵ о **Петре Ковалёве** и **Дмитрии Бороздине**, оба из которых согласно автору были добровольцами во время

англо-бурской войны, а первый даже дослужился до звания бурского генерала, а второй был убит. Ковалев после войны уехал во Францию, а позднее вернулся в Россию для большевистской агитации и погиб в перестрелке с жандармами.

Среди русских добровольцев был и **Николай Евграфович Попов**. Очень любопытная личность. Выпускник сельскохозяйственного института. Из-за неполадок с отечественными властями он уехал в Европу ещё до начала войны в Южной Африке, затем воевал в англо-бурскую войну. После жил во Франции и Швейцарии.

В 1904 г. **Попов** вернулся в Россию, а в русско-японскую войну был военным корреспондентом газеты «Русь». В 1908 г. получил диплом пилота во Франции и стал первым русским лётчиком²⁸⁶. (Однако вскоре из-за аварии²⁸⁷ в 1910 г. и последовавших за ней тяжёлых травм его карьера авиатора прервалась навсегда. После революции 1917 г. он жил во Франции, а в 1929 г. первый русский лётчик²⁸⁸, работавший в эмиграции тренером по гольфу, **Николай Попов** покончил с собой (застрелился) в Каннах. Его имя навсегда осталось в истории отечественной авиации – *Прим. авт.-сост.*)²⁸⁹.

Отечественные исследователи выяснили некоторые сведения о судьбе одного из русских добровольцев. Известно, что **Владимир Рубанов** через несколько лет по возвращении на родину сошёл с ума. Возможно, что на его психическое состояние повлияли как участие в англо-бурской войне, так и события первой русской революции 1904–1905 гг. Он скончался в России примерно в 1910 г.

Князь **Михаил Николаевич Енгалычев**, происходивший из богатой и знатной аристократической дворянской семьи, чьи татарские предки перешли на службу московским князьям ещё в XIV веке,

после возвращения с англо-бурской войны, не стал продолжать военную службу, а позднее, в 1907 г. был осуждён в Саратове за попытку создания террористической организации среди местных крестьян. Организации, ставившей целью организовать заговор против Императора **Николая II** с целью установить в России республику как в Трансваале. Однако приговор не вступил в силу и **Енгалычев** остался жить под постоянным наблюдением полиции²⁹⁰.

По не уточнённым пока данным в 1962 г. он пребывал в добром здравии и проживал в городе Ижевске. По другим данным там проживал другой бывший русский доброволец **Михаил Николаевич Шепотиев**²⁹¹.

Но к большому сожалению по меньшей мере около 150 человек из числа добровольцев – русских подданных, воевавших за буров так до сегодняшнего дня и остаются безымянными.

К приведённым выше именам и спискам можно добавить и тех, чьи фамилии встречаются в одном очень любопытном архивном документе, который хотя и многократно публиковался ранее, но слишком важен, чтобы им пренебрегать:

Доложена Его Величеству
 (неразборчиво) апреля 1901 г.
 Генерал от инfanterии **Куропаткин**.
 Справка.

О русских офицерах-добровольцах принимавших участие в англо-бурской войне.

1. 117 пехотного Ярославского полка штабс-капитан **Едрихин**. (**Алексей Ефимович**) (Он поехал в Трансвааль в звании поручика, но вскоре после возвращения ему был присвоен следующий чин – *Прим. авт.-сост.*) Для поездки в Южную Африку вышел в запас. Насколько мне известно, средства на поездку получил от Великого Князя **Александра Михайловича**²⁹², кор-

респондировал в газетах. Пробыл на театре военных действий около двух месяцев. Вследствие болезни и краткости пребывания в Южной Африке мало принимал участия в военных действиях. Все о нём отзывались как о весьма дальном офицере. По возвращении в Россию, принят обратно на службу с зачислением времени состояния в запасе в действительную службу и выдачей за это время содержания. (Этот кадровый офицер, как уже говорилось выше был одним из первых российских военнослужащих-добровольцев и испросил разрешение на поездку в Трансвааль в Военно-ученом комитете, вероятно именно поэтому и получил столь значительные льготы – *Прим. авт.-сост.*)

2. 38 пехотного Тобольского полка²⁹³ Поручик **Дрейер** (**Сергей Николаевич**). Чтобы ехать на войну, вышел в запас. В продолжение четырёх месяцев принимал деятельное участие в войне. От всех слышал самые лестные отзывы о его деятельности и лично убедился в том, что это прекрасный офицер. При занятии Претории был взят в плен, будучи на кануне контужен в голову. Возвратился в Россию в сентябре; принят обратно в свои полк, но без зачета времени, проведённого в Трансваале в действительную службу и без выдачи содержания за это время. По семейным обстоятельствам ходатайствовал о переводе в 1-й Л. Гренадёрский Екатеринославский полк, каковой перевод ему обещан, но пока не состоялся.

3. 189 Белгорайского резервного полка подпоручик **Августус** (**Евгений Фёдорович**). После отъезда в Трансвааль был зачислен в запас. В продолжение пяти месяцев принимал деятельное участие в войне. Весьма предприимчив, храбр. Посыпал корреспонденции в «Новое Время» и «Варшавский военный журнал». При занятии Претории был взят в плен. По возвращении в Россию принят на службу в 192-й резервный Ваврский полк, но без зачисления времени, проведённого в Трансваале в действительную службу и без выдачи содержания за то время. (На полях донесения военным министром **Куропаткиным** сделана пометка Почему? и время, проведённое этим офицером

в Южной Африке было зачислено в действительную военную службу). Заветная мечта подпоручика **Августуса** поступить на курс восточных языков, чтобы затем служить в Туркестанском округе; однако, как окончивший курс лишь юнкерского училища, он, без специального на то разрешения, не может быть допущен к приёмному экзамену.

4. 189 Белгорайского резервного полка подпоручик **Покровский (Леонид Семёнович)**. Принимал малое участие в военных действиях. Отзывы о нём носили неодобрительный характер. Кажется в Россию не возвращался. (Данные неточны – он остался воевать в составе партизанского отряда буров под руководством **Терона**, потом служил в других отрядах, в частности, в западном Трансваале, где храбро сражался, получил чин капитана и скончался от ран после сражения под Уtrechtом 25 декабря 1900 г. – *Прим. авт.-сост.*)

5. 37 пехотного Екатеринбургского полка²⁹⁴ подпоручик **Никитин (Василий)**. По всем отзывам, безусловно выдающийся офицер, храбрый и всей душой преданный военному делу. Принимал участие в военных действиях свыше четырёх месяцев. Вернувшись в Россию немедленно отправился в Китай. (Где был тяжёло ранен – *Прим. авт.-сост.*) О дальнейшей судьбе его ничего не знаю.

6. 16 Гренадёрского Мингрельского полка²⁹⁵ подпоручик **Никитин (Иван)**. Был убит в деле под Йоханнесбургом (ранен – *Прим. авт.-сост.*)

7. Того же полка подпоручик князь **Енгалычев (Михаил Николаевич)**. Прибыл в Трансвааль в мае, а в начале июня был ранен в руку и вместе с госпиталем, в котором он лежал, попал к англичанам. Возвратился в Россию в октябре.

8. Лейтенант (военно-морского флота) (**фон Строльман (Борис Андреевич)**). Прибыл в Трансвааль в мае. Принимал самое деятельное участие в войне, все о нём отзывались как о выдающемся храбреце. После взятия Претории, когда почти все добровольцы или разъехались, или попали в руки англичан, он принял участие в партизанских действиях буров и в конце июня был убит.

9. Состоящий в запасе штабс-капитан (Керченской) крепостной минной роты **Шульженко (Александр Николаевич)**. Выдающаяся личность, весьма храбр. В Россию возвращаться не думал.

10. Поручик **Арнольдов (Фёдор Фёдорович)** (резервного батальона, расположенного в Самаре). Мало принимал участия в военных действиях. Под конец был контужен, после чего до отъезда в Россию жил в Претории.

11. Корнет запаса **Бискупский (Вискупский) (Василий Викторович)** (служил раньше в 3-ем драгунском Сумском полку). Совсем мальчик. Алкоголик. В военных действиях почти не участвовал.

12. Л. Гв. Конного полка ротмистр граф **Комаровский (Георгий Владимирович)**. Перед отъездом вышел в запас. В военных действиях участвовал мало. Пользовался хорошей репутацией.

13. Поручик **Гучков (Фёдор Иванович)** (богатый московский купец). Служил ранее в Л. Гренадёрском Екатеринославском полку²⁹⁶, потом на охране Маньчжурской дороги. Много путешествовал в Азии. Принимал деятельное участие в военных действиях и пользовался отличной репутацией весьма храброго человека. По возвращении в Россию немедленно отправился на Дальний Восток, где поступил на службу генерала **Грибского**²⁹⁷.

14. Состоящий в запасе штабс-ротмистр **Ганецкий (Алексей Николаевич)**. Принимал участие в военных действиях: одно время даже командовал русским отрядом добровольцев. Усиленно рекламировал себя и пользовался вообще плохой репутацией.

15. Отставной подполковник **Максимов (Евгений Яковлевич)**. Принимал участие в военных действиях, пользовался репутацией весьма храброго, предприимчивого человека, хотя и не безупречной нравственности, много занимался политкой.

Генерального Штаба Полковник **Стакович**²⁹⁸.

В вышеприведённой справке о русских офицерах-добровольцах имеются кое-какие неточности. Непонятно, почему ничего не сказано об офицерах ротмистре гвардии **Георгии Владимировиче Крафте (Краффте)**, **Стесселе** (погиб на той войне), а так же прaporщике запаса, железнодорожном служащем из города Зубцова Тверской губернии **Алексее Николаевиче Диатроптове** и отставном поручике **Александре Ивановиче Гучкове** – брате **Фёдора Ивановича Гучкова**. Не упомянуты и некоторые другие военнослужащие, в частности, капитаны **Дуплов** и **Петров**, погибшие 25 декабря 1900 г. в канун Рождественских праздников в сражении под Уtrechtом, в котором был смертельно ранен **Леонид Покровский**. (Кто они такие, имели ли военное звание или были произведены в чин капитана бурами – в точности неизвестно – *Прим. авт.-сост.*)²⁹⁹.

Но лишь ёщё об одном из перечисленных выше офицеров-добровольцев (кроме **Евгения Максимова** и **Александра Гучкова**) – о поручике **Алексее Едрихине (Вандаме)**, даже не зная о его дальнейшей судьбе, можно с полной уверенностью сказать, что он являлся неофициальным военным наблюдателем на то сравнительно короткое время, которое провёл в Трансваале. Ведь, помимо всего прочего, далеко не каждому офицеру, временно находящемуся в запасе, выпадала честь по возвращении издалека получить аудиенцию на квартире у военного министра России генерал-лейтенанта **Куропаткина**:

Возвратившийся ныне из поездки в Трансвааль поручик запаса армии **Едрихин** испрашивает разрешения представиться Вашему Превосходительству.

Генерал-лейтенант **Сахаров**

(приписка) назначено... около часа пополудни.

2 мая 1900 г. **Куропаткин**³⁰⁰.

Разумеется, военный министр принял офицера:

Срочно. Канцелярия Вуча. 4 мая 1900 г.

Его благородию поручику **Едрихину**.

Канцелярия ВУЧа сообщает Вашему благородию, что военный министр изволит принять вас в воскресенье 7 мая в 1 час дня у себя на квартире (Мойка, 67)³⁰¹.

О чём они говорили – неизвестно, но доклад побывавшего на Юге Африки и участвовавшего в боях русского офицера явно понравился высокому начальству и этому имеется документальное подтверждение – вышеназванного офицера без задержки вновь приняли на военную службу, буквально через несколько дней произвели в штабс-капитаны и время состояния в запасе, равно как и денежное довольствие за время отсутствия было полностью зачтено этому кадровому военнослужащему:

Секретно. Канцелярия Вуча.

В Главное интенданское управление

В 20 день октября 1899 г. последовало Высочайшее соизволение зачесть в действительную службу уволенному в запас армейской пехоты из 117 пехотного Ярославского полка поручику **Едрихину** время, проведённое им в наблюдении за военными действиями в Южной Африке – (курсив авт.-сост.), с возвратом получавшегося им на действительной службе содержания.

В соответствии с сим Главный штаб просит сделать распоряжение об ассигновании названному обер-офицеру, вновь зачисленному на службу в тот же полк Высочайшим приказом от 13 июля, причитающегося ему содержания за время пребывания его в запасе с 1 октября 1899 г. по 13 июля 1900 г. с отпуском его в Санкт - Петербурге.

Управляющий делами

Генерал-лейтенант **Соллогуб**³⁰².

Но не все российские военнослужащие из числа добровольцев, воевавших на стороне буров получили подобные значительные материальные льготы:

По наведённой в IV отделении справке оказалось, что подпоручику **Августусу** с Высочайшего соизволения было зачислено время, проведённое в Южной Африке за действительную службу. Подпоручику **Дрейеру** не было представлено ни одной из этих льгот.

Зная тяжёлое материальное положение обоих офицеров, сделавших крупные долги для покрытия расходов на поездку в Южную Африку и ввиду безупречного их поведения на театре военных действий, осмеливаюсь возбудить ходатайство о выдаче подпоручикам **Августусу** и **Дрейеру** в виде пособия содержания за время пребывания их в Южной Африке, а второму из них, кроме того, о зачете времени состояния в запасе в действительную службу.

Во время представления моего военному министру в Ялте в октябре прошлого года я имел честь докладывать его Превосходительству об отличном поведении названных господ офицеров и о желательности предоставления упомянутых выше льгот, причём его Превосходительство изволили отнести сочувственно к моему ходатайству.

Полковник **Стажович**.

11 апреля 1901 г.³⁰³.

О произведённом в поручики **Евгении Августусе** сохранился следующий документ:

Канцелярия ВУЧа, 12 мая 1901 года

Начальнику штаба Варшавского военного округа.

В докладе Военному Министру о бывших в Трансваале русских офицерах – добровольцах бывшим военным агентом в Южной Африке было возбуждено ходатайство о допущении в изъятие из правил подпоручика 189 пехотного резервного Белгорайского полка **Августуса** в сём году к приёмному экзамену

на состоящий при первом Департаменте Министерства иностранных дел офицерский курс Восточных языков.

При докладе сего ходатайства Государю Императору, военный министр изволил положить следующую резолюцию: Государь высказал мнение, что Августуса надо принять на курс Восточных языков. Прошу исполнить это в изъятие из правил.

Об изложенном Главный штаб сообщает Вашему Превосходительству для сведения и зависящих распоряжений.

Управляющий делами (неразборчиво)

Делопроизводитель (неразборчиво) (сноска утрачена).

В РГВИА имеется послужной список капитана **Фёдора Фёдоровича Арнольдова**, но и в нём, как и в послужных списках штабс-капитана **Сергея Николаевича Дрейера** и штабс-капитана **Евгения Фёдоровича Августуса** нет ни слова об участии в англо-бурской войне 1899–1902 гг. (дано в сокращении):

Капитан **Арнольдов Фёдор Фёдорович**. Родился 5 февраля 1876 г. Сын коллежского советника. Уроженец Симбирской губернии. Православный. Закончил Казанское пехотное юнкерское училище по 2 разряду. В службу вступил рядовым на правах вольноопределяющегося 2 разряда в Сурский резервный батальон 12 августа 1893 г. Командирован в Казанское пехотное юнкерское училище 21 августа 1894 г.

Переименован в подпрапорщики с откомандированием в свою часть 28 июня 1897 г.

Переведён на службу в 116 пехотный Малоярославский полк 31 мая 1898 г.

Подпоручик 14 апреля 1898 г.

Поручик 15 апреля 1903 г.

Переведён по собственному желанию в Михайловский крепостной батальон 28 декабря 1904 г.

Произведён в штабс-капитаны с зачислением в запас по армейской пехоте 19 сентября 1906 г.

Высочайшим приказом 3 марта 1908 г. назначен на службу в и.д. делопроизводителя в управлении Камышловского уездного воинского начальника.

Переведён в Тюкалинскую местную команду 13 сентября 1909 г.

Высочайшим приказом переведён в Зайсанскую местную бригаду 20 августа 1913 г.

Высочайшим приказом произведён в капитаны 15 мая 1914 г. со старшинством 28 декабря 1911 г.

Заведующий делопроизводством Зайсанской местной команды 4 сентября 1914 г.

Женат первым браком на дочери мещанина города Казани **Анне Васильевне Сухановой**. Жена вероисповедания православного. Детей не имеет. В походах и делах против неприятеля не находился.

Семипалатинский уездный воинский начальник
полковник (подпись)³⁰⁴.

Приведём и послужной список офицера-добровольца
Дрейера:

I. Чин, имя, отчество и фамилия

Штабс-капитан **Сергей Николаевич Дрейер**

II. Должность по службе младший офицер

III. Ордена и знаки отличия

Имеет серебряная медаль в память Царствования Императора Александра III.

IV. Когда родился

2 февраля 1874 г.

V. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец.

Из дворян Виленской губернии

VI. Какого вероисповедания

Православного

VII. Где воспитывался

В 4 Московском кадетском корпусе. Окончил курс и в 3 военном (?) Александровском училище по 2 разряду

VIII. Получаемое на службе содержание.

Жалования 480 рублей}
квартирных 308 рублей} в год.

IX. Прохождение службы

Когда в службу вступил и произведён в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба; военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места службы или должности в другую, с объяснением, по какому случаю: по воле начальства или же по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемилостивейшие реескрипты, Высочайшие благоволения.

На службу вступил из кадет 4 Московского кадетского корпуса в 3 военное Александровское училище юнкером рядового звания 1 сентября 1892 г.

Унтер-офицером 4 сентября 1893 г.

По окончании курса наук Высочайшим приказом произведён в подпоручики в 38 пехотный Тобольский Его Императорского Высочества полк с обязательством согласно св. к.п. 1896 г. XV 345 по второму (?) продолжению (?) прослужить на действительной службе три года 8 августа 1894 г.

Прибыл к полку 2 октября 1894 г.

Вр. и.д. Батальонного адъютанта 4 батальона 6 ноября 1894 г.

Награждён серебряной медалью в память Царствования Императора Александра III 30 сентября 1896 г.

Командирован в штаб войск Московского военного округа для держания предварительного экзамена при Николаевской академии Генерального штаба 26 июня 1897 г.

Прибыл к полку 24 июля 1897 г.

По выдержании предварительного экзамена командирован в город Петербург для держания вступительного экзамена в Николаевской академии Генерального штаба 2 августа 1897 г.

По выдержании экзамена прибыл из командировки к полку 20 октября 1897 г.

Поручиком 2 мая 1899 г.

Со старшинством 8 августа 1898 г.

Зачислен в запас армейской пехоты по Московскому уезду
27 января 1900 г.

Исключен из списков полка 31 января 1900 г.

Высочайшим приказом 24 октября 1900 г. призван из запаса и определён на службу в 38 пехотный Тобольский полк 24 октября 1900 г.

Зачислен в списки полка 7 ноября 1900 г.

Прибыл к полку 11 ноября 1900 г.

Переведён на службу в 2 Лейб-Гренадёрский Екатеринославский Императора Александра III полк без всяких расходов от казны, исключен из списков полка и до отправления к месту служения полачается (?) в прикомандировании 22 мая 1900 г.

Отправился к новому месту службы 23 мая 1901 г.

Прибыл к полку 30 мая 1901 г.

Принял на законном основании должность заведывающего охотничьей командой 20 марта 1903 г.

Сдал эту должность 6 мая 1903 г.

Штабс-капитан 15 июня 1903 г.

Принял на законном основании охотничью команду 9 марта 1904 г.

Высочайшим приказом, состоявшимся 1 декабря 1904 г. переведён на службу в 33 пехотный Елецкий полк, до отправления полачался (?) в прикомандировании к оному 3 декабря 1904 г.

Сдал заведование и имущество охотничьей команды 18 декабря 1904 г.

Отправился к новому месту службы 6 января 1905 г.

Зачислен в списки (33) Елецкого полка 19 декабря 1904 г.

Прибыл к полку 11 февраля 1905 г.

Числящийся больным эвакуировался в Россию и, вернувшись в полк после 4-х месячного срока лечения, исключён из числа больных и числился в командировке, как не занимающий в полку вакансию 22 августа 1905 г.

Основание: приказ главнокомандующего за № 1049.

Прикомандирован к 1 Лейб-гвардии Гренадёрскому Екатеринославскому полку 31 марта 1906 г.

Высочайшим приказом, состоявшимся 24 июня 1906 г. переведён на службу в 1 Лейб-Гренадёрский Екатеринославский Императора Александра III полк 24 июня 1906 г.

Исключён из списка командированных и зачислен в списки полка 24 июня 1906 г.

Исключен из списков Елецкого полка 30 июня 1906 г.

На гражданской службе и по выборам дворянства не служил.

Всемилостивейших рескриптов и Высочайших благоволений не получал.

Бытность вне службы.

а) Во время отпуска; когда уволен, на какое время и явился ли в срок, а если просрочил, то сколько именно и признана ли просрочка уважительной; б) для пользования ран: где именно, по чьему разрешению, с какого и по какое время; в) в бессрочном отпуске и запасе, не состоял на гражданской или общественной службе: с какого и по какое время; г) по роду оружия, без исполнения службы; д) в плену, когда и где взят и когда возвратился на службу и е) в отставке: когда уволен и когда вновь прибыл на службу.

Был в отпусках:

В 28 дневном с сохранением содержания с 14 ноября по 12 декабря 1895 г.

В 39 дневном с сохранением содержания с 7 сентября по 15 октября 1897 г.

В 28 дневном с (неразборчиво) заболел и отправлен на излечение в Санкт-Петербургский Николаевский военный госпиталь с 30 сентября 1898 по 25 октября.

По выздоровлении прибыл в полк 7 ноября 1898 г.

В 28 дневном с сохранением содержания с 21 по 30 декабря 1899 декабря.

Прибыл 19 днями раньше срока.

В 10 дневном с сохранением жалования с 20 по 30 марта 1901 г.

В 18 дневном с сохранением содержания с 1 по 21 мая 1901 г.

Прибыл 1 день раньше срока.

В 2 месячном с сохранением содержания с 8 сентября по 7 декабря 1903 г.

В 28 дневном с сохранением содержания с 5 декабря 1903 по 4 января 1904 г.

В 2 месячном с сохранением содержания с 30 мая по 14 июня 1904 г.

В бессрочных (?) отпусках для пользования ран по роду оружия без исполнения службы, в плену и в отставке не был.

XI. Холост или женат, на ком; имеет ли детей; год, месяц и число рождений детей; какого они и жена вероисповедания.

Женат первым браком на дочери потомственного почётного гражданина города Коломны **Анне Дмитриевны Троицкой**. Имеет дочь **Ксению** родившуюся 10 марта 1904 г. Жена и дочь вероисповедания православного.

XII. Есть ли за ним, за родителями его, или когда женат, за женой недвижимое имущество, родовое или благоприобретённое.

Из представленного свидетельства Московской городской управы от 28 апреля 1904 г. за № 6612 видно, что в Пресненской (?) части... № 151 значится владение принадлежащее вдове надворного советника **Марии Андреевне Дрейер** с чистым доходом 319 рублей в год.

XIII. Подвергался ли наказаниям или взысканиям, Соединённым с ограничениями в преимуществах по службе, – когда и за что именно; по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке.

Не подвергался.

XIV. Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением, где именно, с какого и по какое время, оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии; особые поручения, сверх прямых обязанностей, по высочайшим повелениям, или от начальства.

В походах находился во время русско-японской войны

1904–1905 гг. В сражениях не участвовал. Ранен и контужен не был. Командирован с нижними чинами в 4 сапёрную (роту) для изучения сапёрного дела где и находился с 14 мая по 7 июня 1895 г.

Согласно приказа по войскам Московского военного округа 1902 г. за № 19 командирован в распоряжение Бобровского уездного воинского начальника для обучения ратников Государственного ополчения со 2 мая по 13 июня 1902 г.

Особых поручений сверх прямых обязанностей по Высочайшим повелениям или от начальства за исключением выше-поименованных (?) не получал.

В службе сего обер-офицера не было обстоятельств лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к сему знаку.

Командир Лейб-Гренадёрского Екатеринославского

Императора Александра III полка.

Полковник (подпись)

Полковой адъютант

Штабс-капитан (подпись)

(сургучная печать полка)³⁰⁵

В Санкт-Петербургском Военно-Морском архиве находится послужной список **Бориса Андреевича Строльмана** и его аттестация (в документах он везде проходит как **Строльман**, а не как **фон Строльман**, не исключено, что он по приезде в Южную Африку добавил приставку фон для солидности):

Полный послужной список на лейтенанта **Бориса Строльмана**.

Составлен 26 февраля 1900 г.

I. Чин, имя, отчество и фамилия: Лейтенант **Борис Андреевич Строльман**

II. Должность по службе: 13 флотского экипажа³⁰⁶

III. Ордена и знаки отличия: имеет серебряную медаль в память Царствования Императора Александра III

IV. Когда родился: 18 июля 1872 г.

V. Какого звания происходит и какой губернии уроженец:
Из дворян. Уроженец Московской губернии

VI. Какого вероисповедания: Православного

VII. Где воспитывался: В Морском Кадетском Корпусе

VII. Получаемое на службе содержание: Жалования – 468 руб., Столовых – 183 руб.

VIII. Прохождение службы: Поступил в Морское Училище.
Что ныне Кадетский Корпус, воспитанником 13 сентября 1886

Действительная служба считается с 8 сентября 1889

Произведён в Гардемарину³⁰⁷ 10 августа 1891

В Унтер-офицеры 5 октября 1891

Высочайшим приказом по флоту за № 646 произведён на
основании ст. 115 кн. VIII Св. Морск. Пост. Изд. 1889 г. в Мич-
маны³⁰⁸ сентября 1892

Циркуляром Главного Морского Штаба за № 127 зачислен
в 13 Флотский экипаж 12 сентября 1892

Приказом по отряду за № 245 назначен в заграничное пла-
вание на крейсер 1 ранга «**Память Азова**»..... 19 марта 1893

Приказом по Морскому ведомству награждён серебряной
медалью в память Царствования Императора Александра III 21
марта 1896

Высочайшим приказом по Морскому ведомству за № 129
произведён в Лейтенанты 13 марта 1897

Циркуляром Главного штаба за № 267 назначен в перемен-
ный состав водолазной школы 1 декабря 1897

Циркуляром Главного Морского штаба за № 191, с утверж-
дения Управления Морского Министерство зачисляется в во-
долазные офицеры с представлением ему прав и преимуществ
означенных в Высочайш. Утвер. Положения объявл. При при-
казе от 20 декабря 1897 г. за № 234... 22 сентября 1898

Циркуляром Главного Морского штаба за № 214 прикоман-
дировывается к Морскому Кадетскому Корпусу 20 октября 1898

I. В 2-х месячном отпуску внутри Империи с .22 августа
1892 по 23 октября 1892

Высочайшим приказом по Морскому Ведомству за № 147

уволен в отпуск внутри Империи и заграницу на 4 месяца 4 августа 1897

Явился 4 декабря 1897.

XI. Холост или женат: Холост

XII. Есть ли за ним, за родителями недвижимое имущество...: Нет

XIII. Подвергался ли наказаниям и взысканием: Не подвергался

XIV. Бытность в походах и делах против неприятеля: Не был.

XV. Сколько компаний служил на море, где, на каком судне,...

В 1888 г. с 16 мая по 13 августа на корвете³⁰⁹ «**Боярин**» под командой капитана 2 ранга **Берга** в плавании по Балтийскому морю 3 месяца

В 1889 г. с 12 мая по 11 августа на фрегате «**Князь Пожарский**» под командой капитана 1 ранга **Мессера** в том же плавании 3 месяца 2 дня

В 1890 г. с 12 мая по 11 августа на корвете «**Боярин**» под командою капитана 2 ранга **Суронского** в том же плавании 3 месяца 2 дня

В 1891 г. с 12 мая по 12 августа на корвете «**Баян**» под командою капитана 2 ранга **Шемана** в том же плавании

В 1892 г. с 12 мая по 6 августа на учебном судне «**Скобелев**» под командою капитана 1 ранга **Нелидова** и с 6 по 13 августа на миноносце «**Роченсальм**» под командою капитана 2 ранга **Максимова**, (вероятно, родного брата подполковника **Евгения Яковлевича Максимова**) а 13 августа отправлен обратно на учебное судно «**Скобелев**», где и продолжал компанию по 11 сентября в плавании по Балтийскому морю 4 месяца 5 дней

С 23 июня 1893 по 1 января 1894 г. на крейсере 1 ранга «**Память Азова**» под командою капитана 1 ранга **Чуанина** в должности вахтенного офицера, в плавании с 23 июня по 23 августа во внутреннем, а 21 августа в заграничном, в составе эскадры Средиземного моря 192 дня.

С 1 января 1894 по 1 января 1895 на том же крейсере под той же командою, в заграничном плавании 12 месяцев 5 дней

С 1 января 1895 по 1 января 1896 г. на том же крейсере под той же командой в заграничном плавании 365 дней

С 1 января 1896 по 3 января на том же крейсере под той же командою в заграничном плавании. А с 3 января по 20 марта под командою капитана 1 ранга **Родионова** и с 20 марта про 1 января 1897 г. под командою капитана 1 ранга **Вирениуса** 366 дней

С 1 января 1897 по 17 марта 1897 г. под той же командой 76 дней

В 1898 г. с 6 мая по 5 сентября на учебном судне «**Опричник**» слушателем водолазного дела во внутреннем плавании под командою капитана 2 ранга **Кононова** 164 дня

В том же году с 6 сентября по 24 октября на эскадренном броненосце «**Петропавловск**» под командою капитана 1 ранга **Греве** в должности Вахтенного начальника в плавании в составе отряда судов назначенных для испытаний 53 дня

В службе сего офицера не было обстоятельств лишающих права на получение знака отличия беспорочной службы или отдалающего срок выслуги к сему знаку³¹⁰.

Приведём и следующий документ о нём:

Эскадра Тихого океана: крейсер 1 ранга «**Память Азова**». Аттестация мичмана **Бориса Андреевича Строльмана**.

1. Знания и способности к морскому делу и по своей специальности: Бравый офицер с хорошими способностями. Специальности не имеет

2. Служебные качества: К служебным обязанностям относится добросовестно и серьёзно

3. Умение держать себя в кают-компании, а равно в отношении старших и своих подчинённых: Держит себя в общем скромно и дисциплинированно, но малоуступчив

4. Знание иностранных языков, представительность, умение держать себя с иностранцами и поддержание с ними долж-

ного отношения: Знает хорошо французский и английский языки и с иностранцами умеет держать себя как следует

5. Поведение и нравственность: Очень хорошее

Командир крейсера 1 ранга «**Память Азова**»

Капитан 1 ранга **Вирениус**

1 марта 1897 г.³¹¹.

В конце декабря 1900 г. в газете «Новое Время» был напечатан следующий некролог:

Б.А. Строльман.

Сочувствие русских людей делу буров выражается не одними словами. В Южную Африку в самом начале войны отправились русские добровольцы и в числе первых – лейтенант флота **Борис Андреевич Строльман**, вышедший ради этого в отставку и отправившийся в январе 1900 г. в Трансвааль, где 13 июля сего года – сегодня ровно полгода тому назад в окрестностях Линдаля, в отряде находившемся под общим командованием **Христиана Девета; Борис Андреевич Строльман** был убит наповал английской пулей в то время как возвращался на передовую позицию, с которой вынес в безопасное место раненого голландца. Бой продолжался, русские отступили и двум другим русским – капитану **Шульженко** и москвичу **Гучкову** – так и не удалось унести тело **Строльмана**, которое было похоронено, как впоследствии они узнали одной женщиной, пришедшей с соседней фермы. Англичане признали в убитом по найденным при нём бумагам русского лейтенанта. **Строльмана** – писал в то время **Гучков**, – здесь все любили и смерть его вызывала самые искренние сожаления.

Борис Андреевич Строльман родился в Москве, в 1872 г. 18 июля. Образование начал в 1-й московской прогимназии, а в 1886 г. по смерти своего отца, городского секретаря, поступил в морское училище по конкурсному экзамену на казённый счёт. В 1892 г. был выпущен в офицеры в первой десятке и в 1893 г. ушёл в дальнее плавание на «Памяти Азова». В том же году участвовал во франко-русских торжествах и был

в Париже. Вернулся в 1897 г. лейтенантом, прошёл и блестя-щим образом кончил курс водолазных классов. Осенью 1898 г. прикомандирован дежурным офицером к морскому корпусу, где воспитанники его очень любили. В январе 1900 г. вышел в запас, чтобы волонтёром принять участие в трансваальской войне.

Жизнь была коротка и проста, но зато искренна и порывиста.

Чуткий ко всякому проявлению добра и зла, он всегда был готов на борьбу с неправдой, на защиту слабого против сильного. Это была натура цельная, не дробившаяся на мелочи ежедневной жизни, но беззаветно отдававшаяся увлекавшему его чувству. Переходя непосредственно от слов к действию, он бодро шёл навстречу опасности, воодушевлённый сознанием правого дела, жертвуя всем, даже жизнью, ради отвлечённого идеала справедливости, он тем самым увеличил сумму абсолютного добра на земле. Мир праху его³¹².

Любопытно и то, что согласно архивным документам, в мае 1900 г. брат **Фёдора Ивановича Гучкова, Александр Иванович Гучков** по пути в бурские республики написал личное письмо военному министру **Куропаткину**, сильно смахивающее по содержанию на разведывательное донесение:

Военному министру. Бейра. 12/29 мая 1900 г.

Ваше Высокопревосходительство

Алексей Николаевич.

Пользуюсь случаем прислать вам настоящее письмо французской почтой через Мадагаскар, чтобы сообщить вам некоторые сведения о высадке англичан с Бейры и... их экспедиции, имеющей целью вторжение в Трансвааль с севера через Мозамбик и Родезию...

Далее на нескольких страницах идёт само донесение о выгрузке английских войск в Мозамбикском порту с английских военных транспортов (перечисляется их число – 15 под охра-

ной небольшого крейсера, говорится, когда началась высадка). Заканчивается оно так:

Примите уверения в глубокой душевной преданности.
Александр Гучков³¹³.

Из приведённого письма следует, что если поручик запаса армии **Александр Гучков** направил подобное личное донесение самому военному министру России генерал-лейтенанту **Куропаткину**, то это, вероятнее всего, свидетельствует о том, что будущий политический деятель уже в то время обладал некоторым общественным весом.

К сожалению, прояснить достаточно подробно в деталях, что делал он в бурских республиках пока не удалось, поскольку будущий известный политик **Гучков** свои воспоминания, найденные одним из авторов данной работы в отечественных архивах, начинал только с событий 1904–1906 гг., то есть войны с Японией, русской революции 1904–1905 гг. и созыва первой Государственной Думы. Видимо он посчитал события англо-бурской войны несущественными по сравнению с тем, что произошло в его судьбе несколькими годами позже.

В годы англо-бурской войны трудно было представить, что именно родной брат богатого московского купца из богатейшей старообрядческой семьи, **Александр Иванович Гучков** через 16 лет после описываемых событий вместе с **Шульгиным** и генералом **Рузским** будет присутствовать на отречении «Государя Всемилостивейшего» **Николая II** от престола. **Гучков** вместе со штабс-капитаном **Шульженко** и другими российскими добровольцами служил в отряде известнейшего партизанского командира **Дани Терона** и по данным **Ромейко-Гурко**, он был ранен в бедро в том же бою в июле (августе) 1900 г. в котором погиб лейтенант российского флота **Бо-**

рис Андреевич фон Строльман. Александр Гучков после полученного тяжёлого ранения остался хромым на всю жизнь.

Гучков до поездки к бурам закончил с отличием историко-филологический факультет Московского университета, затем служил прапорщиком в Лейб-гвардии Гренадёрском полку. В 1891 г. служил чиновником особых поручений при нижегородском Генерал-губернаторе, а с 1893 г. являлся членом Московской городской управы, имел чин действительного статского советника. После возвращения из бурских республик в 1900 г. находился в Китае во время боксёрского восстания, а в 1901 г. – директор, а затем управляющий Московским учётным банком. В 1904 г. воевал в Македонии с турками.

Участвовал он и в русско-японской войне 1904–1905 гг. как уполномоченный Красного Креста. Некоторое время был в японском плена. Немного позднее – известный политический деятель, руководитель партии октябристов, видный масон, а в 1910–1911 гг. – председатель 3-й Государственной думы, в 1914–1915 гг. – особоуполномоченный Российского общества Красного Креста при 2-й армии, а в 1915–1917 гг. – председатель Центрального военно-промышлennого комитета, также с 1915 г. – член Государственного совета, участник Особого совещания по обороне, весной 1917 г. – военный и морской министр в первом составе Временного правительства. За время своего краткого пребывания на этом посту прославился «избиением» русской армии уволив в отставку 143 (150) генерала, включая 73 генерала – начальников дивизий. Некоторые исследователи считают что Приказ № 1 **Александра Гучкова** в качестве военного и морского министра Временного правительства о выборности офицеров в армии и приведший к почти повсеместному разложению

русского войска, вероятно, был навеян его опытом добровольца в войсках буров, где офицерские должности являлись выборными. Другие историки полагают, что он лишь использовал опыт Французской революции.

Активный участник гражданской войны, весной 1919 г. по поручению генерала **Деникина** он был отправлен в Западную Европу в качестве дипломатического представителя. После окончания Гражданской войны, эмигрировал в Берлин, где позднее сотрудничал с набиравшими силу нацистами. Скончался в эмиграции в 1936 г. в Париже³¹⁴.

О бурной деятельности **Леонида Семёновича Покровского**, о котором до сих пор помнят в Южной Африке в тех местах, где он храбро воевал в 1900 г. (к примеру, с небольшим отрядом добровольцев в 11 человек захватил станцию Вашбанк и три товарных поезда, отцепил от одного из них паровоз с тендером, заложил в топку побольше угля и дал полный ход, а сам выпрыгнул, надеясь что паровоз-торпеда проторанит английский бронепоезд, но по счастью для британцев паровоз сошёл с рельс на крутом повороте железнодорожной колеи и столкновения не произошло, партизаны тем временем сожгли станцию)³¹⁵ сохранилась следующая заметка, в которой он был ошибочно назван **Лебовским**:

«Daily Mail» сообщает из Питермарицбурга:

Отряд буров, атаковавший станцию Вашбанк, состоял приблизительно из 50 всадников и находился под командованием капитана **Лебовского**, русского офицера.

Буры сделали очень смелый переход по стране до Вашбанка, не встретив наших патрулей: они были отлично вооружены и легко экипированы. 25 октября они угрожали Нкуту, в Зулуланде, и проникнув в пределы Наталя ночью, перерезали телеграф у

Вантсиверифта и унесли телефонный аппарат. Они прошли к Бейту, затем к Вашбанку, разрушив телеграф между Умсингой и Дунди. Всадники прискакали к Вашбанку в 2 часа 30 минут утра 26 октября. Здесь они завладели товарным поездом, забрали некоторые боевые припасы, сожгли станционные постройки, разрушили линию и ранили одного служащего. Поезда и моста не тронули. Отсюда буры направились к северу. Последний раз о них слышали, когда они переходили Биггасберг³¹⁶.

Другая провинциальная южноафриканская газета «The Harrismith News» писала 2 ноября 1900 г. об этом так:

The Washbank Affairs
 Boers Led By Russian
 Removal of Remounts
 Station Destroyed and Telegraph Damaged
 Maritzburg October 27.

The Government have received information that a party of Boers, variously estimated at from 40 to 80, under Cap. **Le Boswonsky**, a Russian officer consisting chiefly of Swaziland and Natal rebels, having on the 25th inst, first threatened the Nqutu Magistracy, proceeded to Vant's Drift, where they cut the telegraph line and removed the telephone equipment.

Thence they proceeded via Beith to Waschbank Station, having on their way destroyed about half a mile of telegraph line between Umsinga and Dundee.

They reached Waschbank at 2.30 a.m. yesterday and seized a good train there, captured 11 military remounts, but not taking anything else or doing any damage to the train.

They destroyed the railway station and goods shed at Waschbank and blew up the railway line at several places on both sides of the station. The bridges are intact.

They afterwards, it is stated, proceeded north and were last heard of at Allen's store on the main road over the Biggarsberg.

The only casualty mentioned is that of a platelayer **Brannigan**

who was wounded in the leg at Washbank.

At 12 p.m. yesterday the General Manager for the railways reported that the line to Glencoe Junction was clear, and that traffic had been resumed.

Doug Clapham.

(Перевод)

Правительство получило сообщение о том, что отряд буров, численностью примерно от 40 до 80 человек под командованием русского офицера капитана **Ле Босвонски**, состоящий главным образом из служащих полиции Свазиленда и натальских повстанцев 25 сего месяца впервые угрожала спокойствию в магистратуре Нкуту, далее двинулась на Вантсдрифт, где нарушила телеграфное сообщение и изъяла телефонное оборудование.

Оттуда он через Бейт двинулся на станцию Вашбанк, разрушив на пути телеграфную линию Умсинга-Дунди на протяжении около полукилометра.

Они добрались до Вашбанка в 2 ч. 30 мин по полуночи и захватили там грузовой поезд с 11 военными грузами, но не взяли ничего больше и не причинили ущерба поезду.

Они разрушили здание станции и попортили товары, оставленные в Вашбанке, а так же взорвали железнодорожное полотно в нескольких местах по обе стороны от станции. Мосты остались целы.

Затем они, как сообщается, двинулись далее на север и в последний раз о них было слышно в Ален-стор (на складе Ален-на) на главной дороге, шедшей через Биггарсберг.

Единственным пострадавшим был железнодорожник (башмачник) **Браннigan**, который был ранен в ногу в Вашбанке.

В 12 часов вчера пополудни главный управляющий железнодорожными дорогами сообщил, что линия на железнодорожный узел Гленко свободна и движение на ней возобновилось³¹⁷.

Редкая фамилия **Августус** неоднократно повторявшаяся в документах вызывала интерес у царя:

Спешное.

По Главному штабу.

Прошу доставить к пятнице (6 апреля) список офицеров, бывших в Трансваале, а равно справку, не было ли среди них **Августова**. Государь Император изволил назвать его **Августус** и сделал предположение, что не из числа ли он так называемых (неразборчиво) абиссинцев, которые были присланы.

Генерал от инfanterии **Куропаткин**.

30 марта 1901 г.

(приписка: прошу прислать мне письмо ко мне одного из офицеров из отправлявшихся (?) в Трансвааль.

Куропаткин³¹⁸.

Подпоручик **Леонид Семёнович Покровский** написал военному министру **Куропаткину** письмо, которое тот получил только в апреле 1901 г. через несколько месяцев после гибели названного офицера. К сожалению, не удалось обнаружить в архиве само письмо, а только сопроводительную бумагу:

Представляется Вашему Высокопревосходительству список офицеров, бывших в Трансваале, составленный командированным в Южную Африку Генерального штаба полковником **Стаховичем**, и письмо к Вашему Высокопревосходительству подпоручика **Покровского**.

Подпоручик **Августус**, помещённый в списках, – уроженец Курляндской губернии.

Генерал-майор...

Что же касается письма, о котором упоминается в резолюции Вашего Высокопревосходительства, то такового в делах канцелярии Военно-учёного комитета не имеется.

Генерал-майор...

апреля 1901 г.

Упоминаемое в резолюции начальника Главного штаба письмо оказалось в делах 8 отделения Главного штаба³¹⁹

Генерал-лейтенант **Сахаров**.

6 апреля 1901 г.³²⁰.

О погибшем к тому времени подпоручике 189 Белгородского резервного полка **Леониде Семёновиче Покровском**, (произведённом бурами в капитаны) сохранился следующий запрос, датированный летом 1902 г. в котором он почему-то ошибочно назван прапорщиком:

Министерство иностранных дел, 18 июля 1902 г. № 7763.
В Императорское российское консульство в Лондоне.

Исправляющий обязанности варшавского обер-полицмейстера обратился в министерство иностранных дел, на основании запроса варшавского уездного воинского начальника, с просьбой доставить сведения относительно того, находится ли в настоящее время в живых прапорщик запаса **Леонид Семёнович Покровский**, проживавший в 1900 г. в городе Претории и принимавший участие в Трансваальской войне, и, если он жив, то где имеет своё местожительство³²¹.

Леонид Семёнович Покровский скончался на ферме Паардепорт 25 декабря 1900 г. от тяжёлого ранения полученного 24 декабря. Его могила находится на Uys's farm, Uitzoek (Эйс фарм, Эйтцук).

Через много десятилетий, в 1938 г. его товарищи по оружию собрали деньги на мраморную табличку с надписью на африкаанс:

В память капитана **Леонида Покровского**, родившегося в Варшаве, Россия, павшего при Утрехте 25 декабря 1900 г.

Он добровольно отдал свою жизнь за нашу угнетённую страну.

Никто не любит более чем он положивший жизнь за друзей своих.

(Псалом XV, глава 13)

Поставлен иждивением своих товарищей по оружию³²².

О поступлении **Евгения Фёдоровича Августуса** на курсы восточных языков сохранился следующий документ:

Список офицерам, допущенных в 1901 г. к приёмным экзаменам на курсы Восточных языков (учреждённых при Министерстве иностранных дел). 22/24 августа 1901 г.:

№ по порядку	Какой части, чин имя и фамилия	География	Русский язык	Французский язык	Топография	Сумма баллов
1	Лейб-гвардии Преображенского полка подпоручик Степанов	10	11	10	11	42
2	Лейб-гвардии Измайловского полка поручик Павлов	12	10	11	11	44
3	Лейб-гвардии Егерского полка поручик Голохвастов	9	11	10	10	40
3	Лейб-гвардии Егерского полка поручик Голохвастов	10	12	11	10	43
4	Лейб-гвардии 1 Стрелкового Его Величества батальона поручик Дворжецкий	10	12	11	10	43
5	Лейб-гвардии Резервного пехотного полка подпоручик Карташевский	9	10	11	10	40
6	Лейб-гвардии Драгунского полка корнет Миллер	8	11	10	10	39
7	Лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады подпоручик Фриде	10	10	10	10	40
8	4 Финляндского стрелкового полка поручик Соколовский	12	10	11	11	44

Настенная стелла установленная в 1938 году в честь бурсокого капитана
Леонида Семёновича Покровского

№ по порядку	Какой части, чин имя и фамилия	География	Русский язык	Французский язык	Топография	Сумма баллов
9	Лейб-гвардии Санкт-Петербургского стрелкового полка поручик Ратинов	10	10	10	12	42
10	192 пехотного резервного Баварского полка подпоручик Августус	8	11	11	11	41
11	I Резервного артиллерийского полка штабс-капитан Скурат	12	10	11	11	44
12	12 Гренадёрского Астраханского полка подпоручик Москалев	12	11	12	11	46
13	Кавказской Гренадёрской артиллерийской бригады штабс-капитан Раде	10	10	12	11	43 ³²³

Приведём и сведения из послужного списка **Евгения Фёдоровича Августуса**:

Штабс-капитан **Евгений Фёдорович Августус**

Должность по службе младший офицер

Ордена и знаки отличия не имеет

Когда родился 4 декабря 1874 г.

Из какого звания происходит и какой губернии уроженец из крестьян Курляндской губернии³²⁴

Вероисповедания православного

Где воспитывался окончил 5 классов Двинского реального училища и Виленское пехотное училище по I разряду

Получаемое на службе содержание

жалованья – 946 рублей

квартирных – 241 рубль 50 копеек

Добавочных – 300 рублей

Итого 1489 рублей 50 копеек

Читал августа 18 дня 1911 г. штабс-капитан **Августус.**

Прохождение службы

Приказом по 25-й пехотной дивизии за № 48 определён на службу в 97-й пехотный лифляндский генерал-фельдмаршала графа Шереметьева полк рядовым на правах вольноопределяющегося 2 разряда 26 апреля 1892 г.

Зачислен в списки полка 30 апреля 1892 г.

Ефрейтором 20 января 1893 г.

Выдержан экзамен на производство в унтер-офицеры 13 января 1894 г.

Командирован в Виленское пехотное юнкерское училище для прохождения курса 16 августа 1894 г.

Зачислен в младший класс училища 31 августа 1894 г.

Приказом по училищу 30 июня 1896 г. за № 212 основанном на рапорте священника штаба Виленского военного округа состоявшего в прикомандировании при училище, от 28 июля того же года за № 26 присоединён согласно своёму желанию к Греко-Восточной православной церкви и наречён **Евгением** 30 июля 1896 г. (**Августус**, видимо, был изначально католиком или православным-униатом по вероисповеданию).

Подпрапорщиком 10 августа 1896 г.

Высочайшим приказом, состоявшимся в 3 день ноября 1896 г. произведён в подпоручики с переводом в 190 пехотный резервный Белгорайский полк 3 ноября 1896 г.

190 пехотный резервный полк Белгорайский полк переименован в 189 пехотный резервный Белгорайский полк 1 января 1898 г.

Приказом 48 пехотной резервной бригады 29 апреля 1898 г. № 33 разрешено носить очки.

Зачислен в запас армейской пехоты по Варшавскому уезду 25 января 1900 г.

Определён на службу в 192 пехотный резервный ныне пехотный Ваврский полк 10 февраля 1901 г.

Со старшинством в чине подпоручика 1 сентября 1896 г.

Зачислен в списки полка 22 февраля 1901 г.

Прибыл в полк 7 марта 1901 г.

Командирован в город Санкт-Петербург для прохождения курса восточных языков 12 августа 1901 г.

Поручиком 21 августа 1901 г.

Со старшинством 1 сентября 1900 г.

На основании п.19 приложения к от 1 кн. XV св.В.П. изд. 1860 г. приказом начальника Главного штаба, прикомандирован к сему штабу как выдержавший приёмный экзамен на курсы восточных языков вне правил сверх штата 1 сентября 1901 г.

По приказанию временно исполняющего обязанности военного министра начальником Главного штаба приказом по сему штабу, как не выдержавший переходного экзамена на курсы Восточных языков отчислен от сего штаба в свою часть 9 июня 1903 г.

Отправился в полк 22 июня 1903 г.

Прибыл 5 сентября 1903 г.

Временно исполняющего делами Заведывающего охотничьей комнатой с 28 июня по 30 августа 1904 г.

Командирован для пользы службы в 190 пехотный Венгровский полк 29 августа 1904 г.

Откомандирован от 190 пехотного Венгровского полка и прикомандирован к 189 пехотному Белгорайскому полку для пользы службы на 6 месяцев.

9 октября 1904 г. Высочайшим приказом, состоявшимся 1 марта переведён в 30-й Восточно-Сибирский стрелковый полк прибывшего полагать налицо 30 марта 1905 г.

Назначен во 2-ю роту 30 марта 1905 г.

Помощником заведывающего охотничьей командой с 30 марта по 23 мая 1905 г.

Приказом по северному отделу обороны от 23 мая № 20 назначен командиром взвода пушек бароновского 23 мая 1905 г.

Переведён в 15 роту 12 октября 1905 г.

Начальником Владивостокской конно-охотничей команды 11 ноября 1905 г.

Начальником полковой охотничьей команды с 2 марта по 7 апреля 1906 г. начальником учебной команды с 7 по 21 апреля 1906 г.

Начальником охотничьей команды 21 апреля 1906 г.

Командирован с командой охотников для совершения походного движения 2 марта 1907 г.

Возвратился из командировки 20 мая 1907 г.

Назначен библиотекарем в распорядительный комитет офицерского собрания 27 августа 1907 г.

Командирован в полевую поездку с 19 по 31 сентября 1907 г.

Заштитником во временный военный суд в городе Красноярске 20 сентября 1907 г.

Командирован с командой охотников для совершения походного движения 5 ноября – 8 декабря 1907 г.

Командирован на рекогносцировку подвижных сборов с 1 по 14 мая 1908 г.

Приказом штаба Иркутского военного округа от 13 февраля за № 328 назначен в продолжительную командировку на границу Монюми (Монголии?) 13 февраля 1909 г.

Ввиду командировки сдал должность команды разведчиков 21 апреля 1909 г.

Не прибывая из командировки приказом штаба иркутского военного округа от 30 апреля 1901 г. за № 251 командирован с командой разведчиков для определения пограничной линии по водоразделу Саянского хребта и для изыскания дороги от устья Буйбы до с.Туранского 30 апреля 1909 г.

Высочайшим приказом состоявшимся 20 ноября 1909 г. произведён в штабс-капитаны.

Со старшинством 15 октября 1908 г.

Прибыл из командировки с границы Монголии 2 января 1910 г.

Младшим офицером в 16 роту 2 февраля 1910 г.

Начальником команды разведчиков 12 апреля 1910 г.

Командирован в город Иркутск в штаб округа по служебным делам 5 мая 1910 г.

Прибыл из командировки 15 мая 1910 г. Сдал должность начальника команды разведчиков 27 мая 1910 г.

Командирован на разведку в северную Монголию 3 июля 1910 г.

Прибыл из командировки 22 октября 1910 г.

Временно командующим 16 ротой с 27 декабря по 31 декабря 1910 г.

Командирован во временный военный окружной суд в качестве защитника. 9 января 1911 г.

Возвратился из командировки 25 января 1911 г.

Членом полкового суда 4 июля 1911 г.

В отпусках находился:

В 14 дневном с сохранением содержания 12 ноября 1897 г.

Прибыл, просрочил 1 месяц 17 дней 12 января 1898 г. Продолжительность просрочки признана уважительной

Женат первым браком на вдове **Зинаиде Ивановне Савицкой**, уроженки Варшавской губернии. Детей не имеет.

Жена вероисповедания православного.

Недвижимости не имеет.

Подвергался ли наказаниям или взысканиям, Соединённым с ограничениями в имуществах по службе когда и за что именно; по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке.

Приговором Варшавского военного округа на суд подвергался обвинению по ст. 97100 ч.2 XXII кн. св. В.П. 1860 г. изд. В.

На основании Высочайшего повеления от 20 августа 1909 г. № 14515 штраф прощён.

В походах и делах против неприятеля не был.

Особых поручений сверх прямых обязанностей по Высочайшим повелениям или от начальства не имел.

Командир полка...³²⁵

Приведём и материалы РГВИА об увольнении в запас ветерана англо-бурской войны графа **Георгия Владимировича Комаровского**:

Секретно

Штаб 6-й кавалерийской дивизии. По части строевой.
мая 13 дня 1911 г. № 189; город Ломжа.

В Главный штаб

Главного штаба Входящий секретный журнал 16 мая
1911 г. № 2894

Высочайший приказ 12 сентября 1911 г.

Рапорт

Сего числа я представил в Главный штаб ходатайство об увольнении в отставку подполковника б гусарского Клястицкого полка графа **Комаровского**.

Офицер этот был аттестован в ноябре 1910 г. – подлежащим увольнению от службы. Аттестация эта была утверждена в марте 1911 г. и тогда же сообщена подполковнику графу **Комаровскому**. Но до сего времени, несмотря на напоминания, он не подал прошения согласно статье 26 положения (приказ по В.В. 1906 г. № 701), а ныне заявил, что не сознавая за собой никакой вины не считает возможным подать прошение об отставке. А потому на основании статьи 28 Положения об аттестациях и согласно Высочайшего повеления от 26 июня 1907 г. я сделал представление об увольнении названного офицера.

Награды мундиром и чином он не удостаивается, так как эти награды не соответствовали бы сущности данной ему аттестации.

Начальник дивизии генерал-лейтенант (подпись)

Начальник штаба полковник **Залесский**

Секретно

Представление (В Главный штаб)

Об увольнении от службы подполковника б гусарского Клястицкого генерала Кульчева ныне Его королевского Высочества Великого Герцога Гессенского Эрнста-Людвига полка графа **Комаровского**.

Приложения: послужной список подполковника графа **Комаровского**.

Представления начальствующих лиц об увольнении от службы подполковника графа **Комаровского**.

Командира полка. Представляя при сём командиру 2-й бригады 6-й кавалерийской дивизии послужной список подполковника в гусарского Клястицкого генерала Кульнева полка графа **Комаровского**, прошу ходатайства:

1) об увольнении названного штаб-офицера от службы в аттестационном порядке

2) Взысканием, Соединённым с ограничением в преимуществах по службе, не подвергался; под следствием или дознанием не состоит

3) Со времени сего представления об увольнении от службы находится в прикомандировании по климатическим условиям к 17-му драгунскому нижегородскому Его Величества полку.

4) Закон: ст.26 положения пр. по В.В. 1906 г. № 701; ст.889 кн. VII св. В.П. 1869 г. изд.2. ст.398 кн. VIII того же свода изд.2.

командир полка полковник (подпись)
мая 10 дня 1911 г.

№ 86

Город Млава

Полковой адъютант штабс-ротмистр **Красноперов**
Бригадного командира

Представление начальнику 6-й кавалерийской дивизии.

Командир 2-й бригады 6-й кавалерийской дивизии генерал-майор (подпись)

10 мая 1911 г.

№ 1

Город Млава

Начальника дивизии

Представляя в Главный штаб, докладываю, что подполковник граф **Комаровский**, не подал прошения об отставке, согласно аттестации, утверждённой Временно командовавшим 15-м армейским корпусом, а потому подлежит увольнению по

представлению начальства. Пенсии он не выслужил награды мундиром и чином не удостаивается.

Приложение: послужной список и копия аттестации.

Закон: ст. 318 кн. V св. в.п. 692 издания 1907 г.

Начальник 6-й кавалерийской дивизии, генерал-лейтенант
(подпись)

13 мая 1911 г.

№ 189 город Ломжа

Начальник штаба полковник **Залесский**

Справка

подполковник граф **Комаровский** б гусарского Клястицкого генерала Кульнева полка (неразборчиво) 1 сентября 1901 (неразборчиво) 8 августа 1923 [возможно имелось в виду, что в 1923 г. достигнет предельного возраста для военной службы].

на службе 20 лет 10 месяцев 10 дней

офицером 20-6 1/2 лет

подполковником 6 S лет

В отставку в аттестационном порядке, без мундира и чина
подполковник (подпись)

копия. К 189 секретно

Приказ по В.В. 1906 г. № 701, приложение к статье 4-й положения.

Аттестация за 1910 год.

Чин имя и фамилия

Подполковник **Георгий** граф **Комаровский**

Часть или должность и с какого времени

младший офицер б гусарского Клястицкого полка с 12 января 1909 г.

В последнем чине с 23 февраля 1905 г.

Родился 9 января 1865 г.

Вероисповедания православного

Семейное положение – холост

Общее образование – В Императорском московском университете

Военное образование – В Николаевской академии Генерального штаба по 1-му разряду

Боевая служба (здесь кратко обозначается участие в походах и делах и ордена за боевые отличия, а также раны иуве-чья, полученные в делах с неприятелем).

В кампании 1900–1901 гг. и 1904–1905 годов.

(награжден) Святой Анны 4 степени;

За храбрость 1902;

Святой Анны 3 степени с мечами и бантом 1904 г;

Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Свя-того Станислава 2-й степени с мечами 1904 г.

Ранен и контужен не был

Аттестация

Был в трёх войнах, считая, в том числе англо-бурскую. Ши-роко образован, окончил академии Генерального штаба и уни-верситет; отлично владеет иностранными языками. В строю служил мало, а потому мало к ней подготовлен.

Авторитетом среди офицеров, благодаря незнания службы и неуравновешенного характера, не пользуется.

Строевой службой интересуется мало. Много читает. Скло-нен к спиртным напиткам. Командовать отдельной частью не подготовлен и не может.

Пописал: командир полка, полковник **Свешников**.

Верно: старший адъютанта штаба 6-й кавалерийской ди-визии

капитан **Муханов**

Мнение начальников

Вновь назначенный командиром бригады генерал-майор князь **Урусов** не знает аттестуемого начальника 6 кавалерий-ской дивизии

генерал-лейтенант (подпись)

Заключение аттестационного совещания.

Службу не знает. Делом не интересуется. Злоупотребляет спиртными напитками и вообще любит рассеянную жизнь.

Авторитетом среди товарищей не пользуется и подаёт им дурной пример.

Три кампании и академия не сделали его полезным для службы.

Подлежит увольнению от службы.

Подлинную подписал Начальник дивизии генерал-лейтенант **Девель**

Верно:

старший адъютант штаба 6-й кавалерийской дивизии капитан **Муханов**

(примечание (напечатано)

Аттестация составляется в произвольном изложении, preceding следуя цель возможно точной и полной характеристики служебных, физических, умственных и нравственных качеств аттестуемого.

Послужной список подполковника б гусарского Клястицкого генерала Кульгина полка графа **Комаровского** составлен 10 мая 1911 г.

I. Чин, имя, отчество и фамилия

Подполковник **Георгий Владимирович** граф **Комаровский**

II. Должность по службе

Младший штаб-офицер

III Ордена и знаки отличия

Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом,

святой Анны 3 степени с мечами и бантом, святого Станислава 2 степени с мечами, серебряную медаль за поход в Китай, светло-бронзовую медаль в память русско-японской войны 1904–1905 гг. и медали: в память Царствования Императора Александра III и священного коронования Их Императорских Величеств

IV. Когда родился

9 января 1865 г.

V. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец

Из дворян Орловской губернии

VI. Какого вероисповедания

православного

VII. Где воспитывался

Окончил курс в Императорском московском университете

те; выдержал экзамен на офицера гвардии при 1-м военно-павловском училище, по 1-му разряду и в Николаевской академии Генерального штаба окончил два класса по 1 разряду и дополнительный курс успешно.

VIII. Получаемое по службе содержание

Получает в год содержания:

жалования 1080 рублей

добавочных: 660 рублей

столовых: 660 рублей

квартирных: 225 рублей

IX. Прохождение службы. Когда в службу вступил и произведён в первый офицерский чин; производство в следующие чины дальнейшая служба; военная, гражданская; переводы и перемещения из одного места службы или должности в другую, с объяснением по какому случаю; по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемилостивейшие рескрипты, Высочайшие благоволения.

В службу вступил в лейб-гвардии конный полк рядовым на правах вольноопределяющегося 1 разряда 8 августа 1888 г.

Произведён в унтер-офицеры 25 января 1889 г.

переименован в эстандарт юнкера³²⁶ 15 июня 1889 г.

Высочайшим приказом произведён в корнеты

15 августа 1889 г. командирован в 3-й военно-телеграфный парк для изучения телеграфного дела где и находился с 30 ноября 1890 г. по 14 мая 1891 г.

Произведён в поручики 17 апреля 1894 г. со старшинством 10 августа 1893 г.

По выдержании приёмного экзамена приказом по Генеральному штабу от 9 октября за № 130 зачислен в Николаевскую Академию генерального штаба 9 октября 1894 г.

С разрешения начальника Главного штаба по домашним обстоятельствам отчислен от академии 14 сентября 1895 г.

Прибыл к полку и зачислен на (7) 5 сентября 1895 г.

Всемилостивейше пожалована серебряная медаль в память Царствования Императора Александра III 26 февраля 1896 г.

Всемилостивейше Награждён серебряной медалью в память священного коронования Их Императорских Величеств 11 июня 1897 г.

2 апреля 1896 г. в 3 часа дня во время обучения верховой езде в полковом (неразб.) манеже молодых солдат эскадрона Его Величества был сшиблен с ног лошадью, причём получил вследствие удара кованым её копытом осложненный перелом большой берцовой кости правой нижней конечности, и 27 июня 1896 г. во время испытания конного уставного учения полком на Красносельском военном поле получил при падении с лошади перелом правой бедренной кости на границе верхней трети со среднею. Увечья эти по сделанному по (неразб.) представления Высочайше разрешено внести в послужной список / надпись штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии от 3 декабря 1897 г. за № 3843 на отзыв штаба гвардейского корпуса от 1 декабря того же года за № 7957; 5 декабря 1897 г.

Штабс-ротмистром 6 декабря 1899 г.

Высочайшим приказом зачислен в запас гвардейской кавалерии по Петербургскому уезду 4 января 1900 г.

Высочайшим приказом из запаса определён в 3-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска с переименованием в есаулы 11 августа 1900 г.

Прибыл в город Читу 8 сентября 1900 г.

Командирован во 2-й сибирский армейский корпус 11 сентября 1900 г.

Высочайшим приказом переведён во 2-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска 19 апреля 1901 г.

Согласно предписания штаба 2 Сибирского армейского корпуса 1900 г. № 2540 прикомандирован к 1-му Нерчинскому полку Забайкальского казачьего войска куда и прибыл 25 января 1901 г.

По откомандировании от 1 Нерчинского полка прибыл в город Читу.

15 сентября 1901 г. Высочайшим приказом в 16-йц день октября 1901 г. переведён на службу в 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска (16 октября 1901 г.).

Приказом начальника Главного штаба за № 18, прикомандирован к главному штабу для занятий на 6 месяцев 14 января 1902 г.

таковым же приказом 1902 г. за № 255, вновь прикомандирован к сему штабу на 6 месяцев 19 июня 1902 г.

Высочайшим приказом награждён орденом Святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость» 2 декабря 1902 г.

В 3 день августа 1902 г. Высочайше разрешено допустить в изъятие из закона и не в пример прочим, к вступительному экзамену в старший класс Николаевской академии Генерального штаба в 1903 г.

Награждён серебряной медалью за поход в Китай в 1900–1901 гг. 9 апреля 1903 г.

Приказом по Генеральному штабу от 21 ноября 1903 г. за № 55, зачислен в старший класс Николаевской академии Генерального штаба сверх штата 21 ноября 1903 г.

С разрешения начальника Главного штаба, сообщённого в отзыве от 1 февраля 1904 г. за № 4457, отчислен от академии по своей части, с представлением права по окончании военных действий вновь поступить в академию: 1) или в дополнительный курс по выдержании переводного экзамена

2) им без экзамена в тот же старший класс 4 февраля 1904 г.

По мобилизации назначен во 2-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска куда и прибыл 27 февраля 1904 г.

Назначен командующим 3-й сотней, каковую и принял на законном основании 27 февраля 1904 г.

В составе полка выступил из города Нерчинска на театр военных действий 12 марта 1904 г.

награждён орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом 4 июля 1904 г.

Высочайшим приказом переведён во 2-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска 15 августа 1904 г.

Награждён орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом 5 августа 1904 г.

Назначен членом суда общества офицеров 13 октября

1904 г.

Награждён орденом Святого Станислава 2 степени с мечами 1 декабря 1904 г.

По болезненному состоянию отчислен от командования сотней 26 декабря 1904 г.

Приказом главнокомандующего за № 381 прикомандирован к 2-му Оренбургскому казачьему полку 14 мая 1905 г.

Высочайшим приказом за отличие в делах против японцев произведён в Войсковые старшины 2 сентября 1905 г. со старшинством 23 февраля 1905 г.

Приказом по Генеральному штабу за № 91 зачислен в старший класс академии 9 октября 1906 г.

По окончании курса двух классов по 1-му разряду, приказом по Генеральному штабу за № 64 переведён в дополнительный курс с предоставлением ему прав установленных ст. ст. 51, 52 и 60 кн. XV Св. В.П. 1869 г. изд. 1896 г. 8 августа 1907 г.

Согласно Высочайшего повеления, последовавшего в 30 день апреля 1908 г. признан успешно окончившим дополнительный курс академии, но без права на производство в следующий чин за окончание академии и на причисление к Генеральному штабу.

Приказом по Генеральному штабу за № 19 отчислен от академии к своей части, с прикомандированием для ближайшего ознакомления с требованиями службы Генерального штаба в полк к войскам Приамурского военного округа.

При выпуске из академии выдано ему 300 рублей на первоначальное обзаведение лошадью и со всею принадлежностью на основании ст. 76 кн. XV Св. В.П. 1869 г. изд. 1907 г. обязан срочной службой в военном ведомстве за обучение в Академии.

Уволился в отпуск на 4 месяца с разрешения начальника Академии Генерального штаба с 19 июня 1908 г. по 19 октября 1908 г.

По болезни задержан в отпуске на 4 недели и в полк не явился (два свидетельства Николаевского военного госпиталя от 26 ноября 908 г. № 246 и от 12 декабря № 265).

Высочайшим приказом, состоявшимся в 22-й день декабря 1908 г. переведён в 6 Гусарский Клястицкий Его королевского Высочества Великого Герцога Гессенского Ариста Людвига полк с переименованием в подполковники 22 декабря 1908 г. исключен из списков полка 8 января 1909 г.

Прибыл к месту нового служения 12 января 1909 г.

Вр. и.д. помощника командира полка по хозяйственной части с 23 мая по 25 мая 1909 г.

Назначен председателем полкового суда 30 июня 1909 г.

Временно командовал полком с 8 по 10 августа 1900 г. назначен комендантом города Ломжа 26 октября 1909 г.

назначен помощником командира полка по строевой части 26 октября 1909 г.

Временно командовал полком с 10 по 14 ноября 1909 г.

По климатическим условиям на один год прикомандирован к 17 драгунскому нижегородскому Его Величества полку 21 июня 1910 г.

Х.

Бытность вне службы: а) во временных отпусках когда уволен, на какое время и явился ли в срок, а если просрочил, то сколько именно и признана ли просрочка уважительной; б) для пользования ран; где именно по чьему разрешению, с какого и по какое время; в) в бессрочном отпуске и запасе, не состояя на гражданской или общественной службе; с какого и по какое время; г) по роду оружия, без исполнения службы; д) в плену: когда и где взят и когда возвратился на службу и е) в отставке: когда уволен и когда вновь прибыл на службу.

В отпусках был: 1 S месяцев с 17 августа по 1 октября 1890 г.

2-х месячном с 19 августа по 19 октября 1890 г.

1 S месячном с 1 сентября по 16 октября 1892 г.

На 2 месяца с 12 сентября по 12 ноября 1895 г.

В 4-х месячном без содержания с 7 ноября 1896 по 7 марта 1897 г.

Прибыл позже срока 15 днями, просрочка эта признана уважительной .

2 апреля 1897 г. на 3 месяца 28 дней без содержания.

С 9 июня по 7 октября 1898 г.

В 2-х месячном с содержанием с 9 октября по 7 декабря 1898 г.

Прибыл раньше срока на один месяц и 10 дней 20 октября 1898 г.

В 11 месячном без содержания 24 июня 1899 по 24 июня 1900 г.

В 2-х месячном с содержанием с 17 сентября по 17 ноября 1901 г.

С разрешения начальника Генеральном штаба, согласно ст.72 кн. XV Св. В.П. 1869. издания 1907 г. уволен в 4-х месячный отпуск с 19 июня по 19 октября 1908 г.

Отпуск продолжен на 28 дней начальником уссурийской конной бригады. Телеграмма № 3945 уссурийской конной бригады.

По болезни задержан в отпуску на 4 недели и в полк не явился (два свидетельства Николаевского военного госпиталя от 26 ноября 1908 г. 246 и от 12 декабря 1908 г. № 265).

В 10 дневном с содержанием с 2 апреля по 12 апреля 1909 г.

Прибыл ранее срока 2 днями 9 апреля 1909 г.

В 16 дневном с содержанием с 30 июня по 16 июля 1909 г.

В 27 дневном с содержанием (?) декабря 1909 г.

Возвратился ранее срока двумя днями 9 января 1910 г.

В 21 дневном с содержанием с 24 января по 13 февраля 1909 г.

В 2-х месячном с сохранением содержания 3 марта 1910 г.

По болезни срок отпуска продлен до выздоровления. Справка: отзыв С.П. коменданта от 26 мая 1910 г. за № 6680

Возвратился 11 июня 1910 г.

XI. Холост или женат, на ком; имеет ли детей; год, месяц и число рождения детей; какого они и жена вероисповедания. Холост.

XII. Есть ли за ним, за родителями его или, когда женат, за женой, недвижимое имущество, родовое или благоприобретённое.

За родителями его состоят имения, родовое в (Липецком?) уезде и благоприобретённое в Саранском уезде, Пензенской губернии и в Зарайском уезде Рязанской губернии.

XIII. Подвергался ли наказаниям или взысканиям, Соединённым с ограничениями в преимуществах по службе, когда и за что именно, по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке.

Не подвергался.

XIV. Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением, де именно, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии; особые поручения сверх прямых обязанностей, по Высочайшим повелениям, или от начальства.

Участвовал в походах и делах в Китае в 1900–1901 гг. и в русско-японской войне со 2-м Аргунским полком в отряде генерала **Ренненкампфа** с 4 февраля 1904 г. по 14 мая 1905 г.

Со 2 мая по 15 июня был начальником всех 8 конно-охотничьих команд 10 Армейского корпуса, входящего в состав отряда начальника конного отряда генерал-майора князя **Орбелиани** и участвовал во всех рекогносцировках и стычках в период этого времени; кроме того, участвовал, состоя в распоряжении того же начальника отряда, в рекогносцировках отряда из трёх родов оружия в направлении деревни Мнидль Туль-Пабитуль (?) 30 июня 1905 г. затем 1 августа во время рекогносцировки из трёх родов оружия на фронт 2-й Маньчжурской армии, под начальством генерал-майора **Грекова**, в направлении деревень Чантафу, Сыфан-тай-Сыдяза (?) и Пабатуль и 23 августа сего года в глубокой разведке в направлении деревень Таюму-Сюваза (?) Ю Удагоу, Людагоу и Сидягоу с 2-мя сотнями 2 Дагестанского полка.

Ранен и контужен не был.

Особых поручений сверх прямых обязанностей по Высочайшим повелениям и от начальства не имел.

В службе сего офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к сему знаку.

Командир полка полковник (подпись)

Полковой Адъютант штабс-ротмистр (подпись)

№ 294 Спешно.

Кому Во 8-е отделение Главного штаба 1911 от 11 мая № 276.

Место отправления 2-отделение

Дежурный генерал просит уведомит о времени поступления представления об увольнении от службы подполковника Его Гусарского Клястицкого графа **Комаровского**, а также та-ковое несколько задержать так как об этом штаб-офицере по-следует доклад Военному министру.

И.д. начальника отделения полковник **Романов**.

И.д. столоначальника капитан (подпись)

№ 649

Кому Во 2-е отделение Главного штаба 1911 г. 18 августа № 28.

Место отправления 8-е отд. гл. шт. 8-е отделение просит со-общить следует ли задерживать далее представление об уволь-нении от службы подполковника графа **Комаровского** или же надлежит теперь же дать ему законный ход.

Справка: записка 2 отделения 11 мая сего года за № 276.

Начальник отделения полковник (подпись)

Столоначальник подполковник (подпись)

Вх. 994/10.11. Секретно.

Спешное

кому: Во 8-ое отделение Главного штаба 1911 год 9 сентября

Место отправления 2-е отделение Главного штаба

Возвращая при сём дело № 649/1911 г. 2-ое отделение со-общает, что представление об увольнении от службы подпол-ковника графа **Комаровского** надлежит дать теперь же за-конный ход.

Приложение

Дело № 649

и.д. начальника отделения

Подполковник **Романовский**³²⁷

И.д. столоначальника капитан (**Мучнин** (?)

Вх. № 505; Вх. 1029 кому в 8-ое отделение Главного штаба
1911 год 17 сентября № 414.

Место отправления 2 – ое отделение

Возвращая при сём дело об увольнении от службы подполковника графа **Комаровского**, 2-ое отделение сообщает, что о таковом увольнении объявлено в Высочайшем приказе от 12 сентября.

Приложение:

дело № 649

И.Д. начальника отделения, подполковник **Романовский**.

И.д. Столоначальника.

Капитан (подпись)

(штамп)

Главный штаб 28 сентября 1911 г. № 74594/1072

В Главный штаб отставного подполковника графа **Комаровского**

Заявление

Так как мне необходимо немедленно выехать за границу, а у меня нет на руках ни указа об отставке, ещё не вышедшего, ни паспортной книжки от полка, за отдалённостью его места стоянки, а без этих документов мне вряд ли выдали бы в градоначальстве паспорт, покорнейше прошу Главный штаб сделать сношение с Санкт-Петербургским градоначальством о выдаче мне теперь же бессрочной паспортной книжки.

Справка.

Высочайший приказ от 12 сего сентября.

Отставной подполковник граф **Георгий Владимирович Комаровский**

В канцелярию Санкт-петербургского градоначальника (Пенсионная 28 сентября 1911 г. № 59592 Вследствие просьбы отставного подполковника графа **Комаровского** Главный штаб уведомляет, что означенный штаб офицер уволен от службы Высочайшим приказом 12 текущего сентября.

Помощник начальника отдела, Действительный статский советник (подпись)

Начальник отделения полковник (подпись)³²⁸.

Интересны и сведения о «совсем мальчике, алкоголике, почти не участвовавшем в боевых действиях». Приведённое ниже личное дело, по-видимому, принадлежит именно этому человеку:

(лейб-гвардии конный полк)

Фамилия **Василий Викторович Бискупский**³²⁹

Отметка из портупей-юнкеров Николаевского кавалерийского училища.

Высочайшим приказом 13 августа 1897 г. произведён из портупей-юнкеров в корнеты конной гвардии.

Временно командирован № 4 эскадрон с 16 августа 1901 г.

Высочайшим приказом 6 декабря 1901 г. произведён из корнетов в поручики со старшинством с 13 августа 1901 г.

Временно командирован № 4 эскадрона с 28 ноября 1902 г.

Высочайшим приказом по В.В. 26 марта 1904 г. переведён во 2-й Дагестанский конный полк, с переименованием в подъесаулы.

Высочайшим приказом по В.В. 30 декабря 1905 г. переведён в сей полк из 2 Дагестанского полка с переименованием из подъесаулов в поручики.

Кампанию 1904–1905 гг. был в сражении, ранен.

Высочайшим приказом по В.В. 20 января 1906 г. произведён из поручиков в штабс-ротмистры со старшинством с 13 августа 1905 г.

Командующий № 3 эскадрона с 13 апреля 1906 г.

1905 год. Святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость», Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом, Святой Анны 3 степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2 степени с мечами; Святой Анны 2 степени с мечами и

Владимира 4 степени с мечами и бантом.

Приведём и более полный послужной список этого офицера.

Фонд № 135, опись 2; дело № 146

Послужной список подъесаула 2 Дагестанского конного полка **Бискупского** составлен 28 апреля 1906 г.

I Чин, имя, отчество и фамилия Подъесаул **Василий Викторович Бискупский**

II Должность по службе Командующий 2 сотней

III Ордена и знаки отличия Кавалер орденов: Святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость».

Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом,

Святой Анны 3 степени с мечами и бантом,

Святого Станислава 2 степени с мечами;

Святой Анны 2 степени с мечами и

Владимира 4 степени с мечами и бантом;

Черногорский орден князя Даниила 1 четвёртой степени.

Светло-бронзовую медаль в память 200 летнего юбилея Полтавской победы для ношения на груди на Андреевской ленте.

IV Когда родился 27 июня 1878 г.

V Из какого звания происходит и какой губернии уроженец Из дворян Харьковской губернии

VI Какого вероисповедания Православного

VII Где воспитывался В Николаевском кавалерийском училище и окончил курс по 1-му разряду.

VIII Получаемое по службе содержание жалования 948 рублей столовых 360 рублей

сверх того квартирных денег 78 рублей. Итого 1386 рублей в год

Удостоверение

Дано сиё от 2 Дагестанского конного полка подъесаулу сего же полка **Бискупскому** об участии его в делах в русско-японской войне 1904–1905 годов

I. С 11 июля по 13-е августа 1904 г. участвовал в боевых рекогносцировках и в перестрелках с японцами на реке Тайм-

зихе в отрядах полковников: **Хана Нахичеванского³³⁰**, **Гирилева** и генерала **Любавина**.

II. В период боёв на Шахе с 24 сентября по 5-е октября 1904 г. участвовал в действиях Кавказской конной бригады на правом фланге армии.

III. 13 октября 1904 г. – в усиленной рекогносцировке против деревни Халантоза в составе отряда генерал-майора князя **Орбелiani**.

IV. 15 октября 1904 г. – в усиленной рекогносцировке против деревни Янтайдзы в составе отряда генерал-майора князя **Орбелiani**.

V. С 26 декабря 1904 г. по 7-е января 1905 г. – в набеге на Инкоу в составе конного отряда генерал-адъютанта **Мищенко**:

- 1) 28 декабря – участвовал в атаке японцев у деревни Кализе
- 2) 30 декабря – на станции Инкоу
- 3) 1 января 1905 г. – в бою у деревни Шитойпучинза в колонне генерала **Телешева**

VI. С 11 по 17-е января – участвовал в январском наступлении на Сандену в составе конного отряда генерал-адъютанта **Мищенко**:

- 1) 12 января – штурм у деревни Удзинганза.
- 2) 13 января – в бою у деревни Санитайдзы.
- 3) 14 января – в конной атаке у деревни Ландунгоу для выручки 1-й Забайкальской казачьей батареи.

VII. С 1 по 4-е февраля – в боевой рекогносцировке на деревне Сяобехе в составе конного отряда генерал-лейтенанта **Рененкампфа**.

VIII. С 13 по 25-е февраля – участвовал в Мукденских боях:

- 1) 14 и 15 февраля – в отражении японцев у деревни Хумахулинзы, Чемахулинзы, Сяоламынь
- 2) 16 февраля – в бою у деревни Сифантай в составе отряда генерал-майора **Эйхгольца**
- 3) 17, 18 и 19 февраля – в боях на правом берегу Хунхе в

отряде генерал-майора **Толмачева**.

IX. С 19 по 22-е февраля находясь в отряде генерал-майора Артамонова, разведал противника и донес о наступлении его в прорыв между 2-й и 1-й армией

1) с 23 по 26-е февраля – в боях северо-западнее Мукцена в отряде генерал-майора **Грекова**.

X с 20 по 24 марта – участвовал в усиленной рекогносцировке на деревни Цинзятунь – Щулюшу, в составе конного отряда генерал-адъютанта **Мищенко**

XI. С 26 по 31-е марта – участвовал в боевой рекогносцировке на деревню Санизяцза

XII. 2 апреля – в боевой рекогносцировке на деревню Чантафу в составе отряда генерал-адъютанта **Мищенко**.

В составе отряда генерал-майора князя **Орбелиани** 1905 год:

XIV. 5 мая – в боевой рекогносцировке в районе рек ЧАО-сантахе и Дун-ляохэ.

XV. 3-4 июня – участвовал в отражении японцев на деревню Политунь-Силитунь

XVI. 24 июня – в отражении японцев на деревню Чандиона

XVII. 27 июля – в наступлении против японцев на деревни. Сыдязы-Эрдагоу-Чудязы.

XVIII. 30-31 июля в отражении японцев на линии деревень Хаутоли-Политунь-Сандиопа.

XIX. 1 августа – в наступлении на деревни Людязы-Мадыгаузу.

XX. 12-14 августа – в рекогносцировке на Бобаотунь и Людязы.

Что подписью и приложением казённой печати удостоверяется 20 мая 1906 г.

город Тифлис

командующий полком флигель-адъютант полковник хан **Нахичеванский**

полковой адъютант сотник (неразб.) Мурат

IX Прохождение службы. Когда на службу вступил и произ-

ведён в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места службы или должности в другую, с объяснением по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию, когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемилостивейшие рескрипты, Высочайшие благоволения

В службу вступил по окончании полного курса во 2-м кадетском корпусе прикомандированным к Николаевскому кавалерийскому училищу 1 сентября 1895 г.

Зачислен юнкером рядового звания 8 сентября 1895 г.

Служба считается с 1 октября 1895 г.

Приказом главного начальника военно-учебных заведений за № 89 переведён в Николаевское кавалерийское училище 12 октября 1895 г.

Произведен в унтер-офицеры 1 сентября 1896 г.

Портупей-юнкером 1 сентября 1896 г.

Назначен н.д. взводного портупей-юнкера 1 сентября 1896 г.

Утвержден в должности взводного портупей-юнкера 8 ноября 1896 г.

По окончании полного курса училища по I разряду Высочайшим приказом тысяча восемьсот девяносто седьмого г. августа тринадцатого дня произведён в корнеты в л-гвардии конный полк 13 августа 1897 г.

На основании С.В.П. изд. 1869 гш. кн. XV ст.345 по 3 продолжению, обязан за воспитание в училище прослужить на действительной службе 3 года.

Прибыл в Лейб-гвардии конный полк и зачислен на лицо 17 сентября 1897 г.

Поручиком 6 декабря 1901 г.

Со старшинством с 13 августа 1901 г.

Высочайшим приказом по В.В. отданым в 26 день марта 1904 г. переведён во 2-й Дагестанский конный полк с переименованием в подъесаулы 26 марта 1904 г.

Исключен из списков полка 1 апреля 1904 г.

Прибыл в полк в город Петровск Дагестанской области 11 апреля 1904 г.

Назначен субалтерн офицером 5-й сотни приказ по полку 22 апреля 1904 г.

Назначен н.д. заведывающего оружием 24 мая 1904 г.

Переехал станцию Манчжурия 29 июня 1904 г.

Назначен временно командующим 5-ой сотней 26 сентября 1904 г.

Сдал 5 сотню 5 декабря 1904 г.

Назначен временно командующим 3 сотней 5 декабря 1904 г.

Сдал 3 сотню 24 декабря 1904 г.

Назначен временно командующим 5-й сотней 24 декабря 1904 г.

Приказом главнокомандующего от 9 января 1905 г. за № 37 за разновременные отличия в делах с японцами награждён орденом Святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость» 9 января 1905 г.

Приказом главнокомандующего от 11 февраля 1905 г. за № 242 за отличия в войну с Японией награждён орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом 11 февраля 1905 г.

Приказом по войскам 2-й Маньчжурской армии от 1 апреля 1905 г. за № 111 за разновременные отличия в делах против японцев награждён орденом Святой Анны 3 степени с мечами и бантом 1 апреля 1905 г.

Приказом по войскам от 2-ой Маньчжурской армии от 19 мая 1905 г. награждён орденом Святого Станислава 2 степени с мечами за разновременные отличия в делах против японцев 19 мая 1905 г.

Назначен командующим 2-ой сотней на законном основании 14 июня 1905 г.

Приказом командующего 2-ой Маньчжурской армией от 1 сентября 1905 г. за № 443 за отличия в делах против японцев в июле и августе месяце награждён орденом Святой Анны 2-й

степени с мечами 1 сентября 1905 г.

Приказом главнокомандующего от (пропуск) 1905 г. за № 1 (пропуск) за отличия в делах против японцев награждён орденом Святого Владимира 4 степени с мечами и бантом 25 ноября 1905 г.

Высочайшим приказом, состоявшимся 30 декабря 1905 г. переведён на службу в лейб-гвардии конный полк с переименованием в поручики 30 декабря 1905 г.

Прибыл в Лейб-гвардии конный полк и зачислен на лицо 31 декабря 1905 г.

Штабс-ротмистром 20 января 1906 г.

Со старшинством 13 августа 1905 г.

Членом полкового суда 13 апреля 1906 г.

Принял на законном основании 3-й эскадрон 13 апреля 1906 г.

Высочайшим приказом в 16 день апреля 1906 г. утверждено пожалование за отличия в делах против японцев ордена Святой Анны 3 степени с мечами и бантом и Святого Станислава 2 степени с мечами 22 апреля 1906 г.

Членом полкового суда 13 апреля 1906 г.

Отчислен от этой должности 13 октября 1910 г.

Высочайшим приказом в 17 день июня 1907 г. утверждено пожалование ордена Святого Равноапостольного князя Владимира 4 степени с мечами и бантом 22 июня 1907 г.

Членом полкового суда 30 октября 1907 г.

Отчислен от этой должности 30 октября 1908 г.

Высочайше разрешено принять и носить пожалованный черногорский орден князя Даниила 1 4-й степени 6 октября 1908 г.

Членом полкового суда 8 мая 1909 г.

Командирован со штандартом эскадрона в город Полтаву для участия в параде в Высочайшем присутствии по случаю 200 летнего юбилея Полтавской победы 15 июня 1909 г.

Возвратился из командировки 5 июля 1900 г.

Награждён светло-бронзовой медалью в память 200 летнего юбилея Полтавской победы для ношения на груди на Андреев-

евской ленте 27 июня 1909 г.

Ротмистром с 24 августа 1909 г.

Со старшинством с 13 августа 1909 г.

Утвержден командиром 3 эскадрона 27 августа 1909 г.

Отчислен от должности члена полкового суда 13 января 1910 г.

Сдал на законном основании 3-й эскадрон 6 августа 1910 г.

Х Бытность вне службы... (В отпуске): на 28 дней с 20 августа по 17 сентября 1897 г.

На 1 месяц и 20 дней с содержанием с 14 августа по 5 октября 1898 г.

Прибыл раньше срока 3 днями.

На 14 дней с 23 декабря 1898 по 7 января 1899 г.

На 3 месяца и 28 дней без содержания с 19 мая по 13 сентября.

Прибыл раньше срока 2 днями на 10 дней с 21 октября (отпуск этот продолжил ещё на 10 дней по 8 ноября 1890 г.).

Прибыл раньше срока 2 днями.

В отпуске на 7 дней с 6 января по 12 января 1900 г.

Прибыл раньше срока 1 днём.

На 1 месяц и 28 дней с содержанием с 9 сентября по 7 ноября 1900 г.

На 15 дней с 29 мая 1901 по 13 июня 1901 г.

На 6 недель без содержания с 3 сентября по 15 октября.

На 2 месяца с содержанием с 13 августа по 13 октября 1902 г.

На 18 дней с 20 января 1903 по 7 февраля 1903 г.

На 14 дней с 19 июня по 3 июля 1903 г.

На 6 недель без содержания с 3 сентября по 21 октября 1903 г.

Отпуск этот продолжен ещё на 7 дней 16 ноября 1906 г.

На 21 день с 29 января по 4 марта 1906 г.

прибыл позже срока 14 днями.

Просрочка признана уважительной.

На 8 дней с 13 по 21 июня 1906 г.

- На 6 недель, с содержанием с 9 сентября.
Прибыл раньше срока 7-ю днями 13 октября 1906 г.
На 7 дней с содержанием с 2 сентября 1907 по 21 октября
1907
На 7 дней с 13 марта по 18 марта 1908 г.
Прибыл раньше срока 1 днём на 2 месяца с содержанием
с 27 августа 1908 г.
Прибыл раньше срока 5 днями 21 октября 1908 г.
На 6 дней с 20 по 26 ноября 1908 г.
На 2 месяца с содержанием с 2 сентября 1909 г.
Прибыл из оного раньше срока 24 днями 8 октября 1909
На 2 месяца по болезни с 7 апреля 1910
Прибыл раньше срока 3 днями 4 июня 1910
На 28 дней с 2 сентября 1910 г.
Прибыл раньше срока 6 днями 24 сентября 1910 г.
- XI Холост
- XII Есть ли за ним, за родителями его, или, когда женат, за женой недвижимое имущество, родовое или благоприобретённое. За родителями его состоит имение в Изумском уезде Харьковской губернии в 1200 десятин земли и в городе Харькове – каменный дом.
- XIII Наказаниям и взысканиям не подвергался
- XIV Бытность в походах и делах... Участвовал в русско-японской войне в 1904–1905 гг.
- Ранен в грудь навылет 12 июня 1904 г.
- Участвовал в делах.
- Особых поручений сверх прямых обязанностей, по Высочайшим повелениям, или от начальства не имел.
- В службе сего обер-офицера не было обстоятельств, лишающих его права на знак отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к сему знаку.
- Командующий полком подполковник (подпись)
Полковник –адъютант сотник (подпись)³³¹.
- (В списках по старшинству генералам, штаб и обер-офицерам и классным чинам лейб-гвардии Конного полка значится что Высочайшим Приказом по Военному ведомству от

10 апреля 1911 г. **Бискупский Василий Викторович** произведён из ротмистров в полковники с увольнением от службы с мундиром и зачислением в конное ополчение по Петербургской губернии³³².

Скажем несколько слов о дальнейшей биографии **Бискупского Василия Викторовича** (27. 06. 1879 (1878) – 18. 06. 1945).

Причинами для выхода в отставку блестящего гвардейского офицера, ротмистра и помощника командира 16 Иркутского полка была его тайная женитьба (с разрешения **Николая II**) на простолюдинке – известнейшей исполнительнице русских романсов, певицы **Анастасии Дмитриевны Вяльцевой** (1871–1913), которая была по происхождению из крестьян Курской губернии и на восемь лет его моложе. (По «мудрым» законам Российской Империи, дворянин, вступивший в брак с не дворянкой, как правило, лишался дворянства). **Бискупский** долго скрывал факт женитьбы от начальства. (Когда **Вяльцева** заболела раком крови он пошёл на прямое переливание крови, но это не помогло и 13 февраля 1913 г. обожаемая народом исполнительница скончалась. Хоронить её вышли 150 000 жителей Санкт-Петербурга)³³³.

Будучи в отставке **Бискупский** основал акционерные общества по разработке нефти на Дальнем Востоке, но с треском прогорел. Его супруга, как уже говорилось выше, в 1913 г. скончалась от рака крови.

Василий Викторович овдовев по высочайшему повелению был восстановлен на военной службе и вновь поступил на службу в 16-й Иркутский гусарский полк и к 1917 г. быстро продвинувшись по службе, был награждён Георгиевским оружием в октябре 1914 г., с конца 1914 и по январь 1917 г. командовал 1-м лейб-драгунским московским полком, награждён орденом Святого Георгия 4-й степени в июне 1915 г., а в январе-мае 1917 г. командовал бригадой 1-ой (по другим сведениям – 3-й) кавалерийской дивизии а потом с мая 1917 г. и командиром этой (3-й) кавалерийской дивизии в звании генерал-майора (по другим сведениям – генерала от кавалерии). После Февраль-

ской революции 1917 г., на которую он сделал ставку, **Василий Викторович** был послан в Петербург в качестве делегата в совет солдатских депутатов от одной из армий. Будучи всегда честолюбивым человеком он желал быть выбранным председателем военной секции совета. Но вместо него предпочли выбрать безызвестного фельдшера. Раздосадованный **Бискупский** уехал из Петербурга и поехал на Украину, где после её захвата Германией поступил в армию гетмана **Скоропадского**, где и служил в апреле по декабрь 1918 г., в частности, командовал в Одессе Армейских корпусом, а с июля 1918 г. командовал 1-й кавалерийской дивизией в районе Одессы. В ноябре-декабре 1918 г. возглавлял добровольческие части в Одессе.

В апреле 1919 г. генерал-лейтенант **Василий Викторович Бискупский** перебрался вместе с бывшим гетманом **Скоропадским** в Германию, полагая, что единственная сила способная освободить Россию от большевиков является Германия, где настойчиво призывал к походу на большевиков и на Францию. Создал в июле 1919 г. Западнорусское правительство с целью помочи Северо-западной армии генерала **Юденича**, но правительство распалось через месяц. Женился повторно на дочери генерал-майора **Н. Сомова, Любови Николаевне**. От этого брака родилось трое детей – **Виктор** (умер в детстве), **Василий и Наталья**³³⁴. В 1920 г. **Бискупский** участвовал в Капповском путче (попытке восстановления монархии в Германии). Был доверенным лицом Великого Князя **Кирилла Владимировича** (жившего в Германии до 1927 г.) объявившего себя царём **Константином I**³³⁵. По некоторым сведениям именно Великий князь **Константин** произвёл **Бискупского** в генералы от кавалерии. **Бискупский** выполнял его поручения в Венгрии, Англии и Австрии.

Бискупский поддерживал тесные контакты с фашистами и правыми немецкими генералами, в частности, с **Людендорфом**, будучи активным членом правой организации *Aufbau* (Возрождение), объединявших немцев и русских эмигрантов правого толка. По некоторым сведениям во время пивного путча в Мюнхене в 1921 г. **Бискупский** лично заслонил **Гит-**

дера от пули, прикрыв его своим телом (по другим сведениям **Гитлер** скрывался у него на квартире после провала путча). В 1936 г. он был арестован и повёл несколько месяцев в фашистской тюрьме и только заступничество **Кирилла Владимировича** (самозванного царя **Константина I**) перед рейхканцлером **Гитлером** спасло **Бискупского**³³⁶. А с 1936 по 1945 гг. он являлся Управляющим делами русской эмиграции в Германии. Он содействовал в получении ими работы. Помог собрать деньги на строительство православного храма в Берлине. Содействовал вступлению русских эмигрантов в карательные немецко-фашистские войска во время Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг., веря, что нацизм поможет покончить с коммунизмом. Старался помогать советским военнопленным и рабочим насильственно унанным в Германию, чем возбудил против себя ненависть руководителей Нацистской Германии. Разочаровавших в нацизме он принял участие в заговоре 1944 г с целью устранения **Гитлера** и не был арестован лишь потому, что жена одного из заговорщиков – генерала **фон Хасселя** спрятала документы изобличавшие **Бискупского**³³⁷.

Скончался одиозный генерал **Бискупский** в Мюнхене 18 июня 1945 г.³³⁸

Остаются однако и некоторые другие неясности относительно пребывания российских офицеров-добровольцев на Юге Африки.

Помимо всего прочего примерно одна треть документов об англо-бурской войне были уничтожены по приказу тогдашнего военного министра генерала **Куропаткина**. И не совсем понятно – а с какой целью это было сделано? Не для того ли, чтобы скрыть некоторые сведения об участии российских подданных, говоря современным языком, в военно-разведывательной или чисто военной деятельности в обеих бурских республиках?

К примеру, не обнаружено никаких донесений или статей штаб-ротмистра графа **Комаровского**, ве-

роятно выполнявшего поручения Военно-учёного комитета.

Хотя не исключено, что несколько российских офицеров-добровольцев появились перед самой войной в тех местах, будучи в долгосрочном отпуске (как, к примеру, штабс-капитан **Шульженко**), просто из любопытства или личного желания ближе познакомиться с особенностями современной войны. Однако более ста пятидесяти российских добровольцев из числа гражданских лиц так и остались неизвестны отечественным исследователям даже по фамилиям.

Но даже немногие из выявленных (в основном военнослужащих) ничего не дают. Как уже говорилось, в Южной Африке среди прочих российских добровольцев воевал полицейский и полицейский из Петербурга по фамилии **Надборский** и возможно, полицейский из Москвы по фамилии **Высоцанский**. Личное дело **Высоцанского** уже было приведено выше. Но оно, как и дело **Айпа** ничего толком не проясняет, поскольку не содержит никаких сведений об их пребывании в столь дальних краях.

Остаётся лишь строить догадки и надеяться, что в архивах МВД и других спецслужб, будущие исследователи смогут найти новые данные, в частности, выписки из личных писем добровольцев, сделанных отечественными цензорами, свидетельства о выдаче загранпаспортов с целью поездки в Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство, и другие сведения, полученные тогдашним департаментом полиции, жандармерией, МИДом и охранкой, а позднее ВЧК, ОГПУ и НКВД из самых неожиданных источников, (к примеру, доносы об участии таких-то лиц в англо-бурской войне или сообщения о них в донесениях осведомителей, статьи в заграничных, в том числе и в эмигрантских газетах или матери-

алы периодических изданий выходивших в нашей стране или за рубежом на иностранных или местных языках или вырезки с интервью и статьями в периферийной прессе, в воспоминаниях волонтёров из других стран, изданных за рубежом), а так же конфискованные англичанами у попавших в плен русских добровольцев личные дневники и протоколы допросов русских волонтёров, осевшие в британских архивах, могущие осветить остающиеся неясности относительно участия наших соотечественников в столь давних событиях.

О дальнейшей судьбе лиц из числа российских подданных, воевавших на стороне буров и вернувшихся в Россию или оставшихся за рубежом, почти ничего не известно, поскольку не сохранилось никаких документов или других сведений. К сожалению, лишь немногие из них написали воспоминания, как, к примеру, **Евгений Фёдорович Августус**. Впереди была русско-японская война, затем Первая мировая и гражданская³³⁹. А после страшные времена правления левых и Великая Отечественная война. Мало кто мог уцелеть в столь долгой мясорубке. А если кто и дожил до старости – неважно в какой стране, то хватало и иных забот – как прокормиться или как тихо вести себя, чтобы не припомнили участие в англо-бурской войне.

Однако авторы не теряют надежды, что у потомков российских добровольцев или медицинских работников могли сохраниться какие-либо фотографии, записки, или даже семейные предания, рассказы, легенды, сказания о пребывании предков в тех краях.

К примеру, ранее не упомянутый ни в каких источниках уроженец и житель города Ярославля, **Николай Николаевич Алиеев** возможно участвовал в англо-бурской войне добровольцем и позднее в

гражданскую войну воевал на стороне белых и затем эмигрировал из России (правнук его брата работает в Институте Африки РАН и поведал эту любопытную историю одному из авторов данной работы. Но никаких документов об этом человеке не сохранилось)³⁴⁰.

А ныне известный писатель **Борис Львович Васильев** рассказывал в печати семейную легенду о том, что его дед поручик **Алексеев** (?) погиб в рядах буров и сам президент **Крюгер** направил письмо соболезнования семье покойного.

А ведь таких людей было несколько десятков³⁴¹ и их следы утеряны³⁴², в большинстве своём, к огромному сожалению, навсегда.

Разумеется не только офицеры, но и гражданские лица из России участвовали в той войне. О чём свидетельствует следующая заметка от 20 декабря 1901 г. (старого стиля):

Из английского плена.

Двою рижских уроженцев, **В.** и **Л.**, прожившие некоторое время в Южной Африке, один – в Претории, другой – в Стандертоне при возникновении Южно-Африканской войны вступили в ряды сражающихся буров. В одной из схваток с англичанами они, по словам Прибалтийского Края, вместе с другими бурами попали в плен. Причём их, как пленных отправили на остров Цейлон. Здесь, по словам **А.** и **Л.**, пленным приходилось очень плохо, они изнывали от непривычного для них зноя и страдали от крайне скучного питания. На острове Цейлон пленники-рижане пробыли около шести месяцев и были отпущены под поручительство некоторых лиц и после отборания у них обещания не возвращаться в Южную Африку³⁴³.

Немало российских подданных различных национальностей прозябало в плenу:

Пленные финляндцы

Англо-бурская война имеет свойство увлекать всех. Даже невозмутимые, флегматичные чухонцы не выдержали и отправились добровольцами, причём некоторые попали в плен.

На днях Гельсинфорская газета «Hufverdsbladet» опубликовала интересные извлечения из последних писем с острова Святой Елены одного из финляндцев, взятых в плен англичанами в южно-африканской войне. Письма адресованы инженеру **К.Э. Холмбергу**, собирающему в Финляндии пожертвования в пользу финляндцев, сражавшихся в войске буров. Положение пленных на острове Святой Елены, как видно из писем, очень незавидно; недостаток питания вызвал среди них различные тяжкие болезни, так как у большинства пленных нет средств на покупку съестных припасов, которые им почему-то продают по двойной цене. Далее корреспондент сообщает о возмутительном отправлении англичанами на верную смерть детей пленных буров, начиная с 7-ми лет, на Бермудские острова и в Индию; около 150 детей были отправлены на эти острова и около 300 – в Индию. Из первой партии, как слышал финляндец, погибло до 29 человек ещё по дороге в место ссылки. Пленники из Скандинавии и Финляндии образовали особый скандинавский корпус, выбравший комитет для раздачи всем членам этого корпуса пожертвований, получаемых из скандинавских стран и Финляндии. К письмам приложен своего рода благодарственный адрес, подписанные 50 скандинавами и финляндцами. Последние известия о пленных свидетельствуют, по сравнению с письмом полученным с острова Святой Елены месяца два тому назад о значительном ухудшении их положения.

Скоро ли будет конец этой позорной эпопеи, которая называется англо-бурской войной!³⁴⁴

Среди русских подданных было много немцев, к примеру, **Отто Бауман**, который попал в плен и содержался в одном из британских концлагерей³⁴⁵.

Приведём и ещё один список с фамилиями российских подданных, преимущественно евреев, содержавшихся в британских концлагерях (в латинском написании):

(На острове Святой Елены) – **Yakov Yakovlevich Prede, Ernst Ewert Lindberg³⁴⁶, Johannes Rank, Jacob Johanson, Mats Nielson, Johan Nilas Wiklund, Simon Backman (Buchman), J. Mikkelson, Jan Nyman, Isak Erikson, Herman Johanson, Eric Johanson, Prince Nicolai Bagration Mukhransky**, (на Цейлоне) – **Judel Pline, Ilya Rubinshtein, Mikhail Sheiker, Hirsh Yavshits, Vasily Rukert** (вернулся в Россию за собственный счёт); (в Кейптауне) – **Mirovich, Geiman, M.G. Vainer, S. Vainer, Abran Nurok, Martyn Dravnek** (или **Johan Yanson**), (в Индии) – **Alexander Nikolaevich Shulzhenko**; (во Фредефорте) – **Mordecai Pikhnuvich Fridgut**; (на Бермудах) – пять человек, среди них другой **Vainer³⁴⁷**.

Приведём и последнюю из найденных статей о русских добровольцах:

Добровольцы из Претории.

Курск.

(Корреспонденция «Нового Времени»)

На днях через Курск проехали четверо добровольцев, ездивших в Преторию сражаться за независимость буров. Один из них мастеровой – сапожник Саратовской губернии, другой – отставной солдат Воронежской губернии, третий – торговец – прасол³⁴⁸ с Урала и четвёртый – бывший гимназист Пензенской губернии. Пробыли они вне родины от 2-х лет до полугода и за сравнительно короткое время настолько привыкли к походной тревожной жизни, что с нескрываемой грустью возвращаются домой куда их гонит исключительно нужда. Все они служили у генерала **Бота**, гимназист, несмотря на свой 17 – летний возраст, дослужился до чина офицера и в течение полугода командовал ротой в 95 человек, в числе которых было до 20 бу-

ров, остальные добровольцы разных национальностей. Все они не нахвалятся хитростью, отвагою и выносливостью бурских войск, в подтверждение выносливости приводят случаи, когда воодушевлённые своими генералами войска по двое суток оставались без сна и пищи, беспрерывно тревожа и наводя панику на английские войска. Добровольцы никак не могут согласится с тем, что мир прочен, они уверены, что скоро опять наступит войны³⁴⁹.

Стоит напомнить, что добровольческое движение – явление не новое в Российской Империи. Много писалось о русских волонтёрах, принимавших участие в войнах **Симона Боливара (Либертадора)** в 20-х годах XIX столетия и об участии российских добровольцев в войне за освобождение Греции от Османской Империи в те же годы, о волонтёрах во время Гражданской войны в США в 60-е годы XIX в. и о многочисленных русских добровольцах во время Герцеговинского восстания 1876 г. Турецко-Сербской войны 1876 г. Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Итало-Абиссинской войны 1896 г. Греко-Турецкой войны 1897 г., Первой и Второй Балканских войн 1912–1913 гг.³⁵⁰, Гражданской войне в Китае в 1924–1949 гг., Парагвайско-Боливийской войне 1932–1935 гг., Гражданской войне в Испании в 1936–1939 гг.³⁵¹

Что же касается англо-бурской войны 1899–1902 гг., то яркие воспоминания волонтёров, врачей и сестёр милосердия являются прекрасными свидетельствами об участии в добровольческом движении наших достойных предков.

В заключение данной главы необходимо заметить, что Россия к началу XX в. уже более двух десятилетий не вела широкомасштабных боевых действий. Поэтому совершенно очевидно, что некоторые военнослужащие отправились на время за рубеж не

только из-за пламенной любви к бурам и лютой ненависти к Великобритании, но и просто для того, чтобы принять участие в современной войне и набраться боевого опыта. Некоторые из них позднее принимали самое активное участие в русско-японской, Первой мировой и Гражданской войне.

Санитарный отряд Российского Общества Красного Креста

В обеих бурских республиках за время войны находилось в общей сложности восемь санитарных отрядов, присланных из-за границы:

Перечень иностранных отрядов Общества Красного Креста.

	Докторов	Фельдшеров и санитаров	Сестёр милосердия	Администраторов
1-й Голландский. Прибыл в Преторию 10 декабря 1899 г. Выделил медицинский персонал в Претории и для санитарного поезда, открыл полевой госпиталь у станции Моддерспруйт в Натале и выслал летучий санитарный отряд.	6	4	10	1
Немецкий отряд. Прибыл 10 декабря 1899 г. Открыл госпиталь в Якобсдале, потом в Претории	8	14	8	
Голландский из Индийских колоний. Прибыл 29 декабря 1899 г. Открыл полевой госпиталь, следовавший за войсками на южном театре военных действий.	2	2	5 (приняты на месте)	

	Докторов	Фельдше- ров и са- нитаров	Сестёр ми- лосердия	Админи- страторов
2-й Голландский. Прибыл 14 января 1900 г. Поступил почти так же, как и 1-й голландский отряд.	4	3	7	1
Бельгийско-немецкий. Прибыл 14 января 1900 г. Открыл полевой госпиталь под Колензо, впоследствии разбрёлся на малые подвижные перевязочные пункты, следовавшие за войсками.	7	10	14	2
Русский отряд. Прибыл 26 января 1900 г. Открыл постоянный госпиталь в Ньюкасле и малый в Фольксрусте. Позднее выделил подвижной перевязочный пункт у Ледисмита. В июне в полном составе переведён в Ватерфаль-Бовен, откуда выделил передовой отряд в Бальмораль и снабдил медицинским персоналом санитарный поезд.	5	15	9	3
Русско-голландский. Прибыл 8 февраля 1900 г.	7	3	10	1
Ирландско-американский. Прибыл в апреле 1900 г. Отряд прибыл через Капштадт в составе 53 человек, но большая часть из них (46 человек) поступили в войска, остальные разбрёлись на малые подвижные перевязочные пункты ³⁵² .	5	2		

Немало людей в России сдавали деньги на медицинскую помощь бурам. Пожертвования потомкам гол-

ландских поселенцев собирались различными способами, в том числе и благотворительными представлениями:

Министерство внутренних дел, департамент полиции по 2 делопроизводству,

17 ноября 1899 г. № 7169.

Господину министру
иностранных дел.

Вдова статского советника **Раиса Иконникова** обратилась с ходатайством о разрешении устроить в Москве спектакль в пользу раненых буров.

Вследствие сего, предварительно дальнейших распоряжений, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство почтить вашим заключением о том, не встречается ли со стороны министерства иностранных дел препятствий к благоприятному разрешению означенного ходатайства.

За управляющим министерством внутренних дел.

Товарищ министра князь **А. Оболенский**

За директора **А.К...**³⁵³.

Великобритания всё ещё оставалась могущественнейшей морской державой, до союзнических отношений с нею России оставалось восемь лет, поэтому руководство МИД всеми силами старалось избежать малейших поводов для недоразумений со стороны Англии:

Министерство иностранных дел, второй департамент, 18 ноября 1899 г. № 10421. Главное управление МВД.

В ответ на отношение от 17 сего ноября за № 7169 имею честь уведомить Ваше Превосходительство со стороны МИД не встречается препятствий к разрешению устроительства в Москве спектакля в пользу раненых буров.

При этом весьма желательно, чтобы в программе спектакля не содержалось ничего оскорбительного по отношению к Англии.

Товарищ министра князь **Оболенский**³⁵⁴.

Теперь вернёмся к событиям начала боевых действий. Не прошло и двух дней со дня перехода бурами границ британских колоний в Южной Африке, как военный министр России отправил следующее распоряжение начальнику Главного штаба:

Москва. 1 (14) октября 1899 г.

Телеграмма:

Главный штаб, генералу **Сахарову**

Прошу сделать сношение с Красным Крестом о командировании в Южную Африку двух санитарных отрядов каждый во главе с офицером.

Куропаткин³⁵⁵.

После получения подобного приказа, в своём письме от 2 (14) октября 1899 г. председателю Российского Общества Красного Креста **О.К. Кремеру** заместитель начальника Военно-учёного комитета Главного штаба генерал **В.В. Сахаров** писал:

Его Высокопревосходительству **О. К. Кремеру**³⁵⁶.

Милостивый Государь

Оскар Карлович.

В настоящее время положение дел в Южной Африке не позволяет уже рассчитывать на мирный исход недоразумений, возникших между Великобританией и Южно-Африканскими Республиками. Если оправдаются последние телеграфные известия, то следует предположить, что военные действия уже начались и уже имеются жертвы войны, как в войсках, так и в населении.

Значительное удаление театра военных действий от центров европейской цивилизации и весьма малая плотность его населения дают повод к опасениям, что местные средства, вместе с теми, которые сосредотачиваются при великобританских

войсках, будут всё-таки недостаточны для оказания жертвам войны той врачебной и санитарной помощи, которая почтается необходимой при условии ведения войны в Европе.

Вследствие этого Российское Общество Красного Креста, быть может, признает соответственным предложить свои услуги враждующим сторонам в отправлении, к каждой из них, санитарного отряда, снабжённого всеми необходимыми средствами для оказания помощи жертвам войны.

На случай, если бы такие предложения делались в виду Обществом Красного Креста, военное министерство со своей стороны полагало бы важным оказывать делу необходимое содействие и, между прочим, избрать офицеров для заведования... санитарными отрядами.

В ожидании уведомления Вашего Превосходительства о последующих решениях Российского Общества Красного Креста прошу принять уверение в совершенном моём уважении и полной преданности.

В. Сахаров³⁵⁷.

Генерал **Сахаров** среди упоминания о необходимости неотложной медицинской помощи несчастным жертвам войны настойчиво предлагал, чтобы в составе руководства санитарных отрядов военно-го министерства, посылавшихся за казённый счёт, были не только военные медики, но и офицеры. Начальство исходило из того, что полезно иметь лишних наблюдателей на театре военных действий под видом управляющих отрядами. И донесения **Потапова**, приводимые в первой главе данной работы свидетельствуют, что это было сделано не напрасно.

Была послана телеграмма из Петербурга в Берн-сторф покровительнице Российского Общества Красного Креста Императрице **Марии** от 16 октября 1899 г. с просьбой разрешить оказать помощь бурям:

Bernstorff Sa Majeste Imperiale Imperatrice **Maria Feodoro-vna**

Glavnoie Oupravlenie Krasnago Kresta postanovilo predstavit na blagovozzrenie Vaschego Velitschestva opredelenie svoie ob okazanii pomaschi ot rossiskago obschestva Krasnago Kresta bol-nim i ranenim voinam Velikobritanii i Jujno Africanskikh respublik, esli k tomou ne vstretshaet prepiatstvii Ministr Jnostrannich Del. Vsepoddaneische dokladivaia visheizlojennoie priemliou Dolg isprachivat oukazanii Vaschego Velitschestva.

General-Adjutant **Kraemer**³⁵⁸.

Российское Общество Красного Креста, решив в начале англо-бурской войны оказать медицинскую помощь обеим враждующим сторонам в Южной Африке, сообщило о своём намерении товаришу (заместителю) министра иностранных дел **Ламздорфу**:

Председатель Главного управления Красного Креста СПб.

Инженерная

9/18 октября 1899 г.

Ламздорфу от Кремера.

Главное управление Красного Креста на (своём) заседании решило оказать помошь обеим воюющим сторонам в Южной Африке.

Государыня Императрица **Мария Фёдоровна**³⁵⁹, из Бернсдорфа согласилась по телеграфу: Если не будет препятствия с вашей стороны, то просит снести с Великобританией и Южноафриканскими Республиками – согласны ли принять санитарную и медицинскую помошь Российского Общества Красного Креста и в какой форме желательна для них эта помошь, то есть деньгами, материалами или санитарным персоналом и о последующем меня уведомить для доклада Августейшей покровительницы общества и соответствующих распоряжений.

Кремер³⁶⁰.

Главное управление Российской Общества Красного Креста на своём заседании обсудило вопрос о посыпке санитарных отрядов к обеим воюющим сторонам, однако во время заседания выявились некоторые разногласия, о которых не забыли упомянуть даже в сопроводительной бумаге, направленной царю:

...большинство постановило оказать помощь (обеим) воюющим сторонам в Южной Африке, и некоторые члены Главного управления высказали предположение, что Русскому Красному Кресту не следовало бы предлагать помочь Великобритании, так как во время русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) английский Красный Крест не принимал участия в оказании помощи больным и раненым воинам русской армии.

Всеподданнейше докладывая вышеуказанное Вашему Императорскому Величеству, приемлю долг испрашивать соизволение Вашего Величества на организацию Русским Обществом Красного Креста помощи больным и раненым воинам Великобритании и Южно-Африканских Республик, если со стороны нашего министра иностранных дел не встретятся к тому препятствия.

(неразборчиво) октября 1899 г.³⁶¹.

В свете господствовавших тогда антианглийских настроений мнение некоторых членов вполне объяснимо.

О решении направить санитарные отряды на Юг Африки поставили в известность МИД России:

Председатель Главного управления Российской Общества Красного Креста состоящего под Высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы **Марии Фёдоровны**. Санкт-Петербург, 18 октября 1899 г.
№ 5464.

Его Сиятельству графу **В.Н. Ламздорфу**.

Милостивый Государь

Граф **Владимир Николаевич**.

Главное управление Российского Общества Красного Креста, руководствуясь основной своею задачей выступать во время войн с врачебно-санитарной помощью жертвам войны – раненым и больным в заседании своём пришло на помощь обеим враждующим сторонам в Южной Африке.

По Всеподданнейшему о таковом постановлении докладу Августейшей покровительнице Российского Общества Красного Креста Государыни Императрицы **Марии Фёдоровне**, Её Императорскому Величеству благоугодно было дать, по телеграфу, из Бернсдорфа, согласие на оказание помощи от общества Красного Креста обеим воюющим сторонам, если с их стороны последует на это согласие.

Во исполнение таковой воли Государыни Императрицы, имею честь просить Ваше Сиятельство, если с вашей стороны нет препятствий, не отказать сделать по телеграфу надлежащее сношение относительно того, согласны ли воюющие стороны, Великобритания и Южно-Африканские Республики, принять санитарную и медицинскую помощь Российского Общества Красного Креста, и в какой форме желательна для них эта помощь, то есть деньгами, материалами или санитарным персоналом, и о последующем меня уведомить для доклада Августейшей покровительнице Общества и соответствующих распоряжений.

Прошу Ваше Сиятельство принять уверения в совершенном моём почтении и преданности.

О. Кремер³⁶².

Ответ руководителя РОКК руководителю Главного штаба:

Главный штаб. № 87208. 20 октября 1899 г.

Председатель Главного управления Красного Креста состоящего под Высочайшим Покровительством Её

Императорского Величества Государыни Императрицы
Марии Фёдоровны, Санкт-Петербург. 18 октября 1899 г.
№ 5465

Его Превосходительству

В.В. Сахарову

Милостивый Государь

Виктор Викторович.

На письмо Вашего Превосходительства от 2 сего октября за № 249 имею честь уведомить, что, получив ныне соизволение Августейшей Покровительницы Общества Красного Креста Государыни Императрицы **Марии Фёдоровны** на оказание санитарной помощи обеим воюющим сторонам в Южной Африке, вместе с сим сделано сношение с министерством иностранных дел по сему делу, и по получении от него отзыва Главное управление примет соответствующие меры и распоряжения, о которых я буду иметь честь своевременно сообщить Вашему Превосходительству.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в совершеннейшем моём почтении и преданности.

О.Кремер³⁶³.

Руководство Министерства иностранных дел приняло соответствующие меры, о которых сообщило Российскому Обществу Красного Креста:

Черновик.

Кремеру, 22 октября 1899 г. № 9518.

Милостивый Государь

Оскар Карлович.

В ответ на отношение Вашего Высокопревосходительства от 18 сего октября за № 5464 по поводу предложения Главного управления Российского Общества Красного Креста прийти на помошь обоим воюющим сторонам в Южной Африке, имею честь уведомить, что мною сделано сношение по телеграфу с нашим посланником в Лондоне и с проживающим в Брюсселе представителем Трансваала.

О содержании ответа который поступит по сему предмету я не приму поставить в известность Ваше Превосходительство.

Примите³⁶⁴.

Любопытно и послание российского посланника в Брюсселе **Н.Н. Гирса** министру иностранных дел **М.Н. Муравьёву** о благодарности, выраженной посланником Трансваала в Брюсселе **Лейдсом** по поводу решения о посылке русского отряда Красного Креста в Южную Африку:

Письмо господина де **Гирса**³⁶⁵. Брюссель
23 октября/4 ноября 1899 г. (Пер. с фр. и англ.)

По получении телеграммы Вашего Превосходительства, касающейся желания Императорского Общества Красного Креста, с соизволения Её Величества Императрицы **Марии Фёдоровны**, представить всю возможную помошь жертвам событий, происходящих в настоящее время в Южной Африке, путём посылки на театр (военных) действий санитарного персонала и медикаментов либо сумм денег, господин доктор **Лейдс** представился мне.

Чтобы иметь возможность доложить своему правительству и знать, отправка какого рода помошь была бы наиболее желаема, посланник Южно-Африканской Республики в Брюсселе должен был передать содержание телеграмм Вашего Превосходительства Государственному секретарю по военным делам в Лондон, добавив письменно следующий текст: Желая получить инструкции на этот счёт от моего правительства, я был бы признателен, если ваша светлость соблаговолит рассмотреть мою телеграмму и отреагировать на неё. Был бы признателен за быстрый ответ.

Мой коллега из Трансваала до сих пор не получил никакого ответа, зато английское военное министерство охотно согласилось сообщить Претории имена многочисленных убитых и раненых буров, жертв этой страшной войны.

Господин доктор **Лейдс** имел возможность убедиться, что ранения, нанесённые разрывными пулями **дум-дум** являются ужасными. Он сообщил, что верховный главнокомандующий **Жубер** энергично протестовал против применения взрывчатого вещества большой убойной силы лиддит (меланит), которым начиняются снаряды английских пушек. Потери, которые наносит рядам буров этот «лиддит», ужасающи и могут спровоцировать большую панику.

Несмотря на обладание оружием и боеприпасами, захваченными у противника, буры отказываются применять такие же негуманные средства для ведения войны и ведут себя по рыцарски.

По словам доктора **Лейдса**, в Трансваале взялись за оружие все, вплоть до двенадцатилетних детей, что делает применение англичанами варварских средств уничтожения ещё более одиозным.

Цифра 40 000 человек не может быть превышена ни в коем случае, в то время как англичане имеют 90 000 бесспорно подавляют численностью этих храбрых защитников отечества. Ледисмит взять невозможно, так как город укреплён чрезвычайно хорошо, с большим количеством орудий и запасами провианта и снаряжения достаточными для того, чтобы выдержать долгую осаду. Дальнобойность, количество и качество английских пушек таковы, что силы слишком неравны. Буры не располагают достаточными средствами, чтобы осаждать этот город. Генерал **Уайт** будет иметь возможность получать подкрепление.

Доктор **Лейдс** считает также, что ожидаемая высадка английских войск будет осуществлена вероятнее всего в Порт-Элизабете и Ист-Лондоне, откуда войска направятся в Оранжевое Свободное Государство, чтобы войти в Спрингфонтейн, оборона которого чрезвычайно трудна; в отличие от Наталя и Трансваала с гористой и сильно пересечённой местностью, данная территория представляет собой обширную равнину, где действие пушек будет ещё более эффективным.

Министр-посланник Трансваала (настроен) очень пессимистично, он предвидит аннексию своей несчастной страны в са-

мом ближайшем будущем. Он предсказывает близкий конец столь неравной войны и исчезновение этого храброго народа – буров. Являясь единственным представителем Трансваала на нашем континенте, он несёт жестокую обязанность ежедневно сообщать живущим в Европе родственникам о многочисленных жертвах среди их родных. Кроме его лаконичных телеграмм, английский телеграф не передаёт никаких новостей из Претории, где численность живых тоже может убавляться – только женщины и старики остались там.

Мой коллега, который телеграфировал вчера Вашему Превосходительству, искренне взволнованными словами со слезами на глазах, попросил меня передать Её Величеству Императрице Марии Фёдоровне свою благодарность, а также благодарность от ежедневно растущего числа несчастных раненых и невинных жертв этого антигуманного безумия – не совместимого с цивилизацией нашего столетия.

К этим несчастным обратились благородные помыслы Высочайшей покровительницы Императорского Общества Красного Креста – пусть это возвышенное пожелание столь же великой души – облегчить страдания – осуществится и не встретит препятствий в кабинетах (английского) военного министерства, которое признаёт применение таких ужасных средств как лиддит и не хочет смягчить последствия столь негуманных действий.

Я и впредь буду извещать Императорское правительство всех сведениях, которые получу от доктора **Лейдса**.

Соблаговолите принять и так далее.

P.S. Продолжаю свою письмо, чтобы передать копию ответа из Лондона, который только что получил доктор **Лейдс**: По поводу вашей телеграммы от 3 ноября: цензорам дано указание пропустить текст телеграммы открытым, в которой за-прашивается ваше правительства касательно инструкций по поводу вашего предложения относительно помощи больным, равно как и ответ (на неё).

Государственный секретарь по военным делам³⁶⁶.

По поводу приведённого выше письма можно отметить, что оно было отчасти написано не без влияния английских сведений и поэтому содержит грубые ошибки, в том числе и в численности войск обеих сторон. Так боевая мощь великобританской артиллерии в сообщении преувеличена, поскольку как уже говорилось, английские снаряды, начинённые лиддитом взрывались чаще всего лишь тогда, когда уходили глубоко в землю и не причиняли значительного ущерба бурским ополченцам. Об этом подробнее говорится в воспоминаниях российских добровольцев, отрывки из которых помещены выше в соответствующей главе данной работы.

Что же касается разрывных пуль **дум-дум**, то их использование строго запрещалось международными договорами, поскольку они наносили очень тяжёлые ранения (так позднее в Перовую мировую войну солдат любой армии, попадавших в плен с пулями **дум-дум**, как правило, расстреливали на месте без суда и следствия).

Тем не менее, последствия боевых действий в особенности для гражданского населения были значительны и поэтому представитель Трансваала в Европе, доктор **Лейдс** с благодарностью откликнулся на предложение Главного управления Российского Общества Красного Креста о посылке санитарного отряда:

Телеграмма. граф **Ламздорф**

Управляющий МИД

Санкт-Петербург

Из Брюсселя (Пер. с фр.)

Чрезвычайно расторганный столь щедрым предложением, которое вы только что сделали моему правительству от имени Императорского Общества Красного Креста, и разрешением Её Величества Императрицы **Марии Фёдоровны** оказать вы-

сокое покровительство, спешу сердечно поблагодарить вас за это в ожидании ответа моего правительства, которому я передал ваше предложение телеграммой.

Лейдс³⁶⁷.

Связь с Трансваалем шла через британские колонии в Африке и нередко (не без прямого умысла англичан) проходило много времени, прежде чем удавалось получить надлежащие распоряжения:

Черновик

Кремеру, 25 октября 1899 г. № 9594.

Милостивый Государь

Оскар Карлович.

В дополнение к письму моему от 22 сего октября за № 9518 имею честь препроводить у сего к Вашему Высокопревосходительству телеграмму трансваальского посланника, который выражает глубокую признательность за великодушное предложение Общества Красного Креста и его высокой покровительницы. Вместе с тем доктор **Лейдс** говорит, что постарается войти в сношение со своим правительством по настоящему этому, из чего я заключаю, что телеграфные сношения с Преторией сопряжены с затруднениями и потребуют, быть может, продолжительного времени.

Что же касается ответа английского правительства, то я не имею ещё никакого извещения от Д.Т.С. **Стаала**.

Примите³⁶⁸.

Приведём и телеграмму **Ламздорфа** с предложением медицинской помощи Трансваалю:

Копия телеграммы графа **Ламздорфа** вице-консулу Франции в Йоханнесбурге. (подлинник на фр. языке)
Санкт-Петербург. 30 октября 1899 г.

Российское общество красного Креста хотело бы направить санитарный отряд, медикаменты или денежную сумму. Прось-

ба передать дар (подарок) Бурскому правительству и телеграфировать ответ.

Санкт-Петербург, министру иностранных дел³⁶⁹.

При получении известий о посылке для оказания медицинской помощи бурам санитарных отрядов из ряда европейских стран, возникли вопросы – каким образом правительствам этих стран удалось получить согласие у трансваальского правительства:

Черновик

Граф **Остен-Сакен, Струве**, 30 октября 1899 г. № 9739,
9740.

Милостивый Государь.

1. граф **Николай Дмитриевич**

2. граф **Кирилл Васильевич**

Из газет министерству сделалось известным, что правление Общества (Германско–Нидерландского) Красного Креста снарядило и отправило на театр военных действий, в Южную Африку санитарный отряд.

Так как (посольство-миссия) не сообщило об этом министерству, то я прошу Ваше (Сиятельство-Высопревосходительство) уведомить меня, насколько справедливы эти газетные известия.

Равным образом было бы весьма желательно знать, сделано ли было правлением Общества Красного Креста предварительное сношение с правительствами Южно-Африканских Республик относительно путей и способа доставки санитарного отряда по назначению, а также получены ли были предварительное разрешение Великобританского правительства на пропуск указанного санитарного отряда по назначению.

Примите³⁷⁰.

Руководством Красного Креста внимательно изучались сведения и в особенности цифровые данные о посылке отрядов РОКК на предыдущий по времени театр военных действий:

Сведения о санитарных отрядах, командированных для оказания помощи жертвам греко-турецкой войны в 1897 г.

в Грецию

1 уполномоченный, 1 врач, 30 сестёр милосердия...

в Турцию

1 уполномоченный

1 санитарный врач (начальник отряда)

1 его помощник

2 младших врача

10 сестёр милосердия.

Московским медицинским управлением израсходовано 14.025 рублей 84 копейки³⁷¹.

При этом внимательно учитывался и зарубежный опыт, а для этого посыпались соответствующие запросы в дипломатические представительства нашей страны за рубежом:

Телеграмма от 29 октября 1899 из Берлина (по-русски латинскими буквами)

Его Превосходительству послу России.

Не откажите телеграфировать в каком составе отправлен в Трансвааль санитарный отряд Германского Красного Креста.

Председатель Главного управления Красного Креста

Подписал генерал-адъютант **Кремер**³⁷².

Но было бы неверным считать, что Главное управление Российского Общества Красного Креста при подготовке отряда в основном лишь использовало сведения о составе и оснащении санитарных отрядов направленных к бурам из европейских стран и опыт греко-турецкой войны. В Африку старались послать не только знающих своё дело медиков, но и лиц, имеющих опыт работы на этом континенте. Об этом, в частности, свидетельствует письмо **Кремера** от 17 ноября 1899 г. адресованная глав-

ному военно-медицинскому инспектору генерал-адъютанту **А.А. Реммерту**:

Отношением от 17 сего сентября за № 5878 я обратился к военному министру с просьбой о назначении в числе прочего санитарного персонала 4 фельдшеров.

Если со стороны военного министра не встретится препятствия, не найдёт ли Ваше Высокопревосходительство возможным назначить ниже поименованных фельдшеров, как уже состоявших в отряде Красного Креста в Абиссинии³⁷³ и знакомых с Африкой, а именно: **Павлова Фёдора (Павловича), Иванова Павла (Александровича) и Назарова Владимира (Захаровича)** – Николаевского военного госпиталя и **Маслова (Флегонта Федотовича)** – Константиновского артиллерийского училища.

Примите, Милостивый Государь, уверение в глубоком уважении и совершенной преданности.

Подписал: **О. Кремер**³⁷⁴.

Любопытно, что одного из названных выше фельдшеров перед отправкой в Трансвааль даже произвели в чин 14 класса, а остальные младшие медработники именовались кандидатами на классную должность:

Петербургский военный округ. Окружное военно-медицинское управление, ноября 21 дня 1899 г. № 7327.

Удостоверение.

Предъявителъ сего есть действительно бывший старший медицинский фельдшер Константиновского артиллерийского училища **Флегонт Маслов**, произведённый Высочайшим приказом о чинах гражданских в коллежские регистраторы с назначением классным медицинским фельдшером в Петербургское окружное военно-медицинское управление³⁷⁵.

Великобритания, как и следовало, ожидать от тогдашней могущественной мировой державы, отказа-

лась как от услуг РОКК, так и от услуг санитарных отрядов других стран (и как позднее выяснилось – совершенно напрасно):

Императорское российское посольство в Лондоне
1/13 ноября 1899 г. № 1262.

Его Сиятельству графу **В.Н. Ламздорфу**.

В ответ на последовательные телеграммы Вашего Сиятельства от 22, 28, и 30 октября, Императорское посольство имеет честь препроводить при сём копию с ноты Маркиза **Солсбери** от 30 октября/11 ноября, в которой заключается отклонение Великобританского правительства на предложение помочи со стороны Русского Общества Красного Креста.

При этом считаю долгом довести до сведения Вашего Сиятельства, что замедление в ответе произошло из-за необходимости со стороны обратиться по этому поводу к военному министру Маркизу **Ландзоуну**.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моём почтении и совершенной преданности.

Стaalъ³⁷⁶.

Об официальном отказе Англии от медицинской помощи заместитель министра иностранных дел России писал и руководителю РОКК.

Милостивый Государь
Оскар Карлович.

Поспешаю препроводить при сём к Вашему Высокопре- восходительству копию с ответной телеграммы Императорско- го посла в Лондоне от 31 октября, заключающую в себе отказ великобританского правительства от предложенной Российской Обществом Красного Креста помощи в настоящей войне англичан с бурами.

Что касается до ответа из Претории, то запрошенный через посредство нашей миссии в Брюсселе доктор **Лейдс** (трансва- альский посланник в Европе – *Прим. авт.-сост.*) уведомил, что

он, несмотря на обещания английского военного министерства, не имеет ответа на посланную им в Трансвааль телеграмму и что уже 15 дней он не получает никаких известий от своего правительства.

Вследствие сего я счёл нужным передать предложение Красного Креста трансваальскому правительству через посредство французского вице-консула в Йоханнесбурге, который заменяет в настоящее время отсутствующего русского консультативного агента в Южно-Африканской Республике.

Копию с телеграммы г. **Коломие** при сём прилагаю.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моём почтении и таковой же преданности.

Граф **Ламздорф**³⁷⁷.

Однако отказ английских властей принять российскую медицинскую помощь был облачен в очень вежливую форму:

Телеграмма господина **Стаала**

Лондон, 31 октября/12 ноября 1899 г. (Пер. с фр.).

Лорд **Salisbury** информирует, что, высоко оценивая щедрое предложение, сделанное Российским Обществом Красного Креста прийти на помощь больным и раненым Британской армии в Африке, он убедился после консультаций с военным министром, что не прибёг до настоящего времени к столь щедрому предложению. Служба Британского Красного Креста способна удовлетворить нынешние потребности. Маркиз **Salisbury** просит меня в то же время довести до сведения Вашего Превосходительства, что Английское Общество Красного Креста крайне заинтересовано в том, чтобы прибегать к нашему содействию и сотрудничеству всякий раз, когда для этого представится удобный случай³⁷⁸.

Руководители же Трансваала в свою очередь согласились принять бесплатную медицинскую помощь со стороны России и других Государств:

Черновик спешное

Кремеру, 5 ноября 1899 г. № 9969.

Милостивый Государь

Оскар Карлович.

Поспешаю препроводить Вашему Высокопревосходительству полученную мной вчера вечером из Претории ответную телеграмму исполняющего обязанности русского консула в Йоханнесбурге.

Из телеграммы этой вы изволите усмотреть, что Трансваальское правительство выражает благодарность за предложение Российской Красного Креста прислать на театр военных действий санитарный отряд с инструментами и лекарственными средствами.

Ввиду этого покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство благоволить меня уведомить в каком составе и когда именно Общество Красного Креста намерено снарядить и отправить в Южную Африку санитарный отряд, а также каким способом и путём предложено отправить этот отряд к месту его назначения.

Со своей стороны я не премину сообщить вам, немедленно по получении затребованных мною из Берлина и Гааги сведений о порядке отправки в Африку санитарных отрядов из Германии и Голландии.

В случае надобности, министерство сделает сношение с Великобританским правительством относительно беспрепятственного пропуска нашего санитарного отряда на место военных действий.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моём почтении и таковой же преданности.

Граф **Ламздорф**

Ответить, что на этих днях Главное управление собирается, чтобы окончательно решить вопрос о составе нашего отряда и времени отправки его и пути следования. Я буду ожидать уведомления графа **Ламздорфа** относительно пути и способа отправки германского и голландского отрядов. Настоящую пере-

писку доложить Гл. Упр. в следующем заседании, которое со-берётся тотчас...

5 ноября³⁷⁹.

Сообщение (видимо из российского посольства в Брюсселе) о положительном ответе трансваальского правительства на предложение медицинской помо-щи:

Брюссель, 11/23 ноября 1899 г.

До меня только что дошла следующая телеграмма, направленная в Преторию 17 ноября. После переговоров с управляющим Вице-Консульства России, правительство решило принять с большой благодарностью санитарный отряд.

Соблаговолите передать это послание Императорскому Обществу Красного Креста. Прошу Ваше Превосходительство сообщить об этом Императорскому обществу³⁸⁰.

Имеется и ещё один документ – телеграмма, направ-ленная **Лейдсом** министру иностранных дел России с благодарностью за посланные в Трансвааль меди-каменты:

Министру иностранных дел из Брюсселя (Пер. с фр.)

8 ноября (старого стиля) 1899 г.

Мое правительство просит Её Величество Императрицу **Марию Фёдоровну** Высочайшую покровительницу Импера-торского Общества Красного Креста, принять изъявления глубочайшей признательности за посланные 25 полных комплек-тов хирургических инструментов и лекарств в виде таблеток. Только сегодня я получил указание из Претории передать это послание Вашему Превосходительству и я прошу извинить меня за задержку.

Лейдс³⁸¹.

Бумаги о согласии правительства Трансваала принять у себя санитарный отряд шли из МИДа для ознакомления в различные ведомства:

Министерство иностранных дел,
второй департамент, 7 ноября 1899 г. № 10063

Его Сиятельству графу **А.К. Бенкендорфу**.

Милостивый Государь

Граф **Александр Константинович**.

С Высочайшего соизволения Её Императорского Величества Государыни Императрицы **Марии Фёдоровны** председатель Российского Общества Красного Креста обратился в министерство иностранных дел с просьбой передать Трансваальскому правительству предложение названного общества послать на театр военных действий в Южной Африке санитарный отряд.

Предложение это было сообщено 22 октября посланнику Южно-Африканской Республики в Брюсселе доктору **Лейдсу**, телеграфный ответ которого полученный лишь вчера 7/19 сего ноября считаю долгом препроводить его к Вашему Сиятельству.

Прилагаю также ответную телеграмму исполняющего обязанности консульского представителя нашего в Трансваале, французского вице-консула в Йоханнесбурге, которому министерство, равным образом, передало по телеграфу, предложение Российского Общества Красного Креста.

Примите, Милостивый Государь уверения в совершенном моём почтении и таковой же преданности³⁸².

В свою очередь о шагах направленных на формирование санитарного отряда руководство РОКК немедленно ставило в известность министра иностранных дел:

Председатель Российского Общества Красного Креста состоящего под Высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны. Главное управление, 10 ноября 1899 г.

№ 5755.

Его Сиятельству графу **В.Н. Ламздорфу**.

Милостивый Государь

Граф **Владимир Николаевич**.

Принося Вашему Сиятельству глубокую благодарность за доставленные вами весьма ценные сведения, имею честь уведомить вас, вследствие отношения от 5 ноября сего за № 9969, что на этих днях состоится заседание Главного управления, созываемое для окончательного решения вопроса о составе отряда Русского Красного Креста, времени отправки и направление пути следования его.

О последующем постановлении главного управления я не премину уведомить Ваше Сиятельство.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моём почтении и преданности.

О. Кремер³⁸³.

Российское Общество Красного Креста получало и весьма дельные советы, в том числе и из-за рубежа:

Гаага 11/23 ноября 1899 г.

Кремеру от **К. Струве**.

Считаю долгом прибавить некоторые соображения об отправке Отряда Красного Креста на место военных действий в Трансвааль.

Из разговора с председателем о-ва нидерландского Красного Креста я вынес убеждение, что для успешной деятельности Красного Креста среди буров совершенно необходимо знание местных условий и голландского языка, а также снаряжение отрядов, отвечающее тем особым требованиям, которые вызывает долгое пребывание в стране бедной, труднодоступной, лишенной продовольствия и превратившейся от Претории до Наталя в походный лагерь.

Мне кажется, что голландские лазареты, посылаемые в Трансвааль, составлены именно с полным знанием всех этих особенностей. В Голландии немало людей, хорошо изучивших

Южную Африку, они могут дать много ценных сведений касательно припасов, санитарного положения в Трансваале и других подробностей.

...пароходы «Deutsche Ost Linie» (Германская восточная линия) принимают в Амстердаме значительное количество пассажиров и груза и в Порт-Саиде почти всегда уже переполнены.

Основываясь на вышеизложенном и уверенный в любезной готовности здешнего Комитета Красного Креста и всех так или иначе причастных к нему лиц и учреждений содействовать нам в случае отправления экспедиции для оказания помощи раненым в англо-бурской войне, я предложил бы нашему отряду Красного Креста запастись недостающим материалом здесь и выехать в Лоренсу-Маркеш из Амстердама.

Если бы мысль эта показалась целесообразной, а также если бы было решено выехать из Порт-Саида, то я просил бы благоволить уведомить меня о том заранее и располагать мною для всех могущих понадобиться сообщений и справок.

Прошу, Ваше Высокопревосходительство принять уверение в отличном почтении и совершенной преданности.

Ваш покорнейший слуга **К. Струве**³⁸⁴.

Разумными советами российского дипломата в Гааге воспользовались немного позднее, при снаряжении на пожертвования граждан русско-голландского санитарного отряда. В ответном письме посланнику вежливо объяснили причину отказа в отправке санитарного отряда РОКК через Европу:

Его Превосходительству **К.В. Струве**.

(Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Нидерландах.

Российская миссия в Гааге).

Российское Общество Красного Креста 18 ноября 1899 г.

Милостивый Государь

Кирилл Васильевич.

Принося Вашему Превосходительству искреннюю благо-

дарность за доставленные весьма ценные сведения и извинение за причиненное вам беспокойство, спешу уведомить, что по соображении всех обстоятельств признано удобнее, выгоднее и, главное, скорей отправить отряд Красного Креста в Порт-Саид и оттуда на французском пароходе, отходящем из Марселя 25 декабря, так как он: 1) прибудет в Лоренсу-Маркеш 12 днями раньше, чем через Амстердам, 2) избегнет длинного морского путешествия вокруг всей Европы, и главное, 3) весь груз, составляющий свыше 800 пудов, по справкам на железной дороге, не мог бы быть доставлен своевременно в Амстердам или Неаполь к отходу парохода, тогда как в Порт-Саид он будет доставлен вовремя на русском пароходе из Одессы

Эти обстоятельства заставили нас предположить отправить наш отряд на французском пароходе, отходящем из Марселя 25 декабря нового стиля; согласие принять отряд и весь груз его в Порт-Саиде уже получено.

Ещё раз усердно благодарю за доставленные сведения, которыми мы непременно воспользуемся.

Пользуясь настоящим случаем, прошу вас, Милостивый Государь, принять уверение в отличном уважении и совершенной преданности.

Подписал: **О. Кремер**³⁸⁵.

Переписка по поводу заказа билетов на пароходы продолжалась:

Телеграмма от 17 ноября 1899 г. Срочная.

Marseille. Consul General de Russie (текст телеграммы дан в переводе с латинского алфавита)

В дополнение к телеграмме генерала **Рерберга**.

Если пароход «**Messageries**», отходящий из Марселя 25 декабря, согласен принять в Порт-Саиде наш отряд Красного Креста и груз при нём 14 тонн, то прошу теперь же взять от этого порта до Лорензо-Маркеша 4 места первого класса, 12 мест второго класса и 12 третьего класса. Уведомите меня телеграммой, сколько следует перевести Вам денег для уплаты.

Подписал председатель Главного управления Красного Креста генерал-адъютант **Кремер**³⁸⁶.

Министерство иностранных дел России, равно как и другие министерства и ведомства изо всех сил содействовало проезду санитарного отряда до места назначения:

МИД, Второй департамент. 18 ноября 1899 г.

Его Превосходительству **О.К. Кремеру**

Милостивый Государь

Оскар Карлович.

Письмом от 17 сего ноября № 5874 Ваше Превосходительство уведомили меня об отправлении от Российского Общества Красного Креста в ЮАР санитарного отряда, который должен отправиться из Одессы в Марсель и далее до Лоренсус-Маркеша.

Вследствие сего мною предписано Императорскому послу в Лондоне и поверенному в делах в Лиссабоне довести до сведения правительства, при которых они аккредитованы, о состоявшемся решении Красного Креста отправить санитарный отряд в ЮАР и просить означенные правительства о беспрепятственном пропуске, как отряда, так и телеграмм, которые могли бы быть посланы в Преторию по настоящему случаю.

О последующем буду иметь честь вас уведомить.

Примите Милостивый Государь, уверение в совершенном моём почтении и таковой же преданности.

Граф **Муравьев**³⁸⁷.

Главное управление Российского Общества Красного Креста совершенно справедливо решило учесть зарубежный опыт в вопросе посылки медработников-добровольцев в бурские республики. При содействии МИДа были получены донесения российских консулов из европейских столиц, в частности, из Берлина и Гааги о количестве сестёр милосердия, санитаров,

врачей и администраторов в санитарных отрядах, посланных на Юг Африки из Германии и Голландии.

Было уделено особое внимание сообщению из Гааги о том, что каждый член отряда имел удостоверение личности (карточку) с указанием года рождения, должности за подписью председателя Общества Нидерландского Красного Креста, а на обороте именной карточки – удостоверения нидерландского министерства иностранных дел и британской и португальской миссии в Гааге, и так же текст 2-й и 3-й статей Женевской конвенции. Любопытно, что в сообщении об отправлении голландского отряда обращалось особое внимание на то обстоятельство, что отъезжающих:

...напутствовали Их Величества королевы в самых сердечных выражениях³⁸⁸.

Но было бы неверно полагать, что всё вопросы снаряжения, штатного комплектования и отправки санитарных отрядов были заимствованы за границей.

Кроме получения сведений из-за рубежа об отправке санитарных отрядов к африканерам и внимательной проработки вопроса о пути следования отечественного санитарного отряда к бурам, Главное управление РОКК тщательно изучало все сведения о деятельности российских санитарных отрядов, командированных в 1896 г. в Абиссинию³⁸⁹ и посланных для оказания помощи жертвам греко-турецкой войны в 1897 г.³⁹⁰.

Кадровые вопросы о назначении медработников в состав санитарного отряда и вопросы денежного довольствия посыпаемых лиц были решены сравнительно быстро.

Так в черновике письма, направленного **Кремером** 17 ноября 1899 г. военному министру **Куропаткину**, говорилось:

**Милостивый Государь
Алексей Николаевич.**

Главное управление в заседании 13 ноября постановило командировать в Южно-Африканскую Республику (Трансвааль) санитарный отряд в следующем составе: 5 врачей, из которых один назначается уполномоченным Красного Креста и начальником всего отряда, 2-х агентов по хозяйственной и административной части, 4-х фельдшеров, 8 сестёр милосердия и 12 санитаров. Всего 31 человек.

Начальником отряда предполагалось назначить доктора медицины и хирургии **Вредена**, но за отказом его избран доктор медицины Действительный статский советник **Николай Иванович Кусков**, состоящий помощником директора Мариинской больницы.

В дополнение к словесному объяснению с разрешения Вашего Превосходительства имею честь покорнейше просить о назначении в распоряжение Главного управления для означенной командировки одного отставного офицера по избранию Вашего Превосходительства и за счёт военного министерства для назначения агентом Красного Креста; 2) младшего врача лейб-гвардии Гренадёрского полка, коллежского асессора **С.Я. Чистовича**; 3) 4-х фельдшеров (желательно иметь в отряде фельдшеров, уже бывших в Абиссинии, а именно: Николаевского военного госпиталя **Павлова Фёдора, Иванова Павла и Назарова Владимира** и Константиновского артиллерийского училища – **Маслова**) и 10 санитаров из уволенных со службы нижних чинов, обученных уходу за больными (в числе санитаров желательно иметь знакомых с ремеслами портняжным, ширным, слесарным и столярным, а также кашевара).

От Главного управления назначено следующее содержание на всё время командировки, которая предположена продолжительностью в 6 месяцев: врачам и агентам по 450 рублей

в месяц и 450 рублей на подъём³⁹¹, фельдшерам содержание каждому в месяц 100 рублей и на подъём по 100 рублей и санитарам каждому содержания по 50 рублей в месяц и на подъём по 50 рублей, и всем сверх того довольствие пищей и проезд туда и обратно.

Все следуемые этим лицам деньги будут выдаваться от Главного управления, частью здесь до отъезда, а затем уполномоченному общества за каждый месяц вперёд. Если Вашему Превосходительству угодно будет командировать одного отставного офицера агентом при отряде, за счёт военного министерства, то не изволите ли признать всего удобнее, чтобы определённое ему содержание и путевое довольствие было выдаваемо от Главного управления, как в Петербурге, так и во время командировки, с возмещением от военного министерства сделанных выдач.

Все лица, входящие в состав отряда, должны состоять в полном подчинении уполномоченного, начальника отряда, который ответствует за выполнение той инструкции, которой будет снабжён от Главного управления.

Отряд предположено отправить из Санкт-Петербурга 28 сего ноября через Одессу в Порт-Саид и оттуда французским пароходом (общества) «Messageries Maritimes» до порта Лоренсу-Маркеша, куда должен прибыть 28 января нового стиля. Поэтому ввиду краткости времени имею честь просить Ваше Превосходительство не оставить уведомить Главное управление, в возможно непродолжительном времени и решении вашем, с доставлением именного списка командируемых лиц³⁹².

Как явствует и приведённого выше документа в столь дальнюю командировку старались посыпать младший медперсонал, уже имевший опыт соответствующей работы в Африке.

Любопытно и то, что все санитары в командном отношении подчинялись административному секретарю отряда, формально уволенному с действительной военной службы штабс-капитану **Потапову**, а

не руководителю отряда доктору **Кускову**, о чём говорилось в следующем письме (от 22 ноября 1899 г.) главного военно-медицинского инспектора генерал-адъютанта **Реммерта**, направленном руководителю Российского Общества Красного Креста **Кремеру**:

Милостивый Государь
Оскар Карлович.

На письмо от 21 ноября за № 5912 имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что младший врач Гельсингфорского местного лазарета, полевой хирург, надворный советник **Садовский** сегодня уже прибыл в Санкт-Петербург и мною предложено ему немедленно же явиться в распоряжение Главного управления.

Кроме врача надворного советника **Садовского** в состав названного санитарного отряда назначены ещё: младший врач лейб-гвардии Гренадёрского полка, доктор медицины, полевой хирург, надворный советник **Чистович** и состоящий в прикомандировании к Императорской военно-медицинской академии для изучения военно-полевой хирургии, младший врач 99 пехотного Ивангородского полка, доктор медицины, надворный советник **Эбергардт**.

Фельдшерами в отряде назначены те четыре фельдшера, которые поименованы в письме Вашего Высокопревосходительства ко мне от 17 ноября за № 5877.

В число санитаров избрано 10 человек нижних чинов из состава войск гвардии и Петербургского военного округа, список коих при сём прилагаю. Согласно желанию военного министра, эти нижние чины сегодня были представлены мне для осмотра и опроса, все они оказались вполне здоровыми, крепкого телосложения и едут с полной готовностью; между ними имеются знакомые с обязанностью войсковых носильщиков (санитаров), а также с ремеслами: сапожным, шорным, столярным и слесарным, есть и кашевар. Завтра в 11 часов утра эти люди должны явиться в Главное управление Красного Креста, к этому же времени должен прибыть в Главное управление

и командируемый в качестве агента Красного Креста штабс-капитан **Потапов**, которому они, согласно желанию военного министра, и должны быть подчинены в командном отношении во всё время командировки и который обязан завтра представить их Вашему Высокопревосходительству или, в случае вашего отсутствия, инженер-генералу **Пербергу**³⁹³.

Согласно выраженному военным министром желанию, штабс-капитан **Потапов** должен также лично озабочиться экипированием этих людей в штатское платье, так как едва ли они сами могут приобрести для себя целесообразную экипировку.

Обо всех этих распоряжениях штабс-капитан **Потапов** мною поставлен в известность, равно как сделано распоряжение о прибытии в Главное управление РОКК избранных врачей и фельдшеров.

Прошу вас, Милостивый Государь, принять уверение в глубоком моём уважении и совершенной преданности.

Ваш покорный слуга

Генерал-адъютант **Реммерт**.

И приписка, сделанная руководителем РОКК **Кремером**:

Прошу поспешить составлением, общего списка, отметить дни рождения каждого лица, для вписания в карточки РОКК. Выдать **Потапову**... следуемые ему деньги...³⁹⁴.

Другой документ:

Опись документов

Препровождается господину Санкт-Петербургскому граводональнику при письме товарища председателя Главного управления РОКК от 24 ноября 1899 г. за № 5955.

1. Копия с письма товарища главноуправляющего собственному Его Величества канцелярией по учреждениям Императрицы **Марии** от 23 ноября 1899 г. за № 217020 о врачах: действительном статском советнике **Кускове** и надворном советнике **Давыдове**.

2. Копия с письма Главного военно-медицинского инспектора от 24 ноября 1890 г. за № 11240 о врачах надворных советниках: **Садовском**, **Чистовиче** и **Эбергардте**; фельдше-

рах: **Маслове, Павлове, Назарове и Иванове**, отставном капитане **Потапове** и 10 санитарах, именной список коих прилагается.

3. Бессрочная паспортная книжка от 17 января 1896 г. за № 24, выданная лекарю **Отто Марковичу Гольбеку** Юрьевским городским полицейским управлением, и свидетельство от 20 ноября 1899 г. за № 7932, выданное из Рижского городского полицейского управления о неимении препятствия к выдаче заграничного паспорта **Гольбеку**.

4. Бессрочная паспортная книжка, выданная Перновским уездным полицейским управлением от 16 октября 1895 г. за № 112 провизору **Карлу Августовичу Людицу**.

5. Свидетельство, выданное из Ладывинского волостного управления от 24 августа 1889 г. за № 1035 крестьянской девице **Наталии Онкоевой**.

6. Свидетельство С.-Петербургского Николаевского сиротского института от 26 мая 1889 г. за № 2121, выданное дочери коллежского асессора **Вере Макаровой**.

7. Свидетельство комитета Александровской общины сестёр милосердия от 24 ноября 1895 г. за № 6, выданное охтенской мещанке **Феодосии Зандиной**.

8. Свидетельство Рузского уездного полицейского управления от 8 октября 1879 г. за № 8580, выданное дочери губернского секретаря **Клавдии Тихомировой**.

9. Паспортная книжка бессрочная, выданная из Рижского городского полицейского управления от 15 января 1896 г. за № 48 девице **Адель Аль**.

10. Паспортная книжка, выданная Олонецким губернским управлением 3 января 1895 г. за № 7 дочери действительного статского советника **Любови Страховской**.

11. Паспортная книжка, выданная 6 сентября 1896 г. из податного управления г. Юрьева **Амалии Тауз**.

12. Свидетельство, выданное командовавшим Императорскою главною квартирой от 8 марта 1896 г. дочери генерал-адъютанта **Ольге Баумгартен**.

13. Свидетельство правления С.-Петербургского универси-

тета от 18 ноября 1899 г. за № 11480, выданное бывшему студенту сего университета **Николаю Кускову**.

14. Паспорт, выданный Узьминским волостным правлением Гдовского уезда, от 9 июня 1899 г. крестьянину **Филиппу Елифанову** и запасной билет его, выданный командиром 89 Беломорского полка 13 января 1897 г. за № 168.

Подписал: Помощник управляющего канцелярией Гл. Упр. РОКК **А.Поликарпов**³⁹⁵.

Приведём и списки рядовых санитаров отряда РОКК:

Список нижних чинов-санитаров, командируемых в Трансвааль от войск гвардии и Петербургского военного округа

Какого полка	Звание, имя и фамилия	Срок службы	Какое знает ремесло
Л.-гв. Преображенского полка	рядовой Марцель Грабовский	1874 г. 1897 г.	
Л.-гв. Семеновского полка	ефрейтор Иосиф Стефанович	1874 г. 1897 г.	
Л.-гв. Измайловского полка	рядовой Викентий Севрук	1873 г. 1898 г.	
Л.-гв. Егерского полка	унтер-офицер Павел Головлев	1880 г. 14/VII	
Л.-гв. Московского полка	унтер-офицер Феоктист Ка-веда	1875 г. 4/I 1897 г.	сапожник
Л.-гв. Гренадёрского полка	ефрейтор Михаил Соболев	1875 г. 22/XI	слесарь
Л.-гв. Павловского полка	рядовой Василий Ерохин	1873 г. 14/IV 1898 г.	столяр и маляр

Какого полка	Звание, имя и фамилия	Срок службы	Какое знает ремесло
Л.-гв. Финляндского ³⁹⁶ полка	фельдшерский ученик Конон Шитик	1874 г. 10/III 1896 г.	
145 пехотного новочеркасского Императора Александра III полка	ефрейтор Феодосей Карабухин	1874 г. 14/VIII 1897 г.	портной, шорник, столяр и также кашевар
198 пехотного резервного полка	ефрейтор Кирилл Дерябин	1874 г. 4/V 1897 г.	носильщик

Начальник отделения **Гионковский**

Вольнонаёмный служитель, ефрейтор запаса **Филипп**

Епифанов, родился

в 1871 г. 10 октября.

Вр. и. д. Столоначальника **Грязнов**³⁹⁷.

Министерство иностранных дел России делало всё возможное, чтобы ускорить отправку отечественного санитарного отряда к бурам:

Милостивый Государь **Оскар Карлович**, – писал Кремеру 26 ноября 1899 г. министр иностранных дел граф **Ламздорф**, – в ответ на письмо от 24 сего ноября за № 5953 имею честь возвратить снабжённые соответствующими легализациями именные карточки чинов отряда Красного Креста, отправляемого в Южную Африку.

Прилагаю, равным образом, для старших чинов отряда и для сестёр милосердия свидетельства от министерства иностранных дел для предъявления, в случае надобности нашим

консульским представителям за границей.

О выезде отряда в Южную Африку предупреждены все находящиеся на его пути российские консульства.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моём почтении и таковой же преданности.

Граф **Ламздорф**³⁹⁸.

Этим делом лично занималась и вдовствующая Государыня:

Передано по телефону из Гатчины.

Императрица **Мария Фёдоровна** приказала доложить Его Высокопревосходительству генерал-адъютанту **Кремеру**, что завтра 25 сего ноября Её Величество примет отправляемый отряд Красного Креста в 2 часа 15 минут пополудни в Аничковом дворце и просит при этом присутствовать Его Высокопревосходительство.

Сообщить кому следует.

Подпись неразборчива
25 ноября³⁹⁹.

Немало лиц желало поехать добровольцами в составе отряда РОКК в Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство. Среди заявлений от российских подданных преобладали обращения врачей или лиц с медицинским образованием:

В Главное управление Красного Креста
от врача **Андрея Андреевича Краузе**.

Заявление.

Узнав из газет, что общество Красного Креста намеревается послать врачебно-санитарный отряд в Южную Африку для оказания врачебной помощи трансваальцам в их войне против Англии, честь имею просить общество не найдёт ли оно возможным принять меня в качестве врача в свою посылаемую миссию.

При этом присовокупляю, что я хорошо знаком с немецким и французским языками и в случае принятия меня в миссию согласен пожертвовать сто рублей в пользу оной

Соблаговолите ответить, изложив подробные условия

врач **Андрей Краузе**

адрес: через Ригу в Дубельн, вторая линия дом № 5.

Дубельн. 19 октября 1899 г. Приписка занесён в списки кандидатов⁴⁰⁰.

Стоит отметить, что буквально сотни лиц записывались в число желающих попасть в состав санитарного отряда. Приведём лишь несколько примеров из списков и заявлений, хранящихся в РГВИА:

Королев Николай (студент-медик) IV курса. Петербургская сторона. Большой проспект № 38/40 квартира 14; **Емельянов Ариан** V курса. Кирочная улица дом 17, квартира 44; Врачи **Козубовский Мариан** – сельский врач. Местечко Уваровичи Могилевской губернии⁴⁰¹.

Другое прошение с предложением своих услуг:

Многоуважаемая Дирекция.

Смею предложить мою готовность принять участие в оказании помощи раненым в англо-трансваальской войне. Честь имею покорнейше просить, если находите это возможным, прикомандировать меня к одной из отправляемых колонн в качестве фельдшера, врачебного помощника и чего-нибудь подобного.

Дело в том, что я выслушал полный курс медицинских наук, но вследствие студенческих волнений устраниен пока от Государственного экзамена. Свидетельство о выслушивании полного курса могу предоставить.

Находясь теперь без всяческой работы, имею честь покорнейше просить исполнить мою просьбу и дать мне возможность практически приложить свои знания в пользу страждущего человечества.

Готов поехать на тех условиях, которые вам угодно будет найти уместными.

С покорностью и почтением **Д. Аваркушевич.**

Адрес: Рига, Мариинская, 4, квартира № 25.

Рига. 12 октября 1899

На письме имеется резолюция:

Занесён в списки кандидатов. ГУКК. 14 октября 99⁴⁰².

Немало и младших медицинских работников – фельдшеров писали подобные прошения:

Включен в списки 19 октября 1899 г.

В Главное управление Российского общества Красного Креста

Запасного и.д. медицинского фельдшера Санкт-Петербургского Николаевского военного госпиталя **Адама Станевича.**

Прошение

Узнав о командировании Управления Красного Креста отрядов в Африку на помощь страждающих, имею честь покорнейше просить, если это окажется возможным принять меня в число фельдшеров посылаемых в отрядах и в утвердительном случае прошу сообщить по месту моего служения агентом на станции Рига I пассажирской Риго-Орловской железной дороги.

Срок действительной военной службы я окончил 1 января сего года и документы об образовании и благонадёжности по требованию могу представить.

Запасной фельдшер **А. Станевич**⁴⁰³.

Встречались среди предлагавших свои услуги и очень опытные медработники, не только побывавшие в составе санитарного отряда в Абиссинии (Эфиопии) в 1896 г. но и участвовавшие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.:

Отряд РОКК (Российского Общества Красного Креста)

Павловский Иван, бывший санитар Абиссинского отряда, Цветочная улица, дом № 30 (за Московской заставой); **Максимовский Василий**. Земской фельдшер. Гатчина. Багговутовская улица, дом № 61. Земский приёмный покой⁴⁰⁴.

Врач **Андрей Ширман**. Хирург; в войну 1877–1878 гг. был на театре военных действий, обладает знанием иностранных языков, особенно английского⁴⁰⁵.

Для примера приведём ещё одно заявление:

В Главное управление Красного Креста
Штатного ординатора 1-й Московской Градской больницы
Петра Николаевича Александровского

Прошение

Желаю отправиться в Южную Африку на место военных действий, происходящих там в настоящее время, для подания медицинской помощи раненым, имею честь покорнейше просить Управление зачислить меня врачом в имеющейся отправляться санитарный отряд.

При сём считаю нужным присовокупить, что я уже более двадцати лет занимаюсь в хирургическом отделении нашей больницы и был на месте военных действий для подания медицинской помощи в сербскую войну и во время русско-турецкой войны.

Статский советник, врач **П. Александровский**.

Москва 1899 год 23 октября.

Адрес: Москва, Калужская улица, здание 1-й Градской больницы⁴⁰⁶.

Военные медики так же предлагали свои услуги:

5 ноября 1899 г.

В Главное Управление Красного Креста.

Мною получена от вас телеграмма о зачислении меня в число кандидатов вашего отряда, посыпаемого в Трансвааль. Прошу вас, в случае, если и окончательный выбор падёт на

меня, известить меня телеграммой об этом, равно как и о числе и месте, когда и куда мне нужно будет приехать со стороны нашего Военно-Медицинского начальства, по-видимому, препятствий к моему отъезду не будет – о чём уже сделан доклад в Кавказское Окружное Управление.

В случае, если бы дальность расстояния Карса от места управления отряда служила препятствием к зачислению меня в последний, то я согласен на свой счёт приехать из Карса в Петербург или же в другое место назначенное для сбора отряда.

Врач Кубинского полка

П. Тимошок.

город Карс⁴⁰⁷ 18 (26) X 1899⁴⁰⁸.

Десятки человек обращались с письменными просьбами непосредственно в Красный Крест. Кое-кто из числа предложивших свои услуги попал затем в состав санитарного отряда:

Записка

Рижская община сестёр милосердия общества Красного Креста, город Рига, 12 октября 1899 г. № 96.

В Главное управление Российского Общества Красного Креста. Доктор **Оттон Маркович Гольбек** выразил попечительству Рижской Общины сестёр милосердия желание участвовать во врачебно-санитарном отряде, могущем быть сформированным Главным управлением Общества Красного Креста для оказания помощи раненым в местах военных действий в Южной Африке.

Вследствие этого попечительство имеет честь покорнейше просить главное управление на случай надобности воспользоваться услугами названного врача. Доктор Гольбек молодой, весьма способный и специально образованный хирург, служил во флоте и оставил службу лишь по той причине, чтобы пополнить свои специальные познания в области медицинской науки в Рижской городской больнице, в которой занимается уже два года.

Вице-президент...

Делопроизводитель...⁴⁰⁹.

Военных врачей для предстоящей длительной командировки санитарного отряда отбирали очень тщательно:

Командующий войсками
Финляндского военного округа.

14 октября 1899 г. № 1125

город Гельсинфорс.

Его Высокопревосходительству О.К. Кремеру,
Председателю Главного управления Российского
Общества Красного Креста.

Милостивый Государь

Оскар Карлович.

Младший врач Гельсингфорсского⁴¹⁰ местного лазарета надворный советник **Садовский** ходатайствует о предоставлении ему возможности участвовать в составе отряда врачей в случае командирования отряда от Красного Креста в Трансвааль для подания помощи больным и раненым на театре военных действий... Военно-медицинский инспектор округа, аттестуя **Садовского** во всех отношениях выдающимся и полагая, что он как военно-полевой хирург может принести особую пользу, просит меня рекомендовать его Вашему Высокопревосходительству. Охотно исполняя настоящее ходатайство тайного советника **Гаврилко**, со своей стороны, прошу о благосклонном по сему вашем содействии.

Искренне ваш (неразборчиво)⁴¹¹.

Хирурги **Садовский** и **Гольбек** в дальнейшем хорошо зарекомендовали себя, работая на театре боевых действий в Южной Африке.

Приведём в качестве примера ещё одно прошение от опытного гражданского врача:

В Главное управление Красного Креста

Препровождая при сём копию своего диплома на звание лекаря, имею честь вызваться на службу Красного Креста,

именно на театр войны в Южной Африке.

Я родился в Риге и там воспитался пока не выступил в Дерптский университет, который я закончил в 1889 г. на степень лекаря. После этого я семь лет занимался частной практикой в Ковенской, Витебской и Виленской губерниях. В это время тоже пять месяцев управлял госпиталем Гарженской пограничной бригады в м. (неразборчиво) местного старшего врача. После того я желал усовершенствоваться в хирургии прожил почти три года в Риге, не практикуя, а занимался только изучением этой специальности при хирургическом отделении Рижской городской больницы, под руководством ординатора этого отделения доктора **Бергмана**, постоянно занимаясь в это время тоже с ушными, горловыми и женскими болезнями. В начале текущего года я поселился в городе Лодзь Петраковской губернии, Привисленского края и занимаюсь частной практикой в здешней амбулатории приходящих больных ...отделения Красного Креста, принимаю больных по ушным и горловым болезням.

Я немецкой народности, лютеранского исповедания, 40 лет от роду, холостой, освобождён от воинской повинности и владею кроме немецкого русским языком.

Выразив своё согласие выехать в службе Красного Креста на театр войны прошу покорно не оставить меня без скорого ответа

Лодзь 14/28 октября 1899 г.

П.В. Витческий,

врач.

Адрес: Лодзь Петраковской губернии

Загонежская улица. (дом) № 32. Приписка «занесён в списки»⁴¹².

Заявления (в основном от медиков) шли из различных городов и населённых пунктов тогдашней Российской Империи:

РОКК 27 октября 99.

В Главное управление Красного Креста
Сельского фельдшера Романовского пункта Слуцкого
уезда Минской губернии **Владимира Андреевича**
Радзивиновича.

Прошение

Имею честь покорнейше просить Главное управление за-
числить меня фельдшером в формирующийся отряд Красного
Креста для подания помощи раненым воинам в Трансвааль.
Документы мои об окончании Могилевской центральной фель-
дшерской школы находятся во врачебном отделении Минского
губернского управления.

Немецкий язык я немного знаю и могу на нём немного раз-
говаривать.

О сём просит **В. Радзивинович.**

1899 г. октября 18 дня

жительство имею: Слуцкого уезда, Минской губернии, 3
стана в местечке Романово⁴¹³.

Прошений от лиц с медицинским образованием
было просто великое множество:

РОКК, 25 октября 1899, № 14795.

Узнав из газет, что Санкт-Петербургское отделение Крас-
ного Креста собирается послать в Трансвааль отряд для вспо-
моществования раненым боярам, честь имею просить меня
принять в число членов отряда.

Прослушавший полный курс медицинских наук в универ-
ситете Святого Владимира **Николай Иванович Кириенко.**

Адрес:

Местечко Тальное Киевской губ, Уманского уезда, на
ферму Ольгино. Мне⁴¹⁴.

Заявления шли из разных уголков России:

23 октября 1899 г. № 14741.

В Главное управление Общества Красного Креста.

Прочитав в газетах, что Главным управлением Общества Красного Креста организуется санитарный отряд добровольцев на театр военных действий в Южную Африку для оказания медицинской помощи Бозрам прошу покорнейше Главное управление зачислить меня врачом и сообщить об условиях поступления, содержания и времени отправления.

Я окончил курс медицинских наук на степень врача в 1889 г. в Московском Императорском университете; занимался преимущественно хирургией; в 1898 г. окончил экзамены на степень доктора медицины в том же университете в Москве.

Врач-докторант **Пашуканис Бронислав Францевич**.

Адрес город Уральск⁴¹⁵.

Редакция газеты «Уралец».

Врачу **Б.Ф. Пашуканису**⁴¹⁶.

Ещё одно обращение довольно любопытно, поскольку, вероятнее всего, принадлежит лицу, в дальнейшем прославившемся казнокрадством в Российском Обществе Красного Креста и побегом за границу, а затем во время гражданской войны ставшего правой рукой адмирала **Колчака**:

23 октября 1899, № 14791.

Его Высокопревосходительству

генерал-адъютанту **Оскару Карловичу Кремеру**.

Докторант медицины, ассистент-волонтёр при хирургической клинике Императорского Юрьевского университета **Рожера барона Будберга**⁴¹⁷.

Имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство принять меня в отряд РОКК, отправляющийся в Трансвааль. Местожительство: город Юрьев⁴¹⁸, хирургическая клиника Императорского Юрьевского университета

Доктор медицины и акушер **Рожер барон Будберг**.

город Юрьев 23 октября 1899 г.⁴¹⁹.

С предложением своих услуг обращались не только врачи, но и фармацевты:

Занесён в списки 69/99. РОКК 18 октября 99.

Главное Управление № 1452/1179

Милостивый Государь.

Не зная, верно ли это, что в число отряда Общества Красного Креста, отправляющегося в Трансвааль, требуется также и провизор, желал также принять участие в этом, и если это верно, то покорнейше прошу сообщить мне, где и у кого можно узнать это и вообще все условия этого.

В надежде, что вы, Милостивый Государь, не откажете мне в моей просьбе и сообщите мне подробно, в ожидании скорого извещения...

Провизор **И.Н. Исаенко**

Адрес:

Москва, Садовая Триумфальная
дом Орлова, квартира № 95

И.Н. Исаенко⁴²⁰.

Сохранились и заявления от лиц различных вероисповеданий и врачей-иностранцев, постоянно или временно проживавших в России, с предложением своих услуг:

М.В.Д. Евангелическо-Лютеранская церковь Святого
Иоанна в С.-Петербурге (офицерская № 54) 30 октября
1899 г. № 2804, 1 / XI 1899 г.

В Правление
Красного Креста

Пересылая в правление прошение провизора **Карла Юрьевича Зейслера**, честь имею рекомендовать сего господина на должность фармацевта. Я лично его знаю как порядочного, опытного и благонадёжного человек солидного нравственного поведения.

Доктор **Я.И. Гурт**

Пастор евангелической лютеранской церкви
Святого Эоанна в СПб⁴²¹.

Небезынтересно отметить, что прошение названного выше провизора господина **Зейслера** на должность фармацевта санитарного отряда РОКК, пришло из станции Нижнечирск, области Войска Донского и было датировано 21 октября 1899 г.⁴²².

Даже английские подданные, узнав о том, что русский санитарный отряд первоначально собирались послать не только на сторону бурских республик, но и на сторону Великобритании, обращались с подобными предложениями:

Гл. Упр. Кр. Креста. 29 октября № 14790.

В Главное управление Красного Креста.

Желая отправиться в качестве сестры милосердия в Южную Африку с отрядом Красного Креста, прошу уведомить меня, на каких условиях я могу быть принята.

Я рождённая англичанка, не замужняя, 29 лет, хорошего здоровья.

Адрес мой следующий:

Кирсанов Тамбовской губернии, села Вельможино,
мисс **Кин**

Alice Keene.

20 октября 1899 г.⁴²³.

Любопытно, что и некоторые российские подданные, находившиеся за границей, также обращались с предложением своих услуг:

1899 г. 18/30 октября.

В Главное управление Российского Общества Красного Креста

Имею честь покорнейше просить Главное управление Общества Красного Креста записать меня в качестве студента-

медика в один из отрядов, отправляемых Обществом на поле военных действий в Южную Африку, если оно найдёт это возможным. В настоящую минуту я состою в числе студентов Бреславльского университета, а раньше я прошёл четыре курса Московского университета.

Прошедшее лето я уже работал в Обществе Красного Креста в Самарской губернии, Бугульминского уезда, где заведовал цынгозным районом под непосредственным ведением помощника главного управляющего Главного управления Российского общества Красного Креста графа **Кирилла Фёдоровича Берга**, у которого прошу справиться обо мне, если к тому явится необходимость.

Условия, на какие я поеду, для меня безразличны. Лишь бы я был доставлен туда и обратно и мне выдавалось бы содержание или его стоимость на месте. В случае, если Главное управление сочтёт возможным зачислить меня в один из упомянутых отрядов, то покорнейше прошу назначить лишь время и место, где я должен буду присоединиться к отряду, а также выслать мне денег на проезд.

Бывший студент Московского университета, кандидат медицины Бреславльского университета **Александр Ильич Бакунин**.

Адрес Германия. Бреславль...⁴²⁴.

Встречались и совсем неожиданные прошения:

В Главное управление Российского Общества Красного Креста

Повивальной бабки

Елены Александровны Дмитриевой

Прошение

Ввиду множества акушерок в Петербурге практика редка в данное время, я совершенна свободна и потому хотела бы употребить оное с пользой не для одной себя. Между прочим, соревную к общественным симпатиям к угнетённому населению Трансваала, имею искреннее желание отправиться туда,

дабы оказать посильную помощь воюющим бурам.

Узнав из органов печати, что Красным Крестом формируется отряд для отправки в Трансвааль на помощь раненым и их семействам, имею честь усерднейше просить Главное управление Российского Общества Красного Креста об отправлении меня в Трансвааль с отрядом сестёр милосердия.

Елена Дмитриева

октября 21 дня 1899 г.

Жительство, 2 участок, Петербургской части

Стрельненская улица № 3, квартира 13⁴²⁵.

Писали обращения не только лица связанные с медициной:

В Главное управление Красного Креста.

Имею желание отправиться с отрядом общества Красного Креста назначаемых к отправке в Трансвааль для подания помощи раненым и больным бурам в качестве санитара или как будет нужно обществу по его назначению, прошу зачислить меня кандидатом впредь до отправления и о последующем меня не оставить уведомлений.

Адрес: (неразборчиво), дом № 35, квартира 12.

Кузьме Степанову

16 октября 1999 г.⁴²⁶

Лица различных профессий стремились попасть в состав санитарного отряда Российского общества Красного Креста:

27 ноября 1899 г. № 15943

В Главное управление

РОКК

Псаломщика Дрогичинской церкви,
учителя Седлецкой церковно-приходской
школы **Трофима Иванова Семяцкого**
Прошение

Желая послужить благому делу оказания помощи раненым и больным воинам в Южной Африке, имею честь покорнейше просить Главное Управление РОКК зачислить меня санитаром в состав врачебно-санитарного отряда, командируемого к месту военных действий в Южную Африку.

Покорнейший проситель

Трофим Семяцкий

ноября 24 дня

1899 г.

Город Седлец^{427,428}.

Люди разного звания и общественного положения писали подобные прошения:

В Главное управление Российского Общества Красного Креста крестьянина Псковской губернии, Островского уезда, Сонинской волости, деревни Дьяконово **Дмитрия Ефремова Милославского**

Прошение

Убедясь из многих примеров, что Русское Общество Красного Креста не только никогда не остаётся безучастным свидетелем бедствий вообще и порождённых военными действиями в особенности, но всегда идёт впереди других, подобных по назначению, но не по деятельности учреждений, я полагаю, что Общество не останется праздным и в настоящее время – время только что закрывшейся Гаагской мирной конференции и сильно подчеркнутое Англией военными действиями в пределах ни в чём не повинного Трансваала, и пошлёт туда свой отряд на помохи боарам (бурам), раненным в несправедливой войне, а так как для этого нужны люди, могущие выполнять возложенные на них Обществом Красного Креста обязанности, то я позволяю себе иметь честь покорнейше просить Главное управление Общества принять мои личные услуги в качестве санитара или в другой какой-либо полезной для дела службы при подаче помохи раненым воинам Трансваала, их союзникам и врагам.

Относительно трудностей, сопряжённых с деятельностью санитара, я позволю себе заметить, что эти трудности при доброй воле уменьшаются наполовину, а кроме этого, не зная, как мне, человеку бедному, придётся жить, поставил себе в обязанность заниматься в свободное время от службы чёрными работами. Последние два года, живя в Петербурге каждое лето, до глубокой осени исполняю подённо всевозможные чёрные работы и таким образом развил себя в физическом отношении весьма хорошо, а подработать поденщиком в Петербурге значит сдать самый тяжёлый экзамен на физический труд и сопряжённые с ним лишения.

О последующей по моему прошению резолюции Управления, покорнейше прошу дать знать по месту жительства моего: Петербургская сторона, Грязная улица, дом № 11, квартира 11. Имею при себе 5-ти летний паспорт и разные документы о прежней моей службе, которые могу по требованию Управления представить немедленно.

Октября 12 дня 1899 г.

Крестьянин **Дмитрий Ефремов Милославский**⁴²⁹.

Заявления с подобными просьбами, как в Главное управление Российского Общества Красного Креста, так и непосредственно министру иностранных дел России продолжали поступать ещё долго. В качестве примера можно привести следующее:

Министру иностранных дел.

Его Сиятельству графу Ламздорфу.

от крестьянина **Игнатия Трофимовича Васильченко**.

Прошение.

Честь имею покорнейше просить Ваше Сиятельство дозволить мне в Южную Африку поступить добровольцем в ряды общих войск буров Оранжевой Республики, а так как я бедный человек, то если заблагорассудится Вашему Сиятельству отправить меня на казённый счёт, шестнадцати лет, вид на жительство имею, состою писцом у нотариуса.

Адрес мой город Ромны, Полкай губернии через полицию,
Могильская улица дом 232.

К сему подписуюсь житель города Ромны крестьянин

Игнат Трофимович Васильченко.

1901 г. января 30 дня⁴³⁰.

Прошений и просьб от лиц, принадлежавших к различным слоям общества было довольно много. Одно из них особенно интересно, поскольку не исключено, что его написала та самая русская доброволица, позднее опубликовавшая, под псевдонимом **Мария З.**, свои воспоминания в цитируемые выше книге:
Как я была добровольцем в Трансваале:

Хранить в канцелярии
доклада Главного Управления
21 октября **О. Кремер**
Памятный листок.

Жена отставного офицера Генерального штаба, **Ольга Николаевна Попова**, владелица известной библиотеки черкесов, издательница многих полезных книг, помощница смоленского губернатора, очень образованная женщина, говорящая отлично на французском, немецком и английском языках, со средствами, желает быть официально прикомандирована к отряду Красного Креста для оказания посильной помощи бурам. Поедет в Африку и вернётся за свой счёт.

Согласна пожертвовать на нужды Красного Креста до 500 рублей, если её просьба будет исполнена⁴³¹.

Отставные офицеры тоже стремились попасть в состав отряда:

Милостивый Государь
Евгений Васильевич.

В Трансвааль вы формируете (отряд), не найдёте ли возможность принять меня в этот отряд.

Служил с 1882 г. офицером; занимался картографией.

В 1894 г. вышел из военной службы в отставку.

штабс-капитан; земской начальник.

Пережил этой зимой трудное время голодовки, тиф и цин-
га.

Отставной штабс-капитан

Василий Дмитриевич Ушаков⁴³².

В числе желавших поехать в бурские республики
вместе с отрядом РОКК был и упомянутый выше
подполковник запаса **Евгений Яковлевич Макси-
мов**. Об этом свидетельствует следующее письмо,
адресованное **Кремеру**:

Министр путей сообщения.

31 октября 1899 г. № 15163/1222.

Милостивый Государь

Оскар Карлович.

Отставной подполковник **Евгений Яковлевич Макси-
мов** обратился ко мне с просьбой рекомендовать его Вашему
Высокопревосходительству для назначения уполномоченным
от Общества Красного Креста на случай посылки отряда в
Трансвааль.

Е.Я. Максимов был уже уполномоченным Красного Кре-
ста в Болгарии, в Ахал-Текинской экспедиции и в Абисси-
нии.

Зная господина **Максимова** по его деятельности в Ахал-
Текинской экспедиции в 1880–1881 гг. и полагая, что он своею
опытностью и распорядительностью может принести пользу
в случае командирования отряда Красного Креста в Южную
Африку, я позволяю себе представить просьбу господина Мак-
симова на усмотрение Вашего Высокопревосходительства.

Пользуясь случаем, прошу принять уверение в отличном
уважении и совершенной преданности.

Ваш покорнейший слуга

Приписка: Внести в список и сообщить настоящее письмо

Е.В. Павлову. О.Кремер, 1 ноября⁴³³.

Представители различных военных сословий, в том числе и казаки желали попасть в состав санитарного отряда:

В качестве брата милосердия или служителя от казака области войска Донского станицы Старочеркасской

Василия Ивановича Кислякова.

31 год, холост, отставной казак,
писарь в Управлении акцизного⁴³⁴ сбора войска Донского.

Город Новочеркасск, область войска Донского, Барочная улица, дом № 5, в районе 3 полицейского участка.

Василию Ивановичу Кислякову

24/X 1899⁴³⁵.

Среди желавших поехать в Южную Африку вместе с отрядом РОКК были и кадровые военнослужащие:

Главноуправляющий собственной Его Величества канцелярией, 26 октября 1899 г. № 1778.

Его Высокопревосходительству **О.К. Кремеру.**

Милостивый Государь

Оскар Карлович.

Корнет Кавалергардского⁴³⁶ Её Величества Государыни Императрицы **Марии Фёдоровны** полка, граф **Дмитрий Михайлович Граббе**⁴³⁷, записался в число лиц, желающих вступить в состав отряда Главного Общества Красного Креста, предположенного к отправлению в Трансвааль.

Принимая участие в этом достойном молодом человеке позволяю себе обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбой оказать ему покровительство и решающее, в данном случае содействие, в осуществлении его бескорыстного желания принять личное участие в человеческолюбивых подвигах испытанного на этом поприще родного

Общества Красного Креста.

Покорнейшее прошу вас, Милостивый Государь, принять уверение в глубоком моём уважении и искренней преданности...⁴³⁸

Приведём ещё один документ на ту же тему:

Памятная записка (23 октября 1899 г.)

Лейб-гвардии Егерского полка штабс-капитан **Александр Владимирович Герау I⁴³⁹**

1. Желая отправиться на театр англо-трансваальской войны и не располагая личными средствами, хотел бы получить назначение в состав ныне формирующихся отрядов Российского Общества Красного Креста, состоящего под Августейшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы **Марии Фёдоровны**.

2. Окончил курс в Пажеском Его Императорского Величества корпусе, откуда в 1891 г. из камер-пажей выпущен в лейб-гвардии Егерский полк подпоручиком, в поручики произведен в 1895 г.

3. В 1898 г. за успешное окончание полного трёхгодичного курса Николаевской академии Генерального штаба по 1 разряду произведён в штабс-капитаны с отношением в свой полк и с прикомандированием к штабу войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, откуда был командирован в штаб Гвардейского корпуса, а затем в штаб 1-й Гвардейской пехотной дивизии

4. Приказом начальника Главного штаба от 31 декабря 1898 г. за № 347 прикомандирован к Главному штабу и назначен делопроизводителем Суворовской комиссии, ныне расформировываемой по случаю передачи всех её дел в Николаевскую Академию Генерального штаба⁴⁴⁰.

К вышеприведённому документу прилагалось и личное послание:

Милостивый Государь

Оскар Карлович.

Горячо рекомендую Вашему Высокопревосходительству подателя сих строк Лейб-гвардии Егерского полка штабс-капитана **Геруя I**, желающего отправиться на театр Англо-Трансваальской войны.

Не располагая личными денежными средствами он просит о назначении его в состав формирующихся ныне отрядов РОКК.

Я буду чрезвычайно благодарна вам, Милостивый Государь, если вы найдёте возможным исполнить просьбу штабс-капитана **Геруя I**.

Прошу вас принять уверение в совершенном почтении.

Статс-дама⁴⁴¹ графиня **Строгонова (?)**

23 октября 1899 г.⁴⁴²

Разумеется для посылки санитарного отряда подбирали самых лучших сотрудников, а лишь затем намеревались испросить Высочайшее повеление по этому вопросу:

Главный военно-медицинский инспектор,

18 ноября 1899 г. № 1107.

Его Высокопревосходительству **О.К. Кремеру.**

Милостивый Государь

Оскар Карлович.

Вследствие письма Вашего Высокопревосходительства ко мне от сего ноября за № 5877 и в ответ на письмо Вашего Превосходительства от того же числа за № 5878 к военному министру, имею честь уведомить, что мною сего числа сделаны все распоряжения как о назначении в командируемый от Главного управления Российского Общества Красного Креста санитарный отряд намеченных вами врача и 4-х фельдшеров; так и об избрании просимых для этой цели 10-ти санитаров из числа нижних чинов, здоровых, трезвых, испытанных в отношении распорядительности, хорошо подготовленных и во-

обще отвечающих требуемым условиям. Все означенные лица тотчас же должны будут отправиться в Главное управление РОКК для получения надлежащих инструкций, а вслед за сим будет представлен Всеподданнейший доклад об испрошении Высочайшего соизволения на таковое командирование всех этих лиц в распоряжение упомянутого Главного управления.

О последующем Высочайшем разрешении я сочту своим долгом немедленно сообщить Вашему Высокопревосходительству.

Покорнейше прошу, Милостивый Государь, принять уверение в глубоком уважении и совершенной преданности.

Ваш покорный слуга.

Генерал-адъютант **Реммерт**⁴⁴³.

Весьма показательно, что все лица, посылаемые в составе санитарного отряда Российского Общества Красного Креста являлись действующими или отставными военнослужащими, а рядовые члены отряда набирались исключительно из гвардейских полков:

198-й пехотный резервный Александро-Невской полк,
21 ноября 1899 г. № 5262.

В Главное управление Российского Общества Красного Креста ефрейтора вверенного мне полка носильщика **Кирилла Дерябина**, назначенного в состав санитарного отряда, отправляемого на театр военных действий в Южную Африку (Трансвааль).

Приложение: Атtestат о довольствии за № 5263.

Командир полка полковник (неразборчиво)⁴⁴⁴.

Разумеется, каждый нижний чин имел соответствующую сопроводительную бумагу, подобно вышеописанной:

Лейб-гвардии Измайловский полк, 21 ноября 1899 г.

№ 4485 в Санкт - Петербурге.

В Главное управление Российского Общества Красного Креста

При сём препровождается рядовой вверенного мне полка **Викентий Севрук**, предназначенный в санитарный отряд, отправленный в Южную Африку.

Командир полка **Павловский**⁴⁴⁵.

По мере приближения срока отъезда санитарного отряда, в его состав вносились необходимые изменения:

Председатель Главного управления Российского Общества Красного Креста состоящего под Высочайшим покровительством Её Императорского Величества

Государыни Императрицы **Марии Фёдоровны**.

Милостивый Государь

Граф **Владимир Николаевич**.

Вследствие письма Вашего Сиятельства, от 22 ноября за № 10506, имею честь препроводить у сего 33 именные карточки чинов отряда, присовокупляя, что прибавлены один врач и одна сестра милосердия, посему общее число 33. Покорнейше прося заверить эти карточки равно как не отказать в содействии к заверению их Английским посольством и Португальской миссией.

К сemu Главное управление считает долгом присовокупить, что отряд выезжает 28 сего ноября.

Примите уверение в совершенном моём почтении и преданности.

О. Кремер⁴⁴⁶.

Сноски

1> Таким образом, автор подтверждает многочисленные данные о большой «текучке кадров», когда иностранные добровольцы, так же как и буры, под различными предлогами часто переходили из одного отряда в другой. – *Прим. авт.- сост.*

2> Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 38–40.

3> Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 35–36.

4> Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 38.

5> Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 40–41.

6> Цифры потерь среди наших соотечественников, приведённых в этих воспоминаниях неточны, поскольку как и из числа российских офицеров-добровольцев, так и из числа гражданских лиц, к которым принадлежал и Рубанов погибло несколько человек. – *Прим. авт.- сост.*

7> Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 41.

8> Не только африканеры, но и иностранный добровольцы в большинстве своём хорошо относились к нашим соотечественникам. Так неоднократно упоминаемый выше командир итальянского корпуса капитан (по другим сведениям полковник) **Камилло Риччиарди (Рикарди)** в беседе с российским военным представителем капитаном фон **Зигерн-Корном** в августе 1900 г., уже после того как большинство волонтёров разъехались из бурских республик, считая дело африканеров окончательно проигранным, очень высоко отзывался о российских подданных из числа добровольцев: Все относятся с огромным уважением к участию русских в этой войне (*Davidson A, Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, 1998, P. 44.*)

- 9>** Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 42–43.
- 10>** Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 43–44.
- 11>** Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 44–45.
- 12>** Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 46.
- 13>** Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 47–48.
- 14>** Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 49–51.
- 15>** Apollon Davidson, Irina Filatova The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, 1998, P. 104–109.
- 16>** Изъединова С.В. Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 109–111.
- 17>** Новое Время. 20 марта (2 апреля) 1900. № 8643.
- 18>** Русский листок. 28 апреля 1900. № 3745.
- 19>** Новости Дня, 21 марта (3 апреля) 1900. № 6044.
- 20>** Русский листок. 22 апреля 1900. № 3739.
- 21>** Петербургская газета. 22 апреля 1900.
- 22>** Новости Дня, 31 мая (13 июня) 1900. № 6114.
- 23>** Московские ведомости. 25 июля 1900. № 203.
- 24>** Новости Дня, 22 июля (4 августа) 1900. № 6166 (приложение).
- 25>** Лицеприятие – пристрастное отношение к кому или к чему-либо.

26> Русский листок. 26 июля 1900. № 3833.

27> Петербургская газета. 25 июля 1900. № 202.

28> Русский листок. 25 апреля 1900. № 3742.

29> Московские ведомости. 26 апреля 1900. № 114.

30> С такими инициалами в списках офицеров никто не значится. Имеется в виду приведённый выше **Юлиан Лукianович Елец** (ф. 409, оп. 1, послужной список № 80-545/9 от 1895 г.)?

31> Русский листок. 31 июля 1900. № 3838.

32> **Крестовский В.В.** (1840–1895) – русский писатель, автор романа «Петербургские трущобы» (1867), «Панургово стадо» (1869), «Две силы» (1874).

33> **Башкирцева М.К.** (1860–1884) – живописец. Родилась в России. С 1872 г. во Франции. Автор картин, в которых образы порой приобретали заострённо-гротескный характер, смягчённый трепетным, сопереживательным отношением к её модели («Жан и Жак» – 1883 год) (из цикла «Три модели»). Дневник рано умершей от чахотки **Башкирцевой** получил большой общественный резонанс.

34> Петербургская газета. 14 апреля 1900. № 101.

35> Варшавский дневник. 18 апреля (1 мая) 1900. № 106.

36> Вероятно родственник героя Отечественной войны 1812 г. генерал-лейтенанта кавалерии **Якова Петровича Кульниева** (1763–1812).

37> РГВИА, ф. № 409 оп. 1, д. № 80-545/38, лл. 59–72.

38> **Елец** – польский дворянский род, герба Лелива. В Царской

России – дворянский род Киевской, Гродненской и Волынской губерний

39> По материалам Интернета.

40> Мировой суд – до революции суд для разбора мелких гражданских и уголовных дел.

41> И буры и африканцы во время англо-бурской войны много-кратно угоняли друг у друга скот и нередко сильно зверствовали. Так в самом конце войны одно из племён **Свази** (вождь **Сикхобото**) в количестве 300 человек вооружёнными ружьями и ручным холодным оружием под предлогом мести за грабёж скота напало на спавших в пещере 70 буров под руководством фельдкорнета **Потхитера** и убили 56 из них, а над телами надругались. **Зулусы** потеряли при ночном нападении 52 убитыми и 48 ранеными. 14 оставшихся в живых буров обвинили англичан в подстрекательстве **зулусов** к нападению. Это событие ускорило уже начавшиеся к тому времени мирные переговоры между англичанами и бурами, поскольку показало, что война сильно ударила по и без того нищему существованию африканцев и самые воинственные из них готовы резать белых (*Gloete G.P. The Anglo-Boer War A Chronology. Pretoria. 2000. P. 326*).

42> В самом конце ноября 1899 г. ещё в самый разгар побед буров в газете «Новое Время» сообщалось о подобном случае: «В другом письме, посланный одним английским командиром, описывается следующий потрясающий эпизод из битвы при Эландслаагте: «После битвы мы осматривали поля сражений и я подошёл к старому буру с седой, как лунь, бородой; он лежал за большим камнем и опирался на локоть. Сначала я подходил к старику осторожно, но затем я убедился в том, что он еле дышит и не может схватить лежащего близ него ружья. Было очевидно, что он скоро умрёт. Но когда я к нему нагнулся, он заговорил и стал умолять меня разыскать его сына, тринадцатилетнего мальчика, который сражался с ним рядом. Я исполнил его просьбу и в куче раненых отыскал его сынка, но бедный мальчик оказался убитым наповал. Я поднял его труп и снёс отцу. Ты знаешь,

что я не особенно мягкосердечен, но когда старик бросил взгляд на убитого сына, я не выдержал и отвернулся. Он прижал труп ко своему сердцу и стал рыдать так, что мне казалось, что кто-то меня душит. Тут-то только я понял, что за ужасная вещь война».

43> Дистанционная трубка – взрыватель артиллерийского снаряда.

44> Свыше 40% англичан, вызвавшихся стать солдатами, (преимущественно из фабричных рабочих) оказались негодными к службе по состоянию здоровья из-за болезней связанных с недоеданием. Это заставило правительство обратить внимание на бедственное положение самых обездоленных слоёв общества. Существует точка зрения, что именно тогда в Англии впервые в мире обратили внимание на проблему школьного питания. Перевести под государственный контроль приём пищи в учебных заведениях было решено по причине, на первый взгляд никак не связанной со школьным питанием, – стране были нужны здоровые солдаты (по материалам Интернета.)

45> В каждой английской батарее по штату было по шесть орудий.

46> Варшавский дневник. 3 (16) сентября 1900. № 241.

47> Фёдор Иванович Гучков, являвшийся в русско-японскую войну 1904–1905 гг. командиром летучего санитарного отряда отнюдь не погиб на поле брани, как полагает автор **Г. Шубин** (Имеется в виду статья «Хочу отправиться в Южную Африку» опубликованная в № 1 и № 2 Военно-Исторического журнала в 2001 г.) С 1907 г. до своей смерти в 1913 г. **Ф.И. Гучков** был партийным казначеем ЦК Союза 17 октября (Октябристы) и главным редактором (де-факто) газеты «Голос Москвы». Похоронен, по всей видимости, в Москве на Преображенском старообрядческом кладбище (**К.Э. Козубовский** (город Дубна Московской области). Письмо в Военно-Исторический журнал, № 9, 2001 г.) Его могила была разрушена, как и большинство могил Преображенского старообрядческого кладбища, чьи ро-

скошные мраморные надгробные памятники пошли в 1930-е годы на украшение станций первой ветки московского метрополитена.

48> Клеврет – приспешник, приверженец.

49> Лакей (англ.) – слуга. В данном значении – раболепный приспешник, подхалим.

50> Фетр – тонкий плотный войлок, получаемый валкой пуха зайца и кролика, реже – отходов меха пушных зверей ценных пород, применяется для изготовления шляп, беретов.

51> Русский листок. 6 июня 1900. № 3783.

52> Петербургская газета. 8 сентября 1900. № 247.

53> Русский листок. 26 августа 1900. № 3864.

54> Новости дня, 29 октября (11 ноября) 1900. № 6265.

55> Русское слово, 24 сентября 1900. № 265. («Русское слово – либеральная газета. Выходила в Москве в 1895–1917 гг. Редактор – **В.М. Дорошевич**»)

56> Петербургская газета. 13 декабря 1900. № 343.

57> Одесский листок. 2 (15) мая 1901.

58> Русский листок. 25 мая 1901. № 4130.

59> Грибоедов Александр Сергеевич 1795(0) –1829 – русский дипломат, драматург. Автор известной комедии в стихах *Горе от ума* (1824). Посол в Персии после русско-персидской войны 1826–1828 гг. Погиб при нападении разъярённой толпы персов, науськиваемой английскими агентами на русскую миссию в 1829 г.

60> Вето (от латинского *veto* – запрещаю) – запрет, налагаемый одним государственным органом на решения другого органа, препятствующий вступлению этого решения в законную силу. Право вето обычно предоставляется главе государства или Конституционному суду в отношении законопроектов, принятых местным и центральным парламентом.

61> Филистер (нем. *Philister*) – самодовольный мещанин, невежественный обыватель, отличающийся лицемерным, ханжеским поведением.

62> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. «Варшавский военный журнал». 1902 г. № 6. С. 551–566.

63> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия общины Св. Георгия О. фон Баумгартен 1899–1900 СПб., 1901 г. С. 20.

64> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия общины Св. Георгия О. фон Баумгартен 1899–1900 СПб., 1901 г. С. 21.

65> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия общины Св. Георгия О. фон Баумгартен 1899–1900 СПб., 1901 г. С. 26–27.

66> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 280–281.

67> *Рубанов В.* От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 51–52.

68> Мелодия русского дореволюционного гимна «Боже царя храни» отчасти похожа на мелодию государственного гимна Трансваала. Возможно, именно этим русский гимн и привлекал скучавших в полевом лагере буров. – *Прим. авт.- сост.*

69> Новое Время. 5 (18) октября 1900. № 8830.

70> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия общины Св. Георгия О. фон Баумгартен 1899–1900 СПб., 1901 г. С. 24.

71> Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 54–56.

72> Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 57.

73> Башибузук (от тюркского баш – голова и бузук – испорченный, бешеный); 1) так называли солдат нерегулярной конницы в Турции в XVIII–XIX веках; 2) в переносном смысле слова – необузданный, грубый человек, разбойник, головорез.

74> Гёте Йоганн Вольфганг (1749–1832) – один из величайших немецких поэтов и мыслителей. Известен, в частности, поэмой в стихах «Фауст», по праву считающейся одним из величайших шедевров всемирной литературы созданной на основе народной легенды XV–XVI веков о докторе **Фаусте**, который продал душу чёрту в обмен на полноту земного могущества, знания и наслаждения жизни. 1-я часть опубликована в 1808 г. вторая – после смерти поэта в 1832 г. Автор переосмыслил этот образ, при помощи слуги – чёрта придал ему созидательность деятельности и практическое знание.

75> Вакханалия – дикий разгул, оргия. В Древнем Риме – празднества в честь бога **Диониса (Вакха)**, со II века до нашей эры приобретший характер оргий. (**Вакх** у римлян, **Дионис** у греков – бог плодородия, вина и веселья).

76> Мильтон Джон (1608–1674) – английский поэт, публицист и политический деятель.

77> Спенсер Герберт (1820–1903) – английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма.

78> Рескин Джон (1819–1900) – английский писатель, теоретик искусства.

79> Владимир Рубанов так описывает в своей книге события, предшествовавшие вооружённому столкновению с Великобританией, в том числе упоминает и англо-бурскую войну 1880–1881 гг.: В 1867 г. (точнее в 1886 г. – *Прим. авт.-сост.*) было найдено в Трансваале золото, и уже в 1877 г. Англия объявляет Трансвааль своим владением. Буры требуют самостоятельности; **Гладстон** заявляет в парламенте, что Трансвааль приобретён средствами, которые позорят нацию. К несчастью, **Гладстон**, сделавшись министром (премьер-министром), переменил своё мнение и на мольбу буров о независимости ответил, что Англия ни в каком случае не откажется от Трансваала. На этот раз буры решили отчаянно защищать свое... отчество. Возгорелась война. Во главе движения стали горячие патриоты **Крюгер**, **Жубер** и **Преториус**. Война окончилась полным поражением англичан, которые долго будут помнить знаменитую Маюбу. С криком «Маюба» бросались недавно британские войска на позиции буров под Спионскопом и Колензо... Мысль о завладении Трансваалем ни на минуту не покидает британского льва, и он настойчиво готовится почву для новой борьбы. С парламентской трибуны раздаются громкие слова о культурной миссии Англии, о цивилизации; как из рога изобилия сыплются на буров обвинения в косности, в том, что они сидят на золоте и никому его не дают, что они не дают прав иностранцам, назначают высокие арендные платы и тому подобное. Кто же, как ни Англия, мог взять под свою высокую руку все эти богатые земли и капиталистов, жадной толпой хлынувших в Южную Африку в золотую страну Буров? И вот в результате этого покровительства и насаждения культуры – кровопролитная война (*Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 16–18.*).

80> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава. 1902 г. С. 11–14.

81> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава. 1902 г. С. 10.

82> Русский листок. 24 апреля 1900. № 3741.

83> Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 58–59.

84> Изъединова С.В. Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 305–306.

85> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл. 145–146 об.

86> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, л. 41.

87> Семёнов В.Н. (1874–1960) В 1892 г. закончил реальное училище во Владикавказе. В 1898 г. закончил с серебряной медалью Петербургский институт гражданских инженеров. В течение года работал под руководством академика **С. Дмитриева** – архитектора гатчинских дворцов. После возвращения с театра англо-бурской войны, где был ранен, работал в управлении Кавказских минеральных вод. Полтора года работал младшим инженером в Витебской губернии. В июне 1902 г. стал вольнонаемным помощником старшего архитектора КМВ **И. И. Байкова**, занимаясь главным образом курортным строительством на Ессентукской и Пятигорской группах. Участвовал в строительстве ряда казенных сооружений в Ессентуках и дачи Эмира Бухарского на Железных Водах. По его проектам в Пятигорске построены ресторан «Провал», провальские дачи и отель «Бристоль», а также санаторий «Азау» и дачи в Ессентуках, и в Кисловодске, в том числе собственная. В своем творчестве использовал стили модерн и неоренессанс. По семейным обстоятельствам в январе 1909 г. выехал в Англию, где до 1912 г. занимался в Лондоне научным изучением градостроительства. В конце 1912 г. вернулся и с 1913 г. работал с архитектурными проектами связанными с Московско-Казанской железной дорогой. Стал крупнейшим специалистом России и автором первого капитального труда в этой области. По возвращении участвовал в строительстве одного из первых в России «города-сада» – рабочего поселка на станции Прозоровской (ныне Кратово). Был видным советским зодчим, автором проектов перепланировки Астрахани, Сталинграда, Ростова-на-Дону и многих других городов страны. В 1920–1941 гг. преподавал в различных институтах, в том числе в

московском архитектурном институте. С 1923 г – профессор по специальности «градостроительство». Занимался педагогической и научной деятельностью. Преподавал в Московском высшем техническом училище (1920–1930), Вхутемасе (1921–1930) и Московском архитектурном институте (1930–1941). Занимался теоретическими проблемами планировки городов в Академии архитектуры СССР, возглавлял Институт градостроительства. В 1930–1934 гг. – главный архитектор Москвы, а с 1935 г. руководил разработкой генерального плана реконструкции Москвы (утверждён в 1935 г. и в основных чертах действует до сих пор). В 1935–1937 гг. под его руководством составлен проект районной планировки региона кавказских минеральных вод, а также Пятигорска, Кисловодска, Ессентуков и Железноводска. Возглавлял Научно-исследовательский институт градостроительства Академии архитектуры СССР. **Владимиру Николаевичу Семёнову** принадлежит планировка Иркутско-Черемховского района, планировка района Кавказских Минеральных Вод (1933–1936 гг.), генеральный план развития Кисловодска (1936), восстановления и развития Ростова на Дону (в соавторстве) (1944–1945 гг.) По его проекту построен очень красивый театр оперы и балета в Екатеринославле (ныне – Днепропетровск, Украина). **В. Н. Семёнов** знаменит также своими первыми кооперативными домами в Москве: Щетининский пер., 9 (1926), дом рабоче-строительного кооператива «Звено» (1928, 2-й Обыденский пер., 10). **Семёнов** убеждал сталинского наркома (министра) путей сообщения **Л. Кагановича** строить по четыре эскалатора в Московском метро, а не по три, предвидя в будущем увеличение пассажиропотока. Но к его разумному совету не прислушались. И в результате с 2010 г. эскалаторы в московском метро, первоначально на станциях, расположенных на кольцевой линии закрываются на 10 месяцев поочерёдно для замены их с трёх на четыре эскалатора, чтобы справиться с пассажиропотоком. А полная замена эскалаторов (с трёх на четыре) во всём московском метрополитене займет много лет. Он скончался в 1960 г. в Москве в возрасте 86 лет. (по материалам Интернета.) Автор ряда книг, в частности – «Благоустройство городов». М. 1912. (Подробнее о нём см. книгу *Белоусова В.Н. и Смирновой В.Н. «В.Н. Семёнов».* М. 1980.)

88> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, л. 43.

89> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, л. 173.

90> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, л. 175.

91> АВПРИ, ф. 184, оп. 520, д. 865, лл. 66–67.

92> Русские ведомости, 9 декабря 1900. № 335 («Русские ведомости» – одна из крупнейших российских газет. Издавалась в 1863–1918 гг. в Москве. С 1870-х – ведущее издание либерального направления. Среди сотрудников – многие профессора Московского университета. С 1905 г. перешла к кадетам. Закрыта большевистскими властями в марте 1918 г.)

93> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 12, лл. 59, 59 об.

94> Неполномочный – не шибко грамотный проситель имел в виду несовершеннолетнего (в царской России совершеннолетним считались лица достигшие 21 года).

95> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 12, лл. 27.

96> Гамбетта (*Gambetta*) Леон Мишель (1838–1882) – французский политический и государственный деятель. В 1879–1881 гг. – председатель палаты депутатов, в 1881–1882 гг. – премьер-министр и министр иностранных дел Франции. В учебниках новой истории довольно подробно описывается, как в 1871 г. **Леон Гамбетта**, невзирая на смертельную опасность, отправился из осаждённого немцами Парижа на воздушном шаре, дабы поднять народ на сопротивление. (Там при его активном участии были сформированы двенадцать дивизий численностью свыше 200 тысяч бойцов.) Но мало кто знает, что тогда вылетели два шара. Вторым запасся некий **В. Рейнольдс** – торговый агент американской оружейной фирмы «**Ремингтон**». Он заключил выгодный контракт с французским правительством о по-

ставке большой партии ружей в провинцию. Но как доставить финансовые документы начальству? Воздушные шары оправдали возлагавшиеся на них ожидания: и **Гамбетта**, и **Рейнольдс** преодолели германские линии. И если о полёте первого шумел весь мир, то второго знало лишь руководство фирмы (Criminal Times. Оружейный ка-лейдоскоп.)

97> Прячьтесь, или вы свинья.

98> Болгарский офицер **Бузуков**.

99> Женевская конвенция (заключена в 1864 г., пересматривалась в 1906, 1929 и 1949 гг.), предусматривает гуманное обращение с больными и ранеными военнослужащими, попавшими в плен, покровительство и защиту санитарных формирований (транспорт, госпитали, поезд), которые запрещается подвергать обстрелам и бомбардировкам (по материалам Интернета).

100> Винтовка **Ли-Метфорд** имела калибр 7,71 мм (.303 дюйма) (патрон 7,71x56 мм), магазин на 10 патронов. Ей на смену с 1895 г. пришла пятизарядная винтовка **Ли-Эн菲尔д** калибра 7,71 мм. Во времена англо-бурской войны войска Великобритании использовали в основном винтовку **Ли-Метфорд**. Английские офицеры, как и буры, были вооружены десятизарядными пистолетами **Маузер** калибра 7,63 мм (патрон 7,63x25 мм) и шестизарядными револьверами **Веблей** калибра 11,45 мм (.455 дюйма) (патрон 11,45x19,6 мм). – *Прим. ред.- сост.*

101> Индия получит полную государственную независимость от Великобритании только через 48 лет после написания этих строчек – в 1948 г.

102> Канди – город в центральной части острова Цейлон (ныне Шри-Ланка).

103> Имеется в виду опиумные войны. Все забыли опиумные

войны в Китае – и то, что именно Бенгалию (нынешнюю Бангладеш) англичане использовали для производства опиумного мака. Британская КОРОНА была первой организованной преступной группировкой в мире, которая промышляла пиратством, а после захвата Индии и наркоторговлей (опиумными войнами в Китае). Именно королевская семья. Британская королева **Виктория** – это королева бандитов и наркотиков (по материалам Интернета).

104> Адамов Пик на острове Шри-Ланка или гора Шри Пада, 2224 м. над уровнем океана, является местом паломничества, куда десятки тысяч верующих совершают восхождение, чтобы прикоснуться губами к священному отпечатку ступни на вершине горы. Верующие всех четырёх религий считают гору священной. Буддисты называют её Шри Пада («священный след»), считая, что сам **Гаутама Будда** посетил это место. Индуисты утверждают, что отпечаток принадлежит **Шиве**, богу верховному, и называют гору **Шриван Адипатам** («космический танец **Шивы**»). Мусульмане настаивают на том, что здесь **Адам** впервые ступил на землю (Пик Адама или Адамов Пик название, данное португальцами). Христиане верят, что здесь оставил свой след святой **Томас**, христианский апостол, проповедавший в южной Индии. Сезон паломничества начинается в декабре и продолжается до фестиваля Весак (полнолуния в мае). В другое время года гора бесцветна и мрачна, а дожди делают восхождение опасным. Большинство паломников взбираются ночью по ступенькам, освещённым лампами дневного света, не только для того, чтобы припасть к священному следу, но и чтобы на восходе солнца стать свидетелями уникального явления, вызывающего восторг и благоговение. В призрачном тумане тень горы опоясана радужным сиянием и необычные миражи возникают над знаменитым «следом» (по материалам Интернета).

105> *Мария З.* Как я была добровольцем в Трансваале. Киев, 1901. Кто скрывался под псевдонимом **Марии З.**, в точности не установлено. Отечественные исследователи полагают, что это могла быть врача **Ольга Николаевна Попова** (см. её прошение о приёме в санитарный отряд отправлявшийся к бурам). Существование таинствен-

ной **Марии З.** косвенно подтверждает встреча профессора **Аполлона Борисовича Давидсона** со старым буром, преподавателем истории в колледже. Он рассказал легенду, услышанную им от своих знакомых, что среди африканеров во время англо-бурской войны находилась русская женщина в мужском костюме, приехавшая на поиски своего мужа (*Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, 1998, P. 128*).

106> РГВИА, ф. 802, оп. 5, д. 2997, лл. 5–6. (Дело о возвращении в Россию штабс-капитана **Шульженко**, взятого в плен англичанами во время англо-бурской войны. 29 июля 1901 – 3 мая 1903 г.)

107> Тифлис – ныне столица Грузии, город Тбилиси.

108> РГВИА, ф. 409, оп. II, д. 37563 (Тетрадь полных служебных списков обер-офицеров поступивших в 1888 г. в 6-й Понтонный батальон). По некоторым, но пока не подтверждённым в РГВИА данным, **Александр Николаевич Шульженко** погиб в русско-японскую войну 1904–1905 гг. в чине капитана.

109> АВПРИ, ф. 802, оп. 5, д. 2997, лл. 6–8.

110> Русский листок. 25 мая 1901. № 4130.

111> **Плеве В.К.** (1846–1904). Закончил Санкт-Петербургский университет. С 1881 г. директор департамента полиции. С 1899 г. – министр, статс-секретарь по делам Финляндии. С апреля 1902 г. назначен министром внутренних дел и шефом корпуса жандармов. Убит эсером **Сазоновым** в Петербурге в июле 1904 г.

112> АВПРИ, ф. 184 (Посольство в Лондоне), оп. 520, д. 1064, лл. 41–42.

113> РГВИА, ф. 802, оп. 5, д. 2997, л. 11.

114> Почему-то в документах о штабс-капитане **Александре**

Николаевиче Шульженко не говорилось, что он был ранен и после службы в отряде **Терона** продолжил участие в партизанской войне африканеров в составе войск знаменитого бурского генерала **Христиана Девета**. – *Прим. ред.- сост.*

115> АВПРИ, ф. 184 (Посольство в Лондоне), оп. 520, д. 1064, л. 46–48.

116> Приведём и статью о русском консуле в Индии под названием: Первым был **Василий Клемм**. К столетию открытия Генконсульства России в Бомбее Более 40 лет затратило Министерство иностранных дел России на то, чтобы преодолеть упорство английской стороны и открыть представительство в жемчужине Британской короны – Индии... В 1897 г. **Николай II** собственноручно начертал на записке военного министра: Вопросу о консульствах в главнейших городах Индии я придаю большое значение. Российская дипломатия поднатужилась, а на горизонте Англии замаячила тень новой соперницы – Германии, и, наконец, 11 августа 1899 г. **Р.А. Солсбери**, тогдашний глава Форин Офис, передал российскому посланнику в Лондоне **П.М. Лессару** положительный ответ. Занявший в том же году пост вице-короля Индии лорд **Д.Н. Керзон**, известный русофоб, был взбешён! Он телеграфировал государственному секретарю по делам Индии лорду **Д.Ф. Гамильтону**: Мы настаиваем, если ещё не поздно, чтобы российский консул в Бомбее... не именовался генеральным... Российский консул, который уже назначен, является хорошо известным мне человеком по делам Центральной Азии, который, конечно, послан в Бомбей не только для коммерческих целей. Через некоторое время **Василий (Вильгельм) Оскарович фон Клемм** (1861–19??) прибыл в Бомбей. Это была репетиция нашего ответа лорду **Керзону**. **Клемм** был профессионалом высшего класса. Во-первых, он получил востоковедческое образование в Лазаревском институте восточных языков и на учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИДа, куда был впоследствии зачислен на работу. Во-вторых, он прошёл близительную дипломатическую практику сначала как драгоман Политического агентства в Бухаре, а потом как чиновник МИДа для пограничных сношений при начальнике Закаспийской области. Именно по-

этому, ещё не приступив к исполнению обязанностей, он подал до-кладную записку своему непосредственному начальству: При учреж-дении нашего Генерального консульства в Бомбее в личный состав его не была включена должность штатного драгомана... Далее Василий **Оскарович** разъяснял, насколько важно на Востоке владеть местными языками. Его доводы возымели действие, и вскоре после прибытия в Бомбей самого **Клемма** там оказался и **Александр Иванович Выгор-ницкий**, овладевший языком хиндустани (урду) на офицерских курсах в Бухаре (с помощью брошюры Приключения четвёртого дервиша из поэмы Баго-Бахар) и затем отточивший его на практике в Индии. Между тем с берега Аравийского моря в Санкт-Петербург полетело со-общение вице-директору Первого департамента МИДа **Н.Г. Гартви-гу**: Милостивый Государь **Николай Генрихович**! В дополнение к телеграмме моей от сего числа имею честь донести, что, прибыв в Бомбей через Коломбо и Мадрас 9 (22) ноября, открыл в тот же день в этом го-роде Российское Императорское Генеральное консульство. **Василий Иванович** ещё не знал, что за звание генерального последует долгая и упорная пятилетняя борьба. Но и российские дипломаты уже не торопились выдавать экзекватур на открытие британского консульства в Баку. Направления работы **Клемма** в Индии были чётко обрисованы в инструкции за подписью министра иностранных дел графа **В.Н. Ламздорфа**: Основное значение для нас Индии заключается в том, что она представляет собой наиболее уязвимый пункт Великобритании, тот чувствительный нерв её, одно прикосновение к коему, в случае на-добности, способно, быть может, заставить правительство королевы изменить враждебное нам настроение её политики и проявлять желае-мую уступчивость во всех тех вопросах, где будут сталкиваться обояд-ные интересы. **Василий Оскарович**, несмотря на прохладный приём со стороны колониальных властей, принял за работу незамедлитель-но. Круг его интересов был невероятно разнообразен. Он обладал цеп-ким умом и широкой эрудицией, был превосходным аналитиком: от-правляемые им в российский МИД подробные отчёты страноведческо-го, экономического, политического и военного характера до сих пор читаются, как детектив. Он, вникая в производственные и транспорт-ные тонкости, активно содействовал экспорту российских товаров в Индию, заботился о российских подданных на территории Индии (в

том числе о штабс-капитане **А.Н. Шульженко**, сражавшемся на стороне буров в Южной Африке и содержавшемся в пленах в Индии), отправлял семена хинного дерева на Сухумскую опытную станцию и налаживал практическое изучение индийских языков в России, находясь для этих целей толковых преподавателей. Он неустанно бился за корректный образ России в умах туземцев, был на дружеской ноге с индийскими князьями и интеллигенцией, приятельствовал с влиятельным **Л.Д. Фрэзером**, редактором газеты «The Times of India», и – вероятно, это было главным – талантливо занимался разведывательной деятельностью. От его внимания не ускользал ни один из фактов переселокации англо-индийских войск и деятельности английских дипломатов в Афганистане и Тибете – большая игра продолжалась. Британско-Индийская администрация ни на секунду не спускала с **Клемма** глаз. Его прислуга – как канцелярская, так и личная – рапортировала полиции о каждом его шаге, осуществляя хронометраж его контактов (В 9 часов утра господин **Клемм** ушёл из гостевого дома во дворец, и оставался там до 11 часов. Что он делал там – неизвестно), приходящая почта носила следы бесцеремонного вскрытия, на его передвижение по стране англичане практически наложили табу (зато много путешествовал – сопровождая клеммовских детей с их няней – **А.И. Выгорницкий**, чье военное прошлое англичане как-то упустили из виду). Особую ярость у англичан вызывало то, что свою семью **В.О. фон Клемм** поселил в тогда курортном городке Пуне (в 180 километрах от климатически тяжёлого Бомбея), где и сам проводил немало времени. Их негодование было вполне оправданным: Пуна была крупным военным гарнизоном, и туда – на период муссонных дождей – перебирался не только бомбейский губернатор, но и иностранные дипломаты из разных частей Индии. Этим, однако, привлекательность Пуны для **Клемма** не исчерпывалась – именно этот город в начале XX в. был центром уже зародившегося и набиравшего силу индийского национально-освободительного движения, и здесь жил **Бал Гангадхар Тилак**, лидер экстремистского крыла партии Индийский национальный конгресс, выступавшего за изгнание англичан из страны, и редактор двух популярных газет – Махратта (на английском) и Кесри (на языке маратхи). Лорд **Керзон** раздражённо телеграфировал в Лондон: Нельзя ли оказать давление на консула, чтобы семейные дела не мешали

ли ему постоянно пребывать в Бомбее, как всем другим консулам? Англичане действительно хотели избавиться от настойчивого и удачливого **Клемма**, но предпочитали это сделать без дипломатических осложнений. В секретном меморандуме, направленном в Лондон 27 мая 1905 г., посол Великобритании в Санкт-Петербурге предлагал повод: Господин **Клемм** слабого здоровья, он давно получил бы назначение в более подходящее для него место, если бы такое было для него найдено. А слабый здоровьем **Клемм**, не поддавшись даже чуме, бушевавшей в Индии на рубеже двух столетий, проработал в Бомбее до 1906 г. Потом он был Генеральным консулом в Мешхеде (Иран), возглавлял до 1917 г. Третий (Среднеазиатский) политический отдел МИДа, был дипломатическим представителем **Колчака** во Владивостоке. Следы его теряются в Китае. В 1908 г. Петербург поставил вопрос о переводе консульства из Бомбея в Калькутту, поближе к англо-индийскому правительству. Поскольку большая игра продолжалась, британская власть отвела любезным соглашением... в 1910 г., за несколько месяцев до переноса индийской столицы из Калькутты в Дели. А сегодня Генеральное консульство России в Бомбее празднует свой столетний юбилей в новом здании – российский флаг развевается на самом берегу Аравийского моря *Ирина Глушкова*. (Независимая Газета № 193, 12 октября 2000). Азиатский департамент МИД Российской империи ведал всеми политическими делами, касающимися Востока (Османской империи, стран Центральной Азии и Дальнего Востока), а так же сношениями с государствами Востока, российскими дипломатическими представителями в этих государствах, вопросами, связанными с находящимися там русскими подданными стран Востока и России. В ведении этого департамента состояло учебное отделение восточных языков. (Очерки истории Министерства Иностранных дел России. Том первый. 1860–1917 гг. М., Олма-Пресс. С. 393).

117> АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, д. 2123а, 1901 г. лл. 20–20 об.

118> АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, д. 212а, 1901 г. лл. 21, 21 об.

119> Леди – в данном значении – замужняя женщина, принадлежащая к высшему английскому дворянству или супруга британского аристократа или члена палаты лордов.

120> АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, д. 2123а, 1901 г. лл. 18–19.

121> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 12, лл 29, 30.

122> Романов А.М. (1866–1933) – Великий князь, адмирал, руководитель авиации и военного воздухоплавания в действующей армии (1914–1917). В период с 1902 по 1905 гг. руководил Главным управлением мореплавания и портов России, одновременно являлся младшим флагманом Черноморского флота. С 1905 по 1909 гг. проходил службу младшим флагманом Балтийского флота. С 1910 г. принял активное участие в создании и развитии отечественной авиации и воздухоплавания. В феврале 1910 г. по его инициативе при Особом комитете по усилению военного флота на добровольные пожертвования организован Отдел воздушного флота, давший начало формированию, в дальнейшем, Качинской военной школы лётчиков. В октябре 1914 г. назначен заведующим авиационным делом в армиях Юго-Западного фронта. С 23 января 1915 г. по 21 марта 1917 г. являлся руководителем авиации и военного воздухоплавания в действующей армии. В связи с отречением Государя Императора **Николая II** от престола в феврале 1917 г. добровольно подал в отставку. С 1918 г. уехал в эмиграцию.

123> АВПРИ, ф. 184, оп. 520, д. 1064, лл. 5, 5 об.

124> Керзон Джордж Натаниэль (1859–1925). В 1895–1898 гг. – заместитель министра иностранных дел Великобритании. В 1899–1905 гг. – вице-король Индии, подавлял с большой жестокостью всякое проявление индусского национально-освободительного движения. В это время он написал ряд книг: Россия. Центральная Азия и англо-русский вопрос, Персия и персидский вопрос, Проблемы Дальнего

него Востока и др. Позднее, в 1907 г. выступал против заключения англо-русского соглашения. В 1919–1923 гг. – министр иностранных дел. Активно помогал белым во время Гражданской войны в России в 1917–1922 гг. В 1920 и 1923 гг. направлял грозные ультиматумы большевикам, которые их проигнорировали. **Керзон** на посту министра иностранных дел (1915–1924) показал себя непримиримым врагом Советской России, являясь одним из вдохновителей блокады и интервенции. Свою позицию он не изменил и после окончания Гражданской войны в России (по материалам Интернета).

125> АВПРИ, ф. 184 (Посольство в Лондоне), оп. 520, д. 1064, лл. 6–7.

126> АВПРИ, ф. 184 (Посольство в Лондоне), оп. 520, д. 1064, лл. 2–4.

127> АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, д. 2123а, 1901 г. лл 259, 259 об.

128> РГВИА, ф. 802, оп. 5, д. 2797, л. 12.

129> РГВИА, ф. 802, оп. 5, д. 2797, л. 22.

130> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 12, лл. 125–126.

131> Московские ведомости. 8 апреля 1900 г. № 98.

132> Davidson A. Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, 1998, P. 113–122.

133> Багратион-Мухранская (Турнажен) Наталья Николаевна, княжна, 1903–1979; **Багратион-Мухранская Ирина Николаевна**, княжна, 1910–2001, участница французского Сопротивления. (По другим данным у **Багратиона-Мухранского Николая Георгиевича** и его супруги **Анны Александровне Бучкиашви-**

ли, кроме дочерей **Натальи** и **Ирины** были сыновья **Константин** (умер в детстве), **Георгий** (умер в детстве), **Наталья** (1903–1979 Париж, в 1931 г. вышла замуж за **Жана Евгения Мари Виктора Туранжен**), **Русудан** (1905–1986, Тбилиси, замужем за **Иваном Чикваидзе**) **Александр** (1907–1934, Париж) дочь **Русудан** (1905–1986, Тбилиси), **Ирина** (1916–2000, Париж – участница французского сопротивления).

134> Тариэл – герой поэмы **Шота Руставели** «Витязь в тигровой (барсовой) шкуре».

135> Сказочный персонаж – великан.

136> Двухколёсная телега.

137> Литургия – обедня. Обедня (литургия) – церковная служба у православных, совершаемая утром или в первую половину дня.

138> Ираклий II – (1720–1798) – царь Кахетии с 1744 г. и Картли-Кахетинского царства с 1762 г. Заключил в 1783 г. Георгиевский трактат с Россией.

139> Сенные девушки – горничные.

140> Челядь – при крепостном праве и позднее – дворовые слуги помешника.

141> Черкеска – у кавказских горцев, казаков и грузин – узкий длинный каftан, затянутый в талии без ворота и с клинообразным вырезом на груди.

142> Вороной – чёрный (о масти лошадей).

143> Конюх – работник, занятый уходом за лошадьми.

144> Батонисшвили – сын князя.

145> Клирос – место для певчих в христианской церкви на возышении по обеим сторонам перед алтарем.

146> Игуменья – настоятельница.

147> Печение вроде круглых хлебов, но где много масла и сахару.

148> Зурна – струнный музыкальный инструмент

149> Фельдцейхмейстер (от нем. Feldzeugmeister – начальник вооружения), – чин полного генерала в армии Австро-Венгрии до 1918 г. В русской армии XVII – начала XX вв. существовало звание генерал-фельдцейхмейстер.

150> Экзарх – в православной церковной организации – титул главы самостоятельной церкви или отдельной церковной области, а также лицо, носящее этот титул.

151> Георгиевский крест – учреждён **Александром I** в 1807 г. для награждения солдат и унтер-офицеров за доблесть в боях. Кроме солдатского Георгиевского креста 4-х степеней был и орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия четырёх степеней, который был учреждён **Екатериной II** 26 ноября 1769 г. Девиз ордена: «За службу и храбрость». Первая и вторая степени имели большой крест и золотую ромбовидную звезду. Третья и четвёртая степени имели только белый эмалевый крест с московским гербом. На ленте ордена чередовались чёрные и жёлто-оранжевые полосы.

152> Тари – струнный щипковый инструмент.

153> Суло Борото – дословно Злой дух.

154> Во многом благодаря князю **Воронцову** и его преемникам столица Грузии город Тифлис (ныне – Тбилиси) превратился из «зловонной клоаки, полной нечистот» (по словам современников) в кра-

сивейший город, построенный армянскими зодчими и строителями в армянском архитектурном стиле. – *Прим. ред.- сост.*

155> Видимо уреми – арба, песнь аробщика?

156> Уроженцы старого Тбилиси, разносчики фруктов.

157> Наш **Михало** (**Михаил**).

158> **Барятинский Александр Иванович** (1815–1879) – русский генерал-фельдмаршал. Участник Кавказской войны, командир бригады. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. – начальник штаба Кавказского корпуса. В 1858–1860 гг. – главнокомандующий Кавказской армии и наместник царя на Кавказе. С 1860 г. – член Государственного совета.

159> Абхазы – народность, жители Абхазии (область на северо-западе Грузии на побережье Чёрного моря), с 1993 г. Абхазия (как и Южная Осетия) фактически суверенное (хотя и признанное лишь несколькими странами (включая Россию) лишь с 26 августа 2008 г.) государство.

Последняя война на Кавказе [российская военная операция «Принуждение к миру» 8–14 августа 2008 г. проведённая в ответ на попытку Грузии захватить фактически независимую Южную Осетию] пробудила интерес к грузинскому прошлому. Откуда есть пошла Грузия? Так, перефразируя Нестора Летописца, хочется спросить. В наших школах историю Грузии не изучают. А жаль! Это поучительная для любого националиста история народа, окончательно «придуманного» только в советские времена. Начнём с того, что сами грузины себя грузинами не величают, хотя и любят спорить, кто из них настоящий грузин. В обычную человеческую логику это не вписывается. И, тем не менее, это факт. Наименование «грузин» происходит от персидского слова «гюрдж». Так персы называли земляков **Саакашвили** (нынешнего президента Грузии) ещё в Средние века. От них слово перешло в европейские языки. Склонные к самопропагандированию представители гордой кавказской нации, насчитываю-

щей ныне около 3 млн человек, любят утверждать, что международное имя грузин произошло якобы от святого **Георгия Победоносца**. Дескать, все грузины такие же храбрые, как он. Но наука (и филологическая, и военная) пока не подтвердила такое объяснение. Самоназвание грузин – «**картвелеби**» (в множественном числе) и – «**картвели**» (в единственном), а их страны – Сакартвело. То есть, один грузин – это картвели. А два и больше – картвелеби. Прижилось это название от имени центральной провинции Грузии – Картли. Там находится и Тбилиси – столица страны. Как же так получилось, что грузины до сих пор не решили, кто из них подлинный? А дело в том, что сильно пересечённый кавказский рельеф отлично способствует сохранению различных сепаратизмов. Тут удобно защищаться за каждой кочкой. И из-за неё же нападать на ближнего своего. За всю историю Грузии только в XII – первой половине XIII и во второй половине XIV – середине XV веков она была относительно единой. Во все остальные времена на её нынешней территории находилось около десятка независимых государств. С древности, кроме «**картвелеби**» тут существовали и другие племена – **кахетинцы** со столицей в Кутаиси, **имеретинцы**, **мингрельцы**, **гурийцы**, **хевсуры**, **пшавы**, **сваны**: Этот список можно продолжить до бесконечности! Причем, если диалекты **кахетинцев** и **имеретинцев** похожи на официальный грузинский, то **сванский** и **мингрельский** – это абсолютно отдельные языки. Речь свана напоминает тбилисскую куда меньше, чем говор наших **гуцулов** – язык донецких шахтёров. **Сванский** и **мингрельский** языки насчитывают почти 3 тысячи лет. Но в советские и нынешние времена в Грузии их последовательно подавляли во имя единства нации. Поэтому даже не существует их письменной формы – только устная. Но **мингрелов** легко отличить от всех остальных грузин по фамилиям, оканчивающимся на «-ия» или «-иа». **Жвания, Берия, Гамсахурдия – мингрелы**. Время от времени **мингрельский** клан захватывает власть в Тбилиси, словно мстя за своё национальное унижение. Ведь самое древнее из известных истории государств на территории Грузии – Колхида – сложилось именно на земле **мингрельцев**. Сюда плыл древнегреческий герой **Ясон** за золотым руном. Отсюда увёз он домой волшебницу **Медею**. Позже эта часть мингрельской истории была присвоена официальной грузинской пропагандой. Ни одно со-

бытие в грузинской политике нельзя понять без учёта этих запутанных «племенных» взаимоотношений. Свержение первого президента независимой Грузии **Звиада Гамсахурдия** в начале 1990-х было не просто гражданской войной, но и борьбой против преобладания в правящей элите **мингрелов**.

ДАВИД СТРОИТЕЛЬ – ЦАРЬ АБХАЗИИ. До начала XII века на территории будущей Грузии продолжались бесконечные войны всех против всех. Конец этому на некоторое время положил царь **Давид Строитель**. Сейчас он считается грузинским национальным героем. А кем был в реальности, трудно сказать. Происходил **Давид** из династии **Багратионов**. Этот род утверждал, что является прямым наследником знаменитого по Библии израильского царя **Соломона**. На Кавказе любят сказки. Мог ли еврейский царь, исповедовавший иудаизм, стать родоначальником христианского правящего рода? Но пыли в глаза окружающим кавказским народцам **Багратионы** пустили! Первым же точно известным их представителем был некий **Смбат Багратуни**, трудившийся у армянского царя конюшим в конце III века. Вот и решайте, кем они были по корням: **евреями, армянами или грузинами?** Ко времени **Давида Строителя Багратионы**, благодаря родственным связям, унаследовали Абхазию. Территория Картли вместе с городом Тбилиси в этот период вообще находилась в руках **турок-сельджуков**. Большинство населения города составляли мусульмане. А правил ими турецкий эмир. Но **Давиду** очень повезло. Как раз в эти годы русские князья во главе с **Владимиром Мономахом** разбили **полоццев**. Орда их бежала на Кавказ. **Давид** нанял 40 тысяч этих битых кочевников себе на службу и с их помощью в 1122 г. отобрал у турок Тбилиси и перенёс туда свою столицу. Но полным хозяином он там никогда себя не чувствовал и даже запретил любившим свинину **грузинам** приводить свиней в мусульманскую часть города, чтобы не оскорблять религиозные чувства правоверных. Полный титул **Давида Строителя** в конце жизни значился так – царь Абхазии и Картли. КАК **БАГРАТИОНЫ** СТАЛИ МУСУЛЬМАНАМИ И НАРКОМАНАМИ. Эпоху **Давида Строителя** грузины считают великой, хотя она относится к ним, как говорится, боком. Посудите сами: царь – абхазский, войско у него – половецкое. А в результате всё это – грузинская история. Между прочим, правил в Тбилиси **Давид** всего три

года – после этого он умер. Ещё более выдающейся считается эпоха царицы **Тамары** (1184–1213). Если вы побываете в Грузии, местные жители покажут вам в разных местах штук десять могил, якобы принадлежавших этой великой женщине. Просто «переселение тел» какое-то! На самом деле, «величие» Грузии было эфемерным – одно нахальство. Так же, как князьями на Кавказе называли чуть ли не каждого второго, так и царем там мог стать обладатель пары десятков деревень. У нас **Ярослав Мудрый** правил огромной страной от Новгорода до Киева и скромно подписывался князем – всего лишь «герцогом» по западноевропейской терминологии. А **Тамара** – царица! Хотя царство её с трудом можно различить на карте. В XIII веке все, что оставалось от царства **Тамары**, захватили монголы. Потом эти руины завоевал **Тамерлан**, дважды сжигавший Тбилиси. И только в промежутке между этими азиатскими нашествиями – при **Георгии V Блисталельном** (1314–1346) – царство Картли ненадолго воскресло. Но дали знать местные сепаратисты, считавшие, что они, прежде всего, **кахетинцы** или **имеретинцы**, и только потом, возможно, ещё и **грузины**. В 1469 г. Картлийское государство распалось, как писал грузинский историк XVII в. **Вахушти Багратиони**, «на три царства и пять княжеств» – Картлию, Кахетию, Имеретию, Самцхе, Одиши, Гурию, Сванетию и Абхазию. **Вахушти Багратиони** происходил из царского рода. Он хорошо знал повадки своих родственников. По его рассказу, в XVII в. цари Картли выглядели не очень пристойно. Большинство из них правили только по милости персов или турок и втайне от своих подданных принимали мусульманство... Началось всё с царя **Ростома** – ставленника Персии, воцарившегося в 1634 г. По словам **Вахушти**, он «был мусульманином» и «привёл из Персии омусульманившихся пленных грузин, и по их вине распространились среди грузин роскошь, прелюбодеяние, ложь, наслаждение тела, баня персидская, щегольство непристойное, арфисты и певицы мусульманские. И кто не пристрастился к этим делам, их не почитали». Другие правители оказались под стать **Ростому**. Царь **Свimon** во время боя с турками под Гори обкурился гашишем, обпился вином и послал своих воинов за зеленью из сада, говоря: «Неужто не стыдно вам, ибо желаю зелени, вижу глазами и не могу отведать». Битва, начатая полководцем-наркоманом в обстановке такой морально-

бытовой распущенности, естественно, была проиграна вчистую. Ещё один герой того времени – царь **Иесе**, начавший править в 1714 г. как ставленник персидского шаха, «веселился и наслаждался непристойно с юнцами и неподобающими песнями, вместо того, чтобы поступать величественно, отнял жену у **Кайхосро Амираджиба**, дяди матери своей, племянницу бабушки своей, и взял себе в жёны». А когда грузинские епископы стали упрекать царя в непотребстве, **Иесе** ответил: «Подобает мне как мусульманину». В эту эпоху магометанином стал даже **Георгий Саакадзе** – так называемый Великий моурави (правитель) – знаменитый грузинский деятель, о котором в советские времена выходили многотомные неудобочитаемые сочинения. Под 1626 г. **Вахушти** пишет о нём и его соратнике: «Кайхосро и моурави отправились в Стамбул к султану, попросили у него войско, чтобы захватить Картли и там же моурави омусульманился». В результате такой политики разваленная на восемь частей страна не могла защитить себя не только от Турции или Персии, но даже от племени **дэзгин**, регулярно совершивших набеги чуть ли не на все три грузинских царства и пять княжеств одновременно.

«РОБКИЕ ГРУЗИНЫ» В ЧРЕВЕ ИМПЕРИИ. После того, как в 1795 г. персы сожгли Тбилиси, последний царь Картли и Кахети **Георгий XII** завещал своё царство Российской империи. 12 сентября 1801 г. присоединение было официально оформлено манифестом императора **Александра I**. Это отнюдь не означало, что в состав России вошла вся Грузия. «Всей Грузией» **Георгий XII** попросту никогда не владел. В 1804 г. русские войска присоединили к империи царство Имеретию и княжество Мингрелию. В 1809 г. наступил черёд Абхазии. Впервые за долгие столетия все эти земли оказались в составе одного государства. Вместо кучи «царств» Россия образовала две губернии – Тифлисскую и Кутаисскую. Порядка сразу стало больше. Цари, кроме того, что сидел в Петербурге, перевелись. Даже с «родословными» от **Соломона**. Абреки сбежали в горы. Будущая единая Грузия вызрела в чреве Российской империи, до 1917 г. обеспечившей этой стране мир. Кровь за неё в войнах с турками и персами теперь проливали в основном русские и украинцы, служившие в императорской армии. А о боевых качествах местных жителей поэт **Лермонтов**, воевавший на Кавказе, в одной из поэм

отозвался так: «Бежали робкие грузины». До самой Октябрьской революции этнографы писали не о грузинах, а о «грузинских народах», понимая большую разницу между **сванами, картвелами, мингрелами** и прочими племенами. Так же, как теперь пишут о славянских народах, например. Но в 1918 г. грузинские националисты, захватившие власть в Тбилиси, создали миф о единой нации и сразу же стали угнетать нацменьшинства. Тогда же впервые в XX в. вспыхнула резня в Осетии и Абхазии. Тбилиси считал эти земли своими. А местные народы думали иначе. Тем более, что с грузинами они не находились даже в отдалённом родстве. Своё особое мнение на происходящее было и у **мингрелов** – весной 1918 го там тоже вспыхнуло восстание. В феврале 1921 г. Грузию захватила победившая в гражданской войне Красная Армия. Но политика поддержки грузин в пику остальным народам страны продолжилась. СССР не признавал таких национальностей как **сван** или **мингрел**. А в Кремле у этой точки зрения была надёжная крыша, попыхивавшая трубкой, – сам **Иосиф Сталин**. Официально он считался грузином, хотя, кроме грузинских, имел и осетинские корни. Только благодаря ему в составе Грузии, ставшей в 1936 г. союзной республикой, в качестве автономий оказались Абхазия и Южная Осетия... (Грузия – родина удобнопитеков) «Сегодня» (Украина). (ИноСМИ.Ru). 08. 09. 2008.

160> Мегера (разговорное) – злая женщина, по имени богини мщения в греческой мифологии.

161> Искус (церковное) – испытание, проверка чьих – либо качеств.

162> Манатки? Или, наверное аманати – заклад, залог, посылка.

163> Тавсакрави – женская головная повязка.

164> Лечаки – женский головной убор в виде вуали.

165> Удел (устаревшее) – владение, княжество.

166> В 1783 году царь **Ираклий II** был вынужден просить защиты у князя **Потёмкина**, соправителя Екатерины Великой (**Екатерина II**). В период с 1801 по 1810 гг. Российская империя постепенно присоединила в себе все грузинские княжества. В 1918 г. Грузия обрела независимость, но в 1921 г. была захвачена Советскими войсками и присоединена к Советской России. Грузия как одна из 15 республик СССР вышла из состава СССР окончательно лишь в 1989 г. Но две области – Южная Осетия (в 1992 г.) и Абхазия (в 1993 г.) после кровопролитных войн отпали от Грузии и 26 августа 2008 г. после «пятидневной войны» стали международно признанными независимыми государствами.– *Прим. авт.- сост.*

167> Светлейший – обращение к лицам царской фамилии. Сиятельный – обращение к князьям и графам. Таким образом, **Мухранских** понизили из царей в князья. Следует заметить, что Грузия в конце XVIII в. существовала лишь в виде более чем десяти независимых и полунезависимых государств и княжеств (Кахетия, Гурия, Абхазия, Менгrelia, Верхняя Сванетия, Нижняя Сванетия, Триалети, Тори, Имерети, Аджария и др.) со своими мелкими царями и после включения в состав Российской империи (в первой половине XIX в.) лица царских грузинских фамилий получили титул князей. Конечно, для них подобное «понижение» в общественном статусе было очень обидно, но следует помнить, что в результате более чем 1/3 всех князей в Российской империи были грузинами по происхождению и пользовались более чем значительными привилегиями, хотя являлись по происхождению царьками крохотных по размерам царств). – *Прим. авт.- сост.*

168> Чурек – на Кавказе – хлеб в форме большой толстой лепёшки. Может быть, в данном случае имеется в виду хачапури – хлеб с запечённым внутри сыром.

169> Хевсуры – этнографическая группа грузин (горцев), живущих в бассейне реки Хевсурской Арагви, на северо-востоке Грузии. Говорят на одном из горных диалектов Хевсурского языка. Долгое время сохраняли черты традиционной культуры – обычай, одежду,

оружие, многоярусное жилище. Район их проживания в Грузии имеется Хевсуретией.

170> Пшавы – этнографическая группа грузин, проживают в Душетской районе Грузии, в бассейне реки Пшавская Арагви, а также компактными поселениями в некоторых районах Восточной Грузии. Говорят на пшавском диалекте грузинского языка. В прошлом отличались некоторыми местными чертами культуры и быта. Были известны мастерством в изготовлении шерстяных изделий (хурджины, ноговицы).

171> Фибра – в анатомии жилка, волокно. В переносном значении вместе с местоимениями весь, каждый обозначает всё существо человека, совокупность всех сил.

172> Лобио – фасоль (с острой приправой).

173> Мравалжамиер – долгие лета.

174> Азерпеша – серебряная чаша с ручкой.

175> Аллаверды – буквально на здоровье.

176> Пажеский корпус – основан в Санкт-Петербурге в 1759 г. для обучения придворных пажей. С 1802 г. – привилегированное среднее военное заведение типа кадетского корпуса для детей высшей дворянской знати. Готовил преимущественно для службы в гвардии (Интересно отметить, что в конце XIX в. многие его выпускники, в связи с быстрым развитием промышленности предпочитали после выпуска из Пажеского корпуса идти не в военные училища, а в технические высшие учебные заведения с целью сделать карьеру не военного, а гражданского инженера). Пажеский корпус был закрыт в 1917 г. – Прим. ред.- сост.

177> Водянка – болезнь, при которой в полостях и тканях тела скапливается жидкость.

178> Винокурение – производство спирта и водки из хлебных злаков или из картофеля.

179> В данном значении – предмет восхищения, преклонения.

180> Представительство – в данном значении выполнение обязанностей представительства.

181> Митрополит – высшее почётное звание епископа, а также епископ, имеющий это звание.

182> Кокошник – старинный, преимущественно северорусский женский головной убор в виде разукрашенного щитка надо лбом.

183> Александра Фердинандовича Зайн-Витгенштейна-Берлербурга убьёт на дуэли по возвращении на родину в 1901 г. подполковник (трансваальский фехт-генерал) **Евгений Яковлевич Максимов**, с которым князь **Нико Багратиони** позднее пересечётся в Трансваале.

184> Во время давки на Ходынском поле ранним утром 18 мая 1896 г. где должны были раздавать бесплатные гостинцы (узелок с колбасой, пряниками и орехами, включал главный подарок – белую эмалевую коронационную кружку с золотом и гербом) по случаю коронации **Николая II**, даже по явно заниженным официальным данным погибло 1389 человек, и 1300 человек было изувечено. Современники совершенно справедливо усмотрели в этом дурное предзнаменование для царствования **Николая II** «Ходынкой началось – Ходынкой и закончится». (Существует точка зрения, что причиной данной катастрофы являлась проводившаяся за 14 лет до этого, в 1882 г. на Ходынском поле Всероссийская художественно-промышленная выставка после которой так и остались не засыпанными рвы, глубокие канавы и колодцы, а так же окопы, построенные много ранее для учений инженерных войск, их все лишь частично прикрыли досками, провалившимися под тяжестью толпы. Одна из глубоких канав осталась с незапамятных времён, когда из неё брали пе-

сок и глину для строительства домов в Москве. Причём буфеты, из которых предполагалось раздавать дармовое угощение, построили основной линией вдоль канавы со стороны Москвы, откуда и шёл народ.) Тем не менее, на утро после катастрофического столпотворения коронационные бесплатные подарки были розданы под бодрое пение народных хоров и звучание оркестров на построенных эстрадах прямо во время сбора тысяч тел погибших и искалеченных на Ходынском поле и отправки погибших на ближайшее Ваганьковское кладбище, а царь **Николай II** вместе с супругой и придворными отправился на бал по случаю своей коронации к французскому послу. «Царь-батюшка сплясал мазурку на гробах своих подданных» – так метко окрестили его за это современники. (См. репортаж и воспоминания **Владимира Гиляровского** «Катастрофа на ходынском поле». (**Вл. Гиляровский** Т.2. М. 1989. С. 443–446 и **Вл. Гиляровский** Т.2 М. 1989 С. 48–58.)

185> Плеяда – группа выдающихся деятелей одной эпохи, одного направления.

186> По-видимому старший брат князя **Левон Багратиони** к тому времени скончался.

187> Шпиц (устаревшее) – шпиль.

188> Точнее с XVII века.

189> Не совсем так. За время правления **Петра Великого** из-за реформ отягощавших народ всё новыми податями население России сократилось, по меньшей мере, на 20%, включая убежавших к казакам на Дон, в Валахию (Румынию) и в западную Сибирь – *Прим. авт.-сост.*

190> **Мравина Евгения Константиновна** (настоящая фамилия – **Мровинская**) (1864–1914). Русская певица (лирико-колоратурное сопрано). В 1886–1897 гг. – солистка Мариинского театра Санкт-Петербурга (35 партий в различных операх). Скончалась от чахотки.

191> Версаль – город во Франции в 18 километрах к юго-западу от Парижа. В нём находится одноимённый дворец.

192> Дагомея (ныне – Бенин) – государство в центральной Африке.

193> Париж, да и Франция в целом окончательно потерял свой статус «центра вселенной» и «мирового культурного центра» (являлся им по мнению французских историков с 1650 по 1914 гг., хотя в действительности центр управления миром уже с XIX столетия находился в Лондоне) а после Второй мировой войны окончательно уступив пальму первенства Лондону и Нью-Йорку и уже с 1970-х годов XX в. Париж является лишь «очень красивой архитектурной деревней», музеинным центром и известной туристической достопримечательностью, населённой во всё возрастающем количестве неграми, арабами, китайцами и вьетнамцами. Культурное, финансовое и политической влияние же Франции было очень сильно подорвано в мире сначала Первой мировой войной (1914–1918) и окончательно Второй мировой войной (1939–1945) и войнами с движениями за независимость в Индокитае (1950-е) и Алжире (1950-е–начало 1960-х). – *Прим. авт.- сост.*

194> Субretteka – в старинных комедиях и водевилях весёлая плутоватая служанка, обычно поверенная своей госпожи.

195> Фолиант – толстая книга большого формата, обычно старинная.

196> Пергамент – бумага, не пропускающая жиров и влаги. В данном значении – писчий материал из телячьей кожи, распространённый до изобретения бумаги, а также рукопись на таком материале.

197> Манускрипт (от латин. manus – рука и scribo – пишу) – термин, применяемый к античным и средневековым, главным образом западноевропейским рукописным книгам.

198> Птолемей (Ptolemaios) Клавдий (II век нашей эры) древнегреческий учёный – астроном и географ. Жил в основном в Александрии. Разработал так называемую геоцентрическую систему мира, согласно которой всё видимые движения небесных Светил объясняются их движением (зачастую очень сложным) вокруг неподвижной земли. Автор многих работ по астрономии и определению географических координат (Альмагеста и Руководство по географии) с картами и координатами свыше 8000 населённых пунктов (От Атлантического океана до Индокитая и от Скандинавии до берегов Нила).

199> Торвальдсен (Thorvaldsen) Бертель (1768(1770)–1844). Датский скульптор. Один из крупнейших мастеров европейского классицизма XIX в.

200> Канова (Canova) Антонио (1757–1822) – итальянский скульптор. Один из ведущих мастеров европейского классицизма и академизма.

201> Антокольский Марк Матвеевич (Мордух Масытович) (1843–1902) – русский еврей по происхождению, уроженец Прибалтики. Один из величайших скульпторов-монументалистов последней трети XIX в. Закончил Петербургскую академию художеств (у **Н.С. Пименова**). С 1871 г. жил в Италии, а с 1877 г. – в Париже. Автор следующих работ: «Вечерний труд старика», «Пётр I», «Иван Грозный», «Портной», «Скупой», «Ярослав Мудрый», «Ермак», «Нестор-летописец», «Смерть Сократа», «Мефистофель», «Спиноза», «Христианская мученица».

202> Иезуиты – католический монашеский орден, основан в Париже в 1534 г. испанцем **Игнатием Лойолой**.

203> Фивы – крупнейший город Беотии, у **Гомера** – семивратные Фивы. По преданию, основан **Кадмом** после того, как доиндоевропейское население было вытеснено греками (постройка крепости Кадмеи, XIV в. до нашей эры). Фивы – место, тесно связанное со многими древнегреческими легендами (Кадм, Эдип, Антигона, Семеро против Фив). Плодородные земли вокруг города явились

главной причиной появления здесь крупных землевладельцев. В VI в. до нашей эры Объединение беотийских городов с Фивами во главе привело к конфликту с Афинами. Битва у Фермопил с персами, а затем союз со Спартой подтвердили неконструктивную внешнеполитическую линию Фив, причиной чему была развернувшаяся борьба между партиями аристократов и демократов. После изгнания спартанцев из Кадмеи (379 г. до нашей эры) Фивы становятся крупным политическим центром, особенно во время правления **Эпаминонда** и **Пелопида** (371–362 гг. до нашей эры). В 338 г.г. до нашей эры **Филипп** одерживает победу в битве при Херонее, подчиняя себе Фивы. В 335 г. до нашей эры, подавляя мятеж, **Александр Македонский** почти полностью разрушает город; в 316 г. до нашей эры он был возрожден **Кассандром**; в 146 г. до нашей эры перешёл под власть Рима, а при **Сулле** превращается в небольшой город.

204> Царь Эдип – трагедия древнегреческого драматурга **Софокла**, написанная примерно в 429–425 гг. до нашей эры **Софокл** (496–406 до нашей эры), афинский драматург, считающийся наряду с **Эсхилом** и **Эврипидом** одним из трёх величайших трагических поэтов классической древности.

205> Мозамбикский пролив – пролив между островом Мадагаскар и Африкой. Длина около 1670 км, ширина до 925 км, глубина на севере и Юге более 300 м, в средней части около 240 м. Течение в Мозамбикском проливе направлено в основном с севера на юг. Порты: Мозамбик, Бейра, Мадзунга (Мадагаскар).

206> **Френч** был генералом, а фельдмаршалом стал значительно позднее, в 1913 г. В начале англо-бурской войны он находился первоначально в Ледисмите, а не в Йоханнесбурге и успел уехать из Ледисмита с последним поездом в Дурбан прежде чем город был окончательно окружён и блокирован бурами.

207> У буров не было высших учебных заведений.

208> Восстание боксёров произошло много позднее начала англо-бурской войны, в 1900 г. В данном случае воспоминания князя **Нико Багратиони** неточны.

209> Имеется в виду «набег Джемсона» 1895 г.

210> Опять путаница – тут видимо имеется в виду вынужденная продажа Голландией Капской колонии Англии уже захваченной Великобританией в 1806 г.

211> Поль Крюгер не был президентом Трансвааля в 1881 г. а стал им позднее.

212> Тут явная передержка, ибо президент Трансвааля **Крюгер** в отличие от президента Оранжевого Свободного Государства **Стейна** был совершенно необразован и имел весьма и весьма ограниченное мировоззрение, достаточно сказать, что он не верил, что планета земля – это – шар и искренне считал всю землю плоской.

213> Неточность, **Сесил Родс** всю жизнь страдал и умер от сердечной недостаточности и врождённой венерической болезни.

214> Легенда, так нашёл алмазы бур **Ван Никерк** в 1876 г. в районе нынешнего города Йоханнесбурга.

215> Очередные сказки о воцарении короля алмазов и золота **Сесиля Родса**. Он был далеко не в первой волне алмазоискателей, а разбогател не так быстро.

216> Опять неверно – наделавшая много шума телеграмма **Вильгельма II Крюгеру** была послана уже после захвата отряда **Джемсона** в 1896 г. здесь же речь идёт о войне 1880–1881 гг.

217> Трансвааль – не тропики, а страна с преимущественно засушливой луговой растительностью на горном плато. Основная растительность – колючие деревообразные мимозы.

218> Не верно. Сначала английскими войсками в Южной Африке руководил генерал **Редверс Буллер**.

219> Робертс заменит не фельдмаршала **Френча**, а генерала **Буллера** на посту главнокомандующего британскими войсками в Южной Африке, в декабре 1900 г.

220> Нукер – слуга. Видимо **Сапаров**.

221> Дизраэли – Бенджамин Дизраэли, лорд Биконсфилд (1804–1881) – английский государственный деятель и писатель, еврей по национальности. Сын **Айзека Дизраэли** – английского историка и эссеиста. В 13 лет по воле отца **Дизраэли** был крещён (сам отец не крестился). Издавал газету и написал ряд романов. В 1837 г. был избран в палате общин от партии тори. С 1852 г. – министр финансов. Будучи лидером Консервативной партии, он в 1868 и 1874–1889 гг. занимал пост премьер-министра, а в 1852, 1858–1859, 1866–1868 гг. пост министра финансов. В 1876 г. был возведён королевой **Викторией** в звание лорда **Биконсфилда**. Поражение консерваторов на выборах 1880 г. (из-за ряда поражений в войне с **зулусами** 1879 г. и в войне с Афганистаном в 1880 г.) привело к отставке правительства и было концом его политической карьеры **Дизраэли** (Знаменитые евреи... Краткие биографии. М., 1997. С. 187–188).

222> Реверанс (фр. Reverence) – старинная форма глубокого женского поклона с приседанием, проявление почтительности, подобострастия.

223> Книксен – почтительное приседание перед старшим.

224> Лонг-Том и Иосиф Чемберлен – названия бурских и английских дальнобойных орудий большого калибра (155 мм и 120 мм соответственно).

225> Вымысел – пленных английских офицеров буры в Претории не выпускали из места заключения.

226> Название газеты, чьим корреспондентом был **Черчилль** указано верно, плавание занимало из Александрии не менее трёх недель а французские корабли приходили (по данным **Едрихина/Вандама**) в Лоренсу-Маркеш 21-го или 25-го числа (нового стиля) каждого месяца, а немецкие – 2-го или 20-го числа (нового стиля) каждого месяца, следовательно, узнав о начале англо-бурской войны после 11 октября князь не успевал попасть на французский корабль, приходивший в Лоренсу-Маркеш в двадцатых числах октября (учитывая скорость судов в конце XIX века, а также время стоянки в портах и загрузки угольным топливом и к этому следует прибавить время, проведённое им в Александрии и на Мадагаскаре в ожидании подходящего парохода), и появился в Трансваале (учитывая возможные задержки в пути из-за непогоды и препятствия со стороны португальских властей в Лоренсу-Маркеш) не ранее конца ноября – начала декабря 1899 г., как раз в то время, когда **Черчилль** находился в Претории (он попал в плен 15 ноября, а сбежал в ночь с 12 на 13 декабря). Встречался ли с **Багратион** с **Черчиллем** и играл ли с ним в карты как гласит фамильная легенда? Это маловероятно, поскольку к английским пленным, как правило не допускали не только посторонних, но и приехавших для свидания близких родственников. – *Прим. авт.- сост.*

227> Совершенно верно. **Черчилль** из Лоренсо-Маркиш прямыком отправился в Дурбан, где его встретили как героя. Он заслужил славу. И лишь позднее выяснилось, что он должен был бежать из бурского плена вместе с капитаном **Халдейном**, но говоря современным языком «кинул его» и **Халдейн** сбежал через три месяца и в мемуарах сетовал на обман **Черчилля**. Но кто ныне знает о двух книгах мемуаров генерал-майора в отставке **Халдейна** (первую из которых он написал будучи капитаном), разоблачающих **Черчилля**? – практически – никто.

228> Не совсем точно, бурский генерал **Христиан Девет** прославится на весь мир немного позднее.

229> Ни **Девет**, ни его супруга не имели никакого образования, вероятно, тут князь спутал генерала **Девета** с бурским генералом **Смэтсом**.

230> Видимо автор имел в виду убежавших в Англию от ужасов Французской революции французских аристократов, часть из которых так и осела в Великобритании и Ирландии и стала частью английского дворянства.

231> Вильбоа де Марейль начал формировать Иностранный Легион в марте 1900 г. До этого времени князь **Нико Багратиони** провёл несколько месяцев у буров и по данным британской военной разведки принимал участие только в одном сражении, а во втором попал в плен. (Князь **Багратион-Мухранский** участвовал в составе французского отряда в бою при Дрифонтейне (Driefontein) 10 марта 1900 г. и 5 апреля 1900 г. у Босхофа (Boshof). *Barber B.J. A Concise Dictionary of the Boer War. Cape Town 1999. P. 14.*) Почему князь **Багратион-Мухранский** не рассказывал о своём участии в сражении при Дрифонтейне до того, как попал в плен?

232> Вероятно имеется в виду, что **Наполеон Бонапарт** считал генерала **Петра Багратиона** – грузина по происхождению единственным русским военным гением. (По другим сведениям **Наполеон** побаивался лишь двух русских полководцев – **Кутузова** и **Багратиона**.)

233> Неточность – генерал **Китченер** был в 1900 г. как известно, начальником штаба у фельдмаршала **Робертса** и лишь позднее, с ноября (а реально с декабря, после окончательного отъезда **Робертса** в Англию) 1900 г., когда уже вовсю шла партизанская война, а столицы бурских республик – Претория и Блумфонтейн уже давно были захвачены Британскими войсками, стал полноправным главнокомандующим. Здесь имеется в виду назначение генерала **Китченера** в декабре 1899 г. начальником штаба у лорда **Робертса**. Но иностранный легион пытаются под руководством **Вильбоа де Марейля** создать только в марте 1900 г. – *Прим. авт.- сост.*

234> Полковник **Адольф Шиль** писал по этому поводу:

Хотя на фермах жило много **кафров**, однако, в рабочих руках всегда ощущался недостаток. Туземцы предпочитает вносить опреде-

лённую арендную плату за своё жилое помещение и поле и работать на золотых россыпях, нежели возделывать землю владельца.

На золотых россыпях рабочие-кафры не только получают высокую плату, но вместе с тем им представляется масса других случаев заработать деньги.

В прежнее время запрещённая торговля крадеными алмазами велась исключительно при посредстве кафров, хитрость, какую обнаруживали маквамба при краже алмазов, прямо невероятна.

Многие кафры благодаря воровству и торговле крадеными драгоценными камнями, быстро разбогатели.

Раз как-то я хотел прогнать с фермы одного иквамба, жившего в Россбахе (ферме **Адольфа Шиля**), со всеми его домочадцами; он никогда у меня не работал и постоянно уходил на золотые россыпи.

Он предложил мне арендные деньги за свои плодородные сады и просил позволить ему оставаться на ферме.

Я заявил, что мне нужны не столько его деньги, сколько труд его самого и его сыновней. «Да», сказал он, «я охотно работал бы у тебя, но на золотых россыпях я зарабатываю гораздо больше, нежели ты платишь!»

«Сколько ты имеешь в месяц? – спросил я.

Я служу надзирателем в Compound'e [огороженное пространство при россыпях, где находятся жилища рабочих]. Я получаю жалования 4 фунта стерлингов в месяц и, кроме того, много зарабатываю торговлей водкой (которая по закону строго запрещена). Часто мне удаётся забрать деньги у пьяного кафра».

«Но какова наибольшая сумма твоих заработков на золотых россыпях?»

«Более 30 фунтов в месяц я ещё ни разу не заработал», – ответил этот честный малый, «но зато ни разу не имел и меньше 15 фунтов».

Сельскому рабочему далеко до таких заработков!... (Двадцать три года под солнцем и среди бурь Южной Африке **Адольфа Шиля**, бывшего обер-команданта корпуса германских волонтёров в Южно-Африканской Республике, СПб., Выпуск третий, 1903 г. С. 216–217).

235> По другим данным полковник **Вильбоа-Де-Марейль** слабо знал английский язык.

236> Квакеры (трясуны) – члены христианской религиозной секты (в Англии, США), отвергающей церковные обряды.

237> Два вышеприведённых абзаца, как и некоторые другие полностью заимствованы из газетных сообщений о событиях англо-бурской войны за 1901–1902 гг.

238> Опять прямые цитаты из газетных сообщений.

239> Цифра денежных затрат Великобритании завышена в 10–12 раз.

240> Всё перепутано – тут говорится о событиях в первые два месяца войны и о гибели командира шотландской «Чёрной стражи» генерала **Уочопа** (**Вочопа**). А многие из предыдущих абзацев также являются переложением газетных статей и ежедневных сводок с войны.

241> Генерал **Метьюон** попал в плен **Деларею** в 1902 г. незадолго до окончания войны.

242> Вновь «смесь бульдога с носорогом» – отрывочные сведения об англо-бурской войне отстоящие друг от друга по времени более чем на два года.

243> Блокгаузы будут введены **Китченером** значительно позднее, тут, уже в который раз, одно предложение повествует о середине боевых действий, другое о начале, третье о завершении, а затем они вновь меняются местами, словно в калейдоскопе.

244> Опять воспоминания князя **Багратиона** об участии в войне, напоминают «бред сивой кобылы» – то речь идёт о конце англо-бурской войны, то вдруг о её начале и приплетаются другие события войны. И этот «бред собачий» дважды переводился на грузинский язык как «ценные воспоминания очевидца»? Кроме зарисовок о быте буров и о стране, почти всё остальное написанное о войне – жутчай-

шая ахинея, а вернее запомненные родными его сильно приукрашенные устные рассказы, где перемешано всё в кучу, да так, что кроме вымысла и концов не найти. И теперь в Интернете всерьёз пишут полнейшую чушь о том, что князь **Нико Багратиони** был произведён бурами в полковники (команданты) и стал одним из виднейших добровольцев. – *Прим. авт.- сост.*

245> Точнее лишь небольшая часть Капских буров открыто присоединилась к восстанию, но многие из них, оставшихся формально нейтральными горячо сочувствовали и помогали бурским партизанам, чем могли.

246> Событие безбожно перепутано с десятидневным «сидением» **Кронье** в Паардеберге в феврале 1900 г. (начало осады 17 (18) февраля и сдача отряда **Кронье** 27 февраля), в котором отряд **Вильбоа де Марейля**, в котором служил **Нико Багратиони**, не участвовал. В бою при Босгофе, где и погиб трансваальский генерал **Вильбоа де Марейль** и погибло со стороны добровольцев 12 человек (по другим сведениям – 8 человек) и 3 со стороны англичан, а само это сражение произошло 5 апреля 1900 г. – *Прим. авт.- сост.*

247> Не совсем понятно – генерал **Кронье** скончался через пять лет после окончания англо-бурской войны. Ко времени сражения у Босгофа он уже без малого полтора месяца находился в английском плену.

248> Князь **Нико Багратиони** попал в плен не позднее чем через шесть месяцев после своего прибытия к бурам. Но скорее всего он был в бурских республиках не более четырёх месяцев. – *Прим. авт.- сост.*

249> Англичане запустили в средствах массовой информации легенду, что **Нико Багратиони** был правнуком великого русского полководца – грузина по происхождению генерала **Петра Багратиона**, именно этим и объясняется «раскрутка» его имени и многочисленные статьи о нём. Впрочем, благодаря этому обстоятельству князя

Багратиона (Багратиони) не забыли, в отличие от по меньшей мере 150 русских подданных, участниках тех событий на стороне буров, чьи имена так и остались навсегда в забвении. – *Прим. авт.- сост.*

250> Явная передержка – концлагеря появились лишь много месяцев спустя.

251> Видимо, англичане расстреляли часть Капских африканеров – английских подданных из отряда **Кронье**, или это позднейший вымысел вдовы князя **Багратиона**.

252> Распутин (настоящая фамилия **Новых**, позднее **Новый**) **Григорий Ефимович** (1864) 1865 – по другим данным 1872–1916) – крестьянин Тобольской губернии, ныне – Тюменская область, бывший конокрад и вор, активный член запрещённой секты хлыстов или бичевальщиков (практиковавших после многочасовых молитв пляски до состояния транса и завершавшиеся массовыми оргиями и свальным грехом, что являлось по их учению «снисхождением божьей благодати»), получивший известность прорицаниями и исцелениями. Обладал очень большой силой внушения, исцеления и гипноза. Оказывая помощь больному гемофилией (несвёртываемостью крови) наследнику престола царевичу **Алексею Николаевичу Романову**, и действуя через своих любовниц приобрёл (особенно с началом в 1914 г. Первой мировой войны) неограниченное доверие психически неадекватной **Императрицы Александры Фёдоровны** и находившегося у неё под кабуком Императора **Николая II**. Активно вмешивался в государственные дела (он настоял на назначении трёх председателей Совета Министров и более 20 министров), принёс неисчислимый до сих пор вред России (к примеру, в 1915 г. во время тяжёлых военных поражений Русской армии убедил царя не призывать на военную службу до поздней осени – времени сбора урожая ратников второго разряда – чтобы избежать службы в армии сына **Распутина**, и именно по настоянию **Григория Распутина** в начале 1914 г. вместо **Николая Коковцова** был назначен министром финансов бывший директор Волжско-Камского банка **Пётр Барк**. Ещё до начала Первой мировой войны во многом по настоянию **Распутина** в стране

был введён сухой закон, но это привело к самогоноварению, а государственный бюджет потерял почти четверть всех доходов, так как ещё ранее была установлена винная монополия [впрочем часть запасов спирта из России были в начале Первой мировой войны направлены морем во Францию для изготовления бездымного пороха]. Эти финансовые потери и огромные расходы на войну и крайне неумелое управление развалили финансовую систему а затем и саму Российскую империю. Некоторые современные отечественные историки превозносят **Распутина** – дескать лишь он один мог бы помочь Российской империи заключить сепаратный (отдельный от Антанты) мир с Кайзеровской Германией и Австро-Венгрией. **Распутин** настоял на проведении сражения 19/25 июня 1916 г. между русской армией и австро-германской группой войск для наступления на Барановичи (где лес был продан одним русскоязычным петербургским еврейским воротилой-банкиром другому петербургскому банкиру-иудею ещё не звшему, что Барановичи уже были захвачены немцами и последний потребовал через **Распутина**, чтобы лес купленный на вырубку освободили, **Распутин** и настоял перед **Николаем II** о необходимости наступления имени на Барановичи). После пяти дней ожесточённых и кровопролитных боёв, в которых русские войска понесли огромные потери (80 тыс чел), русские войска прекратили наступательные действия. Урон австро-немецких войск составил 13 тыс чел. **Распутин** был убит в самом конце 1916 г. (по новому исчислению) заговорщиками (**Владимир Пуришкевич**, князь **Феликс Юсупов**, двоюродный брат царя – Великий князь **Дмитрий Павлович Романов**, капитан гвардии **Сухотин**, военный врач **Лазаверт**), совершенно справедливо считавшими влияние **Распутина** при дворе крайне гибельным для монархии. Известно, что убийцы **Распутина** позднее открыто писали, что «Святой старец **Григорий**» являлся прямым подручным **Сатаны** или самим **Сатаной** и никакие широкие жесты – раздача им милостыни всем нуждающимся и на строительство общежитий студентам (из денег полученных ранее в качестве взяток за проталкивание нужных решений и утверждения прошений о помилования и пр.), что приводило к умилению им в простом крестьянской народе (за исключением крестьян его родного села Покровское в тюменской губернии хорошо знавших его как варнака, вора, подлеца, негодяя,

конокрада, хлыста-распутника и пьяницу и наотрез отказывавших взять от него деньги на строительство новой церкви) (и страшно не-навидимом в действующей армии и в среде промышленных рабочих Петербурга) не в состоянии скрыть его сущность «Святого Чёрта». Что же касается выдачи **Распутиным** Российских государственных тайн кайзеровской Германии, то это спорный вопрос, однако доказано, важные государственные сведения из окружения «**старца Григория**» достигали Берлина (в его окружении были немецкие агенты). О **Распутине** авторы рекомендуют прочитать книгу **Валентина Пикуля** «Нечистая сила» и в особенности воспоминания **Степана Белецкого** «Григорий Распутин», мемуары **Юсупова** «Князь Феликс Юсупов. Мемуары». М. 2004, «Князь Феликс Юсупов. Гибель Распутина. Воспоминания». М. 1990 и книгу воспоминаний **Сергея Труфанова (Илиодора)** «Святой Чёрт. Тайна Григория Распутина». М. 1991, а также изданные документальные материалы жандармского управления, следившего за двойной жизнью **Распутина** в книге «Падение Царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной Следственной комиссией Временного правительства». Л. 1924. (Переиздавалось позднее). Следует однако, подчеркнуть, что сам ныне так называемый «**праведник земли Русской** **Григорий Ефимович Новых-Распутин**» и его огромное влияние на психически безнадёжно больную императрицу **Александру Фёдоровну** и слабовольного царя **Николая II** были не причиной, а лишь прямым следствием разложения полностью политически и экономически изжившего себя Самодержавия в России. Так известный поэт **Валерий Брюсов** довольно язвительно писал по этому поводу в стихотворении «Орёл двуглавый»:

Бывало, клёкотом тревожа целый мир,
И ясно озарён неугасимой славой,
С полуночной скалы взлетал в эфир
            Орёл двуглавый.
Перун Юпитера в своих когтях он нёс
И сеял вокруг себя губительные громы,
Бросая на врагов, в час беспощадных гроз,
            Огней изломы.
Но с диким кобчиком, за лакомый кусок

Поспорив у моря, вступил он бой без чести,
И, клюнутый в крыло, угрюм, уныл и строг,
Сел на насесте.

Пусть рана зажила, – всё помня о былом,
Он со скалы своей взлетать не смеет в долы,
Лиши подозрительно бросает взор кругом,
Страшась крамолы.

Пусть снова бой идёт за реки, за моря,
На ловлю пусть летят опять цари пернатых;
Предпочитает он, чем в бой вступать, – царя,
Сидеть в палатах.

Но, чтоб не растерять остаток прежних сил,
Порой подъёмлет он Перун свой, как бывало...
И грозной молнией уж сколько поразил

Он птицы малой!
И сколько вокруг себя он разогнал друзей,
Посмевших перед ним свободно молвить слово:
Теперь его завет один: Дави и бей

Всё то, что ново!
Бывало, пестунов он выбирать умел,
Когда он замышлял опять полёт гигантский,
Потёмкин был при нём, Державин славу пел,
Служил Сперанский.

Но пустота теперь на северной скале;
Крыло орла висит и взор орлиный смутен,
А служит птичником при стихнувшем орле
Теперь Распутин.

10 июля 1914 г.

Любопытно отметить, что ныне русская православная церковь всячески затушёвывает мерзкое и крайне пагубное влияние **Григория Распутина** на Российскую империю и преподносит его как «слегка подзаблудшую крестьянскую душу» и чуть ни не как «истинного христианина», «старца» или «великого русского юродивого». Даже сняты сериалы прославляющие этого варнака и конокрада. Возможно эта попытка «обелить чёрного кобеля» вызвана тем обстоятельством, что **Григорий Распутин** активно вмешивался в дела

Русской православной церкви, в частности, настоял на назначении обер-прокурором Святейшего Синода своего протеже еврея **Саблера** и многих высших иерархов православной церкви, что привело многих нормальных людей в ярость, поскольку ставил он на высшие посты в церкви монахов «нетрадиционной ориентации», иными словами извращенцев-содомитов, к которым (по непонятным причинам) благоволила царица. А поскольку большинство нынешних высших монахов-иерархов православной церкви также являются извращенцами и прямыми или косвенными агентами государственный спецслужб (которые и продвигают по церковной иерархии откровенных содомитов, чтобы легче управлять ими), то руководители церкви и покрывает **Распутина**, иначе налицо прямые и весьма неприятные сравнения нынешнего состояния русской православной церкви (страшной ненависти обычных женатых приходских священников, искренне и усердно окормляющих свою паству, к правящей полностью проворовавшейся церковной верхушке состоящей лишь из «монашествующих», скупленных на корню государственной бюрократией и крупными предпринимателями или заработавших на налоговых послаблениях значительные и незаконные прибыли вроде нынешнего Патриарха **Кирилла** называемого за глаза «вино-водочным» и «сигаретным» патриархом и «старым стукачом») и состояния Православной церкви в канун февральской (мартовской) революции 1917 г. –
Прим. авт.-сост.

253> Принято считать, что броненосный крейсер «Хемпшир» подорвался на немецкой морской мине, скрытно поставленной германской подводной лодкой U-75 у северного побережья Великобритании. По другим сведениям именно данная подводная лодка торпедировала крейсер.

254> Червонное (красное) золото – имеется в виду золото высшей 999-й пробы.

255> То есть подтверждается, что князь **Багратион-Мухранский** был взят в плен не с отрядом **Кронье**, а с частью Иностранного Легиона – отрядом генерала графа **Вильбоа де Марейля** под Босгофом.

256> Неточность – князь **Нико Багратиони** не мог быть в бурских республиках до того как попал в плен более шести месяцев (а скорее всего – четыре-пять месяцев), поскольку от Александрии как уже говорилось, было не менее трёх-четырёх недель пути на пароходе до Лоренсу-Маркеша, следовательно он прибыл в столицу Трансваала город Преторию не ранее середины или даже – в конце ноября, а скорее всего – в декабре 1899 г. или в январе 1900 г. – *Прим. авт.-сост.*

257> Тюфяк – мешок, набитый соломой, сеном и тому подобным, служащий постелью.

258> К сожалению никто из родственников князя **Багратиони**, грузинских или российских исследователей или эмигрантов не пытался разыскать конфискованные англичанами дневники князя, да и других русских подданных, попавших в английский плен, в Британских архивах, в частности, в архиве англо-бурской войны в городе Бристоль.

В своём частном письме профессору **Дэвидсону, Наталия Николаевна Багратион-Туранжен** писала, что в эмиграции была знакома с **Петром Половцевым**, который был добровольцем в англо-бурскую войну 1899–1902 гг.. Но, в газетах начала века авторам встретилась заметка о 10 – летнем мальчике по фамилии **Половцов** (не **Петр**), который читал публичную лекцию о волнавших многих тогда событиях на театре англо-бурской войны, поэтому без наличия других свидетельств ныне трудно судить – был ли такой доброволец или нет? Тем более что **Петра Половцева** среди списков офицеров в РГВИА нет. Хотя не исключено, что мадам **Багратион-Туранжен** могла за давностью лет просто запамятовать. – *Прим. авт.-сост.*

259> Бой части иностранного легиона во главе с графом **Вильбоа-де-Марейлем** (**Вильбуа де Марейлем**), окружённый англичанами под командованием генерала **Метьюна** 5 апреля 1900 г. у Бошофа длился по различным данным от двух до четырёх часов, тут данное событие опять перепутано с десятидневной осадой (18–27 февраля 1900 г.) и капитуляцией бурского генерала **Кронье**.

260> Не спутал ли князь **Нико Багратиони** коменданта острова и пленного бурского полковника **Адольфа Шиля**?

261> Постановлением Святейшего Синода (семи его руководителей) граф **Лев Николаевич Толстой** 22 февраля 1901 г. «за противохристианское и противоцерковное лжеучение» был отлучён от церкви. Как было сказано в определении «новый лжеучитель, граф **Лев Толстой**... в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его... явно пред всеми отрёкся от... Церкви Православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей Веры Отеческой, Веры Православной... Он проповедует с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской, отвергает личного живого Бога, во Святой Троице Славимого, Создателя и Промыслителя Вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа – Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира... отвергает все таинства Церкви и благодатное в них действие Святого Духа... Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом. Посему Церковь не считает его своим членом...» «Церковные ведомости», № 8, 24 февраля 1901 г. В ответ Синоду граф **Толстой**, который ненавидел церковные обряды [православной церкви хотя и верил в Бога] написал: «И я убедился, что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства...» (Цит. по: А.Н. Толстой в портретах, иллюстрациях, документах. М. 1956).

262> Лютер Мартин (1483–1546), основатель лютеранства, известный германский деятель Реформации.

263> Анфилада – длинный сквозной ряд комнат в общественных зданиях, дворцах.

264> Корнель (Corneille) Пьер (1606–1684) – французский драматург, представитель классицизма.

265> Руссо Жан Жак (1712–1778) – французский писатель и фи-

лософ. Представитель сентиментализма. С позиций деизма осуждал официальную церковь и религиозную нетерпимость, выступал против общественного неравенства, основ существующей власти и права. **Руссо** идеализировал естественное состояние всеобщего равенства и свободы людей, разрушенное введением частной собственности. Государство по его мнению может возникнуть только в результате договора свободных людей Общественный договор. Идеи **Руссо** (руссоизм) – культ природы и естественности, критика городской культуры и цивилизации, искажающих изначально непорочного человека.

266> Дидро (Diderot) Дени (1713–1784) – французский философ – просветитель, писатель. Основатель и редактор Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел (T.1–35, 1751–1780). В философских произведениях Письмо о слепых в назидание зрячим, 1749; Мысли об объяснении природы, 1754; Сон Д.Аламбера, 1769, издано в 1830; Философские принципы материи и движения, 1770, издание 1798), будучи сторонником просвещённой монархии, выступил с непримиримой критикой абсолютизма, христианской религии и церкви, отстаивал (опираясь на сенсуализм) материалистические идеи. Автор литературных произведений.

267> Д'Аламбер (Даламбер) (D'Alembert) Жан Лерон (1717–1783) – французский математик, механик и философ – просветитель. В 1751–1757 гг. вместе с **Д. Дидро** редактор Энциклопедии. Сформулировал правила составления дифференциальных уравнений движения материальных систем. Обосновал теорию возмущения планет. Труды по математическому анализу, теории дифференцированных уравнений, теории рядов, алгебре.

268> Малый Трианон – королевский дворец в Версале со множеством скульптурных групп, олицетворявших идиллию сельской жизни. Сооружён в 60-х гг. XVIII века.

269> Мария-Антуанетта (1755–1793) – королева Франции, жена **Людовика XVI**. Австрийка по происхождению. Казнена после Французской революции.

270> Князь **Багратион** был заключён под стражу на неделю из-за бюрократической ошибки – военный министр **Куропаткин** почему-то решил, что князь – военнослужащий, участвовавший в англо-бурской войне без надлежащего разрешения, хотя **Нико Багратиони** никогда не служил в армии. – *Прим. авт.-сост.*

271> Неточность – **Христиан Девет** был сравнительно быстро освобождён из тюрьмы после участия в вооружённом восстании в 1914 г. и умер в 1922 г. Князь **Багратиони** вероятно спутал его судьбу с судьбой случайно застреленного шальной пулей в самом начале бурского вооружённого восстания 1914 г. генерала **Якоба Деларея**. – *Прим. авт.-сост.*

272> *Нико Багратион у буров.* Машинопись. 109 С. Личный архив профессора **А.Б. Давидсона**.

273> *Kandyba-Foxcroft E. Russia and the Anglo-Boer War, 1899–1902 г.* Rodepoort, 1981, P. 355.

274> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 12, лл. 132, 132 об.

275> Англичанин **Томас Кук**, баптистский пастор, сегодня признанный основоположником современного туризма, первым понял сущность и выгодность организованных массовых перемещений путешественников и основал в 1841 г. туристическое агентство **«Томас Кук и сын»** и в 1843 г. организовал первый железнодорожный тур для своей паствы (делал он это чтобы отвлечь их от употребления спиртных напитков). Стал применять именные дорожные чеки, то есть безопасные деньги. Успех сопутствовал пастору. И в 1851 г. он организовал участие англичан со всех провинций страны в международной выставке в Париже. Ему удалось единовременно привезти на выставку 165 тыс посетителей. Выставочные туры оказались выгодными, и **Кук** был организатором массового посещения туристами из Англии Всемирной выставки в Париже в 1855 г. С 1856 г. путешествия по Европе стали регулярными, создано туристское **агентство**

Кука и множество филиалов. О фантастическом успехе туристской компании свидетельствует тот факт, что клиентами фирмы «**Томас Кук**» в 1870 г. уже стали 500 тыс англичан. Регулярное пароходное сообщение между европейским и американским континентами было открыто в 1832 г., и в 1866 г. **Кук** направляет в США первые две группы туристов. Туры были продолжительные и длились до 5 месяцев. С 1868 г. он организовывал паломничества на Святую землю. **Томас Кук** первым предложил кругосветное путешествие всем желающим в 1872 г. Первые 20 путешественников совершили кругосветный тур за 220 дней. **Томас Кук** умер в 1892 г., его дело продолжили сын и компаньоны, а с конца 1920-х годов фирма без изменения названия перешла в руки ассоциации предпринимателей. Компания существенно расширила ареал деятельности, став крупным финансовым институтом. Сегодня компания «**Томас Кук**» владеет 12 000 туристских агентств во многих странах мира и обслуживает 20 млн туристов (по материалам Интернета).

276> АВПРИ, ф. 184 (Посольство в Лондоне), оп. 520, д. 1064, лл 58–59 об.

277> *Kandyba-Foxcroft E. Russia and the Anglo-Boer War, 1899–1902* г. Rodepoort, 1981, P. 219.

278> *Kandyba-Foxcroft E. Russia and the Anglo-Boer War, 1899–1902* г. Rodepoort, 1981, P. 219.

279> *Kandyba-Foxcroft E. Russia and the Anglo-Boer War, 1899–1902* г. Rodepoort, 1981, P. 219.

280> Подробнее смотрите в повести **Константина Паустовского** «Далёкие годы» главу о его дяде **Юзе – Иосифе Григорьевиче Высоцанском**.

281> *Davidson A. Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War.* Cape Town, 1998, P. 59–60.

282> Пристав – в царской России начальник небольшого административного района, участковый или частный пристав. Судебный пристав – судебный исполнитель.

Высочанский Николай Григорьевич, (видимо, его сын) родился 2 января 1874 г. Закончил Владимирско-Киевский кадетский корпус.

вступил в службу – 1892 г.

подпоручик – 1893 г.

поручик – 1894 г.

штабс-капитан – 1900 г.

капитан – 1904 г. (служил по гвардейской лёгкой артиллерии, среди прочих должностей по службе был начальником мастерской брянского арсенала (Список полковников по старшинству, СПб., 1914 г.)

Далее о его печальной судьбе сказано следующее:

Высочанский Николай Григорьевич. 1874 г. рождения, уроженец села Смена Черкасского уезда Киевской губернии. Украинец. Беспартийный. Член правления оружейно-арсенального треста Главного военно-промышленного управления СССР. Проживал в Москве. Был арестован 26 марта 1929 г. по обвинению в связях с иностранными агентами. Расстрелян 21 октября 1929 г. Реабилитирован 16 января 1989 г. (Расстрельные списки. М. 1996 г.)

283> РГВИА, ф. 400, оп. 17, д. 10063, лл. 153.

284> Эссен Н.О. (1860–1915) – адмирал, выдающийся русский флотоводец, ученик **С.О. Макарова**. Участник русско-японской войны. Затем служил на кораблях Тихого океана и Средиземного моря. С 1908 г. – командующий Балтийским флотом. Сыграл большую роль в усилении боеспособности русского флота, нанёсшего крупные потери германскому флоту в Перовую мировую войну. На Балтике во многом благодаря умелой постановке морских мин по приказу адмирала **Эссена**, который он отдал не дожидаясь приказа военного министра **Сухомлинова** и **Николая II** (в устье Финского залива 8 линий минных заграждений, прикрывавшихся береговыми батареями, а затем мин, скрытно поставленных у основных портов противника), потери

флота Кайзеровской Германии превысили потери флота Российской империи в боевых кораблях в 3,5 раза, а в транспортных судах – в 5,2 раза) (по материалам Интернета).

285> Роман «Странный генерал» можно свободно прочитать в сети Интернет.

286> В биографии **Николая Евграфовича Попова** был такой примечательный эпизод. В 1908 г. **Попов** вызвал на дуэль влиятельного политика **П.Н. Милюкова** за клевету. Убоявшись поединка с метким африканским стрелком, **Павел Николаевич (Милюков)** счёл за лучшее обратиться в суд, который приговорил **Н.Е. Попова** к полугодичному заключению. Находясь за решёткой и просматривая имевшуюся в тюремной библиотеке литературу по авиации, **Попов** нашёл своё новое призвание (**К.Э. Козубовский** (город Дубна Московской области). Письмо в Военно-исторический журнал, № 9, 2001.)

287> Скромная могила у стены, мемориальная доска. Взлёт и падение – жизнь **Николая Попова** уместилась в этих двух, казалось бы, затёртых словах. Купеческий сынок с дипломом агронома пробивается в экипаж дирижабля «**Америка II**» (эта попытка достичь Северного полюса закончилась неудачей). Он корреспондент на фронтах русско-японской и даже англо-бурской войны. Безоглядно заботлив воздухом и становится вторым после **М. Ефимова** русским, прошедшим подготовку у **Фармана** под Реймсом. Взлет в Каннах – беспосадочный перелет к Леренским островам и обратно, мировой рекорд высоты – 207 метров. Русскую группу поддержки возглавляет великая княгиня **Анастасия Михайловна Романовна**, внучка **Николая I**. В том же 1910 году в Петербурге – 600 метров над землей и рекордное время пребывания в воздухе – 2 часа 4 минуты! **Блерио**, с его 24 минутами над Ла-Маншем, отдыхает. Русскийaviатор № 2 стал № 1 в мире. За взлётом – падение. Во время испытаний «**Рай-та**» отказал двигатель. Полученныеувечья закрывают дорогу в небо навсегда. Великая княгиня шефствовала тогда над Всероссийским императорским аэроклубом, да и лично симпатизировала герою. Рекрутируются лучшие врачи, она назначает **Николая Евграфовича**

Попова камергером двора, хотя жила в Эзе на уединённой вилле, и двор там не держала. Это была материальная поддержка, оказанная в деликатной форме. Экс-чемпион получил возможность жить и лечиться на Французской Ривьере. Издал книгу «Война и лёт воинов», весь доход перечислил на призы за будущие русские рекорды в воздухе (по материалам Интернета).

288> Различные источники называют четыре разных фамилии первых отечественных пилотов. Видимо, первыми русскими лётчиками были **Михаил Никифорович Ефимов** (1881–1919) – диплом № 31 за 15 января 1910 г., **Николай Евграфович Попов** (1878–1929) – диплом № 50 за 19 апреля 1910 г., **Владимир Александрович Лебедев** (18?? –1947) – диплом за 10 июня 1910 г. и **Сергей Исаевич Уточкин** (номер диплома не выяснен) (1876–1916). До 1910 г. пилотов готовили не в России, а во Франции в авиашколах Фармана и Брелио (и в Италии). **Попов** в 1908 г. участвовал в арктической экспедиции на дирижабле «**Америко**» (Америка) (по другим сведениям **Попов** служил рулевым на дирижаблях французских BBC во время Первой мировой войны). Принято считать, что первыми русскими лётчиками были **Михаил Никифорович Ефимов**, получивший 21 января 1910 г. диплом пилота в школе **Фармана** во Франции и **Сергей Исаевич Уточкин** (первый полёт на самодельном аэроплане по конструкции самолёта **Брелио** он совершил 28 марта 1910 г., а 13 апреля 1910 г. лётчик-самоучка **Уточкин** сдал экзамен на пилота. Ранее, с 1907 г. **Уточкин** летал на воздушном шаре, а затем на планерах) (по материалам Интернета)

289> Davidson A. Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, 1998, P. 54–55.

290> Davidson A. Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, 1998, P. 67.

291> Davidson A. Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, 1998, P. 67.

292> Деньги **Едрихину** на поездку дал вероятно Московский губернатор Великий князь **Александр Михайлович Романов**.

293> Полное название полка – 38-й пехотный Тобольский генерала графа Милорадовича полк. До 1910 г. 38 пехотный Тобольский полк дислоцировался в Варшавском военном округе, а в 1910 г. полк был переброшен в Московский военный округ. Штаб полка дислоцировался в Нижнем Новгороде.

294> 37-й пехотный Екатеринбургский полк с 1880-х годов был расквартирован в Нижнем Новгороде.

295> Полное название полка – 16-й Гренадёрский Мингрельский Его Императорского Высочества Великого Князя Дмитрия Константиновича полк. Входил в состав Кавказской Гренадёрской дивизии и был расквартирован в Тифлисе. Интересно, что его последним командиром в сентябре-декабре 1917 г. являлся полковник **Шапошников Борис Михайлович** – будущий маршал Советского Союза, начальник штаба Рабоче-крестьянской Красной Армии (ПККА).

296> Полное название полка – 1-й лейб-grenadёрский Екатеринславский Императора Александра II полк. Входил в состав 1-й Гренадёрской дивизии и был расквартирован в Москве.

297> Грибский К.Н. (1845–19??), закончил Павловское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Генерал-лейтенант, военный губернатор Амурской области, командующий войсками и наказной (назначенный) атаман Амурского казачьего войска (Список генералов по старшинству на 1 мая 1901 г. СПб. С. 351).

298> РГВИА, ф. 401, д. 5, л. 41. (О составе курсов Восточных языков.)

299> Kandyba-Foxcroft E. Russia and the Anglo-Boer War, 1981, P. 219.

300> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 198.

301> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 201.

302> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 218.

303> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 278.

304> РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 51100, послужной список № 186 (1915 г.)

305> РГВИА, ф. 409, послужной список 2672 (1907 г.) штабс-капитана 1 лейб-Гренадёрского Екатеринославского Императора Александра II полка **Дрейера**.

306> Экипаж – в военном флоте – береговая часть, служащая для пополнения корабельных команд (флотский экипаж) или портовых и вспомогательных команд (ластовый экипаж). Экипаж приравнивался к полку сухопутных частей и делился на роты (от ста до двухсот человек).

307> Гардемарин (фр. Garde-marine) – в данном случае звание установленное **Петром I** для воспитанников старших рот Морской академии при направлении на практику.

308> Мичман – в данном значении первый офицерский чин в ВМФ дореволюционной России.

309> Корвет (фр. Corvette) – в данном значении – корабль для выполнения охранных и разведывательных задач. Исторически корвет означал трёхмачтовый военный корабль средних размеров, предназначенный главным образом для разведывательной и посыпочной службы. В современном российском флоте корабль данного класса именуется **малым сторожевым кораблём**.

310> Государственный военно-морской архив (Санкт-Петербург)

ф. 406, оп. 7, д. № 465, лл. 112–116.

311> Государственный военно-морской архив, ф. 873, оп. 17 (1897 г.), д. № 635, л. 1.

312> Новое Время. 13 (26) декабря 1900 г. № 8908.

313> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 219–222.

314> Интересно, что дочь **Александра Гучкова – Гучкова-Трейл Вера Ивановна** (р. 1906) жила сначала в эмиграции во Франции и с 1932 г. была членом французской компартии. С 1935 г. была замужем за английским коммунистом **Робертом Трейлом**, позднее погибшим во время Гражданской войны в Испании. В 1936–1937 гг. была в СССР, участница «дела Райса». В 1939 г. была интернирована французскими властями, во время оккупации Франции была помещена в концлагерь, откуда бежала в Португалию. С 1941 г. жила в Лондоне, где работала на радиостанции Би-Би-Си. В 1960-е годы посещала СССР. Она долгое время (с 1932 г.) работала на советскую разведку, но позднее прекратила сотрудничество, и в старости называла коммунизм «иррациональной идеей». **Гучкова-Трейл** скончалась в Англии в 1987 г. (по материалам Интернета).

315> Davidson A. Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, 1998. P. 41–42.

316> Новое Время. 19 октября (1 ноября) 1900. № 8853.

317> The Harrismith News. 27 октября 1900 (по материалам Интернета).

318> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 274.

319> Видимо, имелось в виду пока не найденное в РГВИА (возможно позднее уничтоженное по приказанию военного министра)

письмо подпоручика **Леонида Семёновича Покровского** военному министру генерал-лейтенанту **Куропаткину**.

320> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 275–276.

321> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, л. 243.

322> Davidson A. Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, 1998, P. 42.

323> РГВИА, ф. 401, оп. 5, д. 308, л. 233. (О личном составе курса Восточных языков).

324> Курляндия – ныне – часть территории Латвии. Соответственно **Евгений Фёдорович Августус** скорее всего был прибалтийским немцем или латышом.

325> РГВИА, ф. 409, оп. II, д. № 46053 послужной список 678/а. Штабс-капитана 30-го Сибирского стрелкового полка **Августуса** составлен 10 августа 1911. (По некоторым, но пока не подтверждённым в РГВИА данным, **Евгений Фёдорович Августус** во время Первой мировой войны имел чин подполковника).

326> Эстандарт-юнкер – в регулярной императорской кавалерии звание, присвоенное нижним чинам, выполнившим все условия производства в офицеры и ожидающим производства на вакансии. Звание эстандарт-юнкер соответствовало подпрапорщику. В 1903 г. данное звание было упразднено.

327> Вероятно это **Романовский Г.Д.** (1877–?). С 27 февраля 1914 г. – генерал-майор. С 21 февраля 1911 г. по 24 октября 1915 гг. – военный агент в Болгарии. Участник Первой мировой войны. С августа 1917 г. – генерал-лейтенант. С 29 ноября 1917 г. – распоряжение Начальника Генерального штаба. Участник белого движения.

328> РГВИА, ф. 409, оп. II, послужной список 4297. Об увольнении

нии от службы подполковника графа **Комаровского** 17 мая 1911 – 28 сентября 1911 г. 23 листа.

329> Он являлся старшим сыном Томского вице-губернатора **Виктора Ксаверьевича Бискупского** (1839–1899) и **Елены Васильевны** урождённой **Римской-Корсаковой** (1857–1931). **Василий Викторович Бискупский** окончил 2-й Императора Петра Великого Кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище «с занесением имени на мраморную доску» (1897 г.) (Монархист (газета), № 61, 2007.).

330> Нахичеванский Гуссейн Али (1863–1919). Хан, генерал от кавалерии. Генерал-адъютант. Активный участник русско-японской и Первой мировой войны, В 1914 г. командовал 2-й кавалерийской дивизией в армии генерала **Ренненкампфа**. Его нерешительность (к примеру, после победы при Гумбиннене 7(20) августа) неоднократно приводила к тому, что полная победа ускользала. Был отстранён от командования за неудачу восточно-прусской операции, затем командовал гвардейскими кавалерийскими корпусами – командующий 2-й кавалерийской дивизией (1914 г.), 2-м (1914–1915 гг.) и гвардейским (1916–1917 гг.) кавалерийскими корпусами. Генерал от кавалерии (1916 год), с 1918 г. в эмиграции в Париже.

331> РГВИА, ф. 135, оп. 2; д. № 145.

332> РГВИА, ф. 3543, оп. 1, д. 3148, л. 8 об, 9. (Официальная справка из РГВИА направленная **Г.В. Шубину**, № 1495 от 5 октября 2001 г.)

333> Монархист (газета). № 61. 2007.

334> Монархист (газета). № 61. 2007.

335> Все члены семьи **Романовых** ещё в 1917 г. официально отказались от права на русский трон. По некоторым сведениям Именем **Бискупский** убедил великого князя объявить себя самопровозглашённым царём **Константином I**.

336> Монархист (газета). № 61. 2007.

337> Монархист (газета). № 61. 2007.

338> По материалам сети Интернет.

339> Гражданская война в России (1917–1922 гг.) (напрямую её поддерживали 18 государств мира) принесла огромные бедствия. От голода, болезней, братоубийственной резни и в боях погибло (по различным данным) от 8 до 13 млн человек. Эмигрировало к концу Гражданской войны более 2 млн человек (и ещё до полутора миллиона к 1929 г. – в основном городских жителей). Ущерб, нанесённый народному хозяйству, составил около 50 миллиардов золотых рублей (для сравнения доходы бюджета в 1913 г. составили чуть более 3 миллиардов золотых рублей), промышленное производство упало до 4–20% от уровня 1913 г., сельскохозяйственное производство сократилось почти вдвое. Для сравнения доходы России в 1913 г. составили 3 миллиарда 415 миллионов золотых рублей (прирост за год на 309 миллионов) и прирост за 10 лет на 1 миллиард 388 миллиона рублей. При этом: В 1867 г. обыкновенные доходы составляли 416 миллионов рублей, суммы же в 1 миллиардов 415 миллиона они достигли только в 1897 г. то есть через тридцать лет. Второй миллиард достигнут был в обычных доходах в 1908 г. или через 11 лет. Третий миллиард в тех же доходах достигнут в 1913 г. или через пять лет, так как в этом году обычных доходов поступило 3 миллиардов 415 миллионов рублей (Из которых 900 миллионов рублей были получены за счёт казённой монополии на водку, а в свою очередь расходы на её производство составили 200 миллионов рублей) (*Владимир Владимирович Коковцов (1853–1943) Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Книга 2. М., Наука, 1992. С. 309–312*). (**Коковцов** начал свою карьеру в министерстве юстиции, потом служил по тюремному ведомству. С 1890 г. переходит в государственную канцелярию, где занимает должность статс-секретаря по департаменту государственной экономики. В 1896 г. **Коковцов** был назначен товарищем министра финансов. В 1902 г. – государственный секретарь, а в 1896–1902 гг. – товарищ министра финансов, затем в 1902–1904 гг.

– заместитель министра финансов Российской империи, затем в 1904–1914 гг. (с перерывом) – министр финансов и одновременно в 1911–1914 гг. – Председатель Совета министров. Именно **Коковцеву**, а не **Витте** или **Столыпину** Российская Империя была во многом обязана своим быстрым экономическим развитием до Первой мировой войны). Добавим к этому, что перед Первой мировой войной в России ежегодно строилось по 1750 км железных дорог, а с начала 1915 г. по начало 1917 г. строилось по 3400 км железных дорог в год (*General Gourko. Memories and Impressions of War and Revolution in Russia 1914–1917* г. L. Jonh Murray, Albemarle Street, W. 1918. P. 212.) Однако средний размер крестьянского землевладения в России в начале XX в. равнялся чуть более шести гектаров на крестьянскую семью (необходимо было в два раза больше), в то время как среднее помещичье землевладение равнялось более чем 370 гектарам (то есть в 60 с лишним раз больше) и при этом лишь 10% помещичьих земель использовалось для сельского хозяйства. При этом страна экспорттировала (в зависимости от урожая от 25 до 40% мирового экспорта зерновых) и давала около 50% мировой нефтедобычи. Но 14% расходов казны шли на содержание чиновников, не считая военных и прочих расходов (в два – три раза больше, чем в развитых европейских странах). Не стоит забывать, что быстрое экономическое развитие Российской империи было обусловлено 2% ежегодным приростом населения, то есть обилием сверхдешёвой рабочей силы. При этом в 1904–1914 гг. сотни ведущих преподавателей и профессоров русских университетов (включая великого **Менделеева**) были уволены или были вынуждены уйти в отставку из-за жёсткого внутреннего курса самодержавной власти изгонявшей либеральных преподавателей из высших и средних учебных заведений, что подорвало профессионально-техническое образование в Российской империи. Не удивительно, что многие из них в марте 1917 г. поддержали свержение уже фактически мёртвого самодержавия, чей бюрократический аппарат разложился полностью за два с половиной года войны.

– Прим. авт.- сост.

340> В одной из книг говорилось: «**Волковский** был мой земляк по губернии и уезду. Это был пожилой человек, уже лет под пять-

десят, с полуседой бородой, весь увешанный крестами и медалями. Он был участником-добровольцем англо-бурской, китайско-японской войн» Марков А.Л. «В Ингушском Конном Полку» Париж. 1957. – книга о «Дикой дивизии» – Кавказской Конной Туземной Дивизии воевавшей на фронтах Первой мировой и Гражданской войны).

341> Так в ряде исторических книг упоминается прaporщик **Гогосов** – сражавшийся в Первую мировую войну в составе отдельного кавказского кавалерийского корпуса генерала **Баратова Н.Н.** на Персидском фронте. **Гогосов** по данным его послужного списка принимал участие в войнах: турецко-греческой 1897 г., итalo-абиссинской 1897 г., англо-бурской (в 1899), в походе в Китай (в 1900), русско-японской (в 1904 г.) (Стрелянов П.Н. Корпус генерала **Баратова**. М. 2002. С. 79).

Во всемирной паутине встретилась следующая заметка: Завершилась краеведческая экспедиция «Отечество», посвящённая 110-летию посёлка Мостовского. В творческом отчёте приняли участие юные краеведы и экологи из двадцати школ района. Самыми многочисленными были выступления по направлению «Летопись родных мест». Один из учеников показал старинные фотографии, хранящиеся в их семье, и рассказал об удивительной биографии своего прадеда – участника англо-бурской войны. Газета «Кубанские новости». 12 мая 2004.

342> В эфире радиостанции «Град Петров» (в Петербурге) (3 декабря 2009 г.) прошла встреча с вдовой академика **Сергея Сергеевича Аверинцева** (1937–2004) – филолога, крупнейшего специалиста по позднеантичной и раннехристианской эпохам, поэзии Серебряного века.

... Как-то в частной беседе **Сергей Сергеевич** рассказывал о своем дедушке, который был еще крепостным в начале своей жизни и потом работал железнодорожником. А вот папа выбился из разночинцев в профессора, и он характеризовал его такой фразой: «Человек, дорвавшийся до культуры». Его отец много путешествовал, участвовал в Англо-Бурской войне.

Н.П.Аверинцева: Да, его отец был студентом II курса, когда началась эта война, и, можно сказать, убежал, потому что его бы офи-

циально не отпустили. Воевал, конечно, на стороне буров, очень быстро разочаровался и ушёл, пройдя довольно значительную часть Африки, не знаю, как и на чем он добирался. Успел многое повидать. Потом он вернулся и окончил Петербургский университет. После этого совершенствовался, заканчивая образование в Хайдельберге (Гейдельбергском университете). Мы недавно получили копию его диплома. Потом он был приглашён в Африку на какую-то биологическую станцию, но по дороге на палубе корабля он сломал ногу, так и не доехав до места своего назначения. Он остался на биологической станции где-то в Северной Африке. Потом работал на биологической станции в Неаполе, много работал в Архангельске...

343> Русский листок. 20 декабря 1901.

344> Гражданин, 24 января 1902. № 7.

345> Davidson A. Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, 1998, P. 44.

346> О нём известно лишь, что финский швед **Эрнст Эдвард Линдбург (Линдберг) Ernst Ewart Lindburg (Lindberg)** был одним из 22 финнов (точнее в основном финских шведов) служивших на стороне буров. Он был одним из десяти служивших в скандинавском санитарном отряде (не совсем понятно – что это за отряд) и попал в плен вместе с отрядом **Кронье** при Паардеберге 27 февраля 1900 г. Он содержался на острове Святой Елены. Недавно на аукционе в сети Интернет всплыло его личное письмо посланное оттуда 17 октября 1901 г. в местечко Ваза (Vasa) в Финляндию (по материалам Интернета).

347> Davidson A. Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, 1998, P. 55–56.

348> Прасол – в дореволюционной России оптовый скупщик рыбы, мяса, скота, различного сельскохозяйственного сырья.

349> Новое Время. 22 июня (5 июля) 1902. № 9445.

350> В 1912–1913 гг. русский авиационный отряд добровольцев на четырёх самолётах французского производства **Фарман-VII** воевал на стороне Болгарии против турецких войск. Русские лётчики вели разведку, сбрасывали бомбы, фотографировали позиции противника, использовали самолёты для связи (по материалам Интернета).

351> Подробнее см. Окороков А.В. Русские добровольцы. Неизвестные войны XIX–XX веков. М. 2004.

352> Ромейко-Гурко В.И. Война Англии с Южно-Африканскими Республиками, 1899–1901 г. Отчёт командированного по Высочайшему повелению к войскам Южно-Африканских Республик Генерального штаба полковника **Ромейко-Гурко**, СПб., 1901 г. С. 313–314.

353> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 2, л. 183.

354> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 2, л. 189.

355> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 20.

356> **Кремер О.К.** (1829–1904), российский генерал. Вицеадмирал. Начальник Главного Морского штаба в 1888–1896 гг., затем председатель Главного Управления Российского Общества Красного Креста.

357> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 22.

358> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 6.

359> **Мария Фёдоровна** (1847–1928), российская Императрица, урождённая датская принцесса **Дагмары**, жена Императора **Александра III**, мать царя **Николая II**.

360> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 9.

361> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 3 (О помощи воюющим сторонам в Южной Африке).

362> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл. 1,1 об.

363> РГВИА, ф. 488, д. 1451, л. 31.

364> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл. 4,4 об.

365> Гирс Н.Н. – барон, советник российского посольства в Париже, затем посланник в Брюсселе. Сын министра иностранных дел России в 1882–1895 гг. Стоит сказать несколько слов и о его отце. **Гирс Н.К.** родился в 1820 г. Закончил Царскосельский лицей. **Гирс** был лютеранином по вероисповеданию и был женат на племяннице канцлера **А.М. Горчакова**. С 1838 г. работал в МИД Российской империи. С 1841 по 1849 гг. работал в консульстве в Молдавии, в Яссах. В 1849 г. в качестве дипломатического чиновника при русских войсках участвовал в подавлении венгерской революции. Затем продолжил работу в Бесарабии в качестве прикомандированного от МИДа к Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору. А с 1856 по 1858 гг. – генеральный консул в Египте. Пытался привлечь русских промышленников к вступлению во Всеобщую кампанию по постройке Суэцкого канала, но безуспешно. С 1858 по 1863 гг. – генеральный консул в Молдавии и Валахии. С 1863 по 1869 гг. – посланник в Персии, с 1869 по 1872 гг. – и.о. посланника в Швейцарии. С 1872 по 1875 гг. – посланник в Швеции. С конца 1875 г. – товарищ (заместитель) министра иностранных дел (канцлера князя **А.М. Горчакова**). С 1877–1878 гг. постепенно стал фактически исполнять обязанности министра иностранных дел, особенно после заключения 1 июля 1878 г. Берлинского трактата, ставшего дипломатическим поражением России. С января 1879 г. **Гирс** – статс-секретарь. Выступил за союз с Германией и лишь в дальнейшем переориентацию на Францию. С марта 1882 г. новый Император **Александр III** назначил его министром иностранных дел. На этом посту **Гирс** пробыл до 1895 г. При нём ухудшились отношения с Англией после попытки англо-индийским корпусом поддержать войска афганского эмира

Абуrrахман-хана 31 марта 1885 г. пытавшегося захватить туркменский город Мерв, присоединившийся в 1884 г. к Российской империи. Нападение крупного отряда было на реке Кушка отбито русскими войсками и войска хана были отброшены к Герату. Результатом этого было подписание в 1887 г. соглашения с Британией о разграничении линии границы Российской империи и Афганистана. Также ухудшились отношения с Болгарией объединившейся в 1885 г. с Восточной Румелией и одержавшей победу в войне с Сербией. В результате в 1887 г. принц **Фердинанд Саксен-Кобургский** (во многом ставленник англичан) был провозглашён болгарским князем. Россия из-за экономических трудностей проиграла влияние в Болгарии Англии, Германии и Австро-Венгрии, то есть во многом потеряла и политические преимущества на Балканах, доставшиеся ей столь дорожной ценой в 1877–1878 гг. **Гирс** однако, являлся стойким приверженцем мирного развития Российской империи, всеми силами стремился избегать военных столкновений с другими странами, для чего и придерживался сохранения *status quo* на Балканах и в Корее и Китае. Но его пронемецкая политика раздражала многих. Однако после воцарения в 1888 г. Германского Императора **Вильгельма II** стало ясно, что соперничество стран в области торговли и переход Германии в Тройственный союз с Италией и Австро-Венгрией оставляет только одну возможность – дружбу с Францией. И в 1888–1889 гг. Франция стала давать России первые займы. После того как Англия в 1891 г. намекнула о своём вступлении в Тройственный союз и Российская Империя пошла в августе 1891 г. на брак по расчёту, то есть на заключение союза с Францией. Но это было лишь прелюдией к секретной военной конвенции, заключённой в августе 1892 г. в первом проекте которого в случае мобилизации войск Тройственного союза, Россия должна была выставить против Германии 700 000 – 800 000 солдат из общего числа мобилизуемых в России и Франции в 1,6 миллионов человек. **Гирс** тянул с её ратификацией и подписал её только в декабре 1893 г. после принятия германским Рейхстагом нового военного закона. Он сказал, подписывая её «Я просил Господа Бога остановить мою руку, если вопреки всем предположениям, вопреки моему разумению этот союз должен стать пагубным для России». (**Гирс** справедливо полагал, что любая война грозит России револю-

цией). Также опасаясь будущего столкновения с Японией усиливавшейся после получения контрибуции с Китая. **Гирс** отмечал, что присутствие Японии в Южной Корее было особенно нежелательным, ибо выход из российских Восточно-Сибирских портов оказался бы в руках Токио. (То есть появился бы новый Босфор, которым бы командовала во многом Британия, предоставлявшая займы Японии). **Гирс** скончался 14 января 1895 г. (Очерки истории министерства иностранных дел России. Том третий. Биографии министров иностранных дел 1802–2002, **Гирс Николай Карлович**, министр иностранных дел Российской империи. С. 135–141).

366> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 1, лл. 86–89.

367> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 1, лл. 9.

368> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 1, лл. 8, 8 об.

369> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 1, л. 32

370> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 1, лл. 16, 16 об.

371> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 17.

372> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 27.

373> Решение об отправке в Эфиопию (Абиссинию) санитарного отряда было принято на заседании Главного управления Российского Общества Красного Креста 15 марта 1896 г. вслед за разгромом итальянских войск при Адуа (в этом сражении, проходившем в горной местности с эфиопскими войсками итальянцы потеряли убитыми, ранеными, пропавшими без вести и взятыми в плен 30 000 человек, также по некоторым сведениям именно в этом сражении хорошо показала себя частично стоявшая на вооружении эфиопов пятизарядная винтовка **Мосина** калибра 7,62x54 мм). К потраченным РОКК на экипировку и отправление отряда 100 000 рублей добавились много-

численные частные пожертвования из различных уголков России. Во главе санитарного отряда был назначен генерал-майор **Н.Е. Шведов**. Отряд в составе 61 человека за время командировки оказал медицинскую помощь почти 14 000 человек (По материалам Интернета).

374> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 65.

375> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 104.

376> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл. 19, 19 об.

377> РГВИА, ф. 12651, д. 1408, л. 31.

378> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл. 17, 17 об.

379> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл. 28, 28 об, 29. (РГВИА, ф. 12651, д. 1408, л. 34).

380> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, л. 54

381> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5. оп. 929, д. 6. л. 37.

382> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл. 38, 38 об, 39.

383> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, лл. 45, 45 об.

384> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 72–73.

385> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 76.

386> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 67.

387> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 83.

388> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 48.

389> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 12–13.

390> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 17.

391> Имеются в виду подъёмные – единовременное пособие, выплачиваемое военнослужащим, которые переезжают в порядке перевода на службу в другую местность.

392> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 66.

393> Рерберг П.Ф. – инженер-генерал военно-медицинской службы, начальник военно-медицинского управления военного министерства в 1890-х гг.

394> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 119–120.

395> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 128.

396> Финляндский лейб-гвардии полк являлся одним из старейших полков русской Императорской армии. Был создан в 1806 г. Расформирован, как и все гвардейские и лейб-гвардейские полки в 1918 г.

397> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 131.

398> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 147.

399> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 134. (И приписка: Исполнено в 10 1/2 утра 24 ноября 1899 г.)

400> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 23.

401> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 5.

402> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 24–25.

403> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 56

404> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 11.

405> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 15.

406> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 98.

407> Карс – исторически центр армянского Карского Царства, в XVI веке захвачен Турцией. Представлял собой сильную крепость и неоднократно штурмовался русскими войсками во время войн с Турцией в XIX веке. Безуспешно в 1807 г. Успешно – в 1828 и 1855 гг. (сдался после пятимесячной осады) и в 1877 г. После войны 1877–1878 гг. – отошёл в состав России. В 1918 г. был занят турецкими войсками. В том же году был занят армянскими вооружёнными отрядами. По Карскому мирному договору вошёл в состав Турции.

408> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 59.

409> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 32.

410> Гельсинфорс – шведское название столицы Финляндии города Хельсинки.

411> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 37. На документе имеется приписка: Иметь в виду. **Кремер**.

412> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 41.

413> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 88.

414> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 100.

415> Уральск – ныне город с тем же названием в западном Казахстане.

416> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 89–90.

417> Фон Будберг – немецкий баронский и дворянский род, с XVIII в. – в Прибалтике.

418> Юрьев – ныне город Тарту (Эстония).

419> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 94.

420> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 39.

421> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 140.

422> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 141.

423> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 104.

424> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 84.

425> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 82.

426> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 43.

427> Седлец – ныне город Седльце (Польша).

428> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 210.

429> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 69–70.

430> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, л. 116.

431> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 78.

432> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 197–198.

433> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 145.

434> Акциз – косвенный налог, преимущественно на товары широкого внутреннего потребления (спички, табак, соль, спиртные напитки).

435> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 123–124.

436> Кавалергарды (фр. cavalier – всадник и garde – охрана) – изначально с 1724 г. – почётная стража русских Императоров, а в XIX – XX вв. – наиболее привилегированные конные части русской армии. Отличались белой формой, белой каской и кирасой. Были расформированы, как и все части русской армии в 1918 г.

437> Видимо это граф **Граббе Д.М.** (1874–1927). Сын графа полковника **Граббе М.П. и Хомяковой А.А.** О судьбе данного офицера мало что известно, за исключением того, что он скончался в Париже. А через год после его смерти вышла переведённая им с французского книга *Ф.Бренье «Евреи и Талмуд»*. (Один из графов **Граббе** в чине генерал-майора во время Первой мировой войны командовал Царским конвоем, другой активно участвовал в Гражданской войне на стороне Белого движения и затем эмигрировал, но был ли кто-нибудь из них **Дмитрием Михайловичем Граббе** – пока не установлено). Возможно, о нём имеются материалы в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, ф. 612, ф. 627 **Граббе** – генерал-майор.

438> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 113. Приписка: Внести в список кандидатов О.Кремер. 26 октября.

439> Геруа А.В. (1870–1944?) – позднее – генерал-лейтенант, военный писатель, образование получил в Пажеском Его Величества корпусе (1891 г.) и в Николаевской академии Генерального штаба (1898 г.) Выпущен в 1891 г. в офицеры подпоручиком в лейб-гвардии

Егерский полк. В 1898 г. по окончании Николаевской академии Генерального штаба был произведён в штабс-капитаны с переименованием в капитаны Генерального штаба. Участвовал в кампании 1904–1905 гг. в качестве штаб-офицера при управлении 5-й стрелковой бригады, был ранен и за боевые отличия получил орден Святой Анны 3 степени с мечами и Бантом, Святой Анны с мечами и бантом 4 степени с надписью «За храбрость», чин полковника и золотое оружие. В 1907 г. опубликовал военно-теоретическую работу «К познанию армии». В 1907 г. – командир батальона лейб-гвардии Егерского полка. В 1907–1909 гг. – начальник отделения Главного Штаба. В 1909–1911 гг. – был прикомандирован к Главному управлению Генерального штаба. В 1911–1912 гг. – начальник штаба 22-й пехотной дивизии. В 1910–1912 гг. **Геруя** состоял членом военно-исторической комиссии по описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. с апреля 1910 по август 1911 г. состоял членом редакции Военной энциклопедии. Кроме журнальных статей **Геруя** наиболее известны (до революции) отдельно изданные им книги: «Суворов – солдат 1742–1754 (по архивным данным)»; «После войны о нашей армии» (2 издание СПб. 1906 г. и 1907 г.); «К познанию армии» (СПб. 1907) и «Бородино» (СПб. 1912). Военная энциклопедия. 1912 г. Т. VII. С. 298.) В 1912–1914 гг. – командр 7-го Финляндского стрелкового полка. С февраля 1914 г. по 25 января 1915 г. – командр Лейб-гвардии Волынского полка. В январе – октябре 1915 г. – генерал-квартирмейстер штаба 5-й, затем 12-й армии. В октябре 1915 г. – октябре 1916 г. – командующий 38-й пехотной дивизией. С октября 1916 г. – и.д. начальника штаба 2-й армии. Был начальником Балтийского сухопутного отряда. С 7 июля 1917 г. – командр 18-го армейского корпуса, затем – начальник штаба Румынского фронта. С конца 1917 г. сотрудничал с большевиками для противодействия немецким войскам. Был начальником штаба Северного участка Петроградского района (при генерале **А.В. Шварце**). Не приняв условия Брестского мира, стал вести активную нелегальную антибольшевистскую работу, переправляя офицеров в белые войска Северного фронта, являлся одним из руководителей Союза возрождения России. 25 марта 1918 г. был уволен в запас, а летом 1918 г. уехал на юг России. С октября 1918 г. – представитель при руководителе французской военной миссии генерале

Берто. С октября 1919 г. – начальник миссии Вооружённых сил юга России в Бухаресте. С апреля 1920 г. – военный представитель Главного командования и великого князя **Николая Николаевича Романова** в Румынии. После поражения белых армий остался в Румынии и состоял в Зарубежном союзе русских военных инвалидов и руководил отделением данного Союза в Румынии. В 1923 г. опубликовал в Софии (Болгария) военно-теоретическую работу «Полчища» в которой ратовал за малую профессиональную армию и выступал против всеобщей воинской повинности. После вступления советских войск в Бухарест в 1944 г. был арестован сотрудниками военной контрразведки СМЕРШ и вывезен в СССР. Видимо позднее **Геруя** был казнён или умер в тюрьме. (Возможно, о нём имеются материалы в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, ф. 137; ВИМ 369 **Геруя А.В.**)

440> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 71.

18> Статс–Дама (от нем. Staat – государство), в России придворный чин, старшая придворная дама в свите Императрицы или Великой Княгини.

441> РГВИА, ф. 12651, д. 1392, л. 72.

442> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 78.

443> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 108.

444> РГВИА, ф. 12651, д. 1393, л. 110.

445> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 6, л. 72.

Оглавление

Русский отряд Ганецкого	3
Мария З. Как я была добровольцем в Трансваале	75
Нико Багратион у буров.....	133
Некоторые итоги относительно участия добровольцев из тогдашней Российской Империи в англо-бурской войне.....	274
Санитарный отряд Российского Общества Красного Креста.....	242
Сноски.....	400

Table of contents

Russian Squadron of Captain Ganetsky.....	3
Maria Z. How I was a Volunteer in Transvaal	75
Prince Niko Bagration on the Boer Side	133
Some Conclusions about Participation of Volunteers from the then Russian Empire in the Anglo-Boer War	242
Russian Red Cross Detachment	242
Footnote.....	400

**Англо-бурская война
1899–1902 годов
глазами российских подданных**
В 13 томах. Т. 8.

Авторы-составители:
к.и.н. Шубин Геннадий Владимирович,
к.и.н. Воропаева Нина Георгиевна,
к.и.н. Вяткина Руфина Рудольфовна,
Хритинин Владимир Юльевич,
д-р Ян Либенберг.

Ответственный редактор
к.т.н. полковник Панкратов Владимир Николаевич

Редактор
Субботина Елена Васильевна

Компьютерный набор
Поленкова Марина Николаевна
Шубин Геннадий Владимирович

Компьютерная вёрстка и обложка
Рудакова Елена Евгеньевна

Технический редактор *И. Б. Белый*

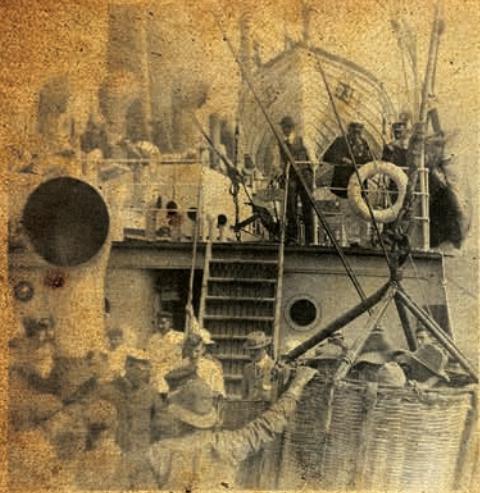
Издатель И. Б. Белый

www.membook.ru
info@membook.ru

Подписано в печать 14.05.2012.
Формат 60x84/16. Бумага писчая.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 27,78.
Тираж 100 экз. Заказ № 26.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «CherryPie»
www.cherrypie.ru
Телефон/факс: +7 (495) 604 4154.
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д.12.

Том 8

Русский отряд Ганецкого.

Мария З. Как я была добровольцем в Трансваале.

Нико Багратион у буров.

Некоторые итоги относительно участия добровольцев из тогдашней Российской Империи в англо-бурской войне.

Санитарный отряд Российского
Общества Красного Креста.